

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

С. Б. БЕРНШТЕЙН

РАЗЫСКАНИЯ
В ОБЛАСТИ
БОЛГАРСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. Б. БЕРНШТЕЙН

РАЗЫСКАНИЯ
В ОБЛАСТИ
БОЛГАРСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Т о м I

*ЯЗЫК ВАЛАШСКИХ ГРАМОТ
XIV—XV ВЕКОВ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Н. С. ДЕРЖАВИН

Памяти
Афанасия Матвеевича
СЕЛИЩЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение древних памятников болгарского языка, отражающих состояние народных говоров различных эпох, представляет в настоящее время одну из актуальных задач болгарского языковедения. Таких исследований мало, а без них невозможно воспроизвести общую историю болгарского языка. Все попытки создания такой истории пока были неудачными (например, труды Б. Цонева, С. Младенова и др.). Мы очень плохо знаем народные говоры до XVII столетия. Старые церковные памятники письменности сравнительно мало дают для характеристики народного языка. Памятников же светских почти не сохранилось. Тем не менее болгаровед располагает некоторыми источниками, которые содержат драгоценные сведения о живом языке до XVII в. Это знаменитая „Троянская притча“, язык чергедских молитв, данные соседних языков (главным образом румынского), топонимия и, наконец, богатая валашская дипломатика. К сожалению, в этих областях болгароведы потрудились мало.

Наше исследование посвящено изучению языка древнейших валашских грамот (до конца правления Раду IV Великого, т. е. до 1508 г.). Это изучение дает возможность представить язык славянского населения Валахии XIV—XV вв., которое ближайшим образом было родственным славянскому населению Мизии, Балкан, Фракии, Македонии, Северной Греции и средней и южной Албании. Оно обнаруживает богатый материал для установления хронологии многих важных процессов болгарского языка. Оно же показывает на многочисленных примерах ошибочность многих старых концепций, которые часто защищаются и ныне. Полагаю, что это исследование даст материал

историку румынского народа и языка для объяснения генезиса славянских элементов во всей национальной культуре современной Валахии. На некоторых вопросах славяно-румынских этнических и языковых отношений мы останавливаемся в третьей главе нашего исследования.

„Язык валашских грамот XIV—XV веков“ представляет собой первый том наших разысканий в области изучения славянских говоров Валахии. Второй том будет посвящен анализу славянской топонимии Валахии и древнейшим славянским элементам в современных валашских народных говорах. Эти источники содержат ценный материал для суждения о славянских говорах XII—XIII вв.

Свой труд посвящаю памяти проф. А. М. Селищева, под руководством которого проходила моя подготовка в области славянской филологии и балкановедения. Исследование выходит в издании Института славяноведения Академии Наук СССР. Свидетельствую директору его, академику Б. Д. Грекову, свою глубокую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Много народов различного происхождения издавна населяли Балканский полуостров. Здесь возникла одна из величайших культур древности — культура эллинов, здесь происходили разнообразные передвижения и смещения народов, стоящих на различных ступенях культуры. Балкановеду приходится решать много этнических загадок. Ученые и общественные деятели Греции, Рима и Византии могли бы сообщить нам много поучительного и ценного о языках племен, с которыми им приходилось сталкиваться. Но даже самые просвещенные люди того времени не интересовались ими. „Греки, — справедливо писал А. Мейе, — находились в тесных сношениях со множеством других народов, чьи языки имели с их языками поразительные черты сходства; но греки не обращали на чужие языки никакого внимания и если и замечали совпадения, то видели в них лишь странные случайности и из этих разрозненных наблюдений не выводили никакой теории. Происшедшая от этого потеря огромна и непоправима: ведь греки могли наблюдать и описать языки, впоследствии исчезнувшие бесследно или же сильно изменившиеся в дальнейшем... Единственным языком, ими изучавшимся, был язык их народа, и в этом деле они во многих отношениях достигли больших успехов“.¹ Этот справедливый упрек французского лингвиста может быть отнесен также к Риму и Византии. Много ценного для характеристики варварских народов Европы находим в сочинениях Цезаря, Тацита, Плиния, Прокопия Кесарийского и многих других авторов. Но о языках варваров в этих сочинениях

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 445

нет никаких сведений. Авторы были, видимо, убеждены, что эти сведения не могли представлять никакого интереса.

Такое отношение к различным языкам характерно было не только для греков и римлян. Из среды македонян, фракийцев вышло немало замечательных ученых и государственных деятелей. Но и они, усвоив греческую культуру, разделяли с греками пренебрежительное отношение ко всем языкам и в том числе к своему родному. Только этим можно объяснить на первый взгляд тот странный факт, что мы почти ничего не знаем о языке балканского народа, которому удалось создать величайшую империю древности, — о языке македонском.

Итак, в течение многих столетий из всех балканских языков предметом научного исследования был только древнегреческий язык. Не только в средние века, но и в новое время никто не интересовался живыми балканскими языками. Даже новогреческим языком не занимались, так как видели в нем лишь испорченный язык древней Эллады. Все это объяснялось общим состоянием науки о языке.

Интерес к истории, культуре и языкам народов Балканского полуострова пробудился в XVIII в. В связи с развитием национально-освободительного движения у балканских народов рождается глубокий интерес к своей отечественной истории и родному языку. Свое право на самостоятельное национальное существование они доказывают не только восстаниями. Появляются „будители духа народного“, которые в сочинениях о судьбах своего народа рассказывают о прошлом его величии. Эти сочинения имели большое политическое значение. Таким сочинением была известная славяно-болгарская история Паисия Хиландарского (1762 г.), в которой автор описывал прошлое величие болгарских царей, воспевал славу болгарского оружия, во времена Симеона или Асеня II заставлявшего трепетать самые могущественные народы Балканского полуострова, негодовал на тех „неразумных болгар“, которые забыли свой народ, с презрением относились к его прошлому и настоящему. Естественно, что все авторы таких сочинений много внимания уделяли этногенетическим вопросам. Каждый из них стремился доказать особую древность своего народа, связать историю его с историей Греции и Рима. Сочинение Паисия скорее

было публицистическим, нежели историческим трудом. Подобного рода сочинения сравнительно в большом числе были и у румын, в которых последовательно проводилась всегда одна мысль — румыны являются потомками римских колонистов древней Дакии. В конце XVIII в. Трестер, житель г. Сибиу, писал: „Несмотря на жалкую жизнь этого валашского населения в Трансильвании, все-таки опытный любитель старины может увидеть в нем живой тип древних римлян... Все приведенные до сих пор данные неопровержимо доказывают, что румыны должны считаться потомками Траяновых колонистов, которые своими нравами, языком и одеждой самым лучшим образом отражают, словно в Вергилиевой буколке, римскую знать, почему всякий уловит в них римскую старину“.¹

В первой половине XIX в. в связи с успешным развитием новой науки — сравнительного и исторического языкознания — усиливается интерес к живым балканским языкам и прежде всего к болгарскому.

В этом отношении очень важными для науки были сочинения Копитара, Миклошича, Григоровича, Билярского и многих других ученых, среди которых русским ученым принадлежит почетное место.

Начало интенсивного изучения болгарского языка (говоров, памятников, литературного языка) падает на 90-е годы XIX в. Впервые в этой работе начинают принимать участие молодые болгарские лингвисты, среди которых особенно выделялись Л. Милетич и Б. Цонев. За три десятилетия этими учеными и их учениками было сделано очень много. Немало было сделано в области болгарского языкознания и иностранными славистами (главным образом русскими). И тем не менее ни один из славянских языков не представляет такого количества неразрешенных вопросов, как болгарский язык. Это обнаруживается особенно наглядно тогда, когда исследователь от изучения отдельных специальных вопросов переходит к решению синтетических задач. В этом случае история болгарского языка превращается в механическое соединение

¹ А. Яцмирский, Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. „Памятники древней письменности и искусства“. CLXII, 1906, стр. XVIII—XIX.

разнородных явлений, данные современных говоров сопоставляются с отдельными фактами из произвольно избранных памятников, история языка в конце концов сводится лишь к внешней истории. Все эти недостатки характерны не только для первых исторических опытов А. Калины и П. А. Лаврова, они в той же степени присущи общим трудам по истории болгарского языка Б. Цонева и С. Младенова.

В 1929 г. вышла в свет „Geschichte der bulgarischen Sprache“ профессора сравнительного языкознания Софийского университета Стефана Младенова. И эта работа наглядно показала всем историкам болгарского языка, что время для общего синтеза еще не наступило. Автору не удалось решить поставленную задачу не только потому, что в своем сочинении он опирался на методы, уже отвергнутые новейшим языкознанием, а задачи исторические пытался решить лишь приемами сравнительного сопоставления фактов из различных эпох. Для создания подлинно научной истории болгарского языка мы пока все еще не располагаем достаточным количеством фактов, отдельных наблюдений, точных и надежных сопоставлений. Слишком скудны и фрагментарны наши сведения о состоянии болгарских говоров не только в эпоху первого болгарского государства, но и позднее (вплоть до XVI в.). Далекое не полны наши знания современных болгарских говоров. Не исследованы до сих пор многие памятники, отражающие состояние говоров в различные периоды. Болгароведы хорошо понимают это и поэтому все свое внимание уделяют изучению отдельных частных проблем. За последние 15 лет появилось много ценных исследований. Вышли новые труды А. М. Селищева, А. Мазона, Ц. Тодорова, К. Мирчева и других исследователей, которые сообщили много ценных фактов и наблюдений, важных для решения отдельных вопросов исторической диалектологии. Не могли не сказаться в науке о болгарском языке те новые методологические искания, которые характеризуют современное языкознание. Была показана вся ограниченность националистических концепций Л. Милетича, Б. Цонева и их последователей. Выяснилось, что только на почве сопоставления болгарского языка с языками „балканского союза“ могут быть вскрыты и исследованы процессы, которые привели

к формированию важнейших отличительных черт новоболгарского языка. Вновь воскресла старая „фракийская“ теория, одним из первых сторонников которой был знаменитый Ф. Миклошич. Но в трудах П. Скока, Б. Гавранка, М. Малэцкого и других балкановедов нашего времени она получила дальнейшее развитие, положив научную основу не только для сравнительного изучения современных балканских языков, но и для изучения тех балканских языков, которые уже давно исчезли, не сохранив письменных памятников. Не исключена возможность, что загадка фракийского языка будет решена не специалистами в области античных языков, палеографии и эпиграфики, а теми балкановедами, которые занимаются сравнительным изучением живых балканских языков, преемственно сохраняющих до сих пор многие черты уже исчезнувших языков. Балкановеды старой школы (в большинстве своем ученики и последователи Г. Вейганда) много сделали для сравнительного изучения живых балканских языков.¹ Но исходя из мысли, что балканские народы в древности находились в таких же взаимоотношениях, в каких они находятся в настоящее время, они не смогли решить основные задачи балканской лингвистики. Исследуя общие особенности в балканских языках, они видели в них лишь результаты простого заимствования.

Подобные сравнительно-лингвистические исследования уже давно вызывали к себе критическое отношение со стороны многих трезвых исследователей.

Иначе к решению этих вопросов подходят многие современные балкановеды, учитывающие достижения теории субстрата.

В общих особенностях балканских языков они видят не результат заимствования, а следствие общности происхождения балканских народов. Они полагают, что балканские народы возникли в результате смешения различных пришлых племен с местными фракийскими племенами. Эти племена, усваивая новую речь (славянскую или романскую), приспособливали ее к своим привычным артикуляциям, к своему

¹ См. книгу Kr. Sandfeld, *Linguistique balkanique*, P., 1930, и библиографию к ней.

родному грамматическому „мышлению“. В результате этого сложного процесса возникли современные балканские языки (болгарский, румынский, албанский, новогреческий), различные по материалу, но близкие по структуре. Именно так понимает задачи балканской лингвистики чешский славист проф. Б. Гавранек, который напечатал весьма ценную работу „Zur phonologischen Geographie (Das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes)“, „Archives néerlandaises de phonétique expérimental“, t. VIII—IX, 1933. Автор пытается установить фонетическую систему „балканского языкового союза“, т. е. тех языков, которые возникли на общем балканском субстрате.

В том же направлении ведут свои наблюдения славист и балкановед М. Малёцкий (см. „Systemy wokalne języków balkaniskich“, „Sprawozdania Polskiej Acad. Umiej...“, XXXVIII, 8; то же по-французски — „Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres“, 1933, p. 156—160) и хорватский романист П. Скок, автор многочисленных работ по вопросам балкановедения (см., например, его работу „О бугарском језику и свјетлости балканистике“, „Јужнословенски филолог“, т. XII, 1933, стр. 73—146). С 1934 г. под редакцией П. Скока и М. Будимира выходит в Загребе на французском языке журнал „Revue internationale des études balkaniques“. О большом интересе к вопросам балканистики свидетельствуют материалы III международного съезда славистов, который должен был состояться осенью 1939 г. в Белграде. В „Саопштенима и рефератима“ съезда находим специальную „балканолошку секцију“, где дано краткое изложение предполагавшихся докладов. В исследованиях Гавранека, Скока и их последователей балканизмы изучаются с учетом тех реальных взаимоотношений, в которые вступили балканские языки между собой. Исследователи пытаются установить систему балканского языкового субстрата, лежащего в основе „балканского языкового союза“.

Большинство болгарских лингвистов относилось (и относится до сих пор) неодобрительно ко всяким сравнительным исследованиям балканских языков. Выдающийся исследователь болгарского языка проф. Л. Милетич посвятил целый ряд

работ тому, чтобы доказать исконность одних балканизмов (например, членной формы), внутреннюю закономерность других (например, утраты падежных флексий). Совсем недавно (в 1939 г.) проф. С. Младенов напечатал критическую статью, в которой решительно выступает против балканистики и сравнительного изучения балканизмов. „Платье так называемой балканистики или балканской филологии, — пишет Младенов, — является в сущности шутовским, одеждой, сшитой из маленьких кусочков только что упомянутых обширных научных дисциплин. Эти разноцветные тряпки плохо сшиты белыми нитками или, еще точнее, они даже и не сшиты и не образуют ничего цельного, потому что и соответствующие языки и народы никогда не образовывали никакой духовной общности, которой и может заниматься какая-либо филология“.¹ Автор признаёт только романскую филологию, греческую, славянскую..., но не балканскую, так как „никогда не существовало прастаринного (sic! — С. Б.) единства между языками, которыми хочет заниматься так называемая балканская филология или балканистика“.² Но чем же тогда объясняются те многочисленные особенности живого болгарского языка, которые так резко отличают его от древнеболгарского и от других живых славянских языков? И почему то, что отличает его от славянских языков, связывает с соседними балканскими? На все эти вопросы мы не найдем ответа не только в указанной статье, но и в обширной „Geschichte der bulgarischen Sprache“, которая, вопреки названию, не является историей болгарского языка. В ней автором не только не решены, но даже и не поставлены те задачи, которые стоят в настоящее время перед историком болгарского языка.

Как известно, новоболгарский язык занимает особое место среди всех славянских языков. Целым рядом своих черт он резко отличается от старославянского языка и от других славянских (аналитическим строем склонения, употреблением постпозитивного члена, отсутствием формы инфинитива и некоторыми другими особенностями). Задача историка

¹ „Годишник на Софийския университет“, т. XXXV, София, 1939, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

болгарского языка состоит в том, чтобы выяснить происхождение этих особенностей и изучить возможно детально их историю. Труды В. Н. Щепкина, С. М. Кульбакина, Г. А. Ильинского, Б. Цонева и других выяснены некоторые особенности (главным образом фонетические) македонских говоров XII—XIII вв. Значительно хуже мы знаем говоры восточной Болгарии этого периода. Язык так называемых семиградских болгар может свидетельствовать, что говоры северо-восточной Болгарии в XII—XIII вв. значительно отличались от говоров македонских. Исследователи так называемого среднеболгарского языка свое главное внимание обращали на то, что его отличало от старославянского. Отсюда интерес исследователей к памятникам церковным, так как единство текста давало возможность нагляднее показать эволюцию языка в XII—XIII вв. Памятники светские мало привлекали внимание исследователей, а драгоценный памятник XIV в. — „Троянская притча“ — до сих пор еще ждет всестороннего исследования. Однако для истории современного болгарского языка этот период важен тем, что связывает его с новоболгарским языком. В этом отношении особую ценность приобретают среднеболгарские светские памятники (преимущественно делового содержания). К сожалению, подобных памятников сохранилось очень мало. Но и эти памятники за редким исключением в языковом отношении мало выразительны. Грамотность среди книжных людей в Болгарии в эпоху второго болгарского царства была очень высокой. Необходимо учесть также архаизирующую деятельность в области языка патриарха Евфимия Терновского, которая, как известно, привела к восстановлению в тогдашнем книжном болгарском языке многих особенностей, давно уже забытых и изгнанных из письменности. Скудость болгарских памятников, их лингвистическая невыразительность, почти полное отсутствие грамот, хозяйственных и деловых записей — все это очень затрудняет изучение истории живого болгарского языка во всем разнообразии его говоров.

Резкий перелом наступает во второй половине XVI в. С этого времени народный язык входит в литературу. В различных областях Болгарии на местных говорах пишутся дамаскины, представляющие в настоящее время

драгоценные источники для изучения истории болгарского языка.

По свидетельству этих памятников народные говоры в XVI—XVII вв. в своих главнейших признаках уже представляли важнейшие особенности современного языка. В связи с этим перед историком болгарского языка стоит задача изучения народных говоров в более древнее время и прежде всего в XIV—XV вв. Подобное изучение народных говоров XIV—XV вв. даст возможность в будущем перейти к XII—XIII вв. Полагаю, что для изучения истории болгарского языка только такой путь (от современности к древности) может быть признан правильным. Древние болгарские языковые памятники очень далеки от народного языка. Поэтому строить на них изучение древних говоров, а от них идти к более позднему времени невозможно. Лишь в итоге детальных исследований, посвященных изучению народных говоров различных эпох, можно будет в связном очерке изложить историю болгарского языка от древнейшего периода до наших дней. Но в настоящее время эта задача невыполнима.

Итак, важнейшая задача, которая стоит сейчас перед историками болгарского языка, — это изучение народных говоров XIV—XV вв. Задача эта очень трудная. Для ее разрешения необходимо привлечь какие-то особые источники, так как собственно болгарские могут дать очень мало. Такими источниками являются славянские грамоты валашских господарей XIV—XV столетий.

Использование этих славянских памятников Валахии для истории болгарского языка ставит перед исследователем новые вопросы: взаимоотношение славянского населения Валахии с романизованным по языку населением, связь этого славянского населения со славянами Мизии, Фракии, Родоп и Македонии, влияние книжных болгарского и сербского языков на литературный славянский язык Валахии. Одной из важнейших проблем, без решения которой нельзя пользоваться валашскими грамотами как памятниками болгарского языка, является выяснение природы славянского языка в Валахии. Был ли славянский язык здесь чужим, книжным языком, понятным лишь духовенству и боярству (ср. латинский язык

в Польше), или он развивался в родной (славянской) среде? Обе эти точки зрения нашли своих энергичных защитников. Первая нашла отражение главным образом в трудах румынских ученых, многие из которых не допускали мысли, что славяне играли значительную роль в формировании румынского народа; вторая упорно защищается болгарскими учеными.

Все эти проблемы ставят в свою очередь важный вопрос о взаимоотношении славянского и румынского элементов, о роли славянского элемента в формировании румынского народа и румынского языка, о значении собственно румынских памятников и румынских диалектов для истории славянских языков.

Известный знаток истории славянского права чешский ученый Карл Кадлец в своем сочинении о валашском праве справедливо писал, что „славистические исследования до тех пор будут неполными, пока не будет систематически посвящено внимание истории и вообще прошлому двух народов, с которыми славяне в течение долгого времени соприкасались, — румынам и венграм“¹. Эта мысль неоднократно высказывалась славистами, главным образом в отношении румын. Специалисты по славянским языкам уже в первой половине XIX в. достаточно ясно осознали значение румыноведения для изучения истории славянских языков, прежде всего для истории южной группы их.

Однако в этой области сделано очень мало. До сих пор лингвисты цитируют труд Ф. Миклошича „Die slavischen Elemente im Rumunischen“ (Wien, 1862), имевший в свое время большое значение, но уже давно устаревший и в методологическом отношении и в отношении исследуемого материала. Историки южнославянских языков при решении важнейших вопросов игнорируют данные, которые может предоставить в их распоряжение как общее, так и частное румыноведение. Если они иногда и обращаются к этим данным, то это носит обычно случайный и не систематический характер. Материал не подвергается строгой филологической критике, пользуются им слишком свободно и неосмотрительно.

Не оценены надлежащим образом лингвистами данные,

¹ „Valaši a valašské právo v zemích slavanských“, Praha, 1916, str. III.

которые могут быть извлечены из славянских памятников, получивших распространение, переписывавшихся или создававшихся самостоятельно на территории Валахии, Трансильвании и Молдавии. Казалось бы, что язык этой славянской письменности должен был привлечь пристальное внимание историков болгарского языка, но лишь один исследователь, проф. Л. Милетич, не прошел мимо этой проблемы, и его работы, несмотря на все их существенные недостатки, внесли много ценного в науку. Однако его наблюдения до сих пор не обобщены, не подвергнуты критике, не продолжены, не оценены историками болгарского языка. Их игнорирует проф. Б. Цонев, который в своей „Истории болгарского языка“ (т. I, 1919; т. II, 1934; т. III, 1937) ограничивается фактами, извлеченными из собственно болгарских памятников и народных говоров, вопреки собственному справедливому утверждению, что „когда говорим о болгарском литературном языке за Дунаем, мы можем говорить об естественном развитии его в этой области... Болгарский язык развивался в Румынии на болгарской почве“.¹ Следует этой традиции и ученик Цонева, проф. С. Младенов, который в своей „Geschichte der bulgarischen Sprache“ ограничивается лишь самыми общими замечаниями о языке славянских памятников Валахии и их данными почти не пользуется. И теперь с полным правом можно вспомнить укоризненные слова проф. А. И. Яцимирского, что, „несмотря на весь интерес румынских изучений для славяноведения, на богатый фактический материал и на давно начатое изучение славянства румынами, — до сих пор никто из славистов не сосредоточил своих занятий на румынской филологии хотя бы в пределах одной какой-нибудь дисциплины“.² Справедливым является указание большого знатока южнославянской и румынской письменности Полихрония Сырку о слабой изученности славянской письменности Валахии и Молдавии (в частности, языка славянских грамот): „... в этой области до настоящего времени если нельзя сказать, что ничего почти не сделано,

¹ „История на български език“, том втори, София, 1934, стр. 281.

² „Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв.“, СПб., 1906, стр. X.

то зато можно смело утверждать, что сделано очень мало¹. Проф. А. И. Яцимирский в свое время поставил перед собой задачу синтетического изучения славяно-румынских взаимоотношений. Была выработана широкая программа исследования, которая, к сожалению, не была им осуществлена.²

Изучение славянского прошлого Валахии для румынской науки является одной из наиболее важных задач. Об этом красноречиво говорят современный румынский язык (главным образом язык неграмотного населения румынской деревни), весь крестьянский быт с его консервативными обычаями, обрядами, поверьями, всеми реалиями его повседневной жизни, огромное количество славянских пережитков в социально-экономической жизни страны, собственные имена и богатейшая славянская топонимия. Всё славянское в прошлом и даже настоящем румынского народа настолько значительно, что мимо него не могут пройти ни историки, ни этнографы, ни лингвисты. Они вынуждены изучать „эпоху славизма“, несмотря на то, что, по словам даже наиболее объективного румынского ученого, проф. И. И. Богдана, „славянская эпоха, это — эпоха грустных воспоминаний, хотя и ее следует изучать, как и остальные, потому что на нее приходится большая часть самостоятельной политической жизни румын, и она оставила после себя наибольшие следы“.³ Однако исследования многих румынских ученых носят очень пристрастный характер, они полны внутренними противоречиями, шаткими построениями, рожденными пустыми и наивными националистическими предрассудками. Все это обесценивает труды румынского историка Н. Йорги, лингвиста И. Барбулеску и многих других.

Наше исследование посвящено изучению языка валашских грамот XIV—XV вв. (до конца правления Раду IV, т. е. до 1508 г.). Мы поставили задачу изучения славянских говоров Валахии, которые, по признанию всех объективных исследователей, принадлежали к той группе говоров, которые объеди-

¹ „Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами“. СПб., 1906, стр. X.

² Цит. соч., стр. XLIX—LII.

³ См. в цит. книге Яцимирского, стр. XI—XII.

нены под общим наименованием болгарских. Об этом свидетельствуют топонимия, личные имена, лексические славянские элементы в говорах Валахии и их фонетические признаки, весь старый быт валашской деревни.¹ Иного происхождения были славянские говоры центральной и восточной Молдавии.

Основное внимание в нашем исследовании обращено на изучение системы именного и местоименного склонения. Этому посвящены пятая и шестая главы. Аналитический тип склонения новоболгарского языка, резко отличающий его от других славянских языков, прежде всего привлекает внимание исследователя. Нам важно было изучить те средства, с помощью которых в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. выражались падежные отношения в именах и местоимениях. В четвертой главе, посвященной изучению сербских элементов, нами исследуются фонетические особенности говоров и глагол. Первые главы посвящены истории изучения валашских грамот, некоторым общим и частным вопросам возникновения славянской письменности в Валахии, отдельным проблемам этнических и языковых взаимоотношений на территории Дакии.

Много ценного для характеристики болгарских говоров XIV в. дает всесторонний анализ „Троянской притчи“. Изучение ее — одна из неотложных задач болгарского языкознания. В своем исследовании для сравнения в отдельных случаях мы пользуемся этим памятником в издании проф. Богдана.

Дальнейшее изучение славянских говоров Валахии должно провести исследователя к XII—XIII вв., от которых до нас не дошло письменных памятников. Но в это время шел интенсивный процесс усвоения славянской речи спускавшимися с гор на юг валахами. Они усваивали многочисленные элементы славянской речи от местного населения, перенимали от них географические названия. Все эти элементы славянской речи

¹ Того же происхождения были славянские говоры, из которых мадьярский язык заимствовал большинство своих славянских элементов: „Большинство славянских заимствований в мадьярском языке происходит из болгарского диалекта“ (О. Ашбот, Рефлекс слов вида трѣт-трѣт и тлѣт-тлѣт в мадьярских заимствованиях из славянского языка, „Статьи по славяноведению“, вып. 2, СПб., 1906, стр. 268).

подчинялись новым законам, законам румынского языка. Таким образом, изучение древнейшего славянского слоя в валашских говорах и в валашской топонимии может обнаружить новые источники для характеристики славянских говоров в ту эпоху, от которой до нас не дошло письменных памятников. Само собой разумеется, что эта задача может быть решена только при всестороннем учете истории валашских диалектов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ГРАМОТ ВАЛАХИИ

К концу XIV столетия турецкий султан Баязид I завершил завоевание Болгарии. Вся Дунайская Болгария, Балканы, Фракия вошли в состав могущественной Османской империи. Во всей социально-экономической и культурной жизни страны произошли глубокие изменения. Болгары утратили политическую самостоятельность, национальную независимость, превратились в бесправных подданных турецкого султана — райю. Старая феодальная культура лишилась основы для нормального развития. Многие деятели культуры и просвещения бежали в Сербию, на Афон, в Придунайские княжества и в другие страны. Монастыри — культурные очаги феодальной Болгарии — были разрушены или превращены в мечети. Лишь кое-где в захолустье сохранились небольшие скиты, в которых трудолюбивые книжники, невзирая на лихолетье, трудились над списыванием старых церковных книг, оберегали и поддерживали в народе православную веру, являвшуюся в мрачные столетия турецкого ига могучим орудием борьбы с притеснителями.

В связи с этими обстоятельствами с конца XIV столетия на Балканах произошло перемещение культурных центров. Болгария утратила свое значение. Появляется новый культурный центр в восточной Сербии, в Ресаве, где по инициативе деспота Стефана Лазаревича собираются выдающиеся деятели славянской письменности. В течение первой половины XV столетия этот центр играет большую роль. Памятники „ресавской“ редакции получают широкое распространение

за пределами собственно сербских земель. Писцы подражают орфографии ресавских памятников, как в XIV столетии они рабски следовали архаической тенденции Евфимия Терновского. Наряду с Ресавой книжная деятельность на славянском языке начинает быстро развиваться в Придунайских княжествах, прежде всего в Валахии. Еще до падения Болгарии здесь существовала славянская письменность, в канцеляриях валашских господарей писали грамоты на славянском языке, в православных монастырях переписывали славянские рукописи, необходимые в церковной службе. Но в XIV в. вся валашская письменность носила исключительно местный характер, она была провинциальной. С падением Болгарии и роль и значение Валахии на Балканах быстро растет. Растет значение ее культурных центров, в которые стекаются книжные люди из Болгарии. С начала XV в. Валахия становится одним из главных центров культуры и просвещения на Балканах. Здесь в большом числе переписываются церковные и светские памятники, создаются на славянском языке оригинальные произведения, среди которых находим такие выдающиеся произведения письменности, как „Слова наказательные воеводы валашского Иоанна Негоя к сыну Феодосию,“ дошедшие до нас не только в славянском оригинале, но и в румынском и греческом переводах.¹ Большое развитие получает деловой канцелярский язык в связи с значительным ростом городов, торговли, монастырского и крупного боярского землевладения. Несколько позднее славянская письменность начинает развиваться в Молдавии, где, однако, она делает быстрые успехи, а к XVII в. оставляет далеко позади себя валашскую письменность.

Как уже отмечалось выше, славянская письменность в Валахии до сих пор изучена недостаточно. Это в равной мере относится как к церковной, так и к светской и деловой письменности. Укажем основные работы в области валашской дипломатики.

Интерес к валашским грамотам возник уже в первой половине XIX в. Первым, кто понял большое значение их для истории Валахии и болгарского языка, был русский ученый

¹ См. „Памятники древней письменности и искусства“, CLII, 1904.

Ю. И. Венелин. Лишившись возможности продолжать свое путешествие по Болгарии, Юрий Венелин в 1830 г. из Варны через Добруджу поехал в Валахию, где надеялся отыскать старые славянские рукописи. В результате этой поездки он собрал значительное число славянских грамот, которые в 1840 г., уже после смерти Венелина, были изданы нашей Академией Наук под названием „Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении императорской Российской академии Юрием Венелиным“. Издание сопровождалось предисловием, в котором Венелин дал общую характеристику языка грамот, и обширным историческим и филологическим комментарием к каждой грамоте. Издание заключало 4 грамоты XIV в., 16 грамот XV в., 24 грамоты XVI в. и 22 грамоты XVII в. Среди них находим грамоты валашские, молдавские и разные славянские грамоты императора Сигизмунда (сына чешского короля Карла IV), который, как известно, стремился овладеть всей Валахией и Молдавией. Грамоты были списаны Венелиным с подлинников, хранящихся в монастырях Бухарестской митрополии и в частных собраниях.¹ Он указал, что списана им была лишь незначительная часть. „Их станет, — писал он, — может быть, еще на несколько томов“. Древнейшая из опубликованных им грамот — дарственная грамота Владислава Тисманскому монастырю. Издатель ее датирует 1342 годом. Эта датировка ошибочна, так как Владислав правил с 1364 по 1372 г. Венелин дал в основном верную характеристику языка славянских грамот Валахии, указал на отличие этого языка от языка молдавских грамот, обратил внимание на сербские элементы в языке грамот, сделал много ценных и глубоких замечаний по общим и отдельным частным вопросам валашской дипломатики. В своих комментариях он обнаружил поразительно глубокое знание многих частных вопросов истории и быта Придунайских княжеств, понимание роли и значения славянского элемента в формировании

¹ Венелину пришлось работать в тяжелых условиях. Всюду он встречал недоверие и недоброжелательство. Многие в нем видели шпиона, который под видом ученого проник в Молдавию и Валахию. Об этом см. в биографическом очерке Бессонова „Юрий Иванович Венелин“, напечатанном в Ж.М.Н.П., 1882, июнь, стр. 181.

культуры и языка валахов и молдаван. В истории изучения славянской письменности в Валахии и Молдавии труд Венелина сыграл первостепенную роль. Внимательный читатель легко обнаружит, что и в нашей работе некоторые идеи Венелина послужили основой для дальнейших разысканий. Естественно, что само издание уже не удовлетворяет современным требованиям и для лингвистических целей может быть привлечено как дополнительный материал. В нашем исследовании все цитаты из этого издания имеют пометку „Вен.“, после чего указывается страница издания.

На этот труд Венелина вскоре после его выхода обратил внимание П. Билярский. Согласившись с некоторыми положениями издателя, Билярский упрекает Венелина в том, что он не совсем точно переписал некоторые грамоты, в отдельных случаях сознательно руссифицировал текст, так что „трудно различать, что принадлежит валашским оригиналам и что прелагателю их“.¹

К сожалению, исследования рано умершего ученого не нашли продолжателей ни в России, ни в других странах. Лишь время от времени в отдельных изданиях печатались грамоты (преимущественно молдавские), хранящиеся в различных библиотеках или частных собраниях. В издание болгарских грамот Василия Априлова вошла одна молдавская (30 января 1699 г.) от Иоанна Антиоха Константина, князя молдавского, данная Киприановскому монастырю в Бессарабии близ Кишинева.²

На молдавские грамоты обратил внимание Я. Ф. Головацкий в работе „Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Владимирском княжестве и в смежных русских областях в XIV—XV столетиях“ (Львов, 1867). Эти памятники привлекли его внимание с исторической стороны. В „Летописи занятий археологической комиссии за 1865—1866 гг.“ (вып. 4, СПб., 1868) он напечатал среди нескольких молдавских грамот одну валашскую грамоту Мирчи Великого (ок. 1410 г.), хранящуюся в архиве магистрата Львова. Издана грамота неисправно. Интерес к этим

¹ „Судьбы церковного языка“, II, стр. 258.

² „Болгарские грамоты“, Одесса, 1845, стр. 109.

грамотам львовские историки проявили еще в 40-х годах XIX в. Так, независимо от Венелина валашской и молдавской дипломатикой заинтересовался историк Львова Д. Зубжицкий, который в своей хронике Львова опубликовал несколько извлечений из грамот, хранящихся в архиве города и имеющих отношение к его истории.¹ Эти документы привлекли внимание румынского слависта Хаждеу (см. ниже), Б. Дудика (см. „Die Archive im Königr. Galizien u. Lodom“ в XXXIX т. „Archives f. Österr. Geschichtsquellen besonders abgedruckt“, 1867), А. А. Кочубинского (см. „Отчет о занятиях славянскими наречиями“, напечатанный в XVIII т. „Записок Новороссийского университета“ за 1876 г., стр. 22—23) и, наконец, профессора Черновицкого университета Е. Калужняцкого („Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в архивах и библиотеках львовских“, Киев, 1877). В XII т. львовского издания „Akta grodzkie i ziemskie“ проф. Калужняцкий издал эти грамоты.² Из четырнадцати изданных им грамот к валашским относятся I (грамота Мирчи Великого, которую издатель датирует 1390 годом, не имея для этого, впрочем, надежных оснований, см. стр. 204), III (грамота Мирчи Великого на латинском языке 1409 г.) и V (грамота Влаца I Дракула 1439 г.). Остальные грамоты — молдавские. Обе славянские валашские грамоты изданы также литографически, что дает возможность пользоваться ими для лингвистических целей. В своем издании Калужняцкий допустил несколько ошибочных разделений слов, что объясняется недостаточным знакомством с южнославянскими языками. Так, в грамоте Мирчи читаем: почавше от желѣзных вратъ до ридо самог Браилова. Калужняцкий не согласен с Хаждеу, который в своем издании дает дори до, так как якобы нельзя определить значение слова дори ни в славянском языке, ни в румынском. Издатель связывает это с румынским *de-a-rîndul*, что значит *jednym porządkiem, jednym ciągiem*. Чтение Хаждеу не может вызвать никакого сомнения, если знать, что слово *дори* в болгарском значит *даже*. Издание

¹ „Kronika miasta Lwowa“, Lwow, 1884, str. 75—76, 97, 101, 109, 113, 115.

² „Documenta moldawskie i multanckie z archiwum miasta Lwowa“ „Akta grodzkie i ziemskie“, vol. VII, 1878, str. 195—252.

грамот сопровождается ценным комментарием. В нашем исследовании цитаты из этих грамот имеют помету „К“. Римская цифра указывает на номер грамоты.

Калужняцким же выполнено издание славянских грамот в известном издании Е. Hurmuzaki „Documente privitoare la istoria românilor“ (vol. I, par. II, p. 815—889; vol. II, par. II, p. 656—729; vol. II, par. III, p. 706—707, 725—728). Издание грамот не преследует филологических целей.

Большое внимание изданию грамот (почти исключительно молдавских) уделяло Одесское общество истории и древностей, в „Записках“ которого И. Надеждин и главным образом Н. Мурзакевич напечатали много молдавских грамот, не ставя при этом перед собой строгих филологических целей (см. „Записки“, тт. I, II, III и IV). Некий Ф. Белоус в 1879 г. в Коломые плохо издал 12 молдавских грамот с очень слабыми комментариями (см. его „Несколько русских и румынских грамот древних господарей молдавских“). Встречаем издание отдельных молдавских грамот в „Актах, относящихся к истории западной России“. В „Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“ В. Кочановский очень плохо издал 9 молдавских грамот, хранящихся в афонских архивах („Неизданные грамоты из афонских архивов“, т. IV, вып. 2, 1888). В 1887 г. В. Ульяницкий издал много грамот, хранящихся в Главном архиве Министерства иностранных дел («Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв.»). Для филологических целей издание совершенно непригодно. Издавались молдавские грамоты бессарабскими краеведами в местных изданиях и газетах.

Из этого краткого обзора видно, что после Венелина в течение долгого времени никто серьезно не приступал к изучению валашской и молдавской дипломатики. Ограничивались изданиями отдельных грамот (главным образом молдавских) и краткими комментариями к ним. Лишь с 90-х годов прошлого столетия начинается систематическое изучение валашских грамот. В 1892 г. болгарские ученые Л. Милетич и Д. Агура предприняли специальное путешествие по Румынии с целью изучения славянских рукописей. Согласно первонач-

чальному плану они должны были заняться изучением лишь литературных памятников. Однако некоторые случайные неудачи заставили их перенести внимание на грамоты. „Сборник, о котором говорили выше, — единственный болгарский литературный памятник, который хранится в государственном архиве, так что после его осмотра нам не оставалось ничего другого, как обратить внимание на влахо-болгарские грамоты, которые имелись здесь в большом количестве“.¹

Тщательное ознакомление с этими грамотами показало Милетичу и его спутнику, что они могут дать ценный материал для истории болгарского языка. В 1893 г. было напечатано их исследование — „Дако — ромъните и тяхната славянска писменост — С приложение на 84 влахо-молдавски славянски грамоти и 3 фототипически снимки“ („Сборник за народни умотворения“, кн. IX, стр. 211). Значительная часть исследования (стр. 212—273) посвящена вопросу о происхождении румын и не представляет самостоятельной ценности. Вторая глава (стр. 273—322) посвящена анализу языка валашских грамот. К исследованию приложено издание 84 грамот. Более поздние издания показали, что в издании Милетича имеется много грубых ошибок.

В статье „Бележки от едно научно пътуване в Ромъния“ Милетич и Агура знакомят читателей с задачами своих исследований, рассказывают о своем путешествии и о теплом приеме, который им оказал один из первых румынских славистов Хаждеу. Здесь же авторы издали предисловие к помяннику Быстрицкого монастыря XV в., представляющему большой лингвистический и исторический интерес. Издано это предисловие, по свидетельству А. И. Яцимирского, „довольно неисправно“.² Яцимирский же указал, что Милетич и Агура ошибочно приняли Ветхий завет XVI в., хранящийся в Национальном музее древностей, за Палею.³

¹ „Бележки от едно научно пътуване в Ромъния“, „Сборник за народни умотворения“, кн. IX, София, 1893, стр. 182.

² А. И. Яцимирский, Славянские и русские рукописи румынских библиотек, СПб., 1905, стр. 213.

³ Там же, стр. 239.

На этом интерес к влахо-болгарской письменности у Милетича не прекратился. Милетич стремился обстоятельно доказать, что болгарский язык в Валахии не был „искусственным книжным языком, перенесенным из Болгарии в Валахию и позже разрушаемым переписчиками румынами, которые плохо усвоили этот язык и ошибались в его грамматике“.¹

Летом 1895 г. Л. Милетич предпринял поездку в Брашов. В местном городском архиве он нашел „небрано лозе“ — больше 400 влахо-болгарских грамот, древнейшие из которых относились к концу XIV в. Здесь он встретил румынского слависта И. И. Богдана, местного уроженца, который также интересовался этими грамотами. В 1896 г. Милетич опубликовал 121 грамоту, предпослав им большое введение.² В исследовании автор сообщает много интересных сведений о Брашове. Основываясь на многих новых документах, Милетич доказал, что еще в XIV в. Брашов частично был заселен славянами. Он нашел указание, что соседнее село Ръжнов было болгарским. Здесь же он опубликовал найденную им в Брашове тетрадь начала XVI в., в которой неизвестным лицом были записаны на болгарском языке различные расходы. Милетич высоко оценил языковые данные этой рукописи.

Считая эти грамоты драгоценными памятниками живого языка, Милетич склонен был ограничить значение их как памятников исторических. „Их содержание действительно интересно, но того большого исторического значения, которое им придается до сих пор, они не имеют. Все эти грамоты имеют характер больше частных и интимных писем, в которых редко затрагиваются исторические события и то мимоходом“.³ Позднейшие исследования румынских историков показали необоснованность этих замечаний. Эти грамоты дали большой материал не только для изучения экономической истории, но и для истории международных отношений Юго-Восточной Европы.⁴

¹ „Сборник за народни умотворения,“ кн. XIII, стр. 4.

² „Нови влахо-български грамоти от Брашов“, СбНУ, XIII.

³ СбНУ, XIII, 7.

⁴ Яцимирский правильно писал: „Они (брашовские грамоты. — С. Б.) незаменимы для славянских изучений в области языка, дипломатики, палео-

Издание брашовских грамот Милетича не было первым. Небольшая часть этой коллекции (19 грамот) оказалась в Висбадене, где ее купил у антиквара Д. Стурдза, который оценил их большое значение для отечественной истории и в 1888 г. опубликовал 12 грамот в изданиях Румынской академии наук (см. „Analele Academiei Romane“, ser. II, t. VIII). Издание это как будто не было известно Милетичу.

Еще до появления своего издания Милетич опубликовал грамоту царя Срацимира и две грамоты № 35 и № 36 в журнале „Български преглед“ (г. II, кн. IX—X, стр. 304—310). Грамота Срацимира одновременно была опубликована проф. Богданом в *Archiv Ягича* (Vd. XVII), а позже проф. Г. А. Ильинским в „Грамотах болгарских царей“.

Издание брашовских грамот проф. Милетича сразу же обратило на себя внимание ученых. Откликнулся на них К. Иречек (см. „Archiv f. slavische Philologie“, XIX), который высказал целый ряд критических замечаний и сделал несколько важных дополнений, касающихся истории славянского элемента в Валахии. Оценить качество издания в то время было еще невозможно. Итоги лингвистических наблюдений Милетича могли интересовать Иречека в самой общей форме. Отрицательное суждение об исследовании Милетича высказал П. Сырку. Но оно не было подкреплено никакими собственными наблюдениями и носило декларативный характер.

Вновь вопрос об издании Милетича был поднят после издания брашовских грамот проф. И. И. Богданом, когда, наконец, ученые получили возможность сверить старые издания с новым и установить их качество. Сам проф. Богдан дал положительную оценку изданию Милетича. По его словам, издание Милетича хорошее (см. предисловие, р. XI). Он

графин, сигилографии, для истории турецких завоеваний на Балканском полуострове, старой славянской культуры, права, истории торговых отношений, военного дела и т. д.“ (Ж. М. Н. П., июнь, 1907, стр. 436). Этими грамотами часто пользуется в своих исследованиях Н. Йорга, который издал румынские грамоты магистрата (См. „Analele“, XXI, и „Studii și documente“, vol. X).

указывает только шесть ошибок в издании болгарского ученого: в грамоте Мирчи I вместо *Билчаревъ* у Милетича напечатано *Килчаревъ*, при имени *жупан Стоика* пропущено прозвище *Русин*. В грамоте Раду II (V) имя *Влъксан* напечатано *Влъкан*; в грамоте Дана II (XI) вместо *вил рѣзан* напечатано *вил рѣзан*; в грамоте Влада I (XLIX) вместо *априліа и день* напечатано *априліа к день*; в грамоте Басараба III (CXXVIII) вместо *моші любимеи* (т. е. „любимой бабушке“, рум. *тоаза* — „бабушка“, в современном языке „акушерка“, „бабка“) Милетич напечатал *мошнѣ любимеи*. Богдан указал еще на два неверных толкования слов. Слово *турчъ* Милетич понял в значении „*турок*“, тогда как это наименование местности (*конникъ кои менет мимо Турчъ*). В грамоте Басараба III (CXIV) Милетич создал слово *вамене*, считая *не* членной формой. В грамоте же *не* является отрицанием (*ваме не су* — „пошлины не берутся“).

Совсем иной отзыв на издание брашовских грамот Милетича находим у А. И. Яцимирского. По поводу издания этих грамот Богданом Яцимирский писал: „... издание Милетича не только плохое, но им очень опасно пользоваться“.¹ В статье „Славянские грамоты Брашовского архива в палеографическом и дипломатическом отношениях“ его отзыв еще суровее: „Презнее издание тех же документов проф. Л. Милетича в XIII томе „Сборника“ болгарского министерства просвещения оказывается настолько неисправным, что пользоваться им надо было и прежде с большой осторожностью, а теперь его издание утратило всякое научное значение, оставаясь печальным образцом того, как не следует издавать юго-славянские тексты“.²

Проф. Л. Милетич не преминул ответить Яцимирскому. В статье „Към грамотите от брашовската сбирка“ (СБНУ, XXV) он резко полемизирует с русским ученым. Он утверждает, что Яцимирский „не дал себе труда прочитать мое издание и сравнить тексты“. Действительно, Яцимирский указывает только

¹ Ж. М. Н. П., июнь, 1907, стр. 437.

² Р. Ф. В., № 1, 1907, стр. 131—132.

те ошибки, которые отмечены были уже Богданом. Отмечая, что „подобных примеров можно было бы указать много“, Яцимирский, однако, не приводит ни одного собственного примера из грамот Милетича. Это дает основание Милетичу считать отзыв Яцимирского пристрастным и несправедливым.

То, чего не сделал Яцимирский, сделал сам Милетич. Он сравнил слово в слово тексты двух изданий, чтобы установить все, даже самые незначительные различия. Оказалось, что расхождений в изданиях во много раз больше, нежели указал Богдан. Лишь в очень редких случаях Милетич считает, что его вариант является правильным. Обычно он признаёт, что правильным является текст Богдана. В результате сравнения Милетича оказывается, что ошибки встречаются в 74 грамотах. В некоторых грамотах (например, в грамоте № 3) встречается по нескольку ошибок. Лишь 30 грамот, согласно наблюдениям Милетича, изданы без ошибок. Остальные грамоты не вошли в издание Богдана и поэтому не могут быть изучены в этом отношении.

Итак, сравнение самого издателя свидетельствует, что его издание содержит очень много ошибок. Поэтому совершенно непонятным является его вывод: „Из обзора различий двух изданий ясно видно, что текст грамот в моем издании передает оригиналы с большой точностью“ (СбНУ, XXV, стр. 13). Милетич оправдывается тем, что большинство его ошибок не имеет существенного значения, так как касается отдельных вопросов правописания, написания отдельных букв и пр. Трудно оправдать подобные рассуждения в сочинении лингвиста, который, по собственным словам, предназначил свое издание прежде всего „для филологических целей“ (СбНУ, XVI—XVII, стр. 497). Но даже и для историка его издание может сослужить плохую службу. Так, в одной из грамот Влада I (у Милетича № 36, у Богдана XXXIV) читаем: *и шжшшорѣне идѣт с мене* (și șaghșorenii merg cu mine). Милетич создает каких-то *морѣн*, превращая этим весь текст грамоты в загадку: *и щѣт и морѣне идѣт с мене*.

Ошибочна у Милетича хронология. Очень часто он приписывает грамоту не тому господарю, из канцелярии которого

она вышла. Некоторые грамоты XVI в. он отнес к XV в. Проф. Богдан старается извинить Милетича „незнакомством с историческими обстоятельствами, при которых они (грамоты. — С. Б.) писались“ (XI). Богдан указывает также, что болгарский ученый воспользовался устаревшей и ошибочной исторической хронологией проф. Точилеску и его помощника Патруц (см. XII). Но может ли все это оправдать ученого, поставившего перед собой задачу изучения славянской письменности в Валахии?

Отметим важнейшие хронологические неточности: Михаил I был соправителем Мирчи Великого с 1415 по 1418 г., а не правил единоначально после Мирчи с 1418 по 1420 г., как это указывает Милетич. Раду II (Празнаглава, у Милетича ошибочно наивается Раду III) правил в 1421 и с 1424 по 1427 г. (у Милетича с 1425 по 1427). Александр правил с 1431 по 1433 г. (у Милетича дат нет). Влад I Дракул (у Милетича ошибочно Влад II Дракул) правил с 1431 по 1433 и с 1433 по 1446 г. (у Милетича 1430—1439; 1442—1446). Владислав II, или Владислав Дан (у Милетича ошибочно Влад III), правил с января 1447 по май—июнь 1456 г. (Милетич указывает 1452—1456). Дан Претендент (у Милетича Дан III) правил только с 1459 по 1460 г. (у Милетича же указано, что он правил дважды: в 1439 и с 1446 по 1452 г.). Раду III Красивый (у Милетича Раду IV Красивый) правил с августа 1462 по начало 1474 г. (у Милетича с 1462 по 1472). Басараб III Молодой правил с ноября 1477 по начало 1478 и с апреля по июнь 1482 г. (у Милетича 1472—1475; 1477—1481). Последняя ошибка Милетича вызвана тем, что он смешал Басараба II Старого и Басараба III Молодого.

Часто встречаются ошибки в установлении принадлежности грамот различным господарям. Так, одну из грамот Раду II Милетич отнес к 1375—1380 гг., одну из грамот Басараба II Старого отнес к Басарабу III Молодому (у Милетича № 82, у Богдана ХСІ). Но и в ошибках этого рода Милетич не видит большой беды, так как „несколько отклонений от двух до трех десятилетий для истории языка не имеет значения“ (СбНУ, XXV, стр. 5). И с этим заявлением Милетича нельзя серьезно считаться, потому что издатель не может предуга-

дать тех задач, которые могут возникнуть перед исследователем изданного им текста.

Итак, сам Милетич вынужден в конце концов признать многие недостатки своего издания, свидетельствующие об известной обоснованности критических замечаний Яцимирского.

При изучении изданий Л. Милетича мы обратили внимание на то, что нередко пример в исследовании автора читается в его же издании иначе. Это заставило нас с большой осторожностью отнестись к утверждению Милетича, будто он слово в слово сверил оба издания. Для проверки мы взяли грамоты, которые, по словам Милетича, в его издании и в издании Богдана не имеют расхождений. Результат оказался неожиданным. Приведем для примера одну грамоту Дана II (у Милетича № 18, у Богдана XVII), которая, по свидетельству Милетича, напечатана без ошибок (см. СБНУ, XXV, стр. 7):

у Богдана	у Милетича
Великыи	Великѣи
Господинь	Господињь
Оуггровлахіиской	Оуггровлахіиской
Свѣтопочившааго	С(ве)топочившааго
От вилар ипріа кѣ доук (dela vilarul de Ypriu)	От вилар и пріа кѣ доук
От рутища резана нищо	От роутища резапа нищо
Тѣкмо где	Тѣкмо гдѣ
Оу Тръговищи	Оу Тръгоищи
От мажа воска	От маж воска
А от других	От других
Звѣри	Свѣри
Със вола господина ми кралѣ	Със вола господина кралѣ
Соломон	Соломонѣ

Как уже было отмечено, в 74 грамотах сам Милетич обнаружил ошибки. Однако им указана лишь незначительная их часть. Возьмем к примеру грамоту Басараба III (у Милетича

№ 85, у Богдана СХХVII). Милетич насчитывает в его издании этой грамоты 8 ошибок. В действительности их 17:

у Богдана	у Милетича
Родітель ми Батрь Ищванна	Родітель ми Батрь Ищвана
И що ми рече родітел ми	И що ми реч(е) родітел мои
Та их раздрѣших	Та их разрѣших
Да ми прїидет	Да ми прїде
От смръти	От см(ъ)рти
От онудаи	От онуда
Та кю учинит	Та кю чинит
А за овуи работу	А за ову работу
От що сложахмо	От що сложах ви
(Милетич ошибочно цитирует Богдана — от що сложахме)	
Понеже такой да знаете	Понеже ако и да знаете
Ако ю ослободет она туи	Ако ю ослободѣте, на туи...
Азь	Азь
Иванна	Ивана
Не будет тако	Не буде тако
На душу фїином еѣ	На душу фїано меѣ
(pe sufletul finilor ei)	
Израді хитленство	Зараді хитленство
Ну да знаете	И да знаете

Тщательное сличение двух изданий вскрывает в издании Милетича огромное количество опечаток, ошибок, ложных толкований текста. Часто Милетич не понимал содержания грамот, что подтверждается многими примерами. Так, в *от вилар ипрїа* (т. е. из г. Ипра) Милетич из названия города сделал союз *и* и глагол *прїа*. Некоторые ошибки такого рода указаны выше.

Оценивая качество издания влахо-болгарских грамот Л. Милетича, мы вынуждены признать справедливость слов А. И. Яцимирского. В настоящее время его изданиями грамот можно пользоваться с большой осторожностью. Не только для лин-

гвиста, но и для историка эти издания таят в себе большие опасности. Издание Богдана полностью освободило от необходимости обращаться к старым изданиям брашовских грамот. До сих пор, однако, приходится пользоваться грамотами Милетича, напечатанными в IX томе „Сборника за народни умотворения“, так как позже большинство из них не перепечатывалось. В своем исследовании мы используем это издание. Примеры из этого издания помечены приметой „М, IX“. После нее арабская цифра указывает на номер грамоты.

Ошибки в своем издании брашовских грамот Милетич объясняет тем, что ему за восемь дней пришлось списать 120 грамот и прочитать в два раза больше.¹ Проф. Богдан „имел возможность сверить копии с оригиналами несколько раз“ (СбНУ, XXV, 4). Несомненно, что Милетич работал в менее благоприятных условиях, нежели Богдан. Но причина не только в этом. Ведь при сличении обоих изданий Милетич мог дать все разночтения, а не ограничиться лишь небольшой их частью. Что помешало Милетичу правильно цитировать свои же издания? Почему он с ошибками цитировал тексты Богдана? Нужно припомнить в связи с этим, что и другие издания проф. Милетича не удовлетворяют строгим требованиям, а его издание Свищовского дамаскина отмечено существенными дефектами.

В XVI—XVII томе „Сборника за народни умотворения“ проф. Милетич опубликовал одну брашовскую грамоту Дана II от 23 октября 1422 г., которая оказалась в Народном музее Будапешта. Он сообщает некоторые сведения о грамоте, высказывает несколько общих соображений о взаимоотношении славянского и румынского языков в Валахии в XIV—XV вв. и приводит текст грамоты. Чтобы лучше выяснить значение всех специальных терминов в грамоте, Милетич приводит латинский текст грамоты от 1431 г.

Как уже отмечено выше, в XXV томе Милетич напечатал статью „Към грамотите от брашовската сбирка“, которая вышла в связи с изданием брашовских грамот Богдана. В ней,

¹ Сам Милетич в введении к своему изданию брашовских грамот писал: „Аз прочетох всичките грамоти грижливо“ (СбНУ, XIII, стр. 6).

кроме ответа критикам и сравнения своего издания с изданием Богдана, Милетич делает краткие заметки о языке этих грамот и высказывает общие соображения об этническом характере старого населения Валахии в связи с болгарским характером языка старой письменности. Нужно указать, что анализ языка в этой статье значительно содержательнее, нежели в первых двух работах (см. ниже). В приложении Милетич публикует текст десяти грамот из издания Богдана.

Вопросами истории славянского языка в Валахии и взаимоотношения славян и румын к северу от Дуная Милетич продолжал интересоваться всю жизнь. Укажем его статью в сборнике „Добруджа“ — „Българи и ромъни в техните исторически отношения“ (София, 1917, стр. 69—118), его уже посмертную статью „Езикът на приписките в влахобългарската църковна писменост от XV—XVII в.“ («Списание на българската академия на науките», кн. LIV, София, 1937, стр. 129—138). Милетич постоянно следил за трудами румынских лингвистов и историков и, начиная с 1893 г., часто откликался на них небольшими рецензиями (см. в журнале „Български преглед“ I, 1; II, 7; II, 12; IV, 12; в журнале „Македонски преглед“ II, 3; III, 4; IV, 2).

Милетич не ограничивался лишь ролью издателя грамот. Уже в первом своем труде он посвятил специальную главу языку изданных им грамот. Аналогичную главу находим в издании брашовских грамот. Эти же вопросы поднимаются Милетичем и в других указанных работах. Лингвистические исследования болгарского ученого также подверглись резким критическим замечаниям со стороны Яцимирского, Сырку и др. Уже после выхода первых двух основных исследований Милетича Сырку писал: „Так или иначе, но со стороны языка эти письма представляют неоцененный материал, который, нужно сказать, до сего времени или весьма мало или почти совсем не был эксплуатируем. Справедливость требует сказать, что его не так легко и эксплуатировать“.¹ Однако до сих пор никто после Милетича не приступал к детальному изучению язы-

¹ „Из переписки румынских воевод с Сибявским и Брашовским магистратами“, СПб, 1906, стр. XI.

ка валашских, грамот (языку молдавских грамот посвятили статьи Яцимирский, Богдан и Ярошенко). Его труды по изучению языка грамот поныне остаются почти единственным источником для ознакомления с этой стороной славянской письменности у валахов. Полагаем, однако, что отзывы об исследованиях языка грамот Милетича несправедливы. Как лингвист Милетич стоял значительно выше своих критиков. Несомненно, что именно он, а не Яцимирский в основном правильно определил значение валашских грамот для истории болгарского языка. На многочисленных примерах Милетич показал, как живые особенности славянских говоров Валахии находят отражение в языке грамот. Он же убедительно доказал, что говоры эти самым тесным образом связаны были со славянскими говорами Мизии, Фракии и Родоп, т. е. были говорами болгарскими. Это положение было высказано уже Венелиным, но Милетич развил его, обосновал методами научного языкознания, в чем бесспорная заслуга Милетича. Если в своих первых работах он, может быть, слишком прямолинейно и решительно преувеличивает значение славянского (болгарского) элемента в Валахии в XIV—XV вв., то впоследствии в этом вопросе он в полной мере проявил свой научный объективизм. В статье „Към грамотите от брашовската сбирка“ он писал: „Но, с другой стороны, я твердо стою на том, что еще во время, когда писали грамоты Мирчи Великого и его ближайших преемников, т. е. по крайней мере до 1440—1450 гг., все еще и между простолюдными и между боярами были люди, которые говорили по-болгарски. Румынский язык не победил сразу; была, без сомнения, промежуточная эпоха двуязычия“ (СбНУ, XXV, 24).

После выхода первых исследований Л. Милетича прошло свыше 50 лет. Поэтому совсем не удивительно, что они не удовлетворяют современному уровню науки. Многие теории его уже совсем устарели, приемы лингвистического анализа отражают состояние нашей науки конца XIX столетия.

Отметим наиболее существенные дефекты.

1. Автор не видит никаких различий между валашскими и молдавскими грамотами. Уже Венелин указал, что „разница в слоге грамот Бессарабии (т. е. Валахии) и Молдавии есть

разница двух славянских наречий. Грамоты в Валахии писаны на болгарском обыкновенном наречии; грамоты же молдавские на языке южно-русском¹. В дальнейшем эта мысль была подтверждена Богданом, Яцимирским и другими (см. ниже). Милетич, исследуя историю живого болгарского языка, в одинаковой степени привлекает данные грамоты Валахии и Молдавии, не отдавая себе отчета в том, что в молдавских грамотах все элементы болгарского языка являются элементами книжного языка.

2. Милетич не отличает грамот XIV—XV вв. от грамот XVI—XVII вв. В более поздних статьях он обращает на это внимание. Так, в статье „Към грамотите от брашовската сбирка“ он правильно писал, что для истории болгарского языка имеют особенно большое значение древние грамоты, которые вошли в первый том издания Богдана. Милетич здесь верно подметил различия и в самих грамотах XV в. Но в своем исследовании „Дако-ромъните и тяхната славянска писменост“ он это игнорирует.

В действительности между грамотами XIV—XV вв. и более поздними большие различия. Для историка болгарского языка особую ценность имеют грамоты до середины XV столетия. Грамоты второй половины XV в. важны главным образом для характеристики влияния сербского языка на книжный канцелярский язык Валахии. Грамоты от Михни I и позже дают многочисленные свидетельства того, как славянский язык становится только книжным языком. Многочисленные румынизмы делают эти грамоты драгоценными источниками для изучения особенностей живого румынского языка XVI—XVII столетий.

3. Анализ языка грамот требует предварительного филологического их изучения. Текст представляет собой сложное соединение канцелярских штампов, в которых трудно найти следы проявления индивидуальности писцов (логофетов), готовых выражений, взятых из церковной письменности, формул обращения, проклятия, идиоматических выражений и, наконец, живых словосочетаний. Задача исследователя состоит в том,

¹ Цит. соч., стр. 319.

чтобы отделить связанные, готовые, мертвые словосочетания от живых, отражающих особенности разговорного языка. Это особенно важно при исследовании валашских грамот, представляющих в стилистическом отношении следы различных влияний и традиций. Милетич этому требованию не следует. Он приводит примеры из различных мест грамот, имеющих неодинаковую лингвистическую ценность. Именно поэтому его материал так противоречив и малопоказателен. Стремясь показать, что грамоты отражают черты живого языка, он очень часто оперирует элементами несомненно книжного, мертвого языка. Это давало повод критикам отрицать справедливость его общих выводов.

4. В своих исследованиях Милетич мало внимания обращает на сложность и противоречивость славянских элементов в канцелярском языке Валахии. Лишь в статье „Към грамотите от брашовската сбирка“ он делает в этом направлении несколько замечаний. В своих же исследованиях он это игнорирует. А между тем в славянском языке валашской дипломатики нужно различать три самостоятельных пласта: местный славянский, отражающий черты славянских говоров Валахии, книжный среднеболгарский, результат влияния валашской церковной письменности, и книжный сербский, влияние которого становится особенно заметным с 30-х годов XV в. Милетич смешивает особенности живого языка и книжного (среднеболгарского), а особенности сербского языка в большинстве случаев даже не отмечает.

5. Вызывает серьезные возражения метод цитирования грамот. Очень часто Милетич разрывает единую аналитическую форму. Примеры подобного цитирования нами указываются в исследовании. Нельзя согласиться и с некоторыми другими приемами Милетича, на разборе которых мы подробно останавливаемся в своем месте.

Специальные интересы Милетича к изучению славянской письменности в Валахии не нашли в Болгарии поддержки. Проф. Б. Цонев в своих лекциях по истории болгарского языка обещал „изложить литературную деятельность в Румынии до введения румынского языка в церкви и училищах“ („История на български език“, т. II, стр. 390), однако обещания этого

не выполнил. Как уже говорилось выше, данные языка валашских грамот почти не используются ни в специальных исследованиях, ни в сводных работах по истории болгарского языка.

Болгарский ученый С. Романский посвятил славянской письменности в Валахии свою первую, еще студенческую работу, напечатанную в „Известия на семинара по славянска филология при университета в София“ (т. I, 1905). Сочинение это, написанное в связи с изданием П. А. Лавровым „наказательных слов“ валашского воеводы Иоанна Нягоя к сыну Феодосию, обнаружило в молодом авторе солидную осведомленность в вопросах славяно-румынских отношений. После этой первой компилятивной работы можно было ждать уже специальных исследований в этой мало разработанной области. К сожалению, она явилась лишь случайным эпизодом в научной биографии Романского.

Осенью 1907 г. С. Романский предпринял специальное путешествие по Буковине, Галиции и Польше. В результате он опубликовал краткие сведения о влахо-болгарских рукописях церковного содержания, хранящихся в Львовской университетской библиотеке (см. заметку „Влахобългарски ръкописи в Львовската университетска библиотека“, „Периодическо списание“, XXI, стр. 7—8, 1910).

Выдающийся труд Ю. И. Венелина не нашел отклика и среди русских ученых. Лишь время от времени в научных изданиях печатаются отдельные грамоты (главным образом молдавские), хранящиеся в русских библиотеках (см. выше). В трудах русских славистов (у В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, А. А. Кочубинского и др.) можно найти немало отдельных высказываний о важности румынских изучений для славистики. Но об этом говорили от случая к случаю, в торжественных речах. Так, академик А. И. Соболевский в своей речи на годовом собрании Академии Наук 25 декабря 1916 г. сказал: „Румынская старина, славянская и православная, нам близка не менее, чем южно-славянская, с которой мы так тесно связаны и которую мы так высоко ценим“.¹

¹ „Румыны среди славянских народов“. Оттиск из „Отчета о деятельности Академии Наук за 1916 год“, стр. 15.

Специальные исследования в области славяно-румынских отношений у нас связаны с именами только двух ученых — П. А. Сырку и А. И. Яцимирского. П. А. Сырку, большой знаток южно-славянской письменности, напечатал несколько этюдов общего характера о значении румыноведения для славистики. Много важных наблюдений можно найти в его трудах по болгарской письменности. Его высказывания лингвистического характера особой цены не имеют, — вероятно, и сам он не придавал им большого значения. Для нас особенно ценным является его посмертное издание грамот, хранящихся в архиве г. Сибина.

Валахия была тесно связана не только с Брашовом, но и с Сибином (рум. Sibiu, венг. Nagy-Szében, нем. Neugmaunstadt), с которым вела оживленные торговые дела. Этому способствовало выгодное географическое положение Сибина, находящегося у главного Карпатского прохода из Трансильвании. В архиве города хранится много валашских грамот, на которые впервые обратили внимание в середине 90-х годов прошлого столетия. Во время посещения Сибина Сырку списал 24 грамоты XV—XVII вв., которые предполагал издать с большим введением. Однако разные обстоятельства задержали выход этой работы. Лишь после смерти Сырку эти грамоты были подготовлены к печати и изданы Яцимирским, предпославшим изданию очень интересное предисловие, в котором даны оценка списанным копиям грамот и исследование их в историческом и стилистическом отношении.¹ Кроме сибиинских грамот, Сырку издал три брашовских грамоты. Первую он относит к Мирче Великому. Яцимирский убедительно показал, что эта грамота Мирчи II Чебана (1546—1554; 1558—1559), так как именно его мать называлась Дойка, как это отмечено в грамоте. Вторая грамота — Влада I Дракула; третья грамота — Басараба Нягое XVI в. В приложении к изданию напечатана грамота XVII в. Матвея Басараба, который ошибочно именуется Сырку Храбрым, и грамота

¹ „Из переписки румынских воевод с сибиинским и брашовским магистратами“, посмертный труд П. А. Сырку с предисловием А. И. Яцимирского, СПб., 1906.

1670 г. от Антония Воеводы (1669—1672), очень важная для истории сношений Валахии с Трансильванией.

Грамота Влада I Дракула позже была напечатана Богданом. Из сравнения изданий видно, что Сырку списывал свои копии небрежно: в них есть грубые ошибки. Так, в издании Сырку — *руках*, в издании Богдана — *рѣках*, — ошибка, которая может привести лингвиста к неверным выводам. Встречаем, как и в издании Милетича, ошибочные толкования текста. Так, из известного термина *вицавоевода* (*вицьвоевода*) Сырку сделал *воеводу Вицу: и кѣда доиде Вица воевода*. В нашем исследовании мы изредка приводим примеры из изданий Сырку как дополнительный материал. Они все имеют помету „С“ после которой указан номер грамоты.

Значительно больше было сделано А. И. Яцимирским. Большой знаток славянской письменности Валахии и Молдавии, румынской старины, Яцимирский открыл и опубликовал многие славянские памятники румынского происхождения.¹ Издания его отличаются точностью, в чем мы убеждались не раз при сличении их с оригиналами. Издавал Яцимирский преимущественно памятники религиозные.² Большое значение имеют его исследования истории славянской письменности в Валахии и Молдавии. Этому посвящены „Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. Введение к изучению славянской литературы у румын. Терновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним“ (СПб., 1906); значительная часть исследования „Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности“ (СПб., 1904) и его многочисленные статьи по различным проблемам славяно-румынских отношений. Далекий от лингвистики, Яцимирский вынужден был часто касаться лингвистических проблем: „Язык славянских грамот молдавского происхождения“ („Статьи по славяноведению“, III, стр. 154); „Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса

¹ См., например, его чрезвычайно ценные „Славянские и русские рукописи румынских библиотек“, СПб., 1905.

² Яцимирскому принадлежит издание 13 молдавских грамот XV в. из собрания Лукашевича (Москва) — „Древности“, IV, М., 1907, стр. 287—301.

о родине румынского племени“ (Сборник статей, посвященных Ламанскому, II, 1908, стр. 792) и др.

Все издания, монографии и отдельные этюды по вопросам румыно-славянских взаимоотношений являлись подготовительными работами для большого синтетического исследования истории славянской письменности в Валахии и Молдавии, подробный план которого был сообщен Яцимирским в „Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв.“ (стр. XI—XVI). Согласно этому плану, исследование Яцимирского должно было охватить все вопросы, связанные с историей письменности в Придунайских княжествах. Оно было задумано на широком историческом фоне. Специальные главы должны были рассмотреть вопрос о происхождении румынской народности, дать изложение истории Придунайских княжеств. Вторую главу автор предполагал посвятить изучению валашских и молдавских грамот („Памятники славянской письменности Валахии и Молдавии делового характера“). К сожалению, план этого обширного исследования не был выполнен. На тему второй главы предполагавшегося исследования Яцимирский напечатал лишь несколько ценных статей: „Валашские грамоты в палеографическом и дипломатическом отношении“ (Р. Ф. В., 1905, № 3), „Славянские грамоты Брашовского архива в палеографическом и дипломатическом отношении“ (Р. Ф. В., 1907, № 1), „Молдавские грамоты в палеографическом и дипломатическом отношении“ (Р. Ф. В., 1906, № 1 и 2) и много мелких заметок. Во всех этих работах Яцимирский обнаружил глубокую эрудицию в области истории Придунайских княжеств, их политических и экономических взаимоотношений с соседними государствами, особенностей быта населяющих их народов и пр. В этих работах Яцимирского много нового, оригинального. Никак нельзя согласиться с проф. Милетичем, который одну из статей Яцимирского („Славянские грамоты Брашовского архива“) назвал „съвсем лека компилативна статийка“ („Към грамотите от брашовската сбирка“, стр. 18). Эта статья является результатом собственных наблюдений, а не компиляцией. Исследования Яцимирского в области славянской письменности у румын, его издания получили широкое признание. „Д-р А. И. Яцимирский является

очень хорошим знатоком славяно-румынских рукописей и нашей старой литературы“, — писал проф. Богдан.¹

Историей славянской письменности в Молдавии занимался С. Н. Чебан. Он напечатал монографию „Досифей, митрополит сочавский и его книжная деятельность. К истории румынской письменности и румыно-русских литературных отношений XVII в.“ (Киев, 1915) и несколько статей.

Интерес к славянским рукописям румынского происхождения у самих румын появился в 60—70-х годах прошлого столетия. Они вынуждены были приступить к изучению славянских языков, своей славянской письменности. Без этого невозможно было всестороннее изучение прошлого румынского народа, так как большинство исторических памятников было славянских. В свое время проф. Л. Милетич сообщил во многих отношениях примечательный факт. Ценнейшие славянские грамоты г. Брашова впервые попали в руки румынскому историку Точилеску, который не смог их прочитать.² Румынский историк не знал языка, на котором написано огромное большинство румынских памятников до XVII столетия. Трудно себе представить историка Польши, не знающего латинского языка! Всё славянское у многих румынских историков и филологов вызывало такие эмоции, которые делали невозможным никакое объективное исследование. В известном труде по истории румынского языка и румынской литературы проф. А. Денсусияну читаем: „Одной из самых несчастных случайностей для языка, культуры и даже целостности румынского элемента было соприкосновение (contactulu) румын со славянами и введение славянского языка в церкви и в государстве“.³ Тем не менее расширение научных интересов и новые задачи, поставленные перед румынской наукой во второй половине XIX в., заставили румынских ученых обратить серьезное внимание на „эпоху славизма“. Среди них прежде всего

¹ „Letopiseşii lui Azarie“, „Analele A. R.“, t. XII, M. S. J, p. 62 (отдельный оттиск, p. 6).

² „Нови влахо-български грамоти от Брашов“, стр. 6. Это не помешало ему очень неисправно издать несколько славянских грамот XV—XVII вв. в своем журнале „Revista...“

³ „Istoria limbii și literaturii române“, 1894, p. 75.

следует упомянуть румынского слависта проф. Хаждеу, посвятившего много внимания изданию и изучению средневековых славянских памятников Румынии. Занимался он и грамотами.¹ В своих изданиях Хаждеу допускал много ошибок и не соблюдал необходимых требований, которые ставятся перед издателем старых документов. Пользоваться его изданиями для лингвистических целей невозможно. Они могут быть привлечены лишь как дополнительный материал для характеристики топонимии, персоналий и лексических заимствований. Нельзя пройти мимо работ трудолюбивого ученого-дилетанта епископа Мельхиседека. Отсутствие необходимой методологической дисциплины и навыков критического анализа не помешали Мельхиседеку извлечь интересный новый материал, обработать его и сделать доступным для исследования.² В своих исследованиях Мельхиседек, далекий от антиславянской демагогии, высказал немало верных и трезвых мыслей, которыми мы в своем исследовании воспользовались. Наибольшую ценность имеют его работы по эпиграфике.

В „Revista pentru istorie, archeologie și filologie“ часто встречаем издание молдавских грамот Д. Ончула (vol. VII, fasc. II, p. 367), Т. Буреды (ан. III, vol. V, p. 392).

Встречаем издание старых валашских и молдавских грамот в румынских переводах в серии Теодора Кодреску „Uricariu saū colecțiune de diferite acte, care pot servi la istoria românilor“, которая выходила в Яссах с середины прошлого столетия. Издал очень исправно несколько древнейших валашских грамот А. Штефулеску в своем труде, посвященном истории Тисманского монастыря — „Mînăstirea Tismana“ (București

¹ В 1865 г. Хаждеу издал грамоты, хранящиеся в архиве Львова, о которых речь была выше („Archiva istorica a Romaniei“, „Colecțiune critica de documente asupra trecutului“, B., 1865. В этом же издании напечатаны и другие грамоты, см. vol. I—IV. Несколько грамот помещены в издании „Columna lui Trajan“. К своему труду „Negru-Voda“ (B., 1898) он приложил исполненные в красках снимки с грамот валашских господарей Владислава, Раду Негру и Александра.

² См. „Catalog de cartile serbesci și russesci manuscrise vechi, ce affa în biblioteca s. manastiri Nemțului“, „Revista pentru istorie, archeologie și filologie“, an. II, vol. I; an. II, vol. IV; an. I, vol. I; an. I, vol. VII и др.

1903). Историком важно учесть издание 52 славянских и румынских грамот (древнейшая 1458 г.) V. A. Urechia (см. „Analele Academiei Romane“, ser. II, vol. XI).

Систематическая и углубленная работа над изучением славянских рукописей румынского происхождения началась с момента организации в 1891 г. в Бухарестском университете кафедры славянской филологии, которую возглавил И. И. Богдан. Его интенсивная деятельность проявилась главным образом в издании старых текстов. Укажу „Vechile cronice moldovenești până la Ureche. Texte slave cu studii, traducere și cu două fascimile“, B., 1891; „Cronice inedite atingă toare la istoria românilor“, 1895; „Documente, privitoare la relațiile țării Românești cu Brașovul și cu țara Ungureasca in sec. XV și XVI.“ 1905; „Documentele lui Ștefan cel Mare“, vol. I, II, 1913, и мн. др. Богдану же принадлежит превосходное издание славянского перевода летописи Манасии с указанием всех разночтений по всем спискам. Только благодаря изданиям Богдана возможно в настоящее время изучение языка славянских памятников Валахии и Молдавии. Об изданиях проф. Богдана А. И. Яцимирский справедливо писал: „И в общих приемах издания, и в каждой подробности объяснений к текстам видна глубокая научная школа И. Богдана, строгая дипломатическая и палеографическая дисциплина, умение проникнуться самодовлеющим интересом к каждому незначительному на первый взгляд сообщению документа“.¹ Слова эти, относящиеся к изданию документов Стефана Великого, могут с полным основанием быть отнесены ко всем изданиям румынского слависта. Издания Богдана сопровождаются обстоятельным историческим и филологическим комментарием, в котором издатель всегда обнаруживает исключительно глубокую эрудицию во всех областях румынской и славянской старины. Богдану принадлежит несколько этюдов по вопросу славяно-румынских взаимоотношений, о языке молдавских грамот и др. Большую ценность представляют его введения к изданиям старых текстов.

¹ Р. Ф. В., 1915, № 2, стр. 416.

В основу нашего исследования мы положили тексты брашовских грамот в издании проф. Богдана. Это издание вышло в 1905 г.; оно содержит грамоты до конца правления Раду IV Великого: „Documente privitoare la relațiile țării Românești cu Brașovul și cu țara Ungurească în sec. XV și XVI“. Texte slave cu traduceri, adnotațiuni istorice și întroducere asupra diplomaticei vechi românești de J. Bogdan prof. la Universitatea din București, membru al Academiei Române, vol. I, 1413—1508, B., 1905, p. CVIII—400. К изданию приложен был альбом „Paleographisches Album enthaltend sechszwanzig Abbildungen rumänischer Urkunden aus dem XV. Jahrh.“.

Выше мы попутно сообщали о работе Богдана над изучением и изданием славянских грамот брашовского архива. Над изданием этих грамот он работал в течение многих лет, имея возможность много раз сверять свои копии с оригиналами. В 1902 г. вышло в свет предварительное издание небольшой части этих грамот в румынском переводе специально для историков („Documente și regeste“), вызвавшее неодобрительный отзыв Точилеску. Но лишь в 1905 г. появилось полное издание всех грамот до 1508 г. Оно включает в себе 250 славянских и 62 латинских грамоты. Особенно ценно введение, в котором сообщается много сведений о самих грамотах, об их внешних особенностях, языке и пр. Все славянские грамоты имеют румынский перевод. Многие из них обстоятельно комментируются. Издатель проделал большую работу для установления точной хронологии грамот, что требовало от него знания многих мелких фактов из румынской истории. Указание на имя воеводы не всегда может служить надежным основанием для хронологии, так как валашские воеводы часто носили одни и те же имена (например, Влад или Раду). Нужно было отыскать какие-то дополнительные данные (намеки на какое-либо историческое событие, упомянутые имена родственников и пр.). Все это было выполнено Богданом с большим тактом и превосходным знанием дела.

Точность изданий проф. Богдана не вызывает подозрений. Это подтверждает и альбом, который дает возможность проверить издание грамот, вошедших в него. Тем не менее нельзя согласиться со всеми принципами издания Богдана, которые

он проводит последовательно. Так, он никогда не передает надстрочных знаков, которыми так богат текст грамот (титлы, ударения, придыхания и др.). Издатель не отмечает делений на строки в оригиналах. Все это, несомненно, ограничивает возможность использования этого превосходного издания для изучения фонетики, отчасти и морфологии. Так, указание на конец строки может объяснить некоторые пропуски букв.¹

Все цитаты из издания Богдана в нашем исследовании имеют помету „В“. Римская цифра указывает номер грамоты, арабская — страницу.

Выше мы указали на издание сибирских грамот П. Сырку. Среди румынских ученых интерес к этим грамотам обнаружился в начале XX в. Находим 22 грамоты в издании Николаеску — „Documentele slavo-române cu privire la relațiile țării Românești și Moldovei cu Ardealul“ (В., 1905). Лучшее издание сибирских грамот принадлежит профессору Клужского университета Сильвиу Драгомиру, хорошо известному своими работами по вопросам истории русско-румынских взаимоотношений (см. его раннюю работу о русско-румынских религиозных отношениях в XVII в. — „Analele Academiei Române“, t. XXXIV, 1912). В издании Клужского института национальной истории проф. Драгомир напечатал 70 грамот из архива барона Брукенталя в Сябине — „Documente noua privitoare la relațiile țării Românești cu Sibiul în sec. XV și XVI“. Среди изданных грамот 50 валашских. Древнейшие из них восходят к господарю Раду III Красивому. В своем издании Драгомир следует принципам Богдана (см. выше), памяти которого он посвящает свой труд.

Значительное число исследований в области славяно-румынских языковых отношений принадлежит ученику Богдана, Илье Барбулеску. В отличие от своего учителя, проф. Барбулеску уделяет внимание главным образом общим вопросам. Его исследования посвящены многим проблемам славяно-румынских языковых отношений. С 1899 г., когда вышла его небольшая

¹ Об этом см. в рецензии Яцимирского, Ж. М. Н. П., июнь, 1907, стр. 438—439. Никак нельзя согласиться с отзывом об изданиях Богдана проф. Огиенко, см. его статью в „Omăgiu profesorului Ilie Barbulescu la 25 ani de profesorat, „Arhiva“. XXXVIII, 2—4, 1931.

диссертация на хорватском языке „Fonetika ćirilске азбуке и писању Румунскога језика XVI и XVII вијека у свези са српско-славенским, бугарско-славенским и румунско-славенским споменицима“, проф. Барбулеску напечатал много исследований: „Cercetare istorico-filologice, II, Slavonismul și introducerea limbii române“, 1900; „Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi“ („Zbornik u slavu Jagića“, Berlin, 1908); „L'origine des plus anciens mots et institutions slaves des roumains“ (юб. сб., Бобчев, София, 1921); „Curențele literare la Români în perioada slavonismului cultural“, 1928; „Istoria literaturii și gramatica limbii bulgare vechi“, 1930 и др. Из его изданий грамот укажу на грамоту Василия Лупула 1650 г. (см. „Revista“, an. V, vol. IX, p. 84).

Исследования проф. Барбулеску не всегда могут быть признаны объективными. Очень часто он слишком пристрастно решал вопросы о роли славянства в истории румынского языка, народа и самой культуры. Он часто отдавал дань временным настроениям, которые нередко толкали его на путь националистической демагогии. Отсюда не только его многие совсем необоснованные утверждения, но и многочисленные противоречия, на которых нам придется остановиться ниже. Без достаточных оснований проф. Барбулеску пытался пересмотреть и заново объяснить некоторые важнейшие вопросы румынской истории, что нашло суровую оценку в знаменитом труде Александра Филиппиде.¹ Тем не менее многочисленные труды Барбулеску дают немало для истории славяно-румынских языковых отношений. Он первый серьезно поставил вопрос о периодизации славянских элементов в румынском языке. В этих его наблюдениях есть много ценного и правильного. Верно в конце концов он решил вопрос об этнической принадлежности дакийских славян, для чего он воспользовался не только данными языка, но и народными обычаями. Много сделал И. Барбулеску как многолетний руководитель румынской славистики и как учитель многих румынских славистов.

¹ „Originea Românilor I. Ce spun izvoarele istorice“, 1923—1925, p. 804—824.

Подводя итог нашему обзору, в котором мы указали также важнейшие работы и в области молдавской дипломатики, мы можем констатировать, что интерес к славянским грамотам Румынии был значителен. Однако издавали и изучали эти грамоты почти исключительно историки и краеведы, среди которых часто встречаем простых любителей своей старины, а не ученых. Лишь издания проф. Богдана дают возможность в настоящее время исследовать некоторую часть валашских и молдавских грамот не только в историческом, но и в языковом отношении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОЧНИКИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ВАЛАХИИ

В современной науке широко распространено мнение, согласно которому славянская письменность в Валахии появилась в самом конце XIV столетия. В сводных работах по истории южнославянской письменности, в специальных монографиях и статьях мы постоянно встречаемся с утверждением, что славянская письменность в Придунайских княжествах появилась в связи с тем, что деятели болгарского просвещения и культуры бежали в конце XIV в. в соседние свободные княжества и уже на чужой почве продолжали трудиться над списыванием старых книг, обучая в то же время местных людей всем премудростям славянской и греческой книжности. До этого переселения (т. е. до самого конца XIV в.) славянской письменности не было. Приведу одно из многочисленных подобных высказываний, принадлежащее проф. С. Романскому: „О книжной деятельности в самой Валахии и Молдавии до XV ст. едва ли можно говорить, потому что тогда еще не были созданы те условия для книжной деятельности которые в то время были необходимы и благодаря которым могла расцвести книжность в самой Болгарии. Валашские и молдавские господа еще не окрепли как самостоятельные правители, чтобы быть покровителями мирного культурного развития своих государств. Известно, что в конце XIV ст. валашское воеводство едва насчитывало одно столетие своего существования, а молдавское — лишь полстолетия. Относительно же монастырей — второго главного условия книжной

деятельности религиозного характера, какой имела вся тогдашняя литература, то они организованы были в Валахии и в Молдавии лишь во второй половине XIV ст. пришельцами монахами, в большинстве учениками о. Феодосия и патриарха Евфимия... Итак, о самостоятельной книжной деятельности за Дунаем может быть речь с самого конца XIV ст., именно со времени большой катастрофы, которая постигла Болгарию. В это время румынские земли приобрели очень много видных светских и духовных беженцев из Болгарии, которые несомненно и явились первыми пионерами книжной деятельности в Валахии и Молдавии".¹ Аналогичных высказываний из работ славянских и румынских ученых можно привести много. Все они отличаются такой же категоричностью в выводах и крайней неопределенностью доводов. В самом деле, предположение строится на априорном заключении, что в Валахии и в Молдавии не было условий для возникновения письменности, а раз она возникла, то, несомненно, под влиянием бежавших из Болгарии книжников — этих „пионеров“ славянской письменности в Придунайских княжествах. Для многих румынских исследователей взгляд этот был весьма приемлемым, так как он подчеркивал, что славянская культура в Румынию была занесена извне и не имела внутренних корней для своего развития. Охотно его поддерживали и болгарские ученые, так как, согласно этому взгляду, вся славянская письменность у румын является болгарской, первыми ее устроителями у них были болгары. В действительности взгляд этот, получивший широкое распространение и в трудах беспристрастных ученых,² очевидно несостоятелен и рушится при первом же знакомстве с славянской письменностью Валахии и Молдавии.

Константин Костенческий в своих „Сказаниях и письменах“ пишет, что после разорения Терновской земли ее книгами просвещаются окрестные цари и земли (просвѣщають се окръстниі царіе и земліе). Это место в труде прославленного

¹ „Българската книжнина в Ромъния и едно нейно произведение,“ „Известия на семинара по славянска филология при университета в София,“ 1906, стр. 25—26.

² См., например, М. Мурко, *Geschichte der älteren sudslavischen Literaturen*, Leipzig 1903.

славянского книжника дало основание академику И. В. Ягичу,¹ а за ним А. И. Яцимирскому² сделать справедливый вывод, что под окрестными землями автор разумеет Придунайские княжества (Ягич видит в этом месте намек и на Россию). Действительно, Константин, перечисляя все страны, где славянская письменность „растленна“, не упоминает ни Валахию, ни Молдавию. Однако это же место дает основание Яцимирскому в его весьма спорной реконструкции биографии Григория Цамблака утверждать, что до разорения Тернова славянской письменности к северу от Дуная не было и что „историю этой письменности (в Молдавии. — С. Б.) можно начинать как раз с двадцатых годов XV века“.³ Это толкование является совершенно произвольным. Константин говорит лишь, что после разорения его родной земли славянскими письменами пользуются в окрестных землях. Текст „Сказаний“ можно скорее толковать в том смысле, что после падения Тернова лишь в Придунайских княжествах продолжают свободно пользоваться славянскими письменами. Но в таком случае данный текст свидетельствует против предположения А. И. Яцимирского. Думаем, однако, что ввиду крайней неопределенности данного высказывания К. Костенческого придавать ему значение в решении общей проблемы не следует. Желая во что бы то ни стало связать возникновение славянской письменности в Молдавии с деятельностью Григория Цамблака, Яцимирский всякий намек толкует в том смысле, что славянская письменность у румын возникла поздно. В полном согласии с проф. Романским Яцимирский пишет, что славяно-румынская письменность „начинается в первых годах XV века, т. е. сейчас же после падения Тернова и Видина“.⁴ Эта мысль, нашедшая широкое распространение в трудах по истории южно-

¹ „Исследования по русскому языку“, I, 1895, стр. 517.

² „Григорий Цамблак.“ Очерк его жизни, административной и книжной деятельности, СПб., 1904, стр. 307.

³ Там же. Правда, в дальнейшем автор вынужден указать, что в Валахии „должны будем признать большую древность за славянской культурой... относительно с Молдавией“ (стр. 339).

⁴ „Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии“, 1906, стр. XIV.

славянской и румынской письменности, стоит в явном противоречии с фактами, которые в большом числе представляют история Валахии, история румынской церкви и история самой письменности.¹ Прежде чем перейти к систематическому изложению этих фактов, укажем на противоречивость высказываний цитированных авторов, которая нами объясняется тем, что свои гипотезы они строили произвольно. Желая доказать особое значение болгарской письменности в деле возникновения и организации славянской письменности в Валахии, проф. С. Романский утверждает, что до XV в. письменности в Валахии не было. Но в другом месте, решительно выступая против мысли о возможности существования в Валахии до православия христианства римского образца, автор пишет, что еще в XIV столетии в Валахии была распространена церковная письменность на славянском языке. Эти памятники не сохранились потому, что они были заменены новыми, привезенными беженцами из Болгарии. „Этим можно объяснить тот факт, что теперь не находим славянских книг, употреблявшихся в румынской церкви в течение XIV века и раньше“ (подчеркнуто нами. — С. Б.).² Проф. Романский, ранее утверждавший, что болгарские беженцы в конце XIV в. „явились первыми пионерами книжной деятельности в Валахии и Молдавии“, в полном противоречии не только с собственными словами, но и с фактами говорит уже о существовании у румын славянской письменности до XIV в. И в работах А. И. Яцимирского находим подобного рода противоречия. Наряду с многочисленными утверждениями, что в Молдавии и в Валахии письменность на славянском языке возникла в XV в. в связи с падением Тернова и Видина, мы можем найти

¹ Большой знаток средневековой болгарской письменности К. Радченко справедливо писал: „Вообще нам кажется, что г. Романский преувеличивает несколько роль, какую играла Болгария в возникновении славяно-молдавской письменности“ (Ж. М. Н. П., 1907, июнь, стр. 421).

² Цит. соч., стр. 25. Ср. еще: „Из всего того, что было сказано о государственной и церковной дружбе румынских земель с болгарскими с учетом болгарской культуры и литературы в Румынии после падения Болгарии, можем наверно заключить, что еще до XV в. там употреблялись болгарские книги и болгарский литературный язык“ (стр. 24).

у него мысли и иного характера: „Он (Цамблак. — С. Б.) работал в Молдавии, в стране, где до начала XV века славянская письменность была во всяком случае мало развита“.¹

О времени появления в Валахии церковной письменности на славянском языке можно судить на основании некоторых фактов из истории православной валахской церкви. Краткая справка из истории церковной организации и богослужения дает неопровержимые доказательства того, что уже в середине XIV в. на всей территории Валахии существовало славянское богослужение, т. е. православное богослужение на славянском языке. Организация такого богослужения требовала большого количества славянских канонических книг.

Историки румынской церкви не располагают точными данными о времени появления христианства у румын. „Самое обращение их (румын. — С. Б.) в христианство и процесс этого обращения, — писал С. Н. Палаузов в 1859 г., — покрыты еще непроницаемой тайной“.² Почти то же писал заслуженный историк церкви проф. Е. Голубинский: „О принятии румынским народом христианской веры нет никаких, ни нарочных, ни случайных известий и записей, так что касательно подробностей их обращения совершенно ничего не может быть сказано“.³ Аналогичные высказывания мы найдем в трудах всех объективных историков. „Трудно установить, — писал Н. Бларамберг, — когда эта нация (валахи. — С. Б.) приняла христианство“.⁴ Большой знаток канонической истории румын проф. А. И. Яцимирский писал: „О более раннем периоде церковной жизни у румын, приблизительно до XIV века, мы ничего определенного не знаем“.⁵ Отсутствие надежных данных не удерживает, однако, многих румынских историков от смелых гипотез, относящих появление христианства в Дакии

¹ „Григорий Цамблак“, 408—409.

² „Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении“, СПб., 1859, стр. 2.

³ „Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской“, М., стр. 346.

⁴ „Essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie“, 1888, p. 402.

⁵ „Григорий Цамблак“, стр. 60.

к первым векам нашей эры. Такими гипотезами полны не только старые работы по истории румынской церкви,¹ но и новейшие, принадлежащие перу известных историков.²

В настоящее время о реальной истории румынской церкви можно говорить лишь от середины XIV в. и лишь о истории православной церкви. Сообщения Д. Кантемира и Паисия Хиландарского о существовании у румын в древности латинского богослужения, сообщения, которым многие румынские ученые придают первостепенное значение, не могут быть приняты без специальных разысканий. Может быть, в дальнейшем историкам удастся доказать справедливость этих старых преданий, возрожденных в период возникновения латинизации, увлечения, которое и по сей день руководит пером многих румынских националистов. Может быть, в связи с этим будет разгадан генезис многих румынских церковных терминов латинского происхождения.³

С середины XIV в. идут первые сведения о существовании в Валахии своей так называемой угро-влахийской митрополии. Из актов Константинопольской патриархии мы узнаем, что воевода валашский Александр в 1359 г. просил назначить архиерея, который должен был бы руководить на месте валашской церковью.⁴

Непосредственная зависимость валашской церкви от Константинопольской патриархии, установленная воеводой Александром в 1359 г., существовала недолго. Уже в последней четверти XIV в. Валахия в церковном отношении вновь подчиняется славянам. Так, обе валашские митрополии (в 1370 г. была организована в Валахии вторая митрополия) находились

¹ Scriban, *Istoria bisericesca a românilir*, p. 4; Xenopol, *Istoria românilor*, vol. II, p. 80—105; Predeanu, *Existența și organizația ierarhiei bisericesti* и др.

² См. исторический очерк Н. Йорги, *Istoria Bisericii Românești*, 1928.

³ Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если вспомним, что и в культовом языке православных славян немало слов латино-германского происхождения, что в свое время совершенно неосновательно давало повод ученым отрицать болгаро-македонское происхождение старославянского языка.

⁴ Miklosich et Müller, *Acta Patriarchatus Constantinopolitani*, 1860, I, p. 383.

в зависимости от Охриды. Патриарх Антоний писал Мирче I: „и архиепископ ваш охридский согласился на это и дал свое благословение“.¹ По мнению большинства румынских историков, зависимость валашской церкви от Охриды идет от последней четверти XIV столетия.² Охридские патриархи в течение XV в. титуловались „блаженными архиепископами первой Юстинианы и всем болгарам и сербам и дакийским землям обладателями“.³ Правда, нередко Охридская архиепископия не могла реально пользоваться своей властью по причине смут, раздиравших в это время Сербию.⁴

Теснейшая связь между валашской церковью и терновской в последней четверти XIV в. подтверждается многочисленными примерами. О большой популярности патриарха терновского Евфимия среди валашского духовенства сохранилось много свидетельств.⁵ Евфимий находился в переписке с верховными руководителями валашской церкви Никодимом и Антимом, которым давал разъяснения по многим вопросам православной канонической юрисдикции.⁶ Еще во времена Феодосия Терновского в Болгарию приходили в большом числе валашские монахи. Много их находим в Парории среди учеников Григория Синаита.

В настоящее время общепринятым является мнение, что православие в Валахию было перенесено из Болгарии, отсюда же были получены важнейшие канонические книги так как богослужение происходило на славянском языке. „Румыны, — писал проф. И. Богдан, — которые во время существования Византии приняли восточный обряд христианской церкви через болгар, остались верны ему до сих пор“.

¹ „Acta Patriarchatus Constantinopolitani“, t. II, p. 230; Яцимирский, Григорий Цамблак, стр. 61.

² Хенорол, *Istoria Românilor*, v. III, p. 106.

³ „Григорий Цамблак“, стр. 292.

⁴ И. С. Пальмов, Новые данные к истории охридской архиепископии, XVI, XVII и XVIII вв., „Славянское обозрение“, год II, СПб., 1894, стр. 195—236.

⁵ Романский, цит. соч., стр. 14—15.

⁶ См. об этом у Калужняцкого — *Werke des Euthymius*, Wien, 1901, и П. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, СПб., 1898, стр. 574.

Яцимирский указывает, что все формы церковной иерархии румыны заимствовали у болгар.¹

Все эти факты, хорошо известные историкам православной церкви, дают нам возможность утверждать, что церковная письменность (Апракос, Четвероевангелие, Апостол, Псалтырь, Триодь, Паремейник и другие церковные книги) была широко распространена в Валахии в XIV в. Она находилась в тесной зависимости от официальной болгарской письменности, и это выразилось между прочим в том, что в Валахии не переводили церковные книги с греческого, а переписывали лишь болгарские переводы.² Но переписывались эти переводы интенсивно в различных областях Валахии, главным образом по монастырям, которые в большом числе начали возникать на территории Валахии с середины XIV в. Впоследствии число монастырей возросло чрезмерно. „Ни одна страна не располагала таким большим числом монастырей, скитов и церквей, как Румыния“, — писал Д. Фрунзеску.³ Итак, ко времени падения Болгарии в Валахии уже несколько десятков лет существовала славянская церковная письменность. Будучи первоначально заимствованной из Болгарии, она здесь, в Валахии, получила дальнейшее развитие, приобрела много особенностей, которых современная ей болгарская церковная письменность не знала. Укажем на некоторые из них.

При решении вопроса о возникновении славянской письменности в Валахии исследователь должен обратить особое внимание на орнамент, технику переплета и окладов, на почерки. Хорошо известно, как много дает анализ орнаментальной техники для датировки рукописи, для истории культурных и этнических взаимовлияний. Анализ орнамента церковных памятников Валахии неопровержимо свидетельствует, что славянская письменность в областях к северу от Дуная к концу XIV — началу XV в. прошла долгий путь развития, во многих

¹ „Григорий Цамблак“, стр. 58.

² П. Сырку, Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе, СПб., 1884, стр. VI—VII.

³ Dicționarul topografic și statistic, B. 1872, p. XVII. Цит. по книге проф. Яцимирского „Григорий Цамблак“, стр. 323.

отношениях совершенно самостоятельный. Если бы беженцы из поработанной Болгарии явились пионерами славянской письменности здесь, как думают многие исследователи до сих пор, то вся орнаментальная техника ранних валашских рукописей, начиная от заставок и кончая переплетом, должна была бы быть простым повторением того, что в этом отношении характеризует болгарские рукописи эпохи Иоанна-Александра и его преемников. Но это не так! Орнамент валашских (а равно и молдавских) рукописей XV в. резко отличается от болгарского. Сильно отличается он и от сербского орнамента, который даже во времена деспота Стефана Лазаревича значительно уступал в художественном отношении валашскому. Если отрицать все предшествующее самостоятельное развитие славянской письменности в Валахии, то мы не сможем никогда объяснить это различие и вынуждены будем вслед за Буслаевым повторять, что валашский и молдавский орнамент „не восходя ранее XV века, вдруг (разрядка наша. — С. Б.) проявляется в своем высшем развитии изящного стиля“.¹

В отличие от болгарского тератологического стиля, восходящего своими корнями к классическому византийскому орнаменту, валашский и молдавский орнамент связан в значительной своей части не с византийской, а с западной (латинской) техникой. Исследователи уже давно обратили внимание на высокую и богатую технику валашского и молдавского орнамента, на его обособленность от орнамента южнославянского. Правда, встречаются рукописи валашского происхождения, орнамент которых находится под сильным влиянием болгарского. В этом нет ничего удивительного. В Валахии существовали различные орнаментальные школы, болгарский орнамент там был хорошо известен. Однако важно указать, что таких рукописей было мало и, что самое главное, они создавались в небольших, отдаленных монастырях. Господствующая орнаментальная техника Валахии и Молдавии резко отличается от болгарской и стоит много выше последней. Исследования орнамента древнейших валашских церковных памятников начала XV в. (памятники XIV в. до нас не дошли) свидетельствуют,

¹ Известия на семинара по славянска филология, I, стр. 29.

что в начале XV в. в Валахии был уже свой установившийся стиль со старыми и крепкими традициями, связанными в значительной степени с орнаментальными традициями Венгрии и Польши. Этот художественный синкретизм Валахии и Молдавии, соединивший в себе влияние Запада и Востока, объясняется географическим положением этих государств. „Положение Балканского полуострова на путях между Азией и Европой определяет отношение населявших его в средние века народов к двум культурным мирам — восточному и западному. Тесное соприкосновение с Востоком, входившим в изменчивые пределы Византийской империи, и оживленные сношения с Западом через Далмацию и открытые северные границы имели следствием проникновения в искусство этих народов и слияние в нем художественных форм, очень далеких друг от друга по своему происхождению“.¹ В северных Придунайских областях более сильным оказалось западное влияние. Здесь это сказалось во всех видах искусства. Сильное влияние готического стиля находим в средневековой румынской архитектуре. „Кроме того, оригинальность румынского стиля (в постройке церквей. — С. Б.) заключается в смешении стилей византийского и готического, который занесен был сюда из-за Карпатских гор, из Трансильвании и Венгрии мастерами-каменотесами саксонцами. Готические формы, которые так великолепно гармонируют с румыно-византийскими, мы находим главным образом в устройстве дверей и окон“.² Мы знаем, что в Придунайские княжества присылали зодчих и живописцев из Италии. Так, в Венецианском архиве хранится документ 1560 г., из которого мы узнаем, что венецианский дож посылал молдавскому господарю Александру Лапушняну для постройки храма живописцев и архитекторов.³ Влияние Запада во всех областях искусства Валахии и Молдавии свободно могло идти через Венгрию и Польшу.

¹ Н. Л. Окунева, Некоторые черты восточных влияний в средневековом искусстве южных славян, „Сборник в чест на Златарски“, София, 1925, стр. 229.

² См. цитату из Богдана („Cultura vechi româna“) в книге „Григорий Цамблак“, стр. 327—328.

³ „Revista pentru archeologie“, II, p. 141.

Поэтому высокое развитие валашского и молдавского орнамента вовсе не нужно объяснять „природным вкусом румын“ или „потребностью этой нации к изящному“.¹ Это объяснение тем более неуместно, что с падением славянской письменности и развитием письменности на румынском языке наблюдается падение орнаментальной техники. Богатый валашско-молдавский орнамент славянских рукописей XV—XVII вв. сменяется совершенно неоригинальным и технически посредственным цветочным орнаментом стиля Возрождения, который можно встретить даже в печатных румынских книгах. С падением славянской культуры наблюдается падение и других видов искусства, главным образом архитектуры.

Этот художественный синкретизм можно наблюдать и в искусстве сербов, хорватов и даже болгар (правда, у последних при господствующей византийской традиции западное влияние представлено слабо). В последнее время историки искусства обратили внимание на то, что западные влияния в области орнамента встречаются у народов к югу от Дуная, в частности у болгар. Исследователи средневековой болгарской живописи не раз отмечали, что она мало оригинальна, восходя во всех своих основных чертах к византийской. Это ясно обнаруживается даже при самом поверхностном сравнении болгарских и византийских фресок и миниатюр. „Эта мода на царградские утонченности, — справедливо писал А. Грабар, — не требует особого объяснения для придворной живописи Тернова и провинциальных замков“.² Однако тот же исследователь обратил внимание на то, что среди болгарских миниатюр второго болгарского царства встречаются влияния иной (западной) традиции: „Есть миниатюры и есть стенописи той же эпохи „Второго царства“, которые стоят совершенно особняком и не находятся ни в какой зависимости ни от византийских оригиналов, ни от их болгарских воспроизведений. Как объяснить себе этот диссонанс? И откуда могла явиться в Болгарии XIII и XIV веков эта „особая“

¹ „Григорий Цамблак“, 382—383.

² „До-история“ болгарской живописи“, „Сборник в чест на Златарски“, София, 1925, стр. 556.

категория живописи?"¹ А. Грабар находит подобного рода миниатюры в Добрейшовом четвероевангелии XIII в. Автор замечает, что в современном этим миниатюрам греческом искусстве можно указать только две серии изображений евангелистов, причем обе эти серии происходят из южной Италии. Напротив, среди ранних латинских памятников той же эпохи встречаем целую серию аналогий. Так, в евангелии находим портрет попа Добрейшо, который изображен без усов и бороды, с короткими волосами, в темной длинной одежде и с полотенцем в руках. „Как мог в самом деле болгарский священник XIII века быть без бороды и без длинных волос? Почему он без фелони и эпитрахили? Что значит это „полотенце“, неизвестное в практике православной церкви?"² Все это легко объясняется, если выйти из круга византийских (православных) схем и расширить круг сравнения привлечением западных (католических) образцов. Так, „полотенце“ в руках, отсутствующее в миниатюрах греческих и славянских, часто находим в латинских портретах клириков. Наблюдение А. Грабара свидетельствует, что не только на территории старой Дакии, но и к югу от Дуная нужно считаться с фактами влияния латино-романской культуры в средние века.

Исключительно глубоким и всесторонним влияние это было в Трансильвании, Валахии и Молдавии, и его результатом между прочим явилось возникновение отличного от болгарского орнамента старых румынских рукописей славянского происхождения.³

Это показывает, что церковная славянская письменность Валахии уже к XV в. отличалась значительной самостоятельностью и оформилась раньше, нежели началось бегство книжных людей из Болгарии после злополучного 1393 г.

В цитированной выше работе проф. С. Романского читаем: „Вот почему, мне кажется, можно предполагать, что и эта характерная черта влахо-молдавских рукописей (великолепный орнамент, отличный от болгарского. — С. Б.) является дальнейшим

¹ Там же, стр. 558.

² Там же, стр. 562.

³ Вопросу происхождения валашского орнамента будет посвящена специальная работа.

развитием не успевшего еще развиться изящного изготовления рукописей в самой Болгарии. Здесь, в Румынии, орнамент успел достигнуть вершины в своем развитии благодаря тем богатствам, которыми располагали здешние монастыри и которые благодаря этому могли предоставить благоприятные условия для процветания письменности и искусства¹. Это высказывание свидетельствует, что автор не сравнивал валашский и болгарский орнаменты, иначе он сразу бы обнаружил их коренное различие. Но оно же находится в противоречии с тем, что писал сам Романский в той же работе о возникновении славянской письменности в Румынии. В цитате, которую мы выше уже приводили, проф. Романский писал, что до начала XV в. письменность в Валахии не могла появиться, так как государство было молодое, господа занимались больше войнами, на развитие культуры в стране обращали мало внимания, а монастыри только что появились и еще не стали самостоятельными центрами культуры и просвещения. Лишь после падения Болгарии болгарские беженцы положили начало славянской письменности в Придунайских княжествах. Теперь же оказывается, что здешние монастыри создали настолько благоприятные условия для процветания письменности, что за несколько лет валашские мастера смогли выработать вполне оригинальный и высокохудожественный орнамент, какого Болгария не знала на протяжении 500 лет.

Всестороннее изучение церковной славянской письменности Валахии свидетельствует, что она имела глубокие корни в стране. Будучи заимствованной у болгар, она в течение XIV в. получила значительное развитие. Заняла господствующее положение та орфографическая школа, которая в самой Болгарии в XIV в. не имела широкого распространения, были созданы свои традиции орнамента, которые, вероятно, к концу XIV в. уже оформились в самостоятельный орнаментальный стиль. До нас, правда, не дошла ни одна рукопись XIV в., но церковные памятники начала XV в. настолько закончены в выражении особого, нового стиля славянской канонической письменности, что в их существовании не может быть

¹ Цит. соч., стр. 28—29.

никакого сомнения. Это же подтверждается и историей православной церкви в Валахии. Почему не сохранились церковные памятники XIV в.? Причин могло быть много. После падения Болгарии в Валахию нахлынуло много авторитетных церковных и книжных людей, которые развили здесь активную деятельность. Новые рукописи, вышедшие из-под пера многочисленных учеников патриарха Евфимия, подавили своим авторитетом старые. Последние были заброшены, их не охраняли. Кроме того, нужно иметь в виду, что впоследствии, особенно при господстве фанаристов, славянские рукописи в Придунайских княжествах нещадно истреблялись. Много подобных фактов приводит проф. Яцимирский.¹

От церковных памятников обратимся теперь к памятникам делового, канцелярского стиля — к грамотам. Всестороннее изучение этих памятников в еще большей степени подтверждает, что славянская письменность Валахии значительно старше конца XIV — начала XV в. и что она самостоятельнее, нежели обычно принято думать. Грамоты, в отличие от церковных памятников, сохранились от XIV столетия.

Древнейшая дошедшая до нас валашская грамота относится ко времени господаря Владислава (1364—1372). Она известна в издании Ю. Венелина, который, как мы уже указали, ошибочно отнес ее к 1342 г. Сохранилось несколько грамот от Раду I (1373—1384). От Мирчи Великого сохранилось свыше десяти грамот, часть которых, вероятно, падает еще на XIV в. Древнейшая датированная валашская грамота идет от 1379 г. Уже эти грамоты характеризуются многими стилистическими штампами. Они — не первый опыт валашской канцелярии. Можно утверждать, что грамоты на славянском языке писались в более раннюю пору, во всяком случае с середины XIV столетия.

Дошли до нас от XIV в. и молдавские грамоты. Старшая из них от 3 июня 1374 г. (принадлежит Югу Кориатовичу). От воеводы Романа сохранились грамоты от 30 марта 1392 г. и от 18 ноября (вероятно, того же года). Известны молдав-

¹ „Славянские и русские рукописи румынских библиотек“, СПб., 1905, стр. 223—225.

ские грамоты от 1388, 1395, 1400, 1402, 1403, 1404, 1407 гг. и др. Сохранились от этого времени латинские грамоты.

Таким образом, еще до падения Болгарии в канцеляриях валашских господарей писали грамоты на славянском языке. Славянский язык, стало быть, во второй половине XIV в. в Валахии был не только языком культа, но и литературным языком в широком смысле слова. Писались на нем дарственные грамоты, жалобы, фиксировались точные границы земельных угодий, подтверждались новыми документами старые имущественные и сословные права, выдавались охранные грамоты купцам, охотно посещавшим богатые Придунайские княжества, составлялись завещания. К этому же языку прибегали, когда нужно было увековечить память какого-либо важного лица на могильной плите. Так, древнейшая надмогильная валашская надпись идет от 1364 г. (надпись на могиле Николая Басараба). Надмогильная плита с надписью первоначально находилась в Кымпулунге (Долгополье), позже была перенесена в монастырь Вьерош. Сохранились славянские надписи на церковных предметах от XIV в. (надпись на плащанице монастыря Козии от 1396 г., надпись на колоколе Нянца от 1393 г.), подписи на печатях и монетах валашских и молдавских господарей от конца XIV в.¹ И все это имело место уже в XIV в., т. е. в начальную пору государственной жизни Валахии.

Итак, если о существовании валашских церковных памятников XIV в. можно лишь предполагать на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов, то памятники деловые, а также надписи на различных предметах от XIV в. сохранились до наших дней. Еще задолго до бегства книжных людей из Болгарии в Валахию в канцеляриях валашских господарей писали грамоты на славянском языке.

Выше мы уже отмечали, что славянская письменность Валахии религиозного содержания заимствована была вместе с православным культом от болгар. Зависимость этой письменности от болгарской очевидна, хотя здесь, в Валахии, она

¹ См. Яцимирский. Из лингвистических и палеографических наблюдений над славянскими надписями румынского происхождения, ЮРЯС X, 3, стр. 44., 51.

и приобрела некоторые свои специфические особенности. Можно ли то же самое сказать о валашской дипломатике? Учились ли валашские писцы приемам канцелярского письма по грамотам болгарских царей? Положительно на этот вопрос отвечают С. Бобчев и Г. А. Ильинский. Проф. С. Бобчев в своей заметке, посвященной анализу крестьянских повинностей и податей в средневековой Болгарии, писал: „Если наши хрисовулы, очень немногочисленные (их только семь), по своей форме и составу имели образцом византийские хрисовулы, то они сами послужили образцами для влахо-болгарских и дако-румынских, как их назвал Венелин“.¹ В своем исследовании болгарских грамот проф. Г. А. Ильинский указал, что „по языку, стилю и даже технике валашские грамоты, как и вообще валашская письменность того же времени, представляет точный слепок (разрядка наша.— С. Б.) с подобных произведений болгарской письменности“.²

Эти категорические утверждения авторитетных ученых не подкреплены, однако, доказательствами. Отметим, что ни Бобчев, ни Ильинский не изучали славянской письменности Валахии и Молдавии. К такому выводу они могли прийти в результате лишь первого впечатления от чтения грамот в издании Венелина или Милетича. Только первым впечатлением можно объяснить то, что все грамоты Венелина Г. А. Ильинский назвал валашскими, тогда как издание Венелина включает, кроме валашских, грамоты молдавские и грамоты Сигизмунда, между которыми наблюдаются глубокие стилистические и языковые отличия.

Болгарских грамот до нас дошло только семь. Между ними обнаруживаются значительные различия (ср., например, грамоту Асеня II Дубровницкой общине с грамотой Константина Асеня Вирпинскому монастырю). Существенные различия между грамотами замечены в технике письма, в употреблении надстрочных знаков (из семи грамот две их не употребляют), в формулах и даже в языке. Резко отличаются от остальных

¹ „За някои тегоби и данъци според влахобългарските хрисовули“, „Сборник в чест на Златарски“, София, 1925, стр. 25.

² „Грамоты болгарских царей“, М., 1911, стр. 3.

пяти грамот грамоты Дубровницкая и Брашовская. На основании этих скудных данных никакого общего представления о болгарской дипломатике получить невозможно. Сам Ильинский справедливо указал, что „мы не имеем никаких данных“¹ для представления о стилистических школах в болгарской дипломатике.

В ином положении находится исследователь дипломатики Придунайских княжеств. До нас дошло огромное количество валашских и особенно молдавских грамот. „Число сохранившихся до нашего времени грамот трудно определить даже приблизительно за отсутствием описей и более или менее полных изданий; во всяком случае, оно доходит до нескольких тысяч, причем валашских почти вдвое меньше, чем молдавских“.² Грамоты эти идут из различных мест, богато представляют все жанры делового языка (дарственные, подтвердительные, судные, купчие и пр.). Уже это не дает надежных оснований для сравнения болгарской и валашской дипломатики, а тем более для утверждения, что валашская дипломатика является „точным слепком“ с болгарской. В данном случае Г. А. Ильинский лишь отдал дань традиции.

Из истории Валахии хорошо известно, что в течение значительной части XIV в. молодое государство находилось в тесной зависимости от Венгрии как в политическом отношении, так и в экономической и даже культурной области. Валашские воеводы и их бояре вели оживленную торговлю с Трансильванией и Венгрией, с которыми Валахия была связана целой системой сложных пошлин и торговых узаконений. Эти отношения не только не ослабели в XV столетии. Наоборот, с падением Болгарии торговые связи Валахии с соседними северными странами усиливаются. Через Венгрию устанавливаются торговые отношения со странами Западной Европы, промышленные изделия которых появляются на рынках Валахии. Из грамот мы узнаем, что в Валахию ввозилась материя из г. Ипра (Иперна) из Бельгии: *в иларь от Иприа* (в латинских грамотах — *pannus yppriensis vel galliculis*), из г. Лувена.

¹ Там же, стр. 89.

² Р. Ф. В., 1905, № 3, стр. 49.

(Louvain), из Кельна (от Колуни), из Чехии (от Чех) (в латинских грамотах — *rannus bohemicalis*) и других мест.

Тесные экономические связи Валахии с северными странами не могли не сказаться на общем культурном облике страны. Развитие торговых отношений требовало создания делового канцелярского языка, на котором можно было бы вести деловую переписку.

По мере усиления связей с Европой в Валахии все больше ощущается потребность в использовании латинского языка. Именно этот язык становится с XIV в. тем деловым языком, которым валашские господа пользуются главным образом для международной переписки. Растет нужда в писцах, хорошо знающих латинский язык, создаются соответствующие школы. В соседней Молдавии латинский язык распространяется значительно меньше. Здесь и для целей международной переписки используется славянский язык. Может быть, поэтому до нас дошло значительно больше молдавских славянских грамот, нежели валашских. Но и здесь, в Молдавии, знали латинский язык и нередко писали на нем грамоты польским королям.

Распространение латинского языка в Валахии накладывало некоторый специфический облик на культуру этой православной страны. Вероятно, уже в начальный период распространения латинского языка в Валахии отмечалась некоторая близость его с живым языком валашского населения. До нас дошло свидетельство венгерского историка Бонфиния (XVI в.) о том, что валахи „до сих пор разговаривают на латинском языке“.¹

Валашские латинские грамоты представляют собой прямое подражание средневековым венгерским грамотам. В этом нет ничего удивительного, так как несомненно, что валашские господа организовали свою латинскую дипломатику с помощью Венгрии. Болгария в этом деле оказать помощи не могла.

Для внутренних сношений используется язык славянский. На нем же ведется оживленная переписка с трансильванскими городами Брашовым и Сибином (брашовских латин-

¹ Все подобные высказывания собраны проф. Уреkiem в исследовании „L'idée latine chez les Romains“ („Mémoires de la société scientifique et littéraire d'Alais“, 1899).

ских грамот значительно меньше, нежели славянских), иногда пишут на нем грамоты для Венгрии и Польши (см., например, славянскую грамоту Мирчи для львовских купцов в издании Е. Калужняцкого).

С самого начала латинская и славянская дипломатика Валахии находилась в тесной зависимости. На латинском и славянском языках приходилось писать об одном и том же, пользоваться общими формулами, одинаково титуловать господарей, сообщать об одних и тех же пошлинах, о запрещении ввозить определенные предметы и пр. Эта тесная связь иллюстрируется многочисленными примерами. Так, обе грамоты Мирчи, изданные Калужняцким (одна славянская, другая латинская), отличаются друг от друга только языком. Во всем остальном они представляют полное тождество. Их мог написать один и тот же дьяк, знающий славянский и латинский языки.

Сравним славянскую грамоту Дана II от 23 октября 1422 г. с латинской грамотой 1431 г. (см. СбНУ, XVI—XVII, стр. 503 и в издании Богдана, стр. 35—36). В некоторых своих чертах обе грамоты совпадают почти дословно.

Славянский текст	Латинский текст
<p>Тжкмо прѣходяще браще- вци съ купиѧ в землѧ гос- подства ми, да дадѧт на рукели от виларѣ Иприа кѣд дук.; от рутища фрѧшка тако- ждере; и от хусулуви ѿ дук.; от Кулуни ѿ дук. Чех. Г дук.; от рутища рѣзана нищо...</p>	<p>Primo ut omnes cives hos- pites et incolae civitatis Bras- coviensis et totius districtus Barcensis Walachiam cum rebus seu mercimoniis suis intrans in tributo ad Ruffam arborem persolvant: de panno Yppriensi vel Gallicali 24 duca- tos, de Lobiensi 18, de Coloni- ensi 12, de Polonicali 6, de panno scisso de caligisque et mitris nihil.</p>

Славянский текст	Латинский текст
<p>И у Браилов(о), коги сА натоварѣт кола с рибѣ, ѿ дук.; а на Тршор ѿ рибѣ, и (на) Трѣговище такожде. и на Дѣбовицѣ от ѿ хамѣ ѿ дук.; и от кола с рибѣ ѿ рибѣ; и от товара Г бан (и); от конѣ читова ѿ дук.; от кон(и)ка ѿ дук.; от пѣща ѿ бан.</p> <p>И на рукул от кола рибѣ ѿ риб и ѿ перперѣ; от мажа восѣкѣ ѿ; от вона или от крава Г дук.; от овна ѿ дук.; от свини брав ѿ дук.; от печиа елена ѿ дук., а от других печих нищо.</p>	<p>In super ipsi de Walachia exeuntes de curru piscibus vel aliis quibusvis onerato in Brayl 18 denarios, de curru piscium in Novo Foro unum piscem, in Tergoist unum piscem, in Dombowycza de quolibet equo curru allegato unum denarium, de curru piscium unum piscem, de equo zomentato quodquod portet duos denarios, de equo non onerato unum denarium, de equestre unum denarium, de pedestre unum banum; haec ibi in Ruffa arbore de curru piscium 7 pisces et 36 denarios, de centenario cerae 12 denarios, de bove vel vacca tres denarios, de castrato unum denarium, de porco duos, de cute cervi unum ducatum, sed de omnibus aliis cutibus nihil.</p>

Зависимость славянской дипломатики Валахии от венгерской выражается в многочисленных заимствованиях из венгерского языка. В венгерских латинских грамотах встречаются венгерские слова, представляющие собой термины местного значения. Многие социальные и торговые венгерские термины получают широкое распространение в Трансильвании, а оттуда переходят в Валахию, отражаясь в языке славянских грамот. Эта черта валашской дипломатики резко отличает ее от южнославянской дипломатики.

В грамотах часто находим наименования должностей венгерского происхождения: *ядварбирозь* — из грамоты Баса.

раба III — *ядварбирова кралев* — В, СХVIII, 145 (венг. *udvar-biro* — придворный судья, в рум. — *jude de curte*); с этим словом связано *биржу* — из грамоты Басараба III — *и пзи биржу от Брашоу* — В, CVI, 133 (венг. *biró* — судья, *birni* — мочь, в рум. — *birau*); *шпанъ* (венг. *ispán* — управитель, в свою очередь из славянского — *župan*); с ним связано — *надръшпанъ* (*comes palatinus*, венг. *nádorispán*); *херцег* (венг. *herceg*); *пръгаръ* (рум. *parger*, венг. *polgar*, нем. *Bürger*); с ним связана должность *пръгармещеръ* (венг. *polgarmester* — *magister civium*); *паркалабъ* (венг. *porkolab, castellanus, Burggraf*). Встречаются в грамотах венгерские наименования различных социальных групп, профессий: *обади* — из грамоты Дана Предентента — *ме пустил кралъ и сви обади* — В, LXXX, 102 (венг. *jobbágy* — крепостной крестьянин); *поръ* — из грамоты Басараба III — *и порем и сиромахом от земле Брьсе* — В, СХХIII, 152 (венг. *róg* из нем. *Bauer*; так называли крестьян-саксов); *секеръшь* — из грамоты Басараба III — *а къ мне посласте некоех секеръших* — В, XC, 117 (венг. *szekeres* — извозчик).

В грамотах находим многочисленные торговые термины венгерского происхождения: *марха* (венг. *marha* — скот); *таръ* (от *таръ Г бани*) (венг. *tár* — склад; сбор; груз); *мажа* (венг. *mázsa* — мера веса, *Zentner*), *урвомъ* (венг. *ur* — *en gros*); *вама* (венг. *vám*, рум. *vamă* — пошлина); *шкрълат* (чоклратъ) и *поллакти чоклратъ* — В, ССXLII, 298 (венг. *skarlat* — материя красного цвета). Укажем венгерские слова для обозначения территории, места, города: *варошь-орашъ* (венг. *varos* — город, слово проникло во многие балканские языки), *лакашь* — из грамоты бояр Раду IV — *а ми да имамо место и лакаш у господства ви* — В, ССL, 305 (венг. *lakás* — помещение), *салашъ* — из грамоты Нега — *им дати салашъ* — В, ССXXIV, 274 (венг. *szállás* — приют), *орсагъ* (венг. *ország* — страна, государство), для обозначения вооружения — *корда* — из грамоты Дана II — *от корды* — В, IX, 18 (венг. *kard* — шпага, сабля). Отметим венгерские глаголы: *бантовати* — трогать, обижать (венг. *bántani*), *сокотити* — считать, ползгать (венг. *szokatalni*); *келтовати* — расходовать — *да си келтовати дукати* (венг. *költeni*); *лакевати* — жить (венг. *lakni*).

Зависимость славянской валашской дипломатики от средневековой латинской дипломатики Юго-Восточной Европы выражается в некоторых особенностях стиля.

Проф. Г. А. Ильинский обратил внимание на то, что Дубровницкая и Брашовская грамоты резко отличаются от остальных пяти грамот болгарских царей своей лаконичностью: „Первые кратки и лаконичны, вторые многословны и фразисты; первые прямо вводят читателя *in medias res*, вторые только после более или менее торжественного вступления; вообще в первых преобладает строго деловой тон, исключаяющий нагромождение лишних и ненужных фраз, во вторых деловое содержание грамот облекается в долгополую риторическую одежду, сообразно с этим и язык в первых более народный чем во вторых, где он пестрит книжными церковно-славянизмами и гречизмами“.¹

На почве болгарской дипломатики делать общие выводы пользуясь наблюдениями Ильинского, невозможно. Для этой цели необходимо привлечь данные богатой сербской дипломатики, которая вместе с болгарской восходит к византийской. „Но это сходство и тождество произошло не оттого, что сербы подражали болгарам или наоборот, а оттого, что те и другие научились искусству составлять грамоты у общих учителей — византийцев“.²

Восточносербские грамоты, начиная с грамот Стефани Немани, в стилистическом отношении представляют полную аналогию тем пяти болгарским грамотам, которые отличаются многословностью; они богато насыщены цигатами из произведений религиозного содержания. Это характерно главным образом для вступительной части грамот.

Приведу несколько примеров из грамот Стефана Душана. Вот начало грамоты 1348 г., данной в Призрене:

„Боже отъче вседръжителю, иже словомъ и духомъ усть своихъ вса устроиши, видима же и невидима, одушевлена же и бездушна, иже пръвѣкъ аггелскиѣ чини състази, бесплътныѣ сили, прѣспѣвающе всакого умь насъ и разумнаго

¹ „Грамоты болгарских царей“, стр. 89.

² Там же, стр. 88.

кства, одь самого божества зарею свѣтше се, прѣстола трепетно прѣдъстояще, и съ страхомъ лица своя огненными крили закривающе, и кождо ихъ, неизреченнаго свѣта и красоти божественѣ наслаждающе“ и т. д.¹

Начало грамоты 1349 г., данной в Скопье:

„Господи боже мой, великое и неисповѣдимое твое милосрдие, иже еси подаль явьствно намъ, твоимъ рабомъ, иже от испрѣва начьныщи прѣдѣда нашего, господина прѣвааго пастыра и наставника стадоу своемуу великааго Неманю“ и т. д.²

Вот начало грамоты Стефана Уроша 1357 г., данной в Призрене:

„Понеже изволи благы и чловѣколюбивии царь славь господь наш Исус Христос, сын божїи, непостижими, неисповѣдими, неизглаголаный, неизычтѣнный, неизреченный, неизслѣдими владыка и творць и сьздатель всен твари, и оумысли оумышленїемъ своимъ, якоже самъ вѣсть“.³

Находим эту особенность и в грамотах Лазаря, героя Косовской битвы. Вот начало грамоты 1381 г.:

„Иже отъ не соущиихъ вса въ бытые прїивѣды, видимаа же и невидимаа, прѣбзъначелнаа троїце, въ единствѣ покланяемаа, и въ отци и сынѣ и светѣмъ доусѣ славимаа соушство безчисльно, свѣтъ непостижьнь, сила неодръжимаа пучина благости, иже законъ полагаеи моеу повелѣ сьтворити скуню...“⁴

Эта особенность характерна для сербских грамот как древнее XIV в., так и более поздних.

Грамоты валашские XIV в. и первой половины XV в. эту особенность южнославянских грамот не представляют. В них мы не находим вступления, заимствованного из религиозной литературы. Таковы, например, все грамоты Мирчи Великого. Все они начинаются: „*Азь иже въ Христа бога благовѣрнии и христоролюбивии и самодръжавнии ю Мирча Великий*

¹ „Monumenta serbica“, 1858, p. 133.

² Там же, p. 142.

³ Там же, p. 165—166.

⁴ Там же, p. 196.

воевода...“ или же совсем просто: „Азь ю Мирча Великий воевода“, и т. д.

Таково начало всех грамот Валахии до второй половины XV в. Еще проще начало молдавских грамот. Часто в соответствии латинскому *in nomine Domini amen* (обычно в латинских грамотах пишется в сокращения) в молдавских встречаем — во имя Божье *амень*.

Со времени Александра и Влада I начинается интенсивное влияние сербской книжности и языка на валашскую письменность и ее славянский язык (см. об этом влиянии четвертую главу). Это влияние сказалось, между прочим, в том, что в валашских грамотах второй половины XV в. встречается, правда, редко, вступление чисто отвлеченного религиозного характера. Таково вступление грамоты воеводы Влада III, данной им в Бухаресте 11 сентября 1490 г.:

„Въ законѣ повелѣ господь богъ сином израилевом да на въсько лѣто десетковати елика аще стежет и съвѣдеша богоносни оци и апостоли сѣты съвѣщаша на помощ и на благодѣтелство душам нашим и прѣдаше нам послѣдним чедом их, ови молтвоуж и бдением и постом, ови милостинеж и покаанием огрѣвати се от въських зль...“¹

Но тот же Влад большинство своих грамот начинает: „Милостиом божиом ю Влад воивода...“, или „Въ Христа бога благовѣрни и благочестиви и христоролюбиви и самодръжавнии ю Влад воевода и господинь...“² Следует, однако, указать, что в отличие от сербских грамот, в которых вводная религиозно-назидательная часть исключительно разнообразна, не штампована, в валашских грамотах она является мертвым штампом. Так, то же самое вступление, что и в грамоте Влада III, находим в грамоте Раду IV Великого, которую он дал в Тырговиште в 1501 г.³ Его же находим в грамоте Влада III, данной в Тырговиште 1 июня 1483 г.⁴

Сами сербские грамоты не представляют единства в отношении исследуемой стилистической особенности. Чем дальше

¹ „Сборник за народни умотворения“, т. IX, стр. 341.

² Там же, стр. 340—341, 343—344.

³ Там же, стр. 350.

⁴ Венелин, цит. соч., стр. 124—126.

на запад, тем слабее она представлена. В боснийских грамотах вводная часть иногда отсутствует. В грамотах боснийского бана Радослава Павловича (первая половина XV в.) находим обычно незначительное вступление, после которого быстрый переход к основному содержанию грамоты. Вот пример из грамоты 22 апреля 1421 г.:

„Славни Б же, цару небесни, кои окръмлююшь и правишь своѣмъ божаствомъ всу васеленую, аазь смирени приедь божьствомъ ти рабъ Радославъ...“¹

То же вступление находим в грамоте Радослава Павловича от 24 апреля 1420 г.² Дубровницкие грамоты, создавшиеся уже под сильным влиянием западной (латино-романской) традиции, в этом отношении сильно отличаются от восточно-сербских и сходны с валашскими. Среди изданных Миклошичем самым обычным вступлением является: „*Въ име отьца и сина и светога духа аминь*“, какое часто мы находим в средневековых латинских грамотах.

Из болгарских грамот только Дубровницкая и Брашовская в вступительной части лаконичны и напоминают валашские или западносербские грамоты: „*Дава ѿрми: отризмо си (Дубр), от ѿна црѣв Срацимира*“ (Браш.). Сравнительно коротка вступительная часть в грамоте Иоанна Шишмана Витошскому монастырю. Думаем, что в Брашовской грамоте черта эта связана с воздействием на болгарскую дипломатику валашской дипломатики. Северо-западная Болгария Срацимира была тесно связана с Валахией. Были тесные торговые связи и с Брашовым. Дьяки Срацимира, конечно, хорошо знали все приемы валашского канцелярского стиля и подражали им. Больше самостоятельности они проявляли в языке. В этом отношении между грамотой Срацимира и валашскими грамотами XIV в. большие различия. Так, в болгарской грамоте, встречаемся с особенностями сербского языка, который в это время оказывал сильное влияние на книжный язык западной Болгарии. В валашских грамотах следы сербского воздействия отражаются значительно позже (см. четвертую главу).

¹ „Mon. serbica“, p. 311.

² Там же, p. 313.

Латинская дипломатика Западной Европы оказала через Италию сильное влияние на западносербскую дипломатику, в частности на дипломатику Дубровника. В какой-то зависимости от последней оказалась грамота Асеня II, данная дубровницким купцам.

Итак, лаконичность валашских (и молдавских) грамот, отсутствие вступления, не имеющего непосредственного отношения к предмету грамоты, отсутствие заимствований из назидательных сочинений религиозного характера — все это резко обособляет в стилистическом отношении дипломатику Придунайских княжеств от дипломатики южнославянской, но связывает ее с дипломатикой Венгрии (главным образом Валахии) и Польши (главным образом Молдавию). Это в конце концов определяется резким различием византийской и средневековой латинской дипломатики.

Было бы, однако, ошибочно думать, что валашская дипломатика в стилистическом отношении представляла собой нечто единое. Яцимирский уже давно указал, что брашовские грамоты среди других валашских грамот представляют особую группу в дипломатическом и отчасти языковом отношении. Анализу этих особенностей он посвятил превосходный очерк, к которому отсылаем читателя.¹ Некоторые грамоты (главным образом древнейшие) имеют некоторые особенности болгарских грамот, отдельные грамоты второй половины XV в. несут на себе влияние стилистических приемов сербских канцелярий. В этом нет ничего удивительного. Валахия, Молдавия, Трансильвания, Болгария, Сербия, Босния и другие балканские страны находились в отдельные периоды своей истории в тесной политической, экономической и культурной взаимозависимости. Дьяки канцелярий всех этих стран хорошо были знакомы с практикой друг друга, испытывали взаимное влияние, подлаживались под чужой стиль, когда имели дело с определенной страной. Несомненно, что дьяк канцелярии Срацимира пользовался различными приемами составления грамот для Брашова и для Тернова.

Еще в большей степени на обособленность валашских грамот от болгарских указывает язык. Язык славянских доку-

¹ „Славянские грамоты Брашовского архива в палеографическом и дипломатическом отношении“, Р. Ф. В., 1907, № 1, стр. 131.

ментов Валахии и Молдавии представляет собой явление очень сложное и противоречивое. Здесь отражены славянские народные говоры различных по происхождению славянских племен, книжные болгарский и сербский языки, языки неславянские.

На основании исследования языка валашских грамот мы пришли к выводу, что в нем прежде всего отражаются местные славянские говоры, генетически ближайшим образом родственные болгарским говорам. Валашские дьяки плохо знали деловой книжный славянский язык. Поэтому валашские грамоты являются драгоценным источником для изучения славянских народных говоров и для изучения истории болгарского языка. Это подтверждается анализом фонетики и морфологического строя языка грамот, которому посвящены три последние главы нашего исследования. Об этом наглядно говорит и лексика грамот, которая указывает на тесную связь валашского канцелярского языка с новоболгарским языком.

В грамотах мы встречаем слова, известные лишь в новоболгарском языке, часть слов употребляется старых, но в специфическом для новоболгарского языка значении. Часто находим „новоболгарские“ идиоматические выражения, которые писцы могли взять только из славянских народных говоров Валахии. В среднеболгарском книжном языке их не было. Обратим внимание на некоторые из них.

В валашских грамотах находим часто слово *кола* — повозка, восходящее к старославянскому *коло*:¹ из грамоты Дана II — когы натоварит кола с рибѣ (В, XVII, 32). Не только само слово *кола*, но всё предложение хорошо отражает народный язык (кога натовари кола с риба). Часто встречаем в грамотах союз *макар*, хорошо известный в современных балканских языках (болг. *макар* — хотя, н.-греч. *makári*, рум. *măkar*): из грамоты Влада I — *макаръ с кола* (В, LII, 76). В живых балканских языках *книга* употребляется также в значении *письмо*.² В этом же значении слово *книга* известно в валашских

¹ См. Младенов, *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София, 1941, стр. 245.

² Селищев, *Езикът като социално явление*, София, 1928, стр. 89.

грамотах: из грамоты Раду III—и давам ви оуи книгу под мою печат (В. LXXXIII, 108); из грамоты Басараба II—и послали ми сте книга кралева (В, С, 125). В этом случае в одинаковой степени могло сказаться как воздействие славянских говоров, так и собственно валашских.

В новоболгарском языке хорошо известно прилагательное *хубав*—хороший, красивый, этимология которого до сих пор не установлена. Младенов считает, что это слово персидского происхождения, которое проникло в болгарский через посредство турецкого („Етим. сл.“, стр. 673). Эта же этимология указана Бернекером („Etym. Wörterbuch“, S. 405). Против этой этимологии свидетельствуют данные турецкой диалектологии. Но как бы то ни было, слово это представлено лишь в новоболгарском языке. В связи с этим очень важным свидетельством народного характера языка грамот является то, что это прилагательное в нем употребляется: из грамоты Басараба III—да ми купите две люлка, аля да су голѣми и хубаве (В, СXXXVII, 170). Об этом же свидетельствуют слова *воденица* (мельница), *прозорец* (окно), *возилница* (большая бочка), *губер* (ковер), *сирене* (сыр), *тѣкмеж* (договор, условие) и мн. др.

Находим в валашских грамотах те новогреческие заимствования, которые характерны для новоболгарского языка. Сюда относятся *ефтин*: из грамоты Басараба II—поефтино—В, ХСІХ, 125 (н.-гр. *efthinos*), *ела*, *елате*: из грамоты Александра—елате поскоро—В, ХХІ, 42 (н.-гр. *ela*); *керамида*: из грамоты Басараба III—монастир от керамида—В, СXLVI, 177 (н.-гр. *keramidi*); *калугеръ*: из грамоты Марчи—калугере да сѣ волни ловити—Вен., 22, (н.-гр. *kalós géron*); *липсам*: из грамоты Казанада—му га не липсат ни един вла:—В, ССXXXI, 286—(н.-гр. *leipo*).

Часто встречаем в грамотах обороты и выражения, взятые не из литературных источников, а из народного языка. В собственно болгарских памятниках они появляются значительно позже. Ср.—купил тия овни летоска; а вие да га оставете да отиде дома си; наидете един кон велик и хубав;

да се исправи работа; зараді нос Ланотов и мн. др. Источником всех подобных выражений могла быть только живая народная речь. Ни в церковных памятниках, ни в южнославянских документах делового языка валашские писцы не могли встретить этих слов и выражений.

Было бы, конечно, ошибочно думать, что ориентация на живые народные говоры у дьяков была сознательной. У нас нет оснований утверждать, что организаторы первых славянских канцелярий в Валахии решили создать свой собственный славянский деловой язык на основе родных говоров. Стремление писать по-болгарски в древнейших памятниках Валахии отражено повсеместно. Это выражается в использовании болгарской графики, в стремлении использовать различные падежные формы и пр. На многих примерах можно показать стремление дьяков писать так, как писались церковные книги. В редких случаях они успевали в этом, чаще делали ошибки, дающие возможность изучить их родной славянский язык. Под влиянием этих отступлений от книжного языка постепенно вырабатывался особый канцелярский язык, в котором многие черты живого языка стали нормами. Таковы уже древнейшие валашские грамоты. Это дает нам право думать, что дошедшие до нас древнейшие грамоты являются не первыми опытами валашских канцелярий.

Позже начались сербские увлечения. Но и здесь было не лучше. Дьяки механически смешивали свое родное, книжное болгарское с книжным сербским.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ВАЛАХИИ

Во второй главе мы показали, что славянская дипломатика Валахии возникла не под влиянием болгарской. Из Болгарии была заимствована лишь церковная литература, но и она развивалась в Валахии своим особым путем, во многом отличном от болгарского и сербского. До конца XIV в. все потребности духовной и светской письменности в Валахии удовлетворялись своими книжными людьми.

Почему славянский язык стал первым литературным языком в Валахии? Ответить на этот вопрос легко, когда речь идет о церковном, культовом языке. Этим языком здесь стал язык той письменности, которая вместе с православием была занесена из Болгарии. Труднее ответить на этот вопрос, когда мы обратимся к деловому канцелярскому языку, к языку грамот. Мы видели, что появление славянских грамот в Валахии хронологически почти совпадает с появлением церковной письменности. Это как будто свидетельствует о том, что и канцелярский язык был заимствован из Болгарии. Однако анализ языка светских памятников древнейшей валашской письменности приводит исследователя к иному выводу. Если древнейшие памятники церковной валашской письменности написаны на современном им болгарском церковном языке лишь с некоторыми орфографическими особенностями, то язык древнейших грамот Валахии резко отличается от языка современных им грамот болгарских царей. Различия эти не орфографического свойства — они гораздо глубже. Валашские грамоты свободно передают такие особенности живой сла-

вянской речи, какие в самой Болгарии грамоты не отражают. В валашских грамотах встречаем такие формы и слова, которые хорошо известны лишь памятникам новоболгарского языка, среднеболгарская письменность их не знает.

Очень часто можно наблюдать значительные расхождения между церковным языком и языком грамот. Это обычно объясняется тем, что язык культа заимствованный, чужой, а язык светский, язык грамот — свой, близкий живым нормам родного языка. Подобное расхождение наблюдаем в древней Руси. Древние русские грамоты дают во многих отношениях более ценный материал для истории языка, нежели памятники церковные. Ту же картину мы наблюдаем в Валахии.

Выше мы уже отмечали, что в Валахии не было сделано ни одного самостоятельного перевода церковных книг с греческого, переписывались лишь болгарские. Исследователи правы, когда говорят о валашском изводе среднеболгарских церковных памятников. Совсем иную картину наблюдаем, если обратимся к грамотам. Валашская дипломатика не связана с болгарской ни содержанием, ни стилем, ни языком. Как на Руси, в Сербии, так и здесь, в Валахии, грамоты хорошо передают особенности живого языка.

Но почему в таком случае валашские книжники пишут на языке славянском, который, по утверждению многих румынских ученых, являлся всегда чуждым населению в Придунайских княжествах? Кто были первые устроители валашских канцелярий? Они не могли быть ни болгарами, ни сербами, так как выходцы из южнославянских стран, несомненно, принесли бы такие навыки канцелярского языка и стиля, которые встречаем в византийской и южнославянской письменности, но которые были чужды валашской. Эти первые устроители были местные люди, которые создали самостоятельный валашский тип славянского канцелярского языка. Если бы славянский язык был чуждым, только книжным, то откуда могли бы валашские грамотеи в XIV в. взять такие слова и формы, которые не были известны среднеболгарской письменности и встречаются лишь в новоболгарских памятниках с XVI—XVII вв.?

Многие румынские лингвисты и историки охотно говорят о том, что даже в начальные века государственной жизни славянский язык был исключительно языком письменным, книжным, языком только духовенства и боярства. Народные массы этого языка не понимали, он был им чужд. Славянский язык был чужд неграмотному населению Придунайских княжеств — эта мысль, по их мнению, даже не требует доказательства. Постепенное вытеснение из письменности славянского языка объясняется тем, что среди господствующих сословий Придунайских княжеств пробудились, наконец, национальные чувства, в связи с чем они стали пользоваться народным языком, языком румынским. Таким образом, славянскому языку в Валахии и Молдавии приписывают ту же роль, какую, например, латинский язык играл в Польше. Взгляд этот опровергается историческими, топонимическими и лингвистическими данными из прошлого и настоящего румынского народа.

Уже давно ученые обратили внимание на то, что значительная часть лексического состава румынского языка славянского происхождения. Славянских слов и суффиксов много в народной речи, в литературном языке, много, несмотря на то, что румынские националисты приложили немало усилий, чтобы изгнать их и заменить образованными от латинских корней. Академик А. Н. Веселовский приводит следующий факт: «Живя среди мадьяр, упорно отрицавших латинское происхождение румын, Мариенеску не только очищал от славизмов и других иноязычных влияний текст изданных им румынских колядок, вводя, напр., *sigila* вм. *recete*, *aratru* вм. *plugu* и т. д., но и внес в одну колядку римлян (*romanași*) и похищение сабинянок (*febișiore sabiniore*). Этим доказывалось, по признанию Точилеску, что румын „потомок Трояна не только не забыл похищение сабинянок, но и называет их по имени в своих песнях“». ¹ Известен в этом отношении опыт А. Лауриана и И. Максима, которые в 1871 г. в издании Румынской академии наук выпустили трехтомный словарь

¹ „Разыскания в области русского духовного стиха“, „Сборник отделения русского языка и словесности Акад. Наук“, XXXII, № 4, 1883, стр. 1.

румынского языка („Glossariu care cîprinde vorbele din limba româna straine prin originea sau forma lor cum și cele de origine indouioasă“). Желая увеличить число слов латинского происхождения, авторы смело брали латинские слова и, придав им черты румынской фонетики, включали в словарь. Примечательно, что их деятельность в области „исправления“ румынского языка нашла поддержку со стороны высшего ученого учреждения страны. „Каждое новое румынское слово,— писал проф. А. Яцимирский,— вместе с отысканным для него соответствующим латинским считалось националистическим подвигом историка-филолога“.¹

Славянский облик румынского языка привлек внимание ученых уже в XVIII в., когда еще очень мало изучали язык румын, а еще меньше язык славян Балканского полуострова. А. Шлецер в своей „Allgemeine Nordische Geschichte“ писал: „Однако значительно больше половины их (румын. — С. Б.) слов вместе с их грамматикой взято из какого-то до сих пор еще неизвестного языка, который, вероятно, был староболгарским (alte Bulgarische)“.² Всесторонние и объективные исследования балканских народов и языков впоследствии подтвердили в полной мере предположения Шлецера. Эти исследования обнаружили всю значительность славянского элемента во всей румынской национальной культуре в прошлом и настоящем.

В 70-х годах прошлого столетия вышел известный этимологический словарь А. Чихака, который наглядно показал всю неосновательность претензий румынских националистов.³ Уже объем словаря показал, что самый значительный пласт в румынской лексике славянский.⁴ Сам автор словаря

¹ «Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв.», 1906, стр. XII.

² „Allgemeine Nordische Geschichte“, Halle, 1771, S. 252.

³ „Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Eléments latins“, 1870; „Eléments slaves, magyars, tures, grec-moderne, albanais“, 1879.

⁴ Нужно еще учесть, что латинские этимологии Чихака не всегда верны. Немало слов, которые Чихак считал латинскими, мы не найдем в словарях С. Пушкарю — „Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache, I. Lateinisches Element“, 1905; Meyer-Lübke, „Rom. etym. Wörtl.“ и Кандря и Денсушяну — „Dicționarul, etimologic al limbii române, Elementele latine“.

„Большая часть сопоставлений Чихака в настоящее время поэтому должна

в введении достаточно определенно высказался о характере славяно-румынских отношений, указав, что наличие большого числа славянских элементов в румынском объясняется смешением двух народов. Он полемизирует с проф. Хаждеу, который полагал, что все элементы славянской культуры являются просто заимствованными.¹ Против проф. Хаждеу свидетельствуют и современный румынский язык, и данные исторические, и топонимия Румынии, и весь архаический быт валашской деревни.

Словари румынского языка не удовлетворяют многим требованиям. В них не отмечается территориальное распространение слова, социальная среда, в которой оно бытует. Мало специальных областных словарей.² Народный характер того или другого слова может подтвердить лишь его реальное значение. Возьмем пример. Чихак указывает на существование в румынском языке слов *gazog* — земля между двумя нивами, крайняя борозда, *rodina* — нижняя часть копны, *godac* — годовалый поросенок и др. Само реальное значение этих слов указывает на то, что это крестьянская лексика. Городской житель не знает наименований для разного вида борозд или отдельных частей копны. Славянские элементы мы находим во всех областях повседневной бытовой жизни деревенского жителя. Значительно меньше их в языке городского просторечья. Еще меньше их в современном „образцовом“ литературном языке, который оторвался от народного языка. Современный литературный язык Румынии настолько далек от народного языка не только Молдавии, но и Валахии, что часто даже говорят о существовании в Румынии фактически двух

быть признана устарелой“ (М. Фасмер, „Живая старина“, вып. III, 1906, стр. 1). Как мало это согласуется с утверждением Н. Йорги, который писал, что в румынском языке есть „несколько славянских слов“!

¹ Dictionnaire, 1879, р. X. Чихак имеет в виду следующее утверждение, Хаждеу: „В Румынию славянская культура проникла и укрепилась через моду, канцелярии, через церковь“ („Istoria critica“, 12, р. 276).

² См., например, областной словарь одного пункта в Буковине — Herzog Gherasim „Glosarul dialectului Marginean“, напечатанный в бюллетене черновицкого Института истории и языка Codrul Cosminului (I, 355—404; II—III, 371—428; IV—V, р. 2, 185—260).

языков. „Разница между тем и другим языком (литературным и народным. — С. Б.), — пишет публицист А. А. Иорданский, — настолько велика, что в деревне при преподавании в начальных школах по новым учебникам встречаются большие затруднения: дети не понимают „городского“ языка, а горожане в свою очередь издеваются над языком народным, „царанским“, и тоже не всегда его понимают“.¹

Как известно, у нас в течение многих столетий литературным языком был старославянский, сравнительно близкий русскому, но тем не менее этнически чуждый. Вместе с православием, с каноническими книгами он был занесен из Болгарии в X в. и призван был сыграть крупную роль в формировании русского национального языка. Несмотря, однако, на близость старославянского и древнерусского языков, на продолжительность пользования первым в различных жанрах еще в XVII — XVIII вв., в большинстве случаев легко отделить в нашем литературном языке элементы старославянские от собственно русских. Обычно они являются носителями более высокого стиля, свидетельствуя этим свое книжное происхождение. Одним из характерных отличительных признаков русского литературного языка от русских же говоров является наличие старославянских (церковно-славянских) элементов в литературном языке и отсутствие их в языке народном. Нередко церковно-славянское происхождение того или иного слова или формы в литературном языке мы подтверждаем тем, что их не знает народная речь. Так, заимствование действительных причастий настоящего времени подтверждается не только употреблением *щ* на месте *tj* (несущий), но и тем, что эта

¹ А. А. Иорданский. Румыния, М., 1926, стр. 196. О значительных расхождениях между румынским литературным языком и народными говорами пишет А. Graur в статье „Les mots récents romains“, напечатанной в „Bull. de la Soc. de linguistique de Paris“, t. XXI, 3, p. 127. Литературный язык совсем непонятен молдавскому крестьянину. „Молдавский крестьянин в Бессарабии не может читать издаваемых на румынском языке газет, он не понимает румынских правительственных распоряжений, одним словом, встречаясь с румынским языком, ощущает себя в иной чуждой ему языковой стихии“. К. Н. Державин, „Литературное строительство в социалистической Молдавии“, „Труды Института славяноведения Академии Наук СССР“, ст. 1, 1932, стр. 252.

грамматическая категория **чужда** народным говорам. И это вполне естественно. В период феодализма из чуждого книжного языка в народные говоры могли проникнуть через церковь и официальный административный язык лишь отдельные слова из областей, чуждых народной жизни.¹

Румынские лингвисты, как уже указано выше, стремятся доказать, что славянский язык в Придунайских княжествах всегда был книжным, языком церкви и администрации, т. е. выполнял ту же функцию и имел тот же характер, что старославянский язык у нас или латинский в Польше. Но в таком случае в современном румынском народном языке должно было бы быть примерно столько же славянских слов, сколько старославянских (церковно-славянских) слов в языке русского неграмотного крестьянина или латинских в польских народных говорах. И дело не только в числе — оно будет ничтожным. Слова эти должны быть чуждыми народному быту, представлять в большинстве случаев элементы административной и церковной терминологии. Но так ли это в действительности?

Среди славянских слов румынского языка много слов книжного, церковного и административного происхождения. Многие из этих слов, связанных со старым, ушедшим бытом, средневековой администрацией, исчезли из современного языка. Многие уже в новое время были заменены словами, заимствованными из французского языка. Но наряду с этими словами в румынском языке огромное количество славянских слов, связанных с народным бытом, одеждой, утварью, народными верованиями, сельскохозяйственным трудом, охотой, рыболовством, со строительной техникой. Эти же слова в том же значении находим в современном болгарском языке. Общими у румын и болгар будут не только слова, но и обозначаемые ими реалии.

Изучение славянского фонда в лексическом составе румынского языка представляет огромный интерес. Это изучение

¹ Латинский язык оказал влияние на польский, но не на народный, а на книжный, письменный язык. См. статью Адама Крынского „O wpływie języka łacinskiego na polski“. „Zbornik u slavu V. Jagića“, Berlin, 1908, str. 363.

может оказаться основным источником для реконструкции доисторических судеб румынского народа и истории этнических взаимоотношений на территории Валахии, Трансильвании и Молдавии. К сожалению, до сих пор в этом отношении сделано мало. Не собран материал, которым бы смог воспользоваться лингвист, лишенный возможности изучать живую народную речь. Свыше 80 лет назад Миклошич опубликовал список слов славянского происхождения в румынском языке в своей работе „Die slavischen Elemente in Rumunischen“. В ней в алфавитном порядке приводятся славянские слова, извлеченные автором из различных румынских источников. Подобное изучение очень мало может дать для истории народа. И этим, несомненно, объясняется, почему в жарких спорах, которые велись вокруг вопроса о происхождении румынского народа, главным образом после выхода в Лейпциге в 1871 г. знаменитой книги Реслера „Romänische Studien“, исследование Ф. Миклошича не сыграло заметной роли. Словарь А. Чихака показал всю значительность славянского слоя в румынском языке, но и его материал оказался недостаточным для решения многих важных вопросов. Исследование проф. Б. Цонева — „Езикови взаимности между българи и ромъни“, появившееся через 60 лет после работы Миклошича, не прибавило ничего принципиально нового к тому, что сделано было венским славистом.

Перед исследователем славянских элементов в румынском языке стоят трудные задачи. Поэтому материал, которым он пользуется и на основании которого строит свои выводы, должен быть надежным и удовлетворять многим требованиям. Прежде всего необходимо знать территорию распространения того или другого славянского слова. Не все слова славянского происхождения можно найти в Валахии, в Трансильвании и в Молдавии. Каждое слово имеет свою территорию распространения. Указание на территорию распространения каждого славянского слова даст возможность в конце концов изучить роль различных славянских этнических элементов в формировании валахов и молдаван. Можно предположить, что приводимые в словаре славянские слова южного происхождения (на это

указывает фонетика и другие признаки) встречаются скорее всего в Валахии, а восточнославянские слова — в Молдавии.¹ Но подобное априорное заключение часто может оказаться ошибочным. Мы знаем молдавские грамоты, язык которых характеризуется многими чертами южнославянских языков. Так, некоторые грамоты Стефана Великого написаны с особенностями болгарского и сербского языков.² Все ли эти южнославянские элементы в молдавских грамотах являются только книжными? Не отражают ли они в какой-то степени особенности живых молдавских говоров? На эти вопросы всесторонне и детально ответить нельзя до тех пор, пока мы не будем знать территориальное распространение всех славянских элементов в румынских говорах. Априорное предположение (может быть, верное в своей основе) мало даст исследователю еще и потому, что необходимо знать распространение славянских элементов на сравнительно небольших территориях. Заранее можно предвидеть, что распространение славянских слов по всей территории Румынии окажется неравномерным. В одних местах их окажется больше, в других меньше, в одних это будут южнославянские слова, в других — восточнославянские, в одних областях славянской окажется, например, рыболовная терминология, в то время как в других название рыболовных снастей может оказаться не славянским. Тогда точно обнаружится территория распространения южнославянских и восточнославянских языков (resp. племен) на территории древней Дакии и задунайской части *Moesia inferior*. Пока об этом можно судить лишь в самых общих чертах.

Нельзя славянские элементы рассматривать изолированно от других элементов румынского языка (главным образом латинских). Как бы много их ни оказалось, мы никогда не сможем оценить их роль и значение в румынском языке. Миклошич все славянские слова дает в алфавитном порядке.

¹ Так, Маргарита Штефанеску в своей работе „Cuvinte Gradișt și Horodiște în toponimica românească“ („Arhiva“, 1921, p. 76) показала, что наименования от корня *grad* встречаются главным образом в Валахии, а от корня *horod* — только в Молдавии.

² См. в издании Богдана во II т. письма воеводы Стефана под №№ 140, 147 — 149, 158.

Цонев дает более совершенную группировку материала. Но и материала Цонева совсем не достаточно для конкретных выводов о роли славянского элемента в румынском языке. Из пятого раздела мы узнаем, что в области одежды и украшений в румынском языке много славянских слов (*rubă, riza, rufă, bileală, rûnepală* и др.). Но исследователь должен знать другие, не славянские слова, относящиеся к одежде и украшениям, чтобы оценить их на фоне славянских. Исследователь должен знать, имеется ли в народной речи неславянское слово, соответствующее данному славянскому, т. е., всюду ли, например, говорят *orînsă*. Есть ли говоры, где это слово будет употребляться реже, нежели соответствующее не славянское.

Подобные вопросы постоянно возникают у исследователя при изучении любого славянского слова. Вот почему экстенсивное изучение славянских элементов в румынском языке может дать сравнительно мало. Работы Миклошича, Цонева и многих других могут свидетельствовать лишь о значительности славянского элемента. Интенсивное изучение славянских элементов в румынском языке требует хорошего знакомства с народными говорами Румынии, которых ни Миклошич, ни Цонев не знали. Лишь после ряда подобных исследований можно точно установить судьбы славянского элемента к северу от Дуная и роль его в формировании румынского народа и румынских говоров. Подобного рода исследования уже имеются.

Прежде всего укажем на лингвистический атлас румынского языка, составленный под редакцией С. Пушкарю Севером Попом и Эмилем Петровичем, — „*Atlasul lingvistic român de Muzeul limbii române din Cluj*“ (1938 — 1942). Этот атлас дал точную картину распространения многих славянских слов. Так, из него мы узнаем, что многие румынские слова латинского происхождения почти не известны народным говорам, которые в этом значении имеют славянские слова, например, что слово *fața* (лат. *facies*) известно лишь в немногих местах, обычным же словом будет *obraz*. И таких примеров в атласе много. Для изучения славяно-румынских этнических и языковых отношений материал лингвистического атласа

представляет большой интерес.¹ Большую ценность в этом же отношении имеет работа П. Канчела — „Terminie slavi de plug în daco-romana“ (București, 1921).

П. Канчел всесторонне исследует наименование плуга и его частей по всей территории румынских говоров. Всю соответствующую славянскую терминологию автор делит на четыре группы: 1) термины, являющиеся общими на всей дако-румынской территории, 2) термины, распространенные лишь в отдельных областях, 3) термины, общие в румынском и болгарском языках, в румынском и сербском языках, 4) термины славянского происхождения, общие в румынском и мадьярском языках. Подобное изучение одного лишь вопроса (терминологии плуга) дает для изучения истории славяно-румынских языковых отношений больше, нежели синтетические исследования Цонева, опирающиеся на книжные источники.²

Изучение Канчела показало, что в различных областях Румынии пользуются славянскими (главным образом болгарскими) наименованиями плуга и его отдельных частей. В народном языке общее название plug (от которого образованы plugar — пахарь, plugari — пахать, возделывать землю, plugarie — пахота, вспашка) встречается чаще, нежели arat (ср. образованные от того же корня: aga — пахать, agabil — пахотный, arat — вспашка). Выше мы привели указание академика Веселовского, что Мариенеску в колыбельных заменял plug словом aratu. Но если для общего наименования имеются дублиеты, то уже отдельные части плуга носят славянские названия. В связи с этим возникает очень важный вопрос, поднятый румынским ученым Боканецу.

Боканецу принадлежит сравнительно большое исследование об аграрной терминологии в румынском языке.³ Он дает подробную сводку терминов сельскохозяйственных орудий, спосо-

¹ Подробнее см. в нашей статье о румынском лингвистическом атласе в третьем выпуске „Бюллетеня диалектологического сектора Института русского языка Академии Наук СССР“.

² См. еще исследования Йордана — „Lexicul graiului din sudul Moldovei“, „Arhiva“, 1921; С. Попа — „Câteva capitali din terminologia calului, „Daco-romania“, V и др.

³ Terminologie agrara în limba româna — Codrul Cosminului, II — III, 1925—1926, p. 119—174.

бов обработки земли, указывая (что очень важно) географическое распространение этих терминов. В деле изучения роли славянского элемента в формировании румынского народа это труд первостепенной важности, несмотря на то, что выводы автора находятся в противоречии с исследуемыми фактами. Автор — сторонник дакийского происхождения румын. Он стремится доказать, что румыны издавна, еще до встречи со славянами, знали земледелие. Крестьянство в Аврелианову Дакию не уходило. Оно оставалось на старых местах, продолжало пользоваться старыми сельскохозяйственными орудиями. Лишь позже кое-что было заимствовано от славян. Но самый материал противоречит выводам автора, так как он вынужден признать славянское происхождение большинства аграрных терминов. Из этого противоречия Боканецу выходит следующим образом. Славянских сельскохозяйственных терминов много, но они в большинстве случаев относятся не к наименованию целого орудия, а его отдельных частей или относятся к области второстепенной терминологии. Важнейшие аграрные термины романского (латинского) происхождения: а *ara* (*arare*), а *samana* (*seminare*), а *culege* (*colligere*), а *intoarce* (*intirquere*), а *rosori* (производное от *pirca brazda*), а *aduna* (*adunare*), а *lega* (*ligare*), а *mearca* (*carricare*), а *triera* (*tribulare*), а *vantura* (*ventulare*), нар (*napus*), *pepene* (*pepo*), *radiche* (*radicula*), *paie* (*palla*) и мн. др.¹

Этот вывод Боканецу отличается некоторым преувеличением. Можно назвать немало важнейших славянских слов из современного литературного языка, относящихся к сельскому хозяйству (в области не только земледелия, но и скотоводства): *cosaş* — косарь; *cosit* — сенокос, *brazda* — борозда, *galiţa* — деревянный плуг, рало; *gradina* — сад, огород; *gnoişte* — навозное удобрение и мн. др.² Однако автор подметил очень важную особенность современной аграрной румынской терминологии. Словами славянского происхождения особенно богата второстепенная терминология, и, что особенно важно,

¹ Там же, р. 127—128.

² Боканецу отрицает славянскую этимологию многих очевидно славянских терминов. Но даже при этом он вынужден признать славянскими по происхождению очень много слов.

терминология частей сельскохозяйственных орудий и отдельных элементов сельского труда и быта: *padina* — нижняя часть копны, *grindei* — дышло плуга, *oiște* — дышло, *zavor* — засов, *polița* — полка, *pla(plaz)* — полоз у плуга, *rodea* — половица, *proțar* — вилообразный шест, *ganj* — жгут, гуж, *loratica* — лопаточка, *razog* — крайняя межа, *parlog* — незапаханная земля, перелог, *rovina* — рытвина, *grinda* — балка, *grindiș* — стропило, *grebla* — грабли, *storiște* — овечье тырло, логовище, *țelina* и др.

Итак, многие слова славянского происхождения в сельскохозяйственной терминологии связаны с деталями сельского труда. На основании этого Боканецу делает ошибочный вывод о позднем и незначительном влиянии славян. Наоборот, эта „второстепенная“ терминология указывает на чрезвычайно глубокие корни славянства к северу от Дуная. Легче всего может быть усвоена от чужого народа общая, важнейшая терминология, наименование главнейших сельскохозяйственных орудий. Наименование деталей консервативнее, отражает больше старины. При смене сохи на плуг произошли и изменения наименования самого орудия. Это естественно, так как был продолжительный период, когда пользовались и сохой и плугом, в связи с чем их нужно было различать. Но наименования отдельных частей сохи во многих случаях перешли на соответствующие части плуга. Подобных примеров можно привести много. В самых усовершенствованных современных сельскохозяйственных машинах, названных нередко по имени марки завода или фабриканта (ср. „зис“, „газ“, „Фордзон“), мы в деталях встречаемся со старыми известными терминами, перенесенными по сходству или по функции со старых орудий. При позднем и поверхностном влиянии славянства на аграрный быт румын детали сельскохозяйственной терминологии не могли быть славянскими. Материал Боканецу доказывает, что предки румын пользовались в значительной степени славянской сельскохозяйственной терминологией. Позже, в связи с усилением романского элемента шел процесс румынизации аграрной терминологии. Но он, как и следовало ожидать, коснулся лишь важнейших элементов терминологии. В остальном сохранилась старина, старина славянская.

Славянские слова в румынском языке встречаются в самых различных областях крестьянского труда и быта. Мы находим их в области терминологии обработки земли, наименования различных земельных участков (пашня, поле, луг, пар и пр.), различных злаков и плодов, в терминологии садоводства, скотоводства, рыболовства и пчеловодства, среди наименований крестьянской утвари, украшений, жилища и т. д. Их нельзя считать заимствованиями. В языке валашского крестьянина слова *nevasta* (жена), *obada* (обод), *obor* (загон для скота), *evța* (овца), *oripca* (обувь крестьян), *osie* (ось), *otava* (новая трава после косы), *parlog* (незапаханная земля), *parvac* (рой пчел, который роится в первый раз), *plaz* (полоз у плуга), а *se plodi* (размножаться), *pleava* (полова), *polog* (скошенное сено), *prag* (порог), *prepețița* (перепелка), *prost* (простонародный, глупый), *prostac* (глупец), *puhav* (поднявшееся тесто), *rasad* (рассада), *razor* (межа), *roiște* (роение пчел), *sanie* (сани), *situ* (сито) и множество подобных — не заимствованы. Через литературный язык эти слова проникнуть не могли, так как, во-первых, в славянских памятниках Валахии большую часть их не найдем не только в церковных, но и в светских, а во-вторых (и это самое главное) нельзя допустить, что валашское крестьянство в средние века находилось в таких близких отношениях с господствующей книжной славянской культурой, чтобы заменить большую часть своих латинских слов, относящихся к важнейшим и второстепенным явлениям их труда и быта, словами славянскими.¹

Славянская аграрная терминология не заимствована. Это подтверждается сравнением ее с аналогичной терминологией в современных болгарских народных говорах. Если бы славянская терминология была заимствована валахами из литературного языка (предположение совершенно невероятное), то мы должны были бы наблюдать многообразные изменения в

¹ Очевидно несостоятельным является утверждение румынского лингвиста Ламбриора, что все славянские слова в румынском языке книжного происхождения („Romania“, X, p. 363). Эта мысль находится в таком противоречии с фактами, обнаруживает такое незнание старой румынской славянской письменности и состава славянских слов в современных народных говорах, что не заслуживает специального анализа.

значении заимствованных слов. Валашский крестьянин не заимствовал бы ее пассивно, он приспособил бы ее к своей привычной, старой, по мнению Боканецу, римской терминологии. В действительности это не так. В этом отношении между румынскими говорами Валахии и болгарскими не больше различий, нежели, например, между различными болгарскими говорами. А для многих слов (главным образом из области скотоводства и птицеводства) мы можем констатировать более тесную связь между румынскими говорами и северо-восточными болгарскими, нежели между последними и, например, македонскими.¹

Со своеобразной теорией происхождения славянских аграрных терминов в румынском языке выступил проф. Йорга. В городах жили торговцы-славяне. Они продавали различные сельскохозяйственные орудия крестьянам-румынам (валахам и молдаванам). Крестьяне сохраняли славянское наименование, которое давал им торговец. „Тот, что покупал предмет, сохранял часто и его наименование, данное ему торговцем“ („Influences étrangères“, р. 34). Эта „теория“ очень хорошо характеризует метод румынского историка. Гипотеза строится на допущениях, которые не могут быть доказаны. Йорга даже не стремился доказать, что торговля сельскохозяйственными орудиями в средневековой Румынии находилась в руках славян. Он просто это утверждает, а затем уже на этом утверждении строит всю свою теорию. Уничтожающей критике подверг ее проф. Мутафчиев. „Если теперь румынский крестьянин для обозначения не только плуга употребляет славянское слово *plug*, но и примитивное рало называет славянским именем *galița*, если для обозначения палки, с помощью которой погоняют волов или чистят рало от приставшей земли (копраля), граб-

¹ Необходимо указать, что многие румынские сельскохозяйственные термины романского происхождения хорошо известны языкам балканским, в частности болгарскому. Поэтому не исключена возможность, что некоторые из них заимствованы от славян. Этому важному вопросу должно быть посвящено специальное исследование. Вообще же исследование Боканецу показало, что изучение романских (латинских) элементов в румынском языке должно производиться с всесторонним учетом данных балканских языков.

лей или ручки косы и пр. он употребляет заимствованные из славянского языка *copreala*, *grebla*, *dirjala*, то это было потому, что еще тысячу лет назад он предпочитал приобретать все эти совсем простые инструменты на рынке, вместо того чтобы готовить их самому, как это делали тогда крестьяне всех народов".¹ Но ведь по-славянски называются не только сельскохозяйственные орудия. Так же называется большинство знаков (*ovas* — овес, *gînița* — рожь), овощей (*boaba* — боб, *morcov* — морковь, *svecla* — свекла, *lubenița* — арбуз, бол. *любеница*). Стало быть, румынский крестьянин не только покупал у славян орудия, но и сельскохозяйственные продукты. Мы знаем, что наименования отдельных видов крестьянской одежды тоже славянского происхождения (*sojos*, *giza*, *orinca* и мн. др.). Неужели даже *опинки* крестьянин покупал? Так румынский профессор превратил румынских крестьян в людей, которые сами ничего не производили, а все покупали у славян. На этой теории можно было бы не останавливаться, если бы она не принадлежала крупнейшему представителю румынской исторической науки.

Значительность и разнообразие крестьянской лексики славянского происхождения лучше всяких исторических свидетельств доказывает, что в формировании современного румынского народа славянский элемент играл большую роль. Носители романской языковой традиции господствовали, они оказались сильнее славянского, отделенного от родственных племен Дунаем и дальше сохранявшего старые пережитки родового быта.² Славянское население в течение многих столетий

¹ „Българи и ромъни в историята на Дунавските земи“, София, 1927, стр. 115.

² Некоторые ученые говорят о денационализации славянского элемента к северу от Дуная. Этот термин ошибочен. О денационализации говорить нельзя, так как славянские племена, населявшие современную Румынию, находились на такой стадии развития, когда нации еще не было. Отделенные от родственных племен Дунаем, они значительно позже вступили на путь развития государственности, дольше сохраняли пережитки родового строя, нежели славяне Мизии, Фракии, Македонии. Эти племена не денационализировались, а вошли как один из важнейших элементов в состав той нации, которая в настоящее время носит наименование *români*,

усваивало язык валахов. Полнее всего была усвоена морфология, которая является в современном языке более всего романской.¹ Звуки чужого языка приспособлялись к своим родным, привычным звукам. Мы сплошь и рядом можем наблюдать, как даже под руководством педагога ученик, усваивая иностранный язык, подчиняет его законам своего родного произношения. Так, русский произносит во французских словах вместо конечных звонких глухие, француз по-русски произносит / среднее. Все это проявляется в еще большей степени, когда народ стихийно усваивает чужую речь. Вопреки нормам господствующего языка он будет произносить неударные гласные так, как он привык, говоря на своем родном языке. Господствующий язык в связи с этим приобретает черты новые для него, но никак не чужие, так как они восходят к языку субстрата. Вот почему в звуковом отношении румынский и болгарский (главным образом северовосточные говоры) так близки. Уже отмечалось сходство между румынскими и болгарскими говорами в отношении произношения неударных гласных, что дало повод Цоневу, а за ним Капидану утверждать, что произношение, например, неударного *o* как и болгары заимствовали от румын.

Значительные следы субстрата остались в области словообразования. При стихийном подчинении новому языку возможна большая свобода в использовании старых привычных словообразовательных элементов. Переходя к новому языку, коренной житель Дакии смело использовал свой старый запас словообразовательных средств, к которым он привык и который был ему понятен. Вот почему не только народный румынский язык, но и литературный богато насыщен славянскими словообразовательными элементами, которые мы находим в словах различного происхождения.² Так, суффикс-*nic* (слав-

в этом значении народному языку неизвестное. В литературном книжном языке слово *gimn* (от *gimnans*) как этническое наименование появляется в трудах националистически настроенных хронистов в XVIII в.

¹ Но и в этой области обнаруживаются следы славянского субстрата (см., например, M. Křepinsky, „Influence slave sur le verbe roumain“ — *Slavia*, XVI, 1938—1939).

² См., например Gartner, *Darstellung der rumänischen Sprache*, Halle, 1914, 141—149.

ьник) найдем не только в славянских словах (grabnic, harnic vrednic), но и в словах латинского происхождения (sentelnic, statornic и др.). Ср. то же с суффиксами-eț (слав.-ьць),-ița (слав.-ица),-са (слав.-ька), префиксами gos-(слав. раз-) и др. Много славянских словообразовательных элементов в древних памятниках румынского языка, начиная с XVI в.¹

Естественно, что наиболее значительные следы субстрата в современном румынском языке находим в словаре. Для многих понятий, связанных главным образом с земледелием и другими областями сельского хозяйства, в языке валахов — пастухов и охотников не было соответствующих слов. Велики были различия во всем жизненном укладе местного земледельческого населения и пришлых скотоводов. Все это определило сохранение старой славянской лексики, которая, таким образом, никак не может считаться заимствованной в румынском языке. В результате продолжительного и сложного процесса этнического и языкового смешения славянского населения с валашским возник современный румынский народ и румынский язык во всем разнообразии его говоров.² Местные различия в языке, в области материальной культуры, обычного права, в обрядах, поверьях вызваны тем, что взаимодействие местного и пришлого элементов не было на всей территории одинаковым. Славянский субстрат на всей территории Валахии, Трансильвании и Молдавии не был единым. Различался он и по своей ф р а к и й с к о й основе (на территории Валахии это были даки, в Молдавии — геты) и по славянскому облику (на одной территории жили южнославянские племена, на другой восточные).

Различался существенно и пришлый валашский элемент. Проф. А. Филиппиде в своем всестороннем и объективном

¹ M. Gaster, Chrestomatie româna, vol. I, 1891. См. диссертацию С. Пушкарю, Die rumänischen Diminutivsuffixe, „Jahresberichte d. Institut für rumänische Sprache zu Leipzig“, III, и большую работу Г. Паску, Sufixele Romanesti, B., 1916.

² „Старое романское население становится румынским только после смешения его со славянами, только после того, как в него перелилась славянская кровь, а его романский язык трансформировался в румынский только после того, как испытал на себе сильное влияние славянской речи“ (Мутафчиев, цит. соч., стр. 72).

исследовании „*Originea Romînilor*“ установил, что валашская колонизация к северу от Дуная происходила не одновременно и, вероятно, не из одних областей. Так, он считает, что носители романской языковой традиции в Валахии и Молдавии принадлежали к различным колонизационным волнам.¹

Язык пришлого романского населения усваивался славянами Дунайской низменности не пассивно. Знакомясь с новыми словами романского происхождения, они стремились, естественно, сохранить свои прежние семасиологические отношения между словами. Так возникали новые отношения между словами, неизвестные романским языкам, но хорошо известные языкам славянским. Таким образом, к славянским элементам в румынском языке нужно относить не только слова славянского происхождения, но и много слов латинского происхождения, получивших в румынском языке новое, неизвестное прежде, значение. Этот процесс в изменении значений латинских слов можно проследить по памятникам румынской письменности. К сожалению, этот важнейший для истории румынского языка вопрос почти не исследован. Имеется лишь несколько подобных примеров в работе Лазаря Шайняну — „*Insercare asupra semasiologiei limbii române*“² и в статье А. И. Яцимирского — „Из славяно-румынских семасиологических наблюдений“.³ „Одним из самых характерных явлений славянского влияния на румынский язык, — писал Яцимирский, — следует назвать 1) изменение значений румынских слов латинского происхождения под влиянием славянских и расширение или сужение понятий, ими обозначенных, в свою очередь, и 2) латинские слова, ставшие в известной степени дубликатами к твердо установившимся славянским, повлияли на смысл последних, и румынский язык дает нам несколько интересных случаев, когда славянские слова имеют такие оттенки в значении, которых нет ни в книжном, ни в живых славянских языках“.⁴

¹ „*Originea Romînilor*“, II, p. 389.

² „*Revista*“... v. VI, p. 211.

³ ИОРЯС, IX, 2, стр. 257.

⁴ Там же, стр. 258.

Большинство историков румынского языка видит свою задачу в том, чтобы изучить историю народной латыни на территории Дакии и выяснить различные влияния на нее. Впрочем, в этом понимании своих задач они не очень разнятся от многих историков других романских языков, не учитывающих того, что история каждого романского языка — это прежде всего история языков коренного населения Франции, Испании, Португалии, которые испытали глубокое влияние варварской латыни, далекой от латыни даже римского плебея. Об этом противопоставлении *romanice* — *latine* свидетельствуют многочисленные источники.¹ Мы уже не говорим о литературной латыни, которая во времена поздней империи народу была не понятна.

Первым серьезным опытом в построении научной истории румынского языка является четырехтомная „История румынского языка“ профессора Бухарестского университета Ал. Росетти, автора известной работы „*Recherches sur la phonétique du roumain au XVI siècle*“ (Paris, 1926).² Автор совершенно свободен от шовинистических настроений, которые были до наших дней серьезным препятствием для нормального развития румынской науки. В то же время он всесторонне учитывает достижения теории субстрата, которая в применении к исследованию балканских языков оказывается чрезвычайно плодотворной. Для Росетти история славянского языка на территории Румынии — одна из существенных глав истории румынского языка. Он в полной мере отдает себе отчет в том, что валахи и молдаване сложились из различных этнических элементов, среди которых славянскому принадлежит одно из первых мест.³ Валахия и Молдавия были заселены славянским населением, которое через стадию двуязычья постепенно перешло к романскому языку (румынскому), внося, однако, в него многочисленные особенности своего родного языка. Тем не менее никак нельзя согласиться с Росетти,

¹ В. Ф. Шиммарев, У историков итальянской литературы, ИАН, Отделение литературы и языка, 1941, № 3, стр. 70.

² „*Istoria limbii române*“ I — „*Limba latina*“, 1940; II — „*Limbile balkanice*“, 1943; III — „*Limbile slavemeridionale*“, 1940; „*Romana comuna*“, 1941.

³ III, p. 25 сл.

что состояние двуязычия закончилось к XIII в.¹ Против этого говорят многие факты.

1. Контакт коренного славянского населения Валахии с валахами может быть отнесен к XII—XIII вв. Нет никаких данных, которые бы могли привести исследователя к выводу, что до XII в. на территории Валахии были валахи. К XII—XIII вв. относится начало того процесса, который лишь через несколько столетий привел к ассимиляции славянского населения. Несомненно, что в румынском языке имеются славянские элементы более древние. Но они были заимствованы еще до встречи со славянами Валахии от славянских племен Трансильвании. На это еще в свое время обращали внимание Пич, Ксенопол, Яцимирский и многие другие исследователи.² Предполагать же, что славянское население было ассимилировано в течение одного столетия, невозможно.

2. Против мнения Росетти свидетельствуют данные языка славянских грамот Валахии XIV—XV вв. Ниже в главах, посвященных анализу языка этих грамот, мы покажем, что писцы господарских канцелярий хорошо знали живой местный славянский язык. Это хорошо отражают грамоты до конца XV в. В них редко встречаются собственно румынизмы, так богато представленные славянскими грамотами начиная от Михни I. С полным основанием можно вспомнить слова проф. Милетича: „В эпоху, от которой идут самые старые грамоты, и до конца XV ст. румынский язык уже имел преимущество в общественной и частной жизни в Румынии... Но с другой стороны я твердо стою на том, что еще во время, когда писались грамоты Мирчи Великого и его первых преемников, т. е. по крайней мере до 1440—1450 г., все еще было население и среди простолюдыя и среди боярства, которое говорило по-болгарски. Румынский язык не победил сразу и полностью; этому предшествовала, без сомнения, эпоха двуязычия“.³ На основании одних грамот трудно решить вопрос о значении славянского элемента в жизни Придунайских княжеств в XIV—XV вв.

¹ Ц, р. 27.

² См. Яцимирский, Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родне румынского племени (см. выше).

³ „Към грамотите от брашовската сбирка“ (СбНУ, XXV, стр. 24).

Но можно смело утверждать как на основании валашских, так и молдавских грамот, что население славянское в это время еще существовало. Именно оно поставляло кадры писцов (логофетов) для господарских и частных канцелярий.

3. Против предположения Росетти свидетельствуют некоторые исторические документы, из которых мы узнаем, что в отдельных пунктах славянская речь сохранилась очень поздно (см. об этом в статье Милетича, СбНУ, XIII). Нужно еще учесть, что славянский элемент поддерживался многочисленными болгарскими эмигрантами, которые в отдельные периоды (особенно с начала XVII в.) массами переселялись из Болгарии в Придунайские княжества.

Большое значение для историка языка имеет превосходное исследование яского профессора Александра Филиппиде. На основании всестороннего изучения всех (дакийских и балканских) говоров румынского языка, данных албанского языка Филиппиде приходит к выводу, что в основе румынского народа лежат фракийские племена: „Румынский народ возник из смешения различных элементов, среди которых основной тои дали народы фракийские“.¹ Не менее существенным оказался и славянский элемент, так как когда валахи появились в Дакии, фракийцев здесь уже не было. Здесь они нашли славян. Все это могло бы быть предметом уже третьего тома, который Филиппиде выполнил бы лучше любого румынского лингвиста. Залогом этого были его трезвые методологические и политические взгляды, далекие от румынского национализма и латинomanии.

О славянском прошлом румынского народа свидетельствует не только язык. Об этом не менее красноречиво говорят обычаи румын, их материальная и духовная культура. Исследователи уже давно обратили внимание на эту связь, изучая ее на самых разнообразных фактах народной жизни.² Говорить

¹ „Originea Romînilor“, I, p. 658.

² „Румынская народная поэзия как обрядовая (а с нею и самые обряды народные) и лирическая, так и историческая представляет очень много родственного со славянской и по преимуществу южнославянской“ (П. Сырку. „Значение румыноведения для славянской науки“, Ж. М. Н. П., 1884, август, стр. 242).

о том, что все это румынами заимствовано от славян, невозможно, ибо в таком случае нужно отнести к заимствованию то, что составляет самую основу народного быта, его важнейшие черты и особенности. Хорошо известен этнографам болгарский национальный танец — хоро. Но этот же танец хога является и румынским национальным танцем.¹ Совершенно бесперспективны стремления этнографов доказать, что этот танец румыны заимствовали от болгар. У обоих народов этот танец является своим. Этот факт, наряду с многочисленными подобными, свидетельствует об общности этнического субстрата.

В 1933 г. появилось большое исследование молодого ученого Петра Карамана об обряде колядования у славян и румын.² Это исчерпывающее исследование исключительно глубоко и всесторонне вскрыло тесные связи румын со славянским миром. Автор справедливо указывает, что изучить обряд колядования можно лишь одновременно и у румын и у славян. „Самостоятельное изучение его (обряда колядования. — С. Б.) только у румын или только у славян было бы невозможно“.³ Автор тщательно и всесторонне изучает обряд колядования у всех славян и румын. На основании этого изучения Караман устанавливает несколько типов колядования. Основной тип, наиболее древний и полный, представлен у болгар, румын и украинцев. Этот тип он называет украинско-болгарско-румынским. Совершенно иной тип колядования автор обнаруживает у других славян, у сербов, у поляков. Он отличается от первого во всех своих важнейших особенностях. Все это свидетельствует о глубоких связях славянских племен Мизии, Дакии и восточнославянских племен, живших на территории современной Молдавии и Бессарабии. Нельзя согласиться с мнением автора о происхождении этого обряда у румын и славян. Он видит в этом обряде одно из доказательств латинского происхождения румын.⁴ Ценность этого весьма

¹ См. R. Henke, „Rumanien — Land und Volk“, Leipzig, 1877, S. 7.

² P. Caraman, Obrzęd kolędowania u słowian i u rumunów, „Studjum porównawcze“, Kraków, 1933, VIII, 630.

³ Там же, стр. V.

⁴ Там же, стр. 377.

солидного исследования состоит в том, что автор его на изучении одного обряда показал теснейшую связь румынского, болгарского и украинского народов, уходящую в глубокую древность.

Подобную связь обнаруживают и другие обычаи. На это уже давно было обращено внимание проф. А. И. Яцимирским, который, однако, в связи со своими методологическими представлениями объяснял это заимствованием. „Многие румынские обычаи, поверья, вообще народная поэзия и искусство отражают многовековое влияние более культурных славян на затерявшееся среди них романское племя“.¹

Много общего представляет у балканских народов обычное право. Целый ряд народных юридических институтов у валахов и молдаван в той же самой форме находим и у болгар. Проф. А. И. Яцимирский в свое время обратил внимание на славянскую пороту и ее аналогию у румын.²

На тесные генетические связи болгарского и румынского народов указывают разнообразные явления из области материальной культуры (народные сельскохозяйственные орудия, утварь, жилище, одежда и многое другое). Этнографы-балкановеды обнаружили много подобных фактов. Исследование директора этнографического музея в Клуже Р. Вуя, посвященное изучению типа сел и жилищ румынского населения в Трансильвании и Банате, продемонстрировало тесную связь этого населения со славянским миром.³ Автор справедливо пишет „Каждое поселение представляет из себя небольшой народный музей, где каждый предмет, каждое наименование может свидетельствовать об эволюции жизни и цивилизации румынского народа“.⁴ Исследуемые факты во многих случаях указывают, что в эволюции румынского народа существенную и нередко решающую роль играл славянский элемент. Материал Р. Вуя представляет много аналогий у балканских

¹ „Сборник отделения русского языка и словесности Ак. Наук“, т. 71, Спб., 1902, стр. 61.

² „Отголоски славянской пороты в обычном праве у румын XV — XVII вв.“, „Zbornik u slavu Jagića“, Berlin, 1908, стр. 159.

³ „Le village roumain de Transylvanie et du Banat“, B., 1937.

⁴ Там же, р. 4.

народов, главным образом у болгар и отчасти у сербов.¹ Много ценного для изучения древних этнических связей населения Дакии и Мизии представляет исследование С. Мегединца, дающее богатый сравнительный материал по важнейшим разделам материальной и духовной культуры валахов и молдаван.² И это исследование на многочисленных фактах подтверждает тесные этнические взаимоотношения народов Румынии и Болгарии в прошлом. Каждое новое этнографическое исследование, отдельное наблюдение все глубже и всестороннее вскрывает древние этнические связи племен Мизии и Дакии. Перед этнографами-балкановедами стоит еще много нерешенных задач. Их всесторонние и объективные исследования помогут решить многие важнейшие этногенетические проблемы. Пока что румынская этнографическая наука небогата такими объективными исследованиями. Все помыслы ученых направлены на то, чтобы отыскать следы латинской культуры, показать их исконность и древность, умалить все то, что является наследием славянской культуры.³ Часто можно встретиться с чисто описательным исследованием, в котором автор не дает никаких аналогий и сопоставлений.

Румынские лингвисты для своих утверждений часто пользуются историческими данными, которые должны подкреплять их мысль об исконности романского этнического элемента на территории современной Румынии. Нередко они и сами выступают в роли исследователей-историков. Особенно охотно цитируются труды историков, отрицающих балканское происхождение романских элементов в румынском народе и связывающих их областями к северу от Дуная. Однако

¹ См. И. Цвијућ, Балканско полуострво и јужнословенске земље, Београд, 1922, стр. 318—390; S. Gellert, Ostbulgarische Bauerhaustypen, „Zeitschrift f. Ethnologie“, 1934, II, 1/3.

² S. Mehedinți, Coordonate etnografice. Civilizația și cultura („Acad. Romana“, demogr. Sect. Istorie, serie III, t. XI, 1931.

³ Известен случай, когда латинское происхождение румын объяснялось наличием римских монет на территории древней Дакии. См. Н. Йорга „Points de vue sur l'hist. du commerce de l'Orient au Moyen-Age“, Paris, 1924, p. 8. Подобные монеты археологами обнаруживаются на обширной территории за пределами романского мира.

ссылки на исторические труды всегда носят самый общий характер. Так, утверждение какого-либо историка об исконности романского элемента в Дакии используется лингвистами для доказательства исконности его для всех румынских областей: для Трансильвании, Баната, Марамуреша, Малой и Большой Валахии, Молдавии и др. Нечего и говорить, что подобный метод совершенно не доказателен, так как указания на значительность и древность романского элемента, например, в Трансильвании нельзя механически относить к любой румынской области. В настоящее время уже нельзя ни историку, ни лингвисту решать вопрос происхождения румынского народа и румынских диалектов вообще на территории Румынии. История народа, его отдельных составных частей, история говоров и диалектов в различных областях была не одинаковой. Валахский и молдавский народы формировались в разных условиях: отлична была старая фракийская основа, различного происхождения были славянские племена, из различных источников и в разное время шел процесс романизации. Дальнейшие исследования это, вероятно, покажут.

Приходится очень часто сталкиваться с совершенно произвольным и неверным толкованием старого географического термина „Дакия“. Часто не только филологи, но и историки не различают древнюю Дакию и современную Румынию. Поэтому когда говорят о прошлом Дакии, то в одинаковой степени это относят и к прошлому Трансильвании, Валахии (Большой и Малой) и Молдавии. Сознательно умалчивается, что значительная часть современной Румынии в состав Дакии не входила. Дакийская провинция во II столетии включала в себя Малую Валахию (*Dacia Maluensis*); Трансильвания и часть Баната входили в состав *Dacia Apulensis* — *Dacia Porolissensis*. Большая часть Баната входила в состав Верхней Мизии (*Moesia Superior*). Что же касается Большой Валахии и всей Молдавии, то эти области не входили в состав Дакии, а составляли задунайскую часть Нижней Мизии (*Moesia Inferior*). Граница между Дакией и Нижней Мизией шла по реке *Aluta* (Олта) от устья до пункта, находившегося на полдороге между городами *Rusidava* и *Buridava*. От этого пункта граница шла к северу до Трансильванских Альп уже по территории

Большой Валахии. Таким образом, лишь небольшой северо-западный угол Большой Валахии входил в Дакию. От г. Асапуш (Никополь) и до устья Дунай разделял на две части область Нижней Мизии. Все это необходимо учитывать исследователю древнейших судеб населения Валахии, большая часть которой в состав Дакии не входила.¹ Завоевательная политика Траяна не распространялась на Молдавию и значительную часть современной Большой Валахии.²

Все многочисленные теории о происхождении румынского народа в основном подразделяются на две группы. К одной группе принадлежат гипотезы, объясняющие генезис румынского народа из романизированных туземных племен Дакии; к другой относятся теории, которые стремятся доказать, что в Треянской Дакии глубокой романизации не было. Румынский народ сформировался к югу от Дуная, на Балканском полуострове. Появление его на территории современной Румынии относят к позднему времени, не ранее XII столетия.

Румынские филологи в своих построениях опираются главным образом на теории первой группы, потому что эти теории, во-первых, свидетельствуют о глубокой древности румынского народа, а во-вторых, дают как будто почву для утверждения об исконности румынского элемента к северу от Дуная. Однако, как мы сейчас увидим, это не так.

И. Барбулеску в своих многочисленных работах, посвященных прошлому румынского языка и его взаимосвязям с соседними языками, утверждал не раз, что родиной румынского народа является Малая Валахия и Банат.³ То же самое утвер-

¹ Н. С. Державин. Происхождение молдавского народа, „Советская наука“, № 12, 1940, стр. 10. „Теперь уже полностью установлено, что настоящая римская провинция Дакия в течение II и III веков далеко не охватывала всех земель, которые теперь находятся в пределах Румынии, а только часть из них. Следовательно, вся современная Молдавия, как и вся так называемая Большая Валахия к востоку от р. Алуты, не входили в пределы настоящей провинции Дакия“ (Мутафчиев, цит. соч., стр. 54—55).

² См. Xenopol, Les guerres daciques de l'empereur Trajan, „Études historiques sur le peuple roumain“, 1887, p. 8—46.

³ „Individualitatea limbii române și elementele slave vechi“, București, 1929.

ждал Е. Гамильшег.¹ Но находят ли они поддержку в трудах автохтонистов? Обратимся к последним.

Иоганн Тунманн, один из первых европейских ученых, попытался объяснить происхождение румынского народа на территории древней Дакии в период римского господства.² Согласно взгляду Тунманна, румыны возникли в результате этнического смешения местного фракийского населения с римскими колонистами. Однако если мы внимательно прочитаем книгу Тунманна, то мы прежде всего должны обратить внимание на то, что он, остановившись кратко на римском завоевании Дакии, затем почти уже не касается судьбы собственно дакийских румын, а все свое внимание концентрирует на истории балканских владов в Македонии, Эпире и Фессалии. Говоря о дако-румынах, Тунманн указывает, что в связи с великим переселением народов (вандалов, готов, гуннов, гепидов, славян, авар и болгар) потомки дако-румын исчезли с территории Валахии и Молдавии и укрылись в Трансильванских Альпах, где они вели пастушеский образ жизни. Лишь через много столетий под напором венгров они начали вновь спускаться в равнину. Это относится к XI—XII вв.

Итак, взгляды Тунманна ни в коем случае не могут подкрепить взгляды тех румынских ученых, которые считают, что романский элемент на территории современной Валахии древнее славянского. Когда валахи начали оседать на валахской низменности, они встретились со славянами, в то время занимавшими значительную часть Валахии. Взгляды Тунманна, на которые так любят ссылаться румынские филологи, не могут свидетельствовать в их пользу при решении кардинальных вопросов славяно-румынских языковых отношений. Эти взгляды не подтверждают непрерывности романского элемента в Валахии и дают почву для причисления славян к более древним насельникам этой области.

Известно, что одним из наиболее последовательных автохтонистов был Юлиус Юнг, который в ответ Реслеру опубликовал

¹ „Zur Donaunamen“ („Zeitschrift für Slav. Philologie“, II, S. 149).

² „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker“, Leipzig, 1774.

в 1877 г. исследование „Römer und Romanen in den Donauländern“ (второе издание в 1887 г.). Юнг выступил решительным противником балканской теории, и на его исследование румынские ученые всегда охотно ссылаются. Оставляя в стороне всю аргументацию Юнга, отметим, что и в этом сочинении не подтверждается непрерывность романского элемента в Валахии. На этом автор категорически не настаивает, обращая главным образом внимание на Трансильванию. Лучшие страницы его книги посвящены венгерской колонизации Трансильвании и вытеснению румын из горных областей в Придунайскую низменность.¹ Ю. Юнг придает чрезвычайно большое значение славянскому элементу в формировании румынского языка и самого народа. По его мнению, между румынами и славянами возникли такие же отношения, что и в Англии между норманами и англосаксами. В результате сложного синтеза возник валашский язык, в котором романская стихия относится к славянской, как в английском языке германская к романской.² Смешивая вопросы этнических и языковых взаимоотношений с поздними культурными связями, Юнг утверждает, что славянский язык начал оказывать влияние лишь с IX в., когда славянская церковная письменность достигла высокого развития.³ Непосредственное этническое влияние со стороны дакийских славянских племен не имеет ничего общего с культурным и церковным влиянием, которое шло со стороны болгар, а позже со стороны сербов. Исследования Юнга (кроме указанного сочинения, см. еще „Die romanischen Landschaften des römischen Reiches“, 1881) были подвергнуты всесторонней и глубокой критике со стороны виднейших балкановедов, и многие положения доцента Инсбрукского университета в настоящее время отвергнуты. Мы, однако, подчеркиваем, что Юнг нигде не пишет о непрерывности романского элемента в Валахии. Его он связывает всегда с Трансильванией.

Одним из авторитетных последователей Тунманна и Юнга был И. Пич. В своем хорошо известном исследовании „Über

¹ „Römer und Romanen in den Donauländern“, 1887, 266—268.

² Там же, 254; см. также 35.

Там же, 256.

die Abstammung der Rumänen“ (1880) он выступает решительным противником Зальцера, Реслера и других сторонников балканского происхождения румынского народа. К этому же вопросу Пич возвращается в работе „Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage“ (1886). Привлекая некоторые данные своих предшественников, Пич, однако, нашел много нового материала. Аргументация его в некоторых частях отличается исключительной солидностью. Он обратил внимание на многие факты, которые мешают признать справедливыми доводы Реслера и его позднейших последователей. Укажем, например, на его ценное наблюдение, впоследствии разработанное румынскими историками, о том, что позднейшая румынизация Валахии и Молдавии шла не с юга, а из Трансильвании. Трансильвания была центром национального возрождения румынского народа. Здесь возникла письменность на румынском языке, отсюда шло развитие государственности.¹ Однако Пич в обеих работах не доказывает непрерывности румын в Валахии. В „Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage“ он точно указывает территорию, на которой с III по XIII в., по его мнению, сохранился романский элемент. Это Марамуреш, Банат и Трансильвания. Особо он выделяет Банат и Трансильванские Альпы, где румынское население было более значительным.² Под давлением венгров румынское население спускалось с гор в Малую и Большую Валахию, в Молдавию, в результате чего в XIII—XIV вв. возникли Придунайские княжества. Пич обращает внимание на румынскую лексику, которая свидетельствует, что родиной румын в прошлом были горные местности, а не низменности.

Сторонником Пича заявил себя Трауготт Тамм, который в Бонне в 1891 г. выпустил исследование „Über den Ursprung der Rumänen“. Но и в этой работе, не прибавившей ничего нового к аргументации Пича, автор не утверждает, что румынское население с III по XII в. продолжало жить на территории

¹ См. III главу исследования Пича „Das romanische Element im alten Dacia“, S. 116.

² „Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage“, S. 16; „Über die Abstammung der Rumänen“, S. 198.

Валахии. Вслед за Тунманном и Пичем Тамм считает, что в продолжение долгого времени до интенсивной мадьярской колонизации Трансильвании румынское население жило в горах, откуда оно уже позже спустилось в придунайскую низменность.

Обратимся теперь к одному из крупнейших историков Румынии, профессору Ясского университета А. Д. Ксенополу. Находясь под сильным влиянием различных националистических идей и тенденций, проф. Ксенопол многие факты рассматривал односторонне, придавая произвольно одним большое значение, другие совсем игнорируя. Для него, как и для многих его коллег, румыны — это народ романского происхождения, испытавший некоторое влияние со стороны варварских народов. „Румыны, — писал А. Ксенопол, — народ латинской расы. Эта истина известна теперь всему миру и нет нужды ее доказывать“.¹ Тем не менее, вопреки собственным словам, проф. Ксенопол во всех своих работах, многие из которых оставили глубокий след в истории изучения Румынии, доказывает латинское происхождение своего народа. Для этого он мобилизует свидетельства древних авторов, произвольно их толкуя, свидетельства старых румынских хронистов, данные топонимии, истории румынского языка и пр. В своей много-томной классической работе „Istoria Românilor“, которой еще долго вынужден будет пользоваться историк Придунайских княжеств, он придает большое значение романской колонизации Дакии. Не будучи продолжительной, она, однако, была настолько интенсивной, что к III в. местное население и по языку и по материальной культуре и частично по крови было латинским. С уходом римских войск из Дакии в так называемую Аврелианову Дакию мирное население не покинуло своих земель и в течение многих столетий сохранило к северу от Дуная свой романский облик.

Если бы даже эта концепция Ксенопола подтверждалась фактами и не вызывала бы никаких возражений, то и в этом случае утверждение о том, что румыны — народ латинской расы, не было бы доказано. В конце концов у историка есть только один надежный аргумент — румынский язык. Других

¹ „Les Roumains. Histoire d'état matériel et intellectuel“, Paris. p. I.

неоспоримых доказательств у него нет. Не только теперь, но и во времена Ксенопола языковеды не ставили знака равенства между языком и расой. Уже родоначальникам младограмматиков слишком хорошо были известны факты языковых смещений, приводивших к глубоким изменениям всей языковой структуры.¹ Но все соображения Ксенопола не верны и фактически. Теперь, после выхода выдающегося исследования о происхождении румын проф. А. Филиппиде, мы знаем весьма обстоятельно, как шел процесс романизации Балканского полуострова. Эти новые данные совсем не подтверждают концепции Ксенопола и его предшественников (Тунманна, Юнга, Пича, Тамма и др.). Но и до работы Филиппиде, еще в XIX в., историческая наука располагала достаточным количеством фактов, которые должны были бы привести Ксенопола к иным выводам.

Один из крупнейших авторитетов в области истории Рима, проф. Теодор Моммзен, в своей „Römische Geschichte“ на основании учета разнообразных фактов писал: „Еще больше, нежели Рейн в Германии, Дунай является пределом для цивилизации Рима и опорным пунктом для защиты границ.“² Исследуя следы римской цивилизации на Балканах, Моммзен указывает, что в Далмации и Мизии цивилизация эта была запоздалой и слабой. Глубоких корней здесь она не имела.³

История проникновения Рима на Балканский полуостров в настоящее время хорошо известна. Уже в старой работе Г. Зиппеля — „Die römische Herrschaft in Illyrica bis auf Augustus“ (Лейпциг, 1877) обстоятельно изучено завоевание западной части полуострова до падения республики. Ряд работ был посвящен завоеванию фракийской части полуострова

¹ „Всегда и во все времена возникали новые народы через слияние нескольких старых, через рассасывание покоренных и поглощение одних племен другими“ (О. Шрадер „Индоевропейцы“, СПб., 1913, стр. 32). Ср. у Мейе: „Таким образом, язык зависит от исторических условий и вовсе не зависит от расы, которая есть понятие физического порядка“. („Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“, 1938, стр. 106).

² Mommsen, Römische Geschichte, V, 1894. S. 206.

³ Ibid., 194.

(работы Домашевского и др.).¹ Все эти исследования дали возможность новейшим историкам представить общую картину романизации различных областей Балканского полуострова.² Начало римского влияния на нижнем Подунавии (*Moesia Inferior*) относится к 70-м годам I в. н. э. „Лишь к эпохе Октавиана Подунавье открылось окончательному римскому завоеванию и Октавиан как император мог первый о себе написать, что границы Римской империи он расширил вплоть до Дуная: *Pannoniorum gentes subiecti protulique fines Illyrici ad ripam, fluminis Danuvii*“.³ Впоследствии Нижняя Мизия становится одним из самых значительных центров, откуда римская культура и варварская латынь распространились по полуострову. Здесь были созданы военные поселения, многие из которых были активными проводниками римского влияния (*Novae*, близ болгарского города Свиштов, *Durostorum*, совр. Силистрия). Такую же роль сыграли старые греческие колонии, которые римские войска превратили в военные поселения (например, Одесс, совр. Варна). Вся подготовительная работа по завоеванию Дакии при Траяне проводилась здесь, в Нижней Мизии.

Румынские историки, и в частности А. Ксенопол, подчеркивают, что завоевание Дакии диктовалось экономическими причинами. Рим стремился овладеть этой богатой земледельческой страной, так как испытывал большой недостаток в продуктах питания.⁴ Это, по мнению Ксенопола, явилось причиной интенсивной римской колонизации Дакии. Однако большинство объективных исследователей стоит на иной позиции. Они считают, что завоевание Дакии вызвано было не экономическими причинами, а исключительно стремлением обезопасить северные провинции Балканского полуострова от набегов варваров. Проф. М. И. Ростовцев указывает, что завоевание Дакии нужно было Траяну для того, чтобы облег-

¹ См. А. Нидерле, „Původ a počátky slovanů Jižních“, S. I, str. 49.

² Сводка всех исследований дана А. Филиппиде в I томе „Istoria Românilor“.

³ Нидерле, цит. соч., стр. 50.

⁴ Хенопол, *Istoria Românilor*, I, p. 164.

чить военный поход на Восток.¹ „Когда Римская империя в первых столетиях нашей эры заняла и колонизовала Паннонию и Дакию, то, разумеется, это было вызвано не потребностью в новых площадях для земледелия, поскольку в это время собственные земли Италии и Греции забрасывались вследствие прогрессирующего обезлюдения и их спасали от окончательного запустения лишь новые поселения военнопленных. Решающую роль, напротив, играло здесь то обстоятельство, что область по ту сторону Дуная была занята воинственными разбойничьими номадами-дакийцами, которые постоянно делали нападения, иногда опасные нападения на Римскую империю. Чтобы навсегда обезопасить себя от них, не оставалось ничего другого, как осуществить военную оккупацию их области и поселить там колонистов из самых различных мест империи“². Моммзен, Фабрициус и многие другие историки также указывают, что в I—II вв. в старых римских провинциях наблюдается острый недостаток в рабочих руках. В связи с этим происходит не колонизация новых областей населением из Италии, а наоборот, интенсивное заселение пустующих земель в Италии и Греции туземным населением новых провинций, главным образом Малой Азии.³ Это обезлюдение приводит к сильному сокращению римского элемента в армии, особенно ко II столетию. „Со времени Адриана из армии италийский элемент исчез, сохраняясь лишь среди офицеров. Каждый полк пополнялся рекрутами из той страны, в которой он стоял лагерем. В связи с этим большинство солдат дунайской армии, так же как и выслужившиеся центурионы из рядовых, были как дома в Паннонии, Дакии, Мизии и Фракии“.⁴

¹ „Эллинизация и иранство на юге России“, Пг., 1918, стр. 160.

² К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, „Государство и развитие человечества“, М—Л., 1931, стр. 134.

³ До нас дошло много свидетельств об интенсивном переселении местного фракийского населения Балканского полуострова в Рим (см. М. Дринов, Сочинения, т. I, София, 1909, стр. 61).

⁴ Th. Mommsen, Römische Geschichte, V, S. 223. Об этом же Моммзен пишет в другой своей работе — „Die Konskriptionsordnung d. römischen Kaiserzeit“, Herm. XIX. 1884, 15. См. также обстоятельное исследование Э. Фабрициуса — „Das römische Heer in Ibergermanien und Rätien“, „Historische Zeitschrift“, B. 98, 1906.

В одной надписи, дошедшей до наших дней, мы находим список ветеранов, принятых в легион VII Claudia в 169 и отпущенных в 195 г. „Этот список называет около 130 имен с указанием места происхождения легионеров. 100 происходят из городов Мизии, 6 человек из Дакии, 8 из Далмации, 9 из Фракии“.¹ В Дакии оседали не только легионеры. Правительство переселяло сюда и мирных колонистов для работы на рудниках. Но и эти колонисты вербовались из новых провинций. Так, на рудники, которыми была богата Дакия, переселяли горных жителей Далмации.² Новые колонисты селились исключительно по речным долинам.³ В отдаленные от них глухие места власть Рима фактически не распространялась.

Все эти факты, уже давно хорошо известные исследователям, опровергают утверждения проф. Ксенопола об интенсивной романизации Дакии с начала II по III в. Романизация была поверхностной и ощутимых следов оставить не могла. Проводниками ее здесь были не жители Италии, а подданные Рима из различных отдаленных провинций, „представителями самых разнообразных культур и национальностей, собранными со всех концов империи“.⁴ Вся эта разноплеменная масса пользовалась в целях общения *lingua romana*, испытавшей сильное влияние местных варварских языков. Этот язык в первые века нашей эры стал международным языком, на котором общались между собой не только подданные Рима, но и свободные воинственные варвары.⁵ Однако не всюду понимали и этот язык. В Дакии, несомненно, он был менее распространен, нежели в Мизии или в Дардании. Что касается задунайской части Нижней Мизии (современные Большая Валахия и Молдавия), то здесь даже этот язык плохо понимали. „Тот пропал, кто не умеет говорить на гетском языке, так как на

¹ „Вестник древней истории“, № 4, 1946, стр. 201—202.

² Mommsen, op. cit., S. 203—204.

³ V. Chariot, Le monde romain, Paris, 1938, p. 432.

⁴ Державин, цит. соч., стр. 12.

⁵ L. Hahn, Rom und Romanismus in griechisch-römischen Osten, Leipzig, 1905.

латынском языке никто не понимает ни слова“, — сообщается в одном описании Томиды.¹

А. Филиппиде, привлекая многочисленные свидетельства старых источников, пришел к выводу, что романское население в задунайской части Нижней Мизии было очень редким: „... populația română rară din Moesia Inferior Transdanubiana...“²

Вслед за своими предшественниками Ксенопол вынужден, однако, признать, что в низменной части Подунавья романский элемент исчез вследствие начавшегося движения варваров, прежде всего готов и гепидов. Римские колонисты и романизованные туземцы не покинули Дакию в 274 г., но под напором варваров скрылись в горной части страны, где в течение долгого времени сохраняли свой язык и свои обычаи. Здесь в горах Трансильвании румыны впервые столкнулись со славянами.³ Именно здесь, по мнению Ксенопола, оформился современный румынский народ, который впоследствии под давлением мадьяр стал спускаться с гор в низменность. Оставляя в стороне вопрос о происхождении румынского народа, мы можем констатировать, что и Ксенопол — один из наиболее авторитетных защитников автохтонности румынского населения в Румынии — вынужден, как и его предшественники, ограничить территорию румынского населения лишь горной частью Дакии.⁴ С начала великого переселения народов романский элемент исчезает с территории современной Валахии.

Если мы теперь обратимся к позднейшим последователям Ксенопола, то увидим, что они также говорят лишь о Трансильвании, как о родине румынского народа. Никто из них не располагает фактами, которые бы подтверждали, что романский элемент сохранялся на территории Валахии или Молдавии между III—XII вв. Все это для историка славянского языка в Валахии чрезвычайно важно, так как полностью разрушает построения румынских лингвистов о взаимоотношениях

¹ Th. Mommsen, op. cit., S. 284.

² „Originea Românilor“ I, p. 854.

³ Xénopol, Les Roumains au moyen-âge, Paris, 1885.

⁴ Ibid., p. 33.

румынского и славянского языков на территории Валахии.¹ Даже Николай Йорга — автор самых националистических и шовинистических исследований по истории Румынии и соседних государств, полных „противоречивых и необоснованных утверждений“,² исключает Валахию и Молдавию из той области, на которой происходило формирование румын. „Семиградье, — пишет он, — несомненно, является колыбелью румынского народа“.³ В связи со своими более поздними воззрениями Йорга пришел к выводу, что родину румынского народа нужно искать в Добрудже и Дунайской Болгарии.⁴ Нам в данном случае, однако, важно отметить, что, связывая возникновение румынского народа то с Семиградьем, то с Добруджей, румынский историк в своих многочисленных сочинениях нигде не связывает возникновение румын с Валахией. При любом решении вопроса румынское население в Валахии нужно считать пришлым. Пришло ли оно сюда с севера или с юго-востока — все это значения не имеет.

Вопросу о родине румынского народа уделил много внимания крупный историк Румынии проф. Д. Ончул. В своих исследованиях, посвященных кардинальным вопросам истории населения Придунайских княжеств („Originile principatelor române“, 1899; „Romîniî în Dacia Traiană până la întemeierea principatelor“, 1902; „Din istorica Romîniei“, 1914; „Les phases du développement historique du peuple et de l'état roumains“, 1921 и др.), он, не отрицая значительности романского влияния в Мизии, полагает, однако, вслед за Ксенополом, что со

¹ См. Cherghele, Zur Frage der Urheimat der Rumänen, Wien, 1910; А. И. Якимирский, Славянские заимствования в румынском языке, как данные для вопроса о родине румынского племени (сб. статей, посвященных В. И. Ламанскому, 1908, стр. 792) и др.

² М. В. Сергиевский, Молдавские этюды, Труды ИФЛИ, т. V, стр. 180.

³ Granjala, Rumunské vlvy v Karpatách, 1938, str. 26.

⁴ Детальную и всестороннюю критику взглядов Йорга на генезис румынского народа и на связи его с соседними балканскими народами см. в большом критическом исследовании проф. П. Мутафчиева „Българи и ромъни в историята на Дунавските земи“ („Годишник на Соф. университет“, кн. XXIII, I, 1927). Позже вышел французский перевод „Bulgares et Roumains dans les pays danubiens“ (Sofia, 1932).

времени первой романизации Дакии и до возникновения Придунайских княжеств романский элемент в Дакии не прерывался. Однако Ончул не допускает сохранения его в низменной части Дакии, через которую шел путь варваров на Балканы. На основании топонимических данных Ончул приходит к выводу, что романское население укрылось в горной части Дакии, в западной части Трансильванских Альп между верховьями Олты и Темешем.¹ В низменности и в Трансильванских Альпах к востоку от верховьев Олта романский элемент исчез на много столетий. В западной части низменности (современная Малая Валахия) поселились авары и главным образом гепиды, которые жили здесь с середины III по начало V в. (с 249 по 418 г.).² С V—VI вв. начинается интенсивная славянская колонизация Дакии и Балканского полуострова. Славяне в большом числе оседают в областях к северу от Дуная, в придунайской низменности, в восточной части Трансильванских Альп. Значительно позже сюда приходят валахи. В результате продолжительного процесса ассимиляции славяне утрачивают свой язык. Нужно отметить, что Д. Ончул придавал большое значение славянам в формировании современного населения Валахии и Молдавии.

Одна из последних работ, посвященных происхождению румынского народа, принадлежит профессору Брнского университета Иосифу Мацурку.³ Автор продолжает линию Тунманна — Ксенопола, т. е. считает, что румыны являются потомками романизованных дакийцев. В полном согласии со своими предшественниками Мацурек полагает, что романизованный элемент сохранился в Трансильвании, откуда он позже распространился на большой территории.⁴

Беглый обзор исторических трудов, в которых авторы стремятся доказать исконность романского элемента к северу

¹ См. обстоятельный разбор работ Ончула в исследовании К. Кадлеца „Valaši a valašské právo“, Praha, 1916, 62—69.

² Гепидам и их влиянию на румын посвящено не критическое сочинение К. Дякулеску „Die Gepiden. Forschungen zur Geschichte Daziens im frühen Mittelalter und zur Vorgeschichte d. romanischen Volkes“, I, 1922.

³ J. Macurek, Rumunsko ve sve minulosti i přítomnosti, „Politická knihovna“, r. I, кн. XXI, Praha, 1930.

⁴ Ibid., str. 65.

от Дуная, свидетельствует, что нет фактов, которые бы подтверждали сохранение романзированного населения на территории Валахии и Молдавии во времена великого переселения народов. Все цитированные авторы сходятся на том, что в низменной части романский элемент в III в. исчез.¹ Он сохранился в западной части Трансильванских Альп, где он является более древним, нежели мадьярский. Движение романского элемента на юг, в низменную часть, начинается значительно позже переселения народов, когда все низменное Подунавье и восточная часть Трансильванских Альп были заселены славянскими племенами, южными и восточными. Пришлый элемент смешивается с местным славянским, который оставляет многочисленные следы в современном румынском языке. Поэтому совершенно неосновательными являются ссылки у многих румынских лингвистов на исторические труды Тунманна, Юнга, Пича, Ксенопола, Оичула и других, которые якобы подтверждают большую древность романского элемента перед славянским. Все сторонники автохтонности румын ограничиваются лишь горной частью Дакии. Среди них нет сторонников непрерывности романского элемента на территории Валахии и Молдавии, так как подобным взглядам противоречили бы все сохранившиеся факты.

Отличительной особенностью большинства работ, посвященных происхождению румынского народа, является то, что авторы их не различают двух совершенно самостоятельных научных проблем: этногенеза валахов и происхождения румынской нации. В большинстве случаев речь идет не о происхождении румынского народа, а об этногенезе валахов. Естественно, однако, что слависта интересует преимущественно вторая проблема, так как именно славяне во взаимодействии со старым валашским населением, этническая основа которого, может быть, была кельтской, и создали тот народ, который уже в новое время стал называться румынами.

¹ „Самые убежденные приверженцы этой теории находят невозможным допустить сохранение романского населения не только на полях современной Западной Валахии, но даже в плодородных долинах Трансильвании» (Мутафчиев, цит. соч., стр. 68).

В своем обзоре мы не касались трудов историков направления, родоначальником которого был Франц Зульцер и которое нашло защитников в лице Роберта Рёслера, барона Хурмузаки, Томашека, Василевского, Миклошича, Иречека, Кадлеца и др. Эти историки считали, что родину румынского народа нужно искать на Балканском полуострове, к югу от Дуная. По их мнению, романский элемент является поздним не только в низменной части Румынии, но и в Трансильвании. Время появления его в областях к северу от Дуная Рёслер относил лишь к XIII в. Правда, более поздние изыскания Томашека и других балкановедов отодвинули начало этой колонизации к более древнему времени. Естественно, что труды этих историков не пользуются популярностью у румынских лингвистов. В них они видят результат венгерской пропаганды. Для нас важно подчеркнуть, что в трудах историков этих двух основных направлений в историографии Румынии нет разногласий относительно того, что во времена переселения варваров на территории современной Валахии и Молдавии романского элемента уже не было. Одни лишь будут утверждать, что он сохранился в Трансильвании и оттуда проник в южную низменность, а другие родину его будут искать на Балканах. Для историка славянского языка в Валахии этот спор не существен, так как и в том и в другом случае славянский элемент в Валахии нужно признать более древним. Проф. С. Младенов справедливо писал, что „независимо от того, где будут искать родину румынского народа — к югу ли от Дуная или к северу от него, — во всяком случае необходимо признать сильное болгаро-славянское влияние на дако-румынский язык“.¹

Выше мы уже упоминали выдающееся исследование А. Филиппиде о происхождении румынского народа. Это двухтомное сочинение составило эпоху в румынской историографии.² Первый том посвящен изучению истории романизации Балканского полуострова и обстоятельной критике всех работ, касающихся происхождения румынского народа. Во втором

¹ „Geschichte der bulgärischen Sprache“, S. 33.

² „Originea Românilor“, I, „Ce spun izvorarele istorice“, 1923—1925, p. XI, 889; II, „Ce spun limbile romîna și albaneza“, 1928, p. 829.

находим опыт реконструкции по данным языка доисторических судеб румынского народа в его главнейших трех группах: дако-румыны, македоно-румыны и истро-румыны. Значительная часть второго тома (от 571 по 824 стр.) уделена изучению взаимоотношений албанского народа с румынами, в которой непреложно доказывается, что предки албанцев находились в более тесных взаимоотношениях с дако-румынами, нежели с предками современных македонских румын. Это наблюдение Филиппиде имеет большое значение для изучения происхождения албанского народа, так как подтверждает взгляды некоторых ученых, что албанцы не являются исконными жителями современной Албании, а пришли сюда из внутренних областей полуострова.

Автор не исследует специально славяно-румынских этнических взаимоотношений — это могло бы быть предметом третьего тома. Однако исследование Филиппиде дает много для понимания судеб славянского языка в области к северу от Дуная и может дать серьезную опору для дальнейших изысканий в этом отношении. Автор дал исчерпывающую критику взглядов И. Барбулеску на славяно-румынские языковые отношения. Филиппиде детально изучает историю романизации Балканского полуострова, устанавливая значительную территорию, на которой римская цивилизация оставила свои следы. В эту территорию он не включает Большую Валахию и значительную часть Молдавии. Во времена варварских нашествий романские элементы слабеют. Из Малой Валахии и Баната романизованное население уходит во второй половине III в. Через много столетий романский элемент вновь появляется на территории современной Румынии. Автор отмечает, что нет достоверных фактов, на основании которых можно было бы указать начало этого процесса. Конец его Филиппиде предположительно относит к XIII в. Итак, носители романской языковой традиции появились в Валахии на несколько столетий позже славян. В связи с взаимодействием местного славянского языка и пришедшего романского начался процесс формирования нового языка, известного в настоящее время под наименованием румынского. Процесс этот в основных чертах, нужно думать, завершен был к XVII столетию.

Вопросу о взаимоотношениях румынского и славянского элементов на территории современной Румынии посвятил несколько исследований руководитель славяноведения в Румынии профессор Ясского университета, редактор журнала историко-филологического общества „Arhiva“, Илья Барбулеску. В своих многочисленных исследованиях начиная с 1899 г., когда вышла в свет в Загребе его первая диссертация, он обращает свое внимание на две основные проблемы: происхождение румынского народа и роль славянского элемента в формировании румынского языка.

Первая проблема является чисто исторической, и в ее решении лингвист может принять лишь консультативное участие.¹ Историком необходимо знать, что дают факты языка для изучения той поры в прошлом народа, от которого до нас не дошло свидетельств. Оставаясь во всех своих работах только лингвистом, Барбулеску, однако, считает возможным высказывать мысли, касающиеся кардинальных вопросов происхождения румынского народа, мысли, которые не разделяются румынскими историками, так как они явно противоречат всей сумме фактов.² Барбулеску утверждает, что романизированные фракийцы не ушли из Дакии. Здесь они сохранились не только в горах, но и в низменности. Олтения в течение всего средневековья была заселена романским населением.³ Именно здесь, в Олтении (Малая Валахия) сформировался современный румынский народ. Так как славян, по словам Барбулеску, в Олтении не было,⁴ то, естественно, они не играли существенной роли в формировании румынского народа. „Этническая индивидуальность румын, также и их языка, не имеет в своем составе элемента славянского, как элемента

¹ Барбулеску в отличие от Филиппиде был чистым лингвистом. Высказываний исторического характера у него много, но они носят только декларативный характер. Исторических исследований у него нет.

² Серьезной критике эти взгляды Барбулеску были подвергнуты проф. Филиппиде (см. „Originea Românilor“, I, p. 804—824).

³ „Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slovenske riječe“, „Zbornik Jagića“, str. 447.

⁴ „От этой реки (Олты. — С. Б.) на запад славяне не жили“ (там же).

основного. Она сформировалась вне территории, занятой славянами“.¹

Все эти утверждения румынского слависта не подкреплены серьезными фактами. Так, в доказательство отсутствия славян к западу от Олты Барбулеску ссылается на старую работу Цейса — „Die Deutschen und die Nachbarstimme“, который толкует известные слова Иордана в том смысле, что славян в Олтении не было. Сам Барбулеску указывает, что Цейс пришел к этому выводу не на основании фактов, „но исключительно благодаря своей гениальной интуиции“.²

Интуитивный характер носят концепции и самого Барбулеску, которые, как показал Филиппиде, не подтверждаются фактами, а противоречат им.

Все исторические экскурсы И. Барбулеску имеют одну задачу — доказать, что славянский элемент не играл заметной роли в формировании румын и что румынский язык конституировался в своих важнейших чертах еще до того, как между румынами и славянами установились тесные культурные и экономические отношения. Но для таких выводов Барбулеску не может найти почвы не только в трудах объективных историков Румынии, но и в исторических трудах националистически настроенных историков, так как они вынуждены ограничивать территорию происхождения румынского народа Трансильванией. Им слишком хорошо известна история Олтении в средние века, опустошительные набеги гепидов и других варваров на эту область, значительные славянские следы в местной топонимии для того, чтобы допустить сохранение романизованного населения в Малой Валахии от II—III вв. Так Барбулеску, воскрешая старые идеи Хаждеу, строит свои исторические гипотезы, очень далекие от действительности.

В тесной связи с этими идеями ясского профессора находятся его воззрения на характер славянских элементов в современном румынском языке. Этому вопросу посвящена значительная часть произведений Барбулеску, напечатанных как в Румынии, так и за границей.

¹ „Arhiva“, XLIV, p. 203.

² „Kad su počele...“ str. 447.

Исследователи славянских элементов в румынском языке, начиная с Миклошича, последовательно различали два слоя их. Один проник от славянского населения Дакии, он является наиболее старым в румынском языке. Некоторые исследователи относили его к VI—VII вв. Другой есть результат культурного и религиозного влияния южных славян, главным образом болгар, восходящего, может быть, еще к деятельности первоучителей. Это разграничение принципиально совершенно правильно и даже необходимо, так как славянские элементы, проникшие из языка дакийских славян, являются одними из важнейших в системе современного живого румынского языка во всем разнообразии его диалектов и не могут считаться заимствованными. Другое дело славянские элементы, заимствованные из болгарского, сербского и русского языков в связи с культурным влиянием славянских народов на культуру Валахии и Молдавии. Это элементы книжного румынского языка.

В большинстве своих работ Барбулеску исследует судьбу славянских элементов первой группы. Несмотря на значительное число исследований, посвященных этим вопросам,¹ многие интересные частные выводы и наблюдения, весьма важные для изучения судьбы славянского языка в Дакии, все эти труды Барбулеску обесценены его неправильной и противоречивой основной концепцией, согласно которой румыны сформировались в особый народ до встречи со славянами и только позже заимствовали от последних много элементов. Поэтому все славянские элементы в румынском языке он рассматривает как элементы чуждого языка. В этом корень всех ошибок румынского слависта.

Миклошич, Богдан, О. Денсушяну и многие другие исследователи полагали, что славянские элементы проникли в румынский язык в глубокой древности, может быть, еще за несколько столетий до появления в IX в. славянской письменности. Так: в своей „Histoire de la langue roumaine“ О. Денсушяну пишет: „Большинство славянских элементов проникло в румынский

¹ См. „Omăgiu profesorului Ilie Barbulescu la 25 ani de profesorat“, „Arhiva“, XXXVIII, 2—4, 1931, p. 1—14.

язык в V, VI и VII ст. ст. Они составляют древнейший его слой".¹ Справедливо отрицая эту хронологию Денсушяну, Барбулеску правильно и убедительно показывает, что славянские элементы (для Барбулеску это будут заимствования) отражают состояние славянских говоров после X—XI вв. В этом вопросе аргументация румынского слависта весьма солидна.²

Анализ славянских слов в румынском языке указывает, что редуцированные *ъ* и *ь* в слабом положении уже исчезли, когда румыны столкнулись со славянами. Не находим их ни в конце слова, ни в середине. Примеры: *sdravăn* (ст.-сл. *сѣдравъ*), *sfadă* (ст.-сл. *сѣвада*); *bezna* (ст.-сл. *безѣна*), *praznik* (ст.-сл. *праздник*) *rivnița* (ст.-сл. *ливница*). В сильном положении *ъ* и *ь* уже вокализировались, на что указывают также славизмы румынского языка. Примеры: *temnița* (ст.-сл. *тѣмница*); *stareț* и *stariț* (ст.-сл. *старѣцъ*), *dobitok* (ст.-сл. *добѣитѣкъ*), *svitok* (ст.-сл. *сѣвитѣкъ*), *tokma* (ст.-сл. *тѣкмо*). В начальном открытом слоге на месте *ь* находим *î*, что является результатом изменения *ь* в особых фонетических условиях уже в среднеболгарский период (ср. среднеболг. *тѣмно*, *стѣкло*, *мѣгла* и др.). Примеры: *stiklă*, *timpa*, *rikla* и др.

Анализ славянских слов с носовыми дает основание Барбулеску утверждать, что они отражают среднеболгарский период, характеризующийся известной меной юсов. На этот же период указывают и другие черты (гласные *ы*, *ѣ* и др.).

Все эти соображения Барбулеску очень ценны и в большинстве случаев правильны. Учитывает Барбулеску всегда диалектическую дробность тех славянских говоров, с которыми

¹ „Histoire de la langue roumaine“, I, p. 240.

² Сходство древнейших славянских заимствований в языке дако-румын и аромунов, на что обратил внимание Т. Капидан в работе „Raporturile lingvistice slavo-romana“ („Dacoromania“, III, p. 129—233), не может свидетельствовать о древности славянских заимствований, так как и в Даклии и в Македонии романизованное население столкнулось с племенами одного и того же славянского народа. Общность славянской основы и социально-экономических взаимоотношений славянского и романизованного населения привела к значительному сходству в составе славянских элементов в обоих диалектах.

вступали во взаимоотношения носители романской языковой традиции. До него на это совсем не обращали внимания. Он первый среди исследователей славяно-румынских языковых отношений начал считаться и реально учитывать диалектические особенности славянского языка Дакии и Мизии. Миклошич, Хаждеу и даже более поздние исследователи, как например, Денсушяну или Яцимирский, оценивали все славянские факты на фоне единых, нечленимых языков — болгарского, сербского, русского и др. Диалектических особенностей в каждом из этих языков исследователи не учитывали. Поэтому всякое отклонение в славянских заимствованиях в румынском языке от литературных норм славянских языков объяснялось исследователями влиянием языка румынского. Барбулеску же всегда учитывает данные диалектологии. Так, на месте славянского *ы* в славянских заимствованиях находим два звука — *i* и *ɨ*: *vidra*, *mită*, *kobilă*, *dobitok*, но *sîtô*, *sîn*, *vladika* и др. В этом дуализме Барбулеску справедливо видит результат влияния различных славянских говоров Дакии. Он обращает внимание на то, что и в говорах Мизии и Македонии старое *ы* отражено в одних говорах как *i*, в других — *ɨ*,¹ Диалектологические данные им всегда учитываются при изучении фонетических черт славизмов в румынском языке. На основании всестороннего изучения фонетики славянских элементов Барбулеску пришел к выводу, что язык дакийских славян ближайшим образом родственен славянскому языку Мизии, Фракии и Македонии. Эти научные выводы автора разрушают его же произвольную концепцию о сербском типе говоров Македонии.

Итак, старый славянский слои румынского языка есть наследие языка дакийских славян, находившегося в генетической связи с языком болгарским. Но в румынском языке находим многочисленные славянские заимствования. Среди них нужно различать две группы: слова литературного, книжного происхождения и слова, заимствованные из народного языка. Среди слов первой группы основная масса слов болгарского происхождения, заимствованных из церковного и книжного языка. Это главным образом слова религиозного культа,

¹ „Kad su počele...“, str. 443—444.

феодалной административной терминологии. Слова эти проникли до начала XV в. Значительно уступает этой группе другая группа слов — сербского происхождения. Книжное влияние сербского языка сменяет болгарское и к концу XV в. оставляет глубокие следы в языке валашской письменности в области лексики и орфографии. Анализу сербского влияния на язык валашской письменности посвящена четвертая глава нашего исследования.

Но влияние южнославянских языков в период существования Придунайских княжеств носило не только книжный характер. После падения Болгарии многие болгары бежали в соседнюю Валахию. Массовым это движение стало с начала XVII в., когда положение христианского населения Оттоманской Порты стало невыносимо тяжелым. Произвол местной администрации, усиление налогового бремени, разорительные междоусобные войны — все это привело к резкому падению материального благосостояния населения. Часть его скрывается в неприступных Балканах, другая бежит через Дунай в Придунайские княжества.

„То отдельными группами, то целыми массами, до новейших времен переселялись (болгары. — С. Б.) в княжества в качестве купцов, ремесленников, земледельцев и огородников и здесь населяли не только целые участки в городах, но и целые общины и даже города, как по берегам Дуная, так отчасти и внутри страны, с течением времени эти славянские выходы совершенно оумынились“.¹

Все болгарские слова, проникшие в румынский язык в связи с этой поздней колонизацией, можно разбить на две группы. К первой отнесем слова славянские, отражающие фонетику современного болгарского языка (ср. рум. *giŝca*, ст.-сл. *гѣсь*, новоболг. *гѣска*). Ко второй нужно отнести слова не славянские (главным образом новогреческие и особенно турецкие), которые в народный румынский язык попали через болгар, бежавших из своей родины. „Большая часть греческих слов... вошла в румынский язык через болгарскую письмен-

¹ Сырку, Значение румыноведения для славянской науки. Ж. М. Н. П. 1884, август, стр. 287.

ность. Турецкие слова шли по этому же пути, но передавались устно, иначе нельзя объяснить, откуда набралось столько турецких слов и оборотов в румынском языке, так как Валахия в течение всего времени была свободной от турецкого населения".¹

Итак, славянское население Валахии (а также и Молдавии) является более древним, нежели население, бывшее носителем романской языковой традиции. Интенсивные взаимоотношения их на территории Валахии начинаются с XIII в. В результате этого процесса к XVI—XVII вв. на территории Валахии возникает новый язык с многочисленными славянскими и романскими элементами. Славянские племена Валахии принадлежали к группе племен, которая известна под наименованием болгарской. Это подтверждается анализом языка славянских грамот Валахии и прежде всего их сербских элементов.

¹ Цонев, История на българский език, II, стр. 143.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕРБСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ ВАЛАШСКИХ ГРАМОТ XIV—XV ВЕКОВ

После появления исследований проф. Л. Милетича о славянских грамотах Валахии П. Сырку писал: „С легкого выражения Ю. И. Венелина, существует далеко неверное убеждение, что язык славянских грамот и других подобного рода документов, изданных румынскими князьями (или воеводами), написаны на болгарском языке, и ввиду этого, по всей вероятности, и проф. Милетич называет изданные им письма румынских господарей влахо-болгарскими. Но это совершенный парадокс. Как раз именно те самые грамоты, которые им изданы, записаны не на болгарском, а на сербском языке, если не всецело, то по преимуществу“.¹

Нужно указать, что в обоих исследованиях проф. Милетича вопрос о сербском пласте в языке исследуемых им грамот даже не ставится. Больше того, автор в большинстве случаев просто игнорирует особенности сербского языка, которые в таком изобилии встречаются в грамотах второй половины XV в. Лишь в очень редких случаях он указывает, что такая-то черта появилась под сербским влиянием (например, утрата *t* в 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени). Это является одним из существенных дефектов исследований Милетича. Он не только не решил, но даже и не поставил вопроса о природе многочисленных черт сербского

¹ „Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами, СПб.“, 1906, стр. XI.

языка в канцелярском языке Валахии в XV в. А между тем это один из основных вопросов, без решения которого нельзя привлекать данные грамот для изучения истории болгарского языка. Уже в первой главе мы отмечали, что валашские грамоты XIV—XV вв. представляют три славянских языковых пласта: книжный среднеболгарский, книжный сербский и народный болгарский. Естественно, что изучение каждого из них (в данном случае народного болгарского) требует их четкого разграничения. Без этого явления различного происхождения и значения будут смешаны, спутаны, как это и наблюдается в исследованиях проф. Милетича.

Книжный язык в Валахии XIV—XV вв. представлял собой явление очень сложное и противоречивое. Язык церковных памятников имел очень мало общего с языком грамот. Первый являлся в а л а ш с к о й редакцией среднеболгарского книжного языка и почти не отражал особенностей живых славянских говоров Валахии. Канцелярский же язык свободно отражал эти особенности. Однако и этот язык представлял следы различных книжных влияний. Он также был языком книжным, в котором народные элементы существовали с чужими, заимствованными элементами. Соотношение их менялось в зависимости от ряда причин (грамотности писца, времени написания грамоты, места, где она была написана, и т. д.).

Чтобы наглядно представить эти различия, приведем две почти современные грамоты, которые ярко иллюстрируют различные направления и даже школы в канцелярском языке. Первая грамота принадлежит Александру и написана в 1432 г.; вторая — одному из придворных Влада I — Ласкару и написана в 1437 г.

Грамота Александра	Грамота Ласкара
<p>Одь всеводе влашкога, господа, Миръчина сина, одъ Альде воеводе, наидръшпану и разгонъ Ищъвану, тмишварьскому шпану, мно-</p>	<p>Възлюбленным моим и братлямъ, паргаром брашовскимъ въсьм и сждцу, жупанъ Яковъ братья моа, знаеге ви добръ како смо бесѣдовали с вами</p>

Грамота Александра

го поклонение вашоѣ милости. многицѣ съмъ я вамъ поручилъ кѣре те турѣци истиномъ дойти на Ерѣдель и да знашѣ кѣре и истиномъ дошла; и многици поручевахъ да допустишѣ воиску и съ шномъ пѣсара Чалапиу и да знашѣ що е воиске 3 десетъ хил. и дѣ, и да знашѣ, не су справни юнаци, все су млади момѣци и все су деца и жене; не има кто се би за оружие похватио, не ни половица добрехъ юнакъ. Зна ваша милость како ходихъ к Мурату къ цару и како се съ шнимъ клехъ и како съ шнимъ беседовахъ; все съмъ далъ узнати вашоѣ милости у страху... турѣци все мою землю расипаше, веромъ клетвомъ кунучи се и веромъ примаючи. многицѣ су турѣци мене преварили, да я чу съга такой учинити, богъ ме, како да ихъ ни коренъ не остане. Що съмъ се и я заклео господину кралу и вашоѣ милости инемъ племенитемъ лудемъ, да би онаи клетва, онаи вера мене ухватила, ако чемъ ино учинити, и ако чемъ я забити кралевъ хлебъ и солъ, и ако чемъ я вамъ зломислити инемъ властеломъ и вашоѣ земле,

Грамота Ласкара

у Трѣговище и прѣдъ жупана: вие сте узеле на ваша главѣ, да доде Гергево слуга, да му даваме все. Дальъ смѣ слуга моа Мартинъ съ вами и смѣ далъ съ слуга ми Мартина 5 флорини, да плати наемъ; а онъ доде съ вами да ми пусти дѣ мажа отъ мѣдъ тѣкмо и полъ и бѣ товара отъ желѣза и аѣ отъ оцелъ и нѣщо овесъ. Питальъ смѣ наемники за Мартина, и Ханеша: где естъ Мартинъ?.. и ми порѣчи съ Ханешъ: ако естъ хтѣнieti, пусти ми съ Ханешъ други дукати, понеже естъ zde и ошѣ мѣдъ, дая купѣ. Пустихъ съ Ханеша 1 хилиадъ флор. И дѣ мажъ воськъ и смѣ казалъ Ханешу: азъ сези допитѣкъ давамъ на твоа рѣкъ да чини како знаешъ, а Мартинъ що има готово, да доде спѣхомъ къ мнѣ и смѣ далъ съ Ханеша моа слуга, да доде у Брашовъ, да ми купи платно, желѣзо, оцелъ и ошѣ едно друго, що ми естъ потрѣбно, съ другиа дукати. И ми доде слуга моа, да ми е купилъ що му смѣ казалъ отъ все, да стоить у ханешова къщѣ Ченушара. дадохъ да се замето; да доде момкотъ Дабѣжа,

тако ми очине и вере и мое главе; инако не чу учинити, лихо такои, какото ви съмъ у книзе уписал. И тои ти говорим, що можешъ наи-скоре и цара Чалапиу пусти-ти с войскомъ, дѣпусти га, ере чем я сам учинити, да доиде половица овеи воиске къ Чалапи; и такои хоте учинити, да даду сами уруме-лискога господара и Хамъзу господара, покле доиде Чала-пи, и за тои су крѣсмали. од Мољдова су просили помочъ; до сенова, що я мислим господину кралу, то и мољдавѣски господаръ... знамъ кре че помочи богъ хриистианомъ, покле доиде Чалапи.

слуга жупана Радула, и доде къ мнѣ, а що ест купил, а оно стоит у къщѣ ханешова и нинѣ Ченушарѣ у рѣкъто-рос, що му ест нинѣ и мѣ-хашѣ. стоит и този Г хіанад флор., дѣ маж востък, що му смѣ дал азѣ от рѣкъ си... ако не ще да доде слуга ми и да ми събере дибитък, а ви да ви научи богъ да го свѣжете да ми пустите. и Ха-неша да го стиснете да ми дава добитѣк; да ми допусти-те и то, макаръ много ест макар мало. и да не имам помного рѣчи. и смѣ писал вам, да не кажете утрѣ или в други день: нѣ ни си писал, да не знамо ми о том. понеже добитък воиводин не щет загинѣти, понеже толко му ест кѣснѣніе дори подѣ азѣ воеводѣ, да чен (s:cl) си ще иска свое, да го узѣ; тогизи да се не злосрѣдите, понеже зло ест мое срѣце.

Достаточно самого беглого сравнения этих двух грамот, чтобы убедиться, что они вышли из различных канцелярий. Различия в языке разительные. Грамота Александра написана на сербском языке с незначительными местными особенностями. Грамота Ласкара, представляя некоторые элементы среднеболгарского книжного языка и языка сербского, широко

отражает многочисленные черты местной славянской речи. Мы взяли крайние полюсы. Обычно различия не так велики. Таких грамот, как приведенная нами грамота Александра, в Брашовском архиве больше нет. В языковом отношении эта грамота, изданная Богданом под № XXX, не имеет аналогий. Проф. Милетич даже не включил ее в свое издание. Отличается она от других грамот Александра и важнейшими стилистическими особенностями (например, своей вступительной частью). С другой стороны, приведенная нами грамота Г. Ласкара свободнее и полнее других грамот отражает черты народного языка. Основная масса грамот представляет больше единства. Но и в них мы встречаемся с существенными орфографическими, языковыми и стилистическими отличиями, вызванными различными причинами.

Таким образом, отделение в языке валашских грамот элементов книжных от черт, характеризующих живые народные говоры, является первой задачей исследователя. Очевидно, что особенности среднеболгарского церковного языка являются элементами книжными, заимствованными. Поэтому решение этой первой задачи состоит в изучении взаимоотношений местных (валашских) особенностей славянского языка и особенностей сербских. На этом вопросе мы вынуждены будем остановиться очень подробно, так как до сих пор он не был объектом специального исследования, несмотря на то, что свыше ста лет назад Ю. И. Венелин писал: „Отличение подобных грамот (с сербскими особенностями. — С. Б.) требует внимательного языкописного изыскания, которое должно выказать, во сколько сербский народ имел влияние на Валахию“.¹

Здесь мы исследуем в связи с данной проблемой фонетические особенности языка грамот и глагол. Это дает достаточно материала для характеристики взаимоотношений сербского и болгарского языков на территории Валахии. Изучению именного и местоименного склонения посвящены пятая и шестая главы. Там же исследуется соответствующий сербский материал.

¹ „Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты“, стр. 132.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Носовые гласные

Историки румынского языка уже давно обратили внимание на то, что славянские носовые гласные в румынском языке отражены не единообразно. Можно легко выделить три группы. В двух группах на месте старых носовых встречаем сочетания гласных с носовыми сонантами, в третьей — носовые сонанты утрачены. Эти различия дают возможность установить хронологическую последовательность в усвоении румынским языком славянских элементов. Особенное внимание румынские ученые (Денсушяну, Барбулеску, Росетти и др.) уделяют первым двум группам.¹

В первой группе слов находим *în* (*ǎn*) на месте ж, л: *izbînda, gînscută, zîmbi, crîng, mîndru, mandruța, osînda, tîngă, trîndav, sfîntești, rîndaș* и др.

Во второй группе слов находим *un* на месте ж и *in* на месте л: *dumbravă, crunt, munca, prund, poruncita, scund, oglinda, grînda, mînta*.

По вопросу о взаимоотношении этих двух групп в румынском языке высказывались многие историки румынского языка. Большинство из них полагает, что сочетания *un, in* древнее, нежели *în* (Миклошич, Денсушяну).² Нам представляется очень ценным замечание Цонева, что эти различия вызваны „различным произношением в самих наречиях, из которых были заимствованы слова“.³ Нужно указать, что исследование этих вопросов, кардинальных для истории румынского языка, пока еще находится в самом начале.

Не считая себя вправе исследовать и решать эти вопросы, далекие от нашей непосредственной задачи, мы лишь укажем в согласии с румынскими лингвистами, что в румынском языке XIV—XV вв. существовали уже обе группы. Предполагать более позднее происхождение одной из этих групп невозможно. Во время написания исследуемых нами грамот (т. е. от Мирчи

¹ См. Rosetti, *Istoria limbii române* III, p. 55—58.

² См. Барбулеску, *Kad cu pocele...*, str. 438—441.

³ „История“, II, стр. 17.

Великого до Раду IV) в собственно валашских говорах (не славянских) уже существовали *rînd, brînci, vînzok, dîmb, trîmba, undița, scund, muncă, răspîntie*. Очень важно не только для румыноведа, но и для слависта решить вопрос о причинах различного произношения гласных на месте старых носовых, о времени их усвоения собственно валашскими говорами и об их источниках. Но эти вопросы выходят за пределы нашего исследования. Для нас важна третья группа, к которой мы и переходим.

В современном румынском языке, кроме указанных сочетаний, на месте *ѣ*, находим *î* (ѣ), на месте *а* — *E*: *gîsca, gîscuta, gîscar, mătkă* (мѣт.), *zăbala; glidesc, sfestanie, proclat, zet, opreg, mesagîța* и др. Можно полагать, что в народном языке южной Валахии слов этой группы очень много. К сожалению, эта группа слов не привлекла специального внимания исследователей. Высказывалось лишь предположение, что это новые заимствования, с чем можно легко согласиться. Но из каких говоров они были заимствованы? Для решения этого вопроса валашские грамоты XIV—XV вв. дают вполне надежный материал.

Грамоты дают богатый материал для выяснения судьбы носовых гласных в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. Эти говоры резко отличались в этом пункте как от собственно валашских говоров (румынских), так и от говоров семиградских болгар.¹ Данные языка грамот на многочисленных примерах свидетельствуют, что в славянских говорах Валахии носовой сонант уже утратился: его не было ни на месте старого *ѣ*, ни на месте *а*.

На месте старого носового веларного звука, изображавшегося в старославянском языке буквой *ѣ*, мы находим в говорах тот характерный для многих балканских языков звук, который в болгарском известен под изображением *ѣ* (*ѣ*), в румынском — *â, î*, в албанском *e, ë*. Это обнаруживается

¹ На месте старых носовых в чергедских молитвах находим сочетания гласных с носовым сонантом. Носовой сонант последовательно утрачен в конце слова, а также в отдельных случаях в середине слова (например, в слове *къща*).

в результате анализа употребления букв ж, ѝ в грамотах в различных позициях.

Валашские писцы очень часто пользовались буквой ж, которая вместе со среднеболгарским церковным языком была занесена в Валахию из Болгарии. Однако в пользовании ею (как и во многом другом) они не обнаруживают глубокой выучки. Очень часто они прибегают к помощи своего родного языка, который в действительности только их сбивал и толкал на путь фонетической орфографии.

Много в грамотах примеров „правильного“ употребления ж. Это не простая случайность. Легко заметить, что большинство примеров относится к первой половине XV в. Во второй половине XV в. подобные примеры встречаются редко. Объясняется это тем, что в первой половине столетия еще сильны были традиции среднеболгарской письменности, среднеболгарский книжный язык знали лучше. С середины XV столетия эти традиции в канцелярской практике уже в значительной степени разрушаются новыми, с е р б с к и м и традициями.

Примеры: из грамот Мирчи — кои товарен бѣди съ щим либо (В, I, 4), бѣди да ест купен тоизи кумеркѣ (В, I, 4), на пѣти (В, I, 3); из грамоты Михаила — кѣщїе (М, IX, 5); из грамот Радуги II — зде же тѣлом, а въ бѣдѣщїи вѣкъ душеж (В, IV, 9), да прѣстѣпит сіе клетви (там же), ако ли бѣдѣт (В, V, 11), и на пѣти брашовском дори до Браилово (В, V, 11); из грамот Дана II — а от бобо и от желѣза и от лѣкови (В, IX, 18), от пѣть Брашову (В, XI, 21), и от лѣка (В, XVII, 32), от вѣжак (там же); из грамот Александра — азы са мѣчѣ (В, XXIV, 44), да ми поможете съ лѣковы съ стрѣлы, съ орѣжем (В, XXII, 42), а никому криво да не бѣдет (В, XXV, 46), от ваших рѣках (В, XXV, 47); из грамот Влада I — а що му бѣдет (В, XXXV, 58), в рѣцѣ его (В, L, 74); из грамоты Владислава Дана — может мѣ разлѣчит от вас велика неволѣ (В, LXIII, 86). В грамотах второй половины XV в. ж встречается значительное реже. Находим его в церковных штампах — а въ бѣдѣщаго вѣцѣ душеж (ср. в грамотах Басараба II — В, XCI, 118 и Влада III —

М, IX, 17), в слове кѣща (ср. в грамотах Басараба III — В, СXXXV, 167 и Влада III — М, IX, 18), в слове сѣд, сѣдище (ср. в грамотах Басараба II — В, ХСI, 118, Влада III — В, СLIV, 187) и некоторых других. Часто в текстах XV в. находим щѣ — щѣт.

Но, как мы уже отметили выше, эти написания не имели поддержки в родном языке писцов. Поэтому они попадали в затруднительное положение, как только им нужно было писать слова, где произносился тот же звук, что и в словах с ѣ, но где прежнего носового не было. В этих случаях валашский канцелярист часто писал наудачу. Вот почему мы нередко на месте ѣ также находим букву ж. Вспомогательный глагол сѣм часто в грамотах пишется сѣм: из грамоты Александра — та сѣм имал (В, XXVII, 47); из грамот Басараба III — сѣм послал два чловѣка на име Рѣтундул и Драгомир (В, СXXXIII, 164), сѣм говорил съ Стефана воевода (В, СXXVII, 158), сѣм . . . просил за два добра зидара (В, СXLVI, 177). Болгарский союз нѣ (но) в грамотах, как правило, пишется нѣ: из грамоты Мирчи — нѣ тѣкмо калугере (М, IX, 3); из грамоты Михаила — не грабѣте их, нѣ им взимаите вамѣ правѣ (В, II, 6); из грамоты Дана II — нѣ щем азъ изѣмѣстит моимѣ чловѣком (В, XVI, 31); из грамот Влада I — нѣ прожаждате (В, ХХХV, 57), никое зло не чина, нѣ их оставѣм да хода слободно (В, LVI, 81). Иногда писец писал ж вместо ѣ в конце предлогов: из грамоты Мирчи — и кѣ татарским странам (В, I, 1); из грамоты Александра — сѣ молитвѣ господина ми кралѣ (В, XXII, 42); из грамоты Раду II — егидоиде кѣ господству ми (В, V, 12). Находим много случаев с написанием ж вместо ѣ в корнях слов: из грамоты Дана II — тѣкмо от свини (В, IX, 18); из грамоты Александра — не можем ходит с лѣжами (В, XXV, 46); из грамоты Влада I — ог тѣща Удрищова (М, IX, 19); из грамоты Басараба II — да се утѣкмит (В, ХСVIII, 124), из грамоты Раду IV — и съ дѣщере му на име Станка (Вен., 133), със тѣкмеж (В, СС, 240); в суффиксах: из грамоты Мирчи — от мажѣ восѣж (В, I, 3); из грамоты Раду II —

от мажѣ восѣк... оцѣн (В, V, 11); из грамоты Дана II — ремѣка (В, IX, 18); из грамоты Владислава Дана — како да платим азъ сираком за тех добитѣк (В, LXIV, 87); из грамоты Раду IV — или от други добитѣк (М, IX, 25); из грамоты Басараба II — какѣв (В, XCV, 121); из грамоты Басараба III — посекѣл (В, CXII, 139). Встречаем ж в суффиксах на месте ъ после ш, что свидетельствует об изменении в этой позиции ъ > ѣ: из грамоты Басараба II — понеже ест дошѣл (В, XCVII, 123). Ср. аналогичное явление в грамоте Дана II — що му е дѣжѣн (В, XVIII, 39). Написание ж на месте ѣ находим в старых слоговых плавных: из грамоты Мирчи — по тѣрговох у земли господства ми (В, I, 3).

Об утрате ринезма и о совпадении старых ж и ѣ в живом языке еще убедительнее свидетельствует часто встречающееся написание ѣ на месте ж в корнях слов. Примеры: из грамоты Мирчи — да имат оброк от кѣщѣ (М, IX, 4); из грамоты Дана II — ни от вѣжа (В, IX, 18); из грамоты Владислава Дана — и мѣчит сѣ сѣ злом на мене (В, LXIII, 86), прѣстъпи свое обещаніе (В, LXIII, 86), да им бѣдет погубѣ (В, LXV, 88); из грамоты Басараба II — да ми купит и щитове и лѣкове (В, XCIV, 121); из грамоты Басараба III — царѣ из ест мѣжие посекѣл (В, CXII, 139), сѣ мѣжство (В, CXXIV, 155); из грамоты Влада III — стреле и лѣкове (В, CLVI, 190); из грамоты Раду IV — ест дал и кѣще и виноградіе и све (В, CXCV, 234); из грамоты Г. Ласкара — давам на твоа рѣкѣ (В, CCXIII, 255), и ми порѣчи (там же); из грамоты жупана Нега — и у ваших кѣщи (В, CCXXIII, 270). Подобные приемы встречаются в грамотах на протяжении всего XV в.¹

Свидетельствуют о совпадении ж и ѣ глаголы наст. вр. 3 л. мн. ч., где при написании бѣждѣт, изгинѣт, живѣт, вѣзимѣт, гинѣт, встречаем: да ми донесѣтъ (В, CCLVI, 247). Об этих формах подробнее см. ниже.

¹ Изредка встречаем на месте ж написание буквы ѣ: из грамоты Дана Претендента — орѣжем (В, LXXX, 103). Об этом см. в отделе о ѣ и ѣ.

Одной из характерных черт сербской редакции в южнославянских памятниках издавна была замена ж буквой ОУ (У), что отражает одну из важнейших фонетических особенностей живого сербского языка. Эта черта, известная уже в некоторых старославянских памятниках, характеризует сербские памятники, начиная от Мирослава евангелия. Знают эту особенность многие западноболгарские памятники, испытавшие сербское влияние. Во время сербского господства в Македонии местные книжники, стараясь следовать господствующей книжной манере, наряду с другими особенностями сербского языка пишут у на месте своих а, ѣ, о, восходящих к носовому гласному.¹ Аналогичную картину наблюдаем в валахской письменности XV в. Сербское книжное влияние, захватившее в начале XV в. широкую территорию, стало обнаруживаться в Валахии с 20-х годов XV в. и прежде всего отразилось на замене буквы ж буквой у. Подобные примеры обнаруживаем уже в грамотах Дана II. С середины XV в. эта черта письменного языка получает широкое распространение. Выше мы показали, что в живом языке валахских книжников было утрачено различие ж и ѣ. В связи с этим перед книжником возникли большие трудности, так как замена старого ж через у обязывала различать ж от ѣ. Трудности эти часто оказывались непреодолимыми, в связи с чем в грамотах появлялись совершенно невозможные в живом языке образования, существовавшие лишь на письме. Приведем примеры, отражающие это влияние сербской орфографии: из грамоты Влада I — а хижѣ и виноградѣ ѣшт у николине руке (С, IV, 4); из грамот Басараба II — и поручили по вашем добрем чловѣку (В, LXXXVIII, 114), им не давате ни железо ни оружие (В, XCIX, 124); из грамот Басараба III — да будет що чет бити (В, CIX, 135), зараді работу що ми сте поручали (В, CXIV, 142), да будут съ дукати (В, CXXIII, 153), от руку нашему вражмашу (В, CXXVIII, 160), от руке

¹ Росетти ошибается, утверждая, что „передача о через у характерна для сербо-хорватских и болгаро-македонских диалектов“ (цит. соч., III, стр. 55). В македонских диалектах у на месте ж находим лишь в заимствованных из сербского языка словах.

до руке (там же), да ся добудем земля (В, СХХХІІ, 16),
що ест у куке ваше (В, СХХХІІІ, 164; в другой грамоте —
СХХХV — у кѣщу); из грамот Влада ІІІ — путове (В, СLІX,
193), и да се даст у руке негову чловѣку (В, СLXІ, 196),
да ми не буде (В, СLXІX, 204); из грамот Раду ІV — и кому
буде он благоволил (М, ІX, 27), негове куке (С, VІІ, 8),
по праву пут брашовску (В, СLXXXІ, 217), да будут големи
и оковани (В, СLXXXІІІ, 219), ближним суседи (В, ССІV,
243); из грамот Др. Манева — или буди тако (В, ССХІX, 266);
из грамоты жупана Нега — зло да не будет (В, ССХХІV, 273);
из грамоты Др. Удрище — да ме судит (В, ССХХХVІ, 291);
из грамоты Казана — из руку вражмашу (В, ССХХV, 297);
из грамоты Стойка — да буде кои мене (В, ССХLІV, 299).

Подобные примеры со времени Влада І встречаются очень часто. Особенно широкое распространение эта манера заменять ж через у получает со времени Басараба ІІІ. Единичные примеры находим и в первой половине XV в. Так, в грамоте Дана ІІ находим замену ж в 1 л. ед. ч. наст. вр. — и паки ви говору (В, ХІV, 29); в другой грамоте — и паки говору вамешем вѣсем (В, ХVІІІ, 38). В одной из грамот Мирчи Великого, изданной Сырку и хранящейся в магистрате г. Сиби́на, на месте љ находим у: суседі, въ руце (С, І, 1). Это не согласуется с грамотами брашовскими. Делать, однако, на основании этого какие-либо общие выводы нельзя, так как сибирские грамоты пока еще не изданы, а судить по ненадежному изданию двух грамот П. Сырку опасно.¹ (Об ошибках в издании Сырку см. выше).

В главе, посвященной истории именного склонения, мы показываем, что общая форма (*casus generalis*) основ на-а в единственном числе восходит к форме винительного падежа. В грамотах первой половины XV в. обычно находим старую

¹ О сербском влиянии, уже отраженном во время Раду ІІ, свидетельствуют примеры: кѣплаа: и да оставѣите вѣськѣ кѣплаа (В, ІV, 9), шапки фрѣшскіѣ (В, V, 11), Ср. в грамоте Дана ІІ — от рутица фрушского (В, ХVІІ, 32).

форму винительного падежа: из грамот Мирчи — от елениѡ
кожѡ (В, I, 3), от селата горѡ дори до планинѡ (М, IX, 3),
да ловит рибѡ (М, IX, 3), от глобѡ... от подводѡ (М, IX, 4);
из грамот Раду II — и дават господство ми вѣрѡ и душѡ
(В, IV, 9), съ правдѡ (там же); из грамот Дана II — да им вамѡ
не смѣте възати (В, IX, 18), да възмет вамѡ повыше (В, X, 20),
и от конѡ товарена със рибѡ (В, XI, 22), кола с рибѡ (В, XVII, 36);
из грамот Влада I — да си душѡ не загубите (В, LVII, 82),
кто доидеть от овѣзи землѡ (В, LVIII, 83); из грамоты Влада
II — и без пагубѡ (В, LXXI, 93). Под этим написанием в живом
языке скрывалась общая форма на-ѡ (в одних говорах) — ср.
в грамоте Г. Ласкара — а он(о) стоит у къщѡ ханешова
(В, ССХІІІ, 255), от рѣкъ си (там же); из грамот Койко —
въ голѣмѡ грижѡ ма унесосте (В, ССVI, 247), на -а (других
говорах) — ср. в грамоте Мирчи — от овчѣго вама, от свиѣго
вама (М, IX, 4). Это различие общей формы наблюдаем также
в современных болгарских говорах.¹

В связи с указанным выше влиянием сербского языка валашские книжники начинают последовательно заменять ѡ в общей форме через у. Возникают искусственные общие формы на -у, которые живым славянским говорам Валахии не были известны. Встречаются эти формы в грамотах первой половины XV в., но широкое распространение получают лишь со времени Басараба III: из грамоты Дана II — безѡ грижу (В, XIV, 29); из грамоты Влада I — ухватит съ рѣку (В, XXXVIII, 61); необходимо в данном случае обратить внимание на искусственное, часто книжное, совмещение ѡ корневого и флексий у: из грамоты Влада II — съ едну сукню (С, IV, 4), от влашку землю (С, III, 3); из грамот Басараба III — да си купим жену от христѣане (В, СХХVII, 158), ни едно пагубу (В, СХХХV, 167), без исправу (В, СХХI, 150), със куплю (В, СХХIV, 155); из грамоты Влада III — ни едно правду (В, CLIX, 194), от землю

¹ См. „Das Ostbulgarische“, S. 105.

(В, СXLVIII, 180); из грамоты Раду IV — али съ веру истіною (С, XII, 12); из грамоты Нега — съ вашему веру (В, ССXXIV, 273) (об этом подробнее в главе, посвященной истории именного склонения).¹

Тот же искусственный характер носят случаи с *у* на месте *ѣ* в середине слова. Ср. в грамоте Влада II — всьем пургаром (В, LXXXVII, 99) вместо пѣргаром (встречается так же паргаром). В румынском — *pargară*.

Таким образом, материал, характеризующий употребление старого *ѣ* в славянских говорах Валахии XIV — XV вв., свидетельствует, что говоры эти ринези уже утратили, чем они отличались от говоров семиградских славян.² Отличались они в этом пункте и от древнего славянского пласта в собственно валашских (не славянских) говорах. Впоследствии, слившись с этими говорами, они сохранили эту свою черту. Этим объясняются те различия в отражении старых носовых современным румынским языком, о котором мы выше уже писали.

Гласный *у* на месте старого *ѣ* в валашских грамотах — черта чисто книжная. Совершенно иной характер эта особенность носила в молдавских грамотах. Так, в грамотах Стефана Великого *у* на месте носового велярного — обычная и несомненно живая черта славянских говоров Молдавии. Здесь, как и во всех восточнославянских языках, *ѣ* изменился в *у*. Из этих славянских говоров результаты этого изменения проникли в румынский язык, в котором мы встречаем слова: *тисепіе*, *тисепісіе* и др. Эта черта отражает восточнославянский фонд в румынском языке.

В свое время проф. Милетич высказывал предположение, что замена *ѣ* через *у* в валашских грамотах может не быть обязательно орфографическим сэрбизмом. Не исключена

¹ Л. Милетич на основании анализа приписок на валашских памятниках показал, что сами писцы хорошо различали болгарский и сербский изводы, связывая последний с передачей *ѣ* через *у* (см. „Езикът на приписките в влахобългарската църковна писменност от XV — XVIII в. Списание на българската академия по науките“, LV, 1937, стр. 131).

² Среди единичных примеров отметим сохранение носового сонанта на месте старого *ѣ*: из грамоты бояра Браила — *съндѣжм* (В, ССXXIX, 28²).

возможность, что в этом случае книжники отражали русское влияние.¹ С этим трудно согласиться, так как эта орфографическая черта тесно связана с другими сербизмами.

Важно указать, что в славянских говорах Валахии в XV в, вероятно, отсутствовал носовой сонат в тех географических названиях, которые до сих пор его представляют. Так, известная река Dâmbovița в грамотах последовательно передается Дѣбовица; — из грамоты Раду II — под Дѣбовицѣ (В, VII, 14); из грамоты Михаила — от Дѣбовицѣ град (В, II, б); из грамот Дана II — самше от Дѣбовицѣ (В, IX, 18), вама у Дѣбовици от една кола една риба (В, IX, 17). По указанным выше основаниям под ѣ нельзя видеть ѣм. Так же и в других географических наименованиях ѣ передает звук ѣ (і, Ѧ), например Сѣпатул, Нѣмѣши и др.

Встречаем в грамотах собственные имена, в которых на месте ѣ пишут ѣ; из грамоты Дана II — тука се оухватише оба Ханѣша и газда Стоикова (В, XIV, 29).

Так же утрачен ринезм на месте старого Ѧ. Очень редко и главным образом в памятниках начала XV в. находим Ѧ в корнях на месте старого носового: из грамоты Мирчи — крѣв его на них и на чѣдох их (М, IX, 4); из грамоты Михаила — а тои да го таглит прѣд прѣгари (В, III, 8); из грамот Дана II — а от вига начѣта нищо (В, XI, 21), а вѣверица или лисица или зачина (В, XI, 21). Подобные написания являются результатом книжных традиций. Значительно чаще и последовательнее писцы отражают в этом случае особенности живого произношения, т. е. пишут е на месте старого Ѧ: из грамоты Мирчи — у колико редове (С, XXIV, 24), из грамоты Раду II — ако да прѣстѣпит сіе клетви (В, IV, 9); из грамоты Александра — сме стояли протива погани език (В, XXIII, 43); из грамоты Влада I — и главу му хтетъ възетъ (В, LII, 76); из грамот Басараба III — та ме ест узел (В, CXXXV, 167), на зета му Андрѣ (В, CXL, 172); из грамоты Влада III — и от зети прѣвевѣ

¹ „Български старини“, кн. II, София, 1903, стр. IX.

(М, IX, 19); из грамот Раду IV — над всьх рядовех (С, XII, 13) сут узели конѣ (В, СХСІХ, 238).¹

По традиции пишут изредка *л* в местоимениях *мл*, *тл*, *сл*: из грамоты Мирчи — еще же кто сл щет покусит (В, I, 4); из грамот Раду II — и да сл сждет сираци (В, IV, 9), що сл имале (В, VII, 4); из грамоты Дана II — да мл пріл (В, XI, 21); из грамоты Александра — азы сл мжчь (В, XXIV, 44); из грамоты Владислава Дана — да сл хранат (В, LXIV, 87). Но значительно чаще найдем *ме*, *те*, *се*, или *мѣ*, *тѣ*, *сѣ*: из грамоты Александра — и на кого ме остави; из грамоты Влада I — понеже ме просихж (В, XLIX, 71); из грамоты Басараба III — та ме упроси (В, СХХVII, 157) или се тет обрести (там же) та ме ест узел (В, СХХХV, 167); из грамоты Раду IV — богъ ме дарова (В, CLXXX, 215). Эти примеры (число их можно было бы во много раз увеличить) подтверждают, что в значительной части славянских говоров Валахии эти местоимения произносились: *ме*, *те*, *се*. Однако были говоры, в которых, как и во многих болгарских говорах, эти местоимения восходили не к старославянским *мл*, *тл*, *сл*, а к среднеболгарским *мѣ*, *тѣ*, *сѣ*. В этом случае гласный был близок к *а*(*ǣ*) и передавался в грамотах буквой *ѣ*: из грамоты Раду — защо мѣ сте просиле (В, VI, 18); из грамоты Владислава Дана — может мѣ разлжчит от вас велика неволѣ (В, LXIII, 86), и мѣчит сѣ съ злом на мене (В, LXIII, 86) и др. Написание *мѣ*... в грамотах встречается реже, нежели *ме*..., что, надо думать, является отражением особенностей народных говоров.

Находим *л* в форме общего падежа. Употребляется *л* после мягких согласных. Примеры: из грамот Михаила — от зема господства ми (В, III, 7), от вола (В, III, 8); из грамоты Раду II — съ зема (В, IV, 8); из грамот Дана — въ зема (В, XI, 21),

¹ В грамоте Крстиана находим пример: да га научит іазик (В, ССXLVII, 302). Это является результатом внешнего, книжного возд йствия (скорее всего молдавского). Возможно, однако, что в данном случае это результат сербского (чакавского) влияния.

на купла (В, X, 19), със купла (В, XI, 22), със вола (В, XVII, 33), друга кожа с неа (В, XI, 21). Часто в грамотах первой половины XV в. находим л в форме л. ед. ч. в глаголах IV класса: из грамот Александра — того ради ви говора и мола ви (В, XXII, 42), да погаса огонь от вас (В, XXIV, 44); из грамоты Влада I — того ради ви проса (В, XXXIV, 57). Во всех случаях под л скрывается ѡ. Тот же звук часто обозначался в грамотах буквой ѡ.

Среднеболгарские памятники, как известно, характеризуются так называемой меной юсов, т. е. в определенных фонетических условиях находим ж на месте л и обратно. Под влиянием этих памятников эта особенность книжного языка проникла в церковные и отчасти светские памятники Валахии. Переписчики церковных памятников (выше мы уже отмечали, что в Валахии не создавали новых переводов церковных памятников) тщательно копировали эту особенность языка. Подражали им в этом и писцы валашских канцелярий. Но не умея правильно пользоваться вообще буквами ж и л, они, естественно, не сумели последовательно отразить и эти черты: мена юсов отражена случайно. В связи с этим мы полагаем, вопреки мнению Л. Милетича, что валашские грамоты не могут дать новых ценных фактов для изучения звукового значения этой мены. Не обнаружены они и самим Милетичем. Несомненно, что написания заложит (см. в грамоте Михаила — В, II, 8) отражают особенности живого языка, но этот факт не имеет отношения к носовым гласным и их мена, а должен быть исследован в связи с такими данными, как дльжжн (об этом см. в отделе о ѡ и ѡ).

Редуцированные

Судьба редуцированных в болгарском и сербском языках была различной. Сербский язык, как известно, не представляет различий в судьбе ѡ и ѡ: эти два различных звука во всех позициях совпали в одном звуке и в большинстве говоров (а также в литературном языке) произносятся, как а. Болгарский язык представляет совпадение двух редуцированных лишь

в начальном открытом слоге. В иных позициях он последовательно различает эти два звука.

Славянские говоры Валахии представляют тот же процесс изменения редуцированных, что и другие болгарские говоры.

В начальном открытом слоге на месте ъ — ь находим ъ. Примеры: из грамоты Александра — ходит с лѣжами (В, XXV, 46); из грамоты Басараба II — и по тѣнку разумехо (В, LXXXVIII, 115), какъѡв тѣкмеж (В, XCV, 121), польсно (В, XCIX, 125); из грамоты Басараба III — она су льгали (В, CXXVII, 158); из грамоты Влада III — и от дѣщеры (М, IX, 19); из грамоты Раду IV — та си уложи дѣщере си Стана (М, IX, 28); из грамоты Дана II — (изъ) мѣстит моим чловѣком (В, XVI, 31); из грамот Влада III — мѣчеве (В, CLVI, 190, ср. в грамоте Дана II — от меча — В, XVII, 32), у тѣмнину (В, CLXVI, 201).

Эта особенность славянских говоров Валахии последовательно отражается в славянских элементах румынского языка: *măzdă* (*мъзда*), местное название *Răstăv* (от основы *лъстр-*), *zăresc* (*зърѣти*).

Представлен гласный ъ в приставке *съ* (*сѣродник*, *сѣздани*, *сѣвѣтом*, *сѣберете*, *сѣпослушествовавших* и др.); в более поздних памятниках — *сь* (*сѣвѣт*) под воздействием сербской орфографии. Представлены ъ в предлоге *със*.

Валашские канцеляристы охотно пишут ъ на месте старого ь после *в* в местоимении „весь“: *въсех*, *въсѣм*, *въса*, *въсеи* и т. д.

Представлен ъ в приставке *въз* (*въс*): *възмет*, *въсхоцет*, *възнесоша*, *възмете*.

Не вокализуется ъ в корнях слов. Лишь в редких случаях (например, в *токмо*) находим на месте ъ гласный *о*.

Несколько иной была судьба ъ в суффиксах. Здесь находим не только ъ, но и гласный *о*. Гласный *о* на месте суффиксального ъ находим в часто употребляемом в грамотах слове *добиток*, которое в валашских грамотах чаще имеет значение не „скот“, только в этом значении известное болгарскому

языку (см. Геров, 1, стр. 306), но „деньги“ (ср. в грамоте Влада I — добитък господства ми две сте хилади аспри (В, L, 74); из грамоты Мирчи — а онъ ничиі добыток да не смѣеть ходити (М, IX, 3); из грамот Раду — добиток (В, IV, 8; В, V, 11); из грамоты Дана II — и еше же кои си дават добитокъ (В, XI, 22), из грамот Влада I — да дасте тѣзи добиток въ рѣцѣ его (В, L, 74), да го сѣт убиле и взеле и добиток му (В, LVI, 81), и добиток давам (В, LVI, 81), и взеле и добиток му (В, LVI, 81); из грамоты Дана Претендента — да узимат ти добитокъ (В, LXXIX, 101), от тих людие узел добитокъ (там же). Это о является „беглыми“: из грамоты Дана II — за добитка (В, XIV, 29); из грамоты Влада I — съ своим си добитком (В, LVIII, 83).

Однако в этом же слове грамоты нередко представляют ъ: из грамоты Михаила I — що нѣси е дал добитък у добра чловѣка (В, III, 8); из грамот Раду III — що ест у нее добитѣк у нее, оно ест добитѣк влашке земле (В, LXXXI, 105), нѣкои добитък тузи оу еднога чловѣка (В, LXXXVI, 112); из грамоты Басараба III — а добитък да му се не развалѣт (В, CX, 172; у Милетича ошибочно издано развалѣ); из грамоты Раду IV — или от други добитѣк (М, IX, 25); из грамоты Г. Ласкара — азь сези добитък давам на твоа рѣкѣ (В, CCXIII, 255), да ми събере добитък (там же). Эти противоречивые данные указывают, что в одних славянских говорах Валахии это слово произносилось добиток, в других — добитък. Словари румынского языка представляют dobitor. В румынском языке это слово уже не имеет „беглого“ о: dobitorécés, dobitorci, dobitorcie

Представлено о на месте ъ в редко встречающихся членных формах муж. р. ед. ч.: из грамоты Михаила — длъжникот откъду платит (В, III, 8); из грамоты Г. Ласкара — да доде момкот Добѣжа (В, CCXIII, 255).

Указанные особенности находят аналогии в северо-восточных болгарских говорах, в которых членная форма муж. ед. представляет о (так называемой о-диалект), а кроме того,

в суффиксах представляют „беглое“ *o* отдельные слова: *šetvǎrtok*, *řetok*, *mótok*.¹

В языке семиградских болгар *o* на месте *ъ* находим только в членных формах.

Суффиксальное „беглое“ *o* в других словах, кроме *добиток*, в наших грамотах не встречается. Находим *ъ* на месте старого суффиксального *ь* (из грамот Влада III — *яко кротъкъ есьм* — М, IX, 17), на месте так называемого „секундарного *ъ*“ (из грамот Дана II — *восъжк* — В, IX, 18; из грамоты Дана Претендента — *а съм рекъл* — В, LXXIX, 101; из грамоты Радуги III — *донесъл* — В, LXXIII, 108; из грамоты Влада III — *могъл* — В, CLXI, 195), непоследовательно на месте суффиксального *ь* (из грамоты Дана II — *що му е длъжѣн* — В, XVIII, 39; из грамоты Влада I — *а коги съм аазъ отишьъл* — В, XXXVIII, 61; *тъзи да ест вошьн поити* — В, XXXVIII, 61; из грамоты Басараба II — *понеже ест дошъл един купѣц турчин* (В, XCVIII, 123).

Написание *дошъл*, *длъжѣн* отражают процесс веляризации *E* после шипящих, хорошо известный болгарским говорам. Грамоты отражают этот процесс на месте исконного *e*; из грамот Басараба III — *а жъни и детца робил* (В, CXIII, 141), *пшѣжт* господство *ми* (В, CXVI, 144; обычно в грамотах: *пишет*). Процесс лабио-веляризации *e* отражен также в топонимии. Так при *Брашев* часто встречаем *Брашев*: из грамоты Басараба II — *от Брашов* (В, XCV, 121), из грамоты Басараба III — *от Брашову* (В, CIX, 136).

Колебания в употреблении *ъ* — *e* находим в передаче собственных имен. Так, при *Ханеш* часто встречаем *Ханъш* (*Ханѣш*, редко *Ханъж*). В грамотах встречаем имя хана *Хопъндеи* (в грамоте Дана II — В, XVII, 33; в грамоте Влада I он же назван *Хопѣнтѣи ханъ* — В, XLVI, 69). Этот же человек в латинской грамоте Дана II 1431 г. назван *Jehannes Hoppendey*.

Выше мы указали, что в начальном открытом слове судьба *ъ* и *ь* была одинаковой. В иной позиции *ь* > *e*: из грамоты

¹ „Das Ostbulgarische“, S. 71.

Раду II — вес Брашев (В, IV, 8); из грамоты Дана II — ни от лена (В, IX, 18); из грамот Александра — на що стоѣ азъ день и нош (В, XIX, 40), да поскоро дениѣ и ношиѣ (В, XX, 41); из грамот Влада I — на въсѣк день (В, XXXII, 55), да му постават день (В, XXXV, 58) и др. В редких случаях на месте „сильного“ ъ в корне слова пишут ъ: из грамоты Александра — псѣ (В, XXIII, 43); из грамоты Казана — днью и нокию (В, CCXXV, 277). Значительно чаще наблюдается аналогичное явление в суффиксах.

Суффиксальные ъ в „сильном“ положении представляет гласный е: из грамоты Мирчи — и Дръстру граду владаец (М, IX, 1), кого възлюбит старец Софроніе (там же), пѣшець бан (В, I, 4); из грамоты Раду II — святых отецъ (В, IV, 9); из грамоты Дана II — и от овец (В, IX, 18), кто ест дльжен (В, XVII, 32); из грамоты брашовских судей: а рушник с позо-рець (В, CCXLII, 277).

Выше мы уже указывали, что валашские канцеляристы, не отличаясь высокой грамотностью, проявляли поразительное чутье при передаче суффиксального ъ: на месте „сильного“ ъ находим е, в „слабом“ положении он опускается (*от пѣшца, злотворици, от овна, на тѣзи овци, да дойдут купци* и много других примеров. То же и в отношении ѣ (ср. *восѣк по воска* и др.). Это в ряду других фактов является убедительным свидетельством того, что славянский язык был родным языком валашских канцеляристов. Нужно в связи с этим указать, что суффиксальное е (не из ъ) в аналогичных фонетических позициях не утрачивается (ср. *купена*).

Сербское влияние в этом пункте оказалось лишь в графике и отразилось в грамотах раньше других сербских особенностей. Из истории сербского языка хорошо известно, что, начиная с древнейших памятников письменности, в сербском письме возобладало написание ъ, который мы находим на месте редуцированных ѣ и ъ. Под этим написанием скрывался, вероятно, тот гласный, который ныне находим в крайних восточноштокавских говорах.

Этой графической черты собственно болгарские памятники не знали. Встречается она в некоторых западноболгарских

памятниках, испытавших влияние сербских орфографии и графики.

Древнейшие валахские тексты в этом отношении следуют традиции болгарской. Так, в грамотах Мирчи легко обнаруживается постоянное стремление к разграничению букв ъ и ь. Лишь в грамотах Михаила появляются единичные написания буквы ь на месте ъ. В более поздних памятниках подобные случаи встречаются чаще. На эту графическую особенность грамот обратил внимание проф. Милетич и правильно объяснил ее влиянием сербской письменности: „В более старых грамотах преобладает буква ъ, согласно правописанию наших памятников XIV ст., но в более новых, особенно от середины XV ст. и далее, усиливается употребление ь и в конце и в середине слов, но последовательно это не проводится, как в старой сербской письменности. Даже в самых новых грамотах встречается и ъ (даже на месте ь) как в конце, так и в середине слов“ (СбНУ, XII, стр. 106). Эта графическая особенность получает широкое распространение со времён Влада I. Особенно характерна в этом отношении грамота Влада I от 8 апреля 1437 г., в которой часто находим ь на месте е из „сильного“ ь: *пешьу, товарьн, слободьн, но жудец* (В, XLIX, 72). В грамотах второй половины XV в. эта графическая черта встречается часто. Это выражается в написании ь на месте „сильного“ ъ, в написании ь в конце слова после твердых согласных.

Ѣ

Для изучения сербо-болгарских взаимоотношений на почве канцелярского языка Валахии важным представляется нам также изучение судьбы старого Ѣ. Хорошо известно, что предки сербов и болгар в отношении произношения старого Ѣ относились к двум различным славянским группам. В сербском языке это был закрытый напряженный е (ě), из которого в дальнейшем развились современные е, *i, je (ije)*, характеризующие различные сербские говоры. Предки же болгар этот звук произносили, как открытое широкое е (ä), которое встречается в говорах до сих пор. В большинстве говоров болгарского языка оно изменялось в а или е в зависимости от различных условий.

Данные современного румынского языка и в этом случае подтверждают, что славяне Дакии в этническом и языковом отношении были связаны с болгарской группой, а не сербской. В славянских словах румынского языка на месте *ѣ* в определенных фонетических условиях находим *ea*, которое в полном согласии с болгарской фонетикой может изменяться в *e*: *treaz*, но *trezi*; *veac*, но *vesi*; *gribeag*, но *bejenie*, *bejenar* (об этом см. у Цонева — „Езикови взаимности между българи и румъни“, „История“, II, стр. 21—22).

Валашские канцеляристы в XIV—XV вв. писать *ѣ* не умели. Их многочисленные ошибки могут дать представление о том, какое звуковое значение они придавали букве *ѣ*. Нужно указать, что с написанием этой буквы несколько лучше справляются канцеляристы Мирчи и его ближайших преемников, когда еще в валашской письменности были сильны традиции среднеболгарской книжности. С 20-х годов XV в. писцы обнаруживают уже полную беспомощность.

Легко обнаружить, что в большинстве случаев буква *ѣ* пишется на своем месте в канцелярских штампах, которые установились еще в конце XIV в. Часть их, несомненно, заимствована из канонических источников. Примеры: из грамоты Раду II — зде же тѣлом, а въ бѣдѣщїи вѣкъ душеѣ (В, IV, 9; аналогичный штамп встречается во многих грамотах); из грамоты Мирчи — и законил на прѣвом законѣ (В, I, 4), да ловит рибѣ по рѣцѣ Тисменской (М, IX, 3), и сѣверинскому банству господинь (М, IX, 2); из грамоты Раду II — и дават господство ми вѣрѣ и душѣ (В, IV, 9); из грамоты Дана II — и варе на коем трѣѣ продадет сѣ постав (В, X, 20); из грамоты Басараба III — по грѣсих наших (М, IX, 13); из грамоты Раду IV — и бѣде въ вѣки амин (М, IX, 30); из грамоты Албула — да умрѣ въ православной вѣрѣ християнъской (В, ССVIII, 249). Все процитированные места являются готовыми штампами и встречаются в грамотах десятки раз. Ошибки в таких текстах сравнительно редки в грамотах до Александра. Позже и в этих местах писцы уже не следуют традиции.

Следуют традиции книжники в написании отдельных слов. Так, слово *чловѣкъ* почти во всех грамотах пишется через *ѣ*:

из грамоты Басараба II — едному чловѣку (В, LXXXVII, 113); из грамоты Раду IV — да имат чловѣкъ две жене (В, СХСVI, 235); из грамоты Казана — и да ходи сваки чловѣки (В, ССXXXI, 286); из грамоты Драгомира Удриште — ере тязи чловѣкъ ест много зло учинил (В, ССXXXIII, 293); из грамот Стойка — и да си пустите чловѣка (В, ССXLIV, 299), по овога чловѣка моего Нанчула (В, ССXLVI, 302); из грамоты первой половины XV в. примеры приводить излишне. Находим в отдельных случаях правильное написание *ѣ* и в других словах: свѣтлым, вѣрѣж, недѣле, на мѣстѣ, въ вѣрѣма, сѣникосіа, бѣжит, звѣри, благовѣрна, добродѣтел, хлеб, добрѣ, прѣжде, дѣда, от желѣза и др. Делать в связи с этим какие-либо выводы нельзя, так как в этих же словах очень часто находим *е*. Находим *е* на месте *ѣ* и в других словах. Примеры: из грамоты Влада I — а она е изгорела въса (В, LV, 80); из грамоты Дана Претендента — како он не дрѣжал веру (В, LXXIX, 101); из грамоты Басараба II — и веру му дадох (В, XC, 116), им не давате ни железо ни оружие (В, XCIX, 124); из грамоты Басараба III — у вашеи место (В, СХХХV, 167); из грамоты Влада III — стреле и лькове (В, CLVI, 190); из грамоты Раду IV — на два дел (М, IX, 24), али съ веру истіною (С, XII, 12); из грамот Нега — да вашему месту (В, ССХХIV, 273), съ вашему веру (В, ССХХIV, 273). На основании этих примеров можно было бы прийти к заключению, что в живом языке *ѣ* > *е*. Несомненно, что в некоторых фонетических условиях (вне ударения, перед смягченной согласной) это так и было. Перед твердым согласным под ударением *ѣ* произносилось, как 'ѣ. Это между прочим подтверждается тем, что при первом условии чаще в грамотах находим *е*, нежели при втором. Так, прилагательное *голяма* в грамотах пишется через *ѣ*: из грамоты Дана II — или голяма риба или мала (В, X, 19); из грамоты логофета Дана II — Койка — въ голямъ грижѣ ма унесосте (В, ССVI, 247). Это же прилагательное в иных фонетических условиях (согласная *м* палатализована) пишется чаще через *е*: големи (например, в грамоте

Раду IV — два кола, али да будут големи и оковани (В, CLXXXIII, 219). Встречаем, однако, и гольми (см. в грамоте Басараба III — В, СXXXIII, 170).

Чаще всего букву ъ в грамотах находим на месте конечного *a* после палатализованных согласных. Примеры относятся к различным грамматическим категориям. Общая форма основ на *ja* ед. ч.: из грамот Раду II — и да ест една землѣ (В, IV, 8), вес Брашев и въсѣ землѣ Бръсѣнскаа (там же); из грамот Мирчи — и въ дни Мирчѣ воеводѣ (В, IX, 17), закон поставен от Мирчѣ воеводѣ (В, X, 19), съ хрисовулом Мирчѣ воеводѣ (В, XVII, 33; ср. в грамоте Александра — синь Мирча воеводу — В, XXIX, 49), и куплѣ от морѣ (В, XII, 27); из грамоты Владислава Дана — может мѣ разлѣчит от вас велика неволѣ (В, LXIII, 86); из грамот Влада II — една землѣ (В, LXXV, 97); из грамот Басараба III — и съ въсѣ землѣ (В, СXXV, 155), землѣ монастырска (М, IX, 10), без волѣ монастырска (там же), и на зета му Андрѣ (В, СXL, 172); из грамоты Раду IV — влашка землѣ (В, CLXXX, 215); овому сиромуху ... по име Костѣ от Тръговище (В, ССII, 241). Форма мягкого склонения муж. и ср. р.: из грамоты Мирчи — от конѣ кой купит (В, I, 3), и до великого морѣ (там же); из грамоты Михаила — от родителѣ господства ми (В, II, 7); из грамоты Раду II — що доходит от морѣ (В, V, 11); из грамоты Дана II — и от конѣ товарена със рибѣ (В, XI, 22), от виларѣ (В, XII, 27), и от кумеркѣ (В, XIII, 28), със волѣ господина ми кралѣ (В, XVII, 33), и въ дни родителѣ (В, XVIII, 38), от огнѣ (В, XVIII, 39); из грамоты Александра — слѣ молитвѣ господина ми кралѣ (В, XXII, 42); из грамоты Басараба III — два конѣ и една крава (М, IX, 14). Встречаем *ѣ* на месте старой флексии 1 л. ед. ч. после смягченных согласных: из грамоты Александра — азы слѣ мѣчѣ (В, XXIV, 44).

Во всех указанных позициях также часто находим *л* (см. в разделе о носовых). В грамотах второй половины XV столетия встречаем *я* (*a*) — из грамот Басараба III — от турци,

със краля (В, СХХ, 148), да си добудем земля (В, СХХХІІ, 163), и земля сва ест узел (В, СХІІІ, 141). Редко встречаем в этой позиции *e*: из грамоты Басараба ІІІ — недѣле (В, СХХХVІІ, 170).

В целом ряде слов встречаем *ѣ* на месте *'a* в середине слова. Последовательно *ѣ* представляет слово *болярин*: из грамоты Александра — пуцам болѣина ми Нѣгоіе (В, ХХV, 46); из грамоты Басараба ІІІ — от болѣрех наших (В, СХІІІ, 141); из грамоты Раду ІV — съм послал нашего вернога болѣрина (С, ХІІІ, 13). Часто находим *ѣ* в слове *брашовѣнин*: из грамоты Михаила — от правѣх людѣ от брашовѣн (В, ІІІ, 8); из грамоты Дана ІІ — и еще же брашовѣнинѣ (В, ХІ, 22); на месте суффикса *ар*: из грамоты Мирчи — от кумеркѣръ (М, ХІ, 2); единично в слове *граждани*: из грамоты Дана ІІ — граждѣны си [▲] от главы си (В, ХV, 30; ср. в грамоте Влада ІІ — гражданом — В, LXXIV, 95). В некоторых словах писцы на месте *a* (после *i*) пишут *e*, что также свидетельствует об изменении в этой позиции $a > \ddot{a}$. При обычном *приятель* встречаем *пріетель*: из грамоты Басараба ІІІ — пріетелство (В, СХХVІ, 156); из грамоты Раду ІV — нашим добрим пріетелем (В, ССІV, 243).

Все приведенные выше примеры указывают, что в языке валашских славян был гласный *ä*. Он был на месте *ѣ* под ударением перед твердым согласным, на месте *a*, после палатализованных согласных. Чаще всего на письме изображали его буквой *ѣ* и [▲].

Следует указать, что в связи с процессом утраты палатальности некоторыми согласными звук *ä* мог оказаться после твердого согласного. В связи с этим нужно сослаться на данные современной валашской диалектологии. Так, в славянских словах перед *ѣ* в целом ряде случаев уже утрачена мягкость согласного (главным образом губных и зубных): *nevasta*, *bălaiu*, *izmapă* и др.

Совсем иную судьбу пережил *ѣ* в славянских говорах Молдавии. Здесь, как и во всех восточнославянских языках, *ѣ* в древности произносился, как *ê* (*e* — напряженное, закрытое). В XV столетии *ѣ* уже изменялся в *î*, как и в остальных южно-

украинских говорах.¹ Это изменение отражают древнейшие молдавские грамоты: *билый, вира, гивъ, дидъ, дило, измина, лисъ, мисто (мистце), мисаць, неделя, привисити, сіати, сино (синможать), слидъ, оудилати, хотити, цина.*²

Гласный *ы*

Многочисленными примерами грамоты подтверждают, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. гласный *ы* уже совпал с *и*. Под влиянием языка церковной письменности писцы изредка (главным образом в древнейших грамотах) пишут букву *ы* не только на месте старого *ы*, но и *и*.

В славянских элементах румынского языка на месте старого *ы* находим *ŷ* (*cosînkă*) и *i* (*vidră*).³ Второй результат представлен значительным числом примеров и отражает древний славянский пласт: *vľadikă, obiĉei, kobila, rachită dobitok, cipită tikvă, grijă, ribiŷă* и др. Барбулеску в свое время указал, что наличие *i* на месте старого *ы* в славянских элементах румынского языка не дает возможности считать, что столкновение славянского и румынского населения могло иметь место до XII в. Если бы эти слова проникли в румынский язык в то время, о котором говорили Миклошич и Денсушяну, то мы должны были бы иметь только *vïdra, tïkva* и т. д. В румынском языке *ŷ* в *i* не изменялось. „Организм румынского языка, напротив, стремится как раз к тому, чтобы изменять *i* в *ŷ*: например, прежде *ziua*, а затем *zïua, zik > zïk, strik > strïk, sting > stïng, sîp > sïp* и др.“⁴ С этими доводами трудно согласиться, так как древний славянский звук, передаваемый в кириллице буквой *ы*, не имел ничего общего с современным звуком *ŷ*. В древности *ы* был дифтонгом, что убедительно было доказано А. И. Томсоном (см. „Zeit. f. Slav. Philologie“, III, 61). Резко отличается

¹ Из истории украинского языка известно, что *ѣ* (ѣ) в южных говорах в неударных слогах изменилось в *і* в XI в., а в ударных — в XIII—XVI вв. см. Е. Тимченко, Курс історії українського языка, 2 вид., 1930, стр. 140.

² Bogdan, Über die Sprache der ältesten Moldauischen Urkunden S. 374—375.

³ Rosetti, op. cit., p. 49.

⁴ „Kad su počele...“ str. 442.

в физиологическом и акустическом отношении от румынского *i* (resp. болгарского *ѣ*) русский гласный *ы*.

Слоговые плавные

История слоговых плавных *r* и *l* в славянских говорах Мизии, Фракии, Родоп, Македонии и Валахии в основных своих чертах однородна. Совсем иначе шло развитие этих звуков в говорах сербского языка. На основании изучения слоговых плавных в славянских элементах венгерского языка Оскар Ашбот пришел к выводу, что эти славянские элементы в нем болгарского происхождения: „Это обстоятельство утверждает меня в мнении, что большинство славянских заимствований в мадьярском языке происходит из болгарского диалекта“.¹

Однородность процесса в области *r l* состояла в объединении *ṛ* и *ṛ*, *ḷ* и *ḷ*, а затем в утрате плавными слогового свойства и переносе его на *ѣ*. Это последнее обстоятельство положило грань между болгарскими и сербскими говорами.

Различие в болгарских говорах наблюдаем лишь в позиции *ѣ* по отношению к плавному: в одних говорах он всегда предшествует плавному, в других — положение его зависит от различных фонетических условий.

В славянских элементах румынского языка редуцированный всегда (за редким исключением) предшествует плавному: на месте старых слоговых плавных находим *lr*, *ār*, *il*, *āl* (многочисленные примеры см. в истории болгарского языка Цонева, т. II, стр. 14—15). Та же позиция типична и для языка семиградских болгар: *държи*, *държиме*, *смърт*, *смъртини ден*, *четвърта година*, *отфърга*, *отфърли*, *сърце*, *милосърд*, *кърст*, *кърстене*, *търпи загърмлива*, *със кърф*, *сдърпаха*, *бържи*, *търние*; *изпълни*, *дълго* (несколько раз *слънце*то).

Проф. Цонев пишет: „Это же замечается и в дакоболгарских текстах, что объясняется, вероятно, румынским влиянием“ („История“, II, стр. 14). Не знаем, какие дако-

¹ О. Ашбот, Рефлексы слов вида *търт-търт* и *тълт-тълт* в мадьярских заимствованиях из славянского языка, „Статьи по славяноведению“, в. II, 1906, стр. 268.

болгарские тексты имеет в виду автор. В литургических текстах находим не только *ѣр...*, но и *рѣ*. Что касается валашских грамот, то они решительно предпочитают написание *ѣ* после плавного. Написание *ѣр...* встречается очень редко, случайно и главным образом в определяемых словах.

Итак, на месте *г ѣ* в валашских грамотах встречаем написание *рѣ*, *лѣ*. Примеры: из грамот Мирчи — свѣтлым сръдцем (В, I, 3), потврѣждам (Вен., 10), законил на прѣвом законѣ (В, I, 4; в более поздних текстах обычно находим в этом штампе — на правом законѣ), от грѣло Ежпатул (М, IX, 1); из грамот Раду II — щѣ дръжат (В, VI, 13), да имѣ утврѣдим закони (В, V, 11), на коем трѣсѣ продадет сѣ постав (В, X, 20; ср. в румынском переводе *târg s'ar vinde postavul*), потврѣдих въ врѣмѣ (В, XI, 22), трѣговѣщѣном (В, XIII, 28; ср. в румынском *târgovištenilor*), и по въсѣх трѣговах (В, XIII, 28); из грамоты Александра — прѣво доиде Стан (В, XXIV, 44); из грамот Влада I — сѣ трѣгом (В, XXXVIII, 61), да сѣ волни трѣговат (В, XLI, 64), или от крѣстоши (В, XLVII, 70), поставлена от прѣвих господарех (В, LIII, 77); из грамоты Раду III — по въси трѣгови (М, IX, 8); из грамот Басараба II — нигде поклисаре не дръжит (В, XC, 117), не дръжите о техзи работѣ (В, C, 125); из грамот Басараба III — богѣ дръжал (В, CVII, 134), их извѣдѣ от смрѣти (В, CXXVII, 158); из грамоты Влада III — и по блатѣ и по трѣгове и по хорѣ (В, CLVI, 189); из грамоты Раду IV — прѣжде сѣмрѣтъ (М, IX, 24); из грамоты Нега — и по вашу дръжаву (В, CCXXIV, 274); из грамоты Винтила — сръдце черна и зла (В, CCXXVI, 278); из грамоты Мирчи — от вѣнѣж камилевѣ (В, I, 3), да сѣ ищѣт дѣжняка или емѣи (В, I, 4), исплѣних прошение (В, I, 3); из грамоты Михаила — дѣг от дѣжняка (В, III, 8); из грамот Даня II — да сѣ ищѣт дѣг сѣ законом (В, XVII, 33), да сѣ просит от него дѣгѣ (В, XVIII, 39); из грамоты Влада I — исплѣних (В, LIII, 77); из грамоты Басараба II — сѣ кѣним (В, XCI, 118); из грамоты Басараба III —

пльна волѣ (В, СХІV, 142); из грамоты Раду ІV — дльгове (В, СХСV, 234), вльхви (В, СХСVII, 236).

Подобные написания в грамотах сами по себе не могут свидетельствовать ни об утрате слоговости плавных, ни о позиции ъ в отношении плавных. Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с определенной орфографической манерой, получившей в валашских канцеляриях всеобщее распространение. Вспомним, что в современных им сербских грамотах слоговое г обычно передается *рѣ* и реже просто *р*: *врѣшимо*, *прѣво*, *срѣтца*, *дрѣжали*, *дрѣвми*, *крѣвь*. В одной из грамот боснийский бан назван *Тврѣтко Тврѣтковић*.¹ Эта сербская орфографическая манера нашла отражение и в валашских грамотах: из грамоты Дана II — оу Тръговици (В, XVII, 32); из грамоты Влада I — Миха бльгарина (В, L, 74). В данном случае сказалась тенденция заменять букву ъ через ь, которая возникла в результате подражания сербским правописным школам, (см. выше в разделе о редуцированных). Под влиянием сербского языка появились единичные написания *р* без *ѣ*: из грамоты Басараба III — из вьсего наше срѣце (В, СXXXI, 162); из грамоты Влада III — крѣтъ (В, СLIII, 186).

Таким образом, написания *рѣ*, *лѣ*, отражающие определенную орфографическую школу, не могут быть привлечены для характеристики живого языка. Нужны какие-то дополнительные материалы, которые помогли бы вскрыть звуковое значение этих написаний. Такие материалы в грамотах есть.

Вопреки строгому орфографическому правилу писать ъ после плавных в грамотах, начиная с эпохи Мирчи, встречаем написание ъ (ѣ) перед плавными: из грамот Мирчи — по тѣрговох у земи господства ми (В, I, 3), у Тѣрговице (В, I, 4; как и в румынском *Târgoviște*; в большинстве случаев согласно установившейся орфографии *Тръговице*, реже *Трьговице*); из письма одного турка — ніе дългопольди смо (В, ССXXX, 286; в других случаях всегда *Дльгополе*: из грамоты Мирчи — у Дльгомполи — В, I, 4; из грамоты Влада III — от Дльгополе —

¹ „Monumenta serbica“, р. 304 (см. об этом в работе М. Г. Долобоко, О языке некоторых боснийских грамот XIV века, I—II, 1915, стр. 46—47).

В, CLIV, 187). Таких написаний сравнительно мало, но говорят они о многом.

Для выяснения данного вопроса необходимо привлечь отдельные слова. Почти в каждой грамоте находим слово *пръгари*, к которым обращается господарь. Слово это, отраженное в румынском в виде *rârgar*, в венгерском *rolgár*, в немецком *Bürger*, никакого *г* слогового не имело. Произносилось оно *пъргар* (*пъргар*). Писцы, однако, согласно орфографической традиции, пишут *пръгари*: пръгарем от Брашов — находим почти во всех грамотах; написание *пъргари* встречаем редко (см. в грамотах XVCII, CXXII, CXLII). В грамоте Казана находим еще более редкое *пъргари от Брашов* (В, CXXXII, 285). В грамоте Влада II находим *паргарем* (В, LXXI, 93). Под влиянием сербской орфографии валашские канцеляристы с 20-х годов XV в. старались букву *ж* заменять буквой *у* (см. в отделе о носовых гласных). Но им было трудно отличать старый *ж* от *ъ*, так как в живом языке они совпали. Поэтому из-под пера незадачливых писцов выходили нередко совершенно невероятные для живого языка слова, в которых на месте *ъ* (*ă*) встречаем *у*. В связи с этим в грамотах появилось слово *пургари*: из грамоты Влада — въсем пургаром (В, LXXVII, 99). Чаще встречаем *пургари* в грамотах Басараба III, а в грамотах Раду IV написание *пургари* решительно преобладает. В некоторых случаях эта особенность сосуществует со старой орфографической нормой. Возникает совершенно невероятное *пуръгари*: из грамоты Влада I — пуръгаром брашовъскимъ (В, LI, 75).

Известные в валашской и молдавской администрации *паркалаби* (рум. *rârcalabii*) в грамотах также согласно правилам пишут *пръкалаби*: из грамоты Влада I — от тѣзи пръкалаби (В, LIV, 78), ръцѣте темзи пръкалабом (М, XIII, 37). Встречаем, однако, и *паркалаби* (см. в грамоте Басараба II — В, XCV, 121).

Собственное имя *Мартин* (Martin), встречающееся в некоторых грамотах, писцы иногда пишут *Марътин*, *Марътинов* (см. в грамоте Влада I — В, LI, 75).

Заемствованное слово *марха* (рум. — *marfă*, венг. — *marha*) писцы стараются писать *маръха*: из грамоты Влада III — мног маръху поузели (В, CLVIII, 192).

Известное в румынском языке слово *tâlhâr* — разбойник (венг. *tolvaj*) писцы передают *тлѣхари* (В, CLVIII, 192). Румынское слово *fâlnosi* (венг. *folnagy*) передано в грамоте Басараба III — фльночем (В, CXXIII, 152).

Стремление писать *ѣ* после *р* приводило к написанию *турѣци* (см. в грамоте Басараба III — В, CVII, 134).

В топонимии наряду с „правильными“ *Бръсе* (рум. *Țărie Bârsei*), *Тръшор* (рум. *Târșor*), *Тръговище* (рум. *Târgoviște*), *Дльгополе* (рум. *Câmpulung*) встречаем *дльгопольцы* (см. выше), из грамоты Басараба III — а *съ Зърнещи* (рум. *Zărnești*) — В, CXXV, 155. Кое-что дает и *personalia*. Так, жупан *Gârdoian* передан в грамоте Гръдоман (В, VIII, 16).

Весь привлеченный нами материал может, по нашему мнению, свидетельствовать, во-первых, что носителем слога был гласный, а не сонорный, и во-вторых, что гласный мог стоять не только после сонорного, но и перед ним. Итти дальше, т. е. утверждать, что *ѣ* всегда находился перед сонорным, мы не можем. Данные современного румынского языка и языка семиградских болгар недостаточны. С другой стороны, можем указать примеры из грамот, в которых написание *рѣ* несомненно отражает живое произношение [ср. в грамоте Басараба II — по Фрънку (рум. *Frâncu*) — В, LXXXVII, 112].

В нескольких грамотах Раду IV встречаем: *послао, приближио* (см. В, CLXXXVII, 224). Эти единичные примеры из грамот конца XV или начала XVI в. заимствованы из современных им сербских источников.

Неударные гласные

Грамоты дают скудный материал для характеристики произношения неударных гласных. Полагаем, что многие славянские говоры Валахии не представляли изменений в образовании неударных *а, о, е*, что так характерно для восточнoболгарских говоров. Только этим, несомненно, можно объяснить, почему во многих безграмотных текстах неударные гласные передаются правильно. Эти говоры ближайшим образом были родственны так называемым западным болгарским говорам, которые не знали и не знают изменений в артикуляции неударного вокализма.

Нужно думать, что в Валахии это были говоры к западу от Олты, т. е. говоры Малой Валахии. Здесь славянский элемент был сильнее, он сохранялся дольше, и именно отсюда рекрутировались основные кадры писцов для канцелярий в XV в. На более сильные пережитки славянства в Малой Валахии, нежели в Большой Валахии, обращалось внимание много раз. Это подтверждается особенностями народного быта, топонимией и др.

Были писцы и из восточных областей. Это между прочим подтверждается характерными изменениями в области неударных гласных, что находит некоторое отражение в грамотах. В редких случаях на месте безударного *a* находим буквы *ѣ* или *ѝ*: из грамоты Влада I — да их не бѣнтувате (В, LIX, 83); из грамоты Басараба III — трѣпези древени хубаве (В, CXXXVII, 170); из грамоты Крстяна, ворника Раду IV — на име Стѣнслав (В, CCXLVII; ср. в грамоте Влада I — Станислав — В, XXXV, 58).

Несомненных примеров, подтверждающих изменение неударного *o* в *y*, мало. Часто встречаются подобные примеры во флексиях, но в большинстве случаев их можно интерпретировать иначе. Из очевидных примеров приведем из грамоты Влада III (Милетич ошибочно приписал грамоту Владу Цепешу) — със величеству кралеву и със ваше господству (В, CLIII, 186); из грамоты Раду IV — како не сте убесили (В, CLXXXI, 217; ср. в другой грамоте — сте обесили — СХСVII, 236); из грамоты Драгомира Удрище — за рабутум (В, CCXL, 296).

Скучно отражено изменение неударного *e* в *i*. Наблюдаем это в написаниях *воевода* и *воивода*, *знаете* и *знаите* и др. В одной из грамот Раду IV — ере ест имал жину (В, СХСVI, 235; в той же грамоте — заклет жену). После шипящих гласный *e* иногда представляет результат лабиовеляризации: из грамот Басараба III — а жњи и детца робия (В, СХIII, 141), пишѣт господство ми (В, СХVI, 144).

Объяснить сравнительно небольшое число примеров, отражающих изменения неударных гласных, высокой грамотностью писцов невозможно. Мы наблюдаем в грамотах многочислен-

ные „ошибки“ в более легких случаях. Никак нельзя объяснить это и сербским воздействием, так как последнее было чисто внешним, неорганическим. Это может быть объяснено только тем, что в родных говорах большинства валашских писцов неударные гласные не претерпевали изменений в своей артикуляции.

L-epentheticum

Уже старославянские памятники свидетельствуют, что в болгарских говорах X — XI вв. *L-epentheticum* утрачивалось. В еще большей степени это подтверждается среднеболгарскими памятниками. Лишь во второй половине XIV в. в терновской школе Евфимия устанавливаются строгие правила написания *l* после губных. Тексты последних десятилетий свободной Болгарии вновь возрождают старые архаизмы, среди которых одним из характерных и важных являлся *l-epentheticum*. Вот почему в древнейших церковных памятниках Валахии, слепо следовавших требованиям правописной школы патриарха Евфимия, наряду с другими архаизмами употреблялся и *l-epentheticum*. Находим этот *l* и в памятниках светской литературы высокого стиля. Тем большую ценность приобретают данные древнейших валашских грамот.

В грамотах Мирчи *l-epentheticum* не употребляется: въсеи земли уггровлахіиской (М, IX, 4), обладаѣшу ми и господствуѣшу ма въсеи земли Уггровлахіи (В, I, 3), у земли господства ми (там же), кого изберет господь богъ быти господинь влашской земли (М, IX, 1), земли уггровлахіиской (М, XI 3), земли оуггровлахіиской (Вен., 18), земли уггровлахіиской (Вен., 24), или купен или некупень (М, IX, 2), а от них купен нищо (В, I, 4), да ест купен тоизи кумеркъ (там же), и от купилъ (В, I, 3). Лишь в двух грамотах у Милетича и в одной у Венелина встречаем земли — по въсеи земли оуггровлашкой (М, IX, 2 и 4), въсеи земли (Вен., 26); возможно, что в данном случае имеем дело с ошибкой в издании. В подтверждение можем указать, что в грамоте Дана II, изданной Милетичем, в XIII томе „Сборника за народни умотворения“ под № 25,

напечатано всюду *земли*, тогда как в издании этой же грамоты Богданом под № XVII читаем *земи*. Во всяком случае из грамот Мирчи видно, что писцы его канцелярий не следовали принятой в это время в церковном языке манере написания буквы л после губных. Грамоты Михаила подтверждают тоже: *земи оупровлахиискои, господинъ влашскои земи, от зема господства ми* (В, III, 7).

Заметный перелом наблюдаем со времени Раду II, когда начинает обнаруживаться сербское влияние. В грамотах его канцелярий часто находим *l-epentheticum*: *вес Брашев и вьсь землѣ бръсѣнскаа* (В, IV, 8), *една землѣ съ земла (там же), от земли господства ми* (В, IV, 9), *да оставлѣите вьсьѣ купла (там же), по земли господства ми* (В, V, 11), *вьсеѣ землеѣ (там же), вьсеи земли* (В, VII, 44). Однако употребляются эти же слова и без л: *въ земи вашей* (В, IV, 9), *да доходит въ зема* (В, IV, 9), *и от купиѣ* (В, V, 11), *вьсеи земи* (В, VI, 13). Аналогичные колебания находим в грамотах Дана II. В титульной части этих грамот встречаем то *земи* (В, VIII, 15; В, XVII, 32), то *земли* (В, IX, 17; в, XV, 30). Колебания *земи-земли* находим и в других частях грамот. Такая же неустойчивость в правописании слов *купля-купа*: и *куплѣ от морѣ* (В, XII, 27), *купиѣ по вьсеи земи* (В, XVII, 32), *прѣз Доунавѣ със коупиѣ* (в, XVII, 33). Важно для характеристики живого языка писцов указать, что в страдательных причастиях *l-epentheticum* не употребляется: *тузи що ест бил закон поставень от Мирчѣ воеводѣ* (В, X, 19), *да ест купен тоизи кумеркѣ* (В, XI, 22), *от конѣ купена* (В, XVII, 32). Слово *позабавленіе* (В, XVII, 32) книжное. Аналогичная картина наблюдается в грамотах Александра и Влада I. В грамотах Влада I слова без л встречаются уже редко. Кроме указанных слов, находим *саблѣ* (В, LVI, 81; ср. в грамоте под № ССXLII — *поасѣ от сабиа* — В, ССXLII, 298). Находим л в страдательном причастии; *поставлена от прѣвих господарех* (В, LIII, 77). Со времени Влада II *l-epentheticum* последовательно употребляется во всех грамотах.

На основании указанных выше данных легко прийти к выводу, что в народных говорах Валахии *l-epentheticum* в XIV—XV вв. отсутствовал. Лишь с 20-х годов под влиянием сербского языка *l-epentheticum* проникает в язык канцелярий. В течение нескольких десятилетий в этом языке идет борьба старого с новым, отраженная грамотами Раду II, Дана II, Александра и Влада I. Со времени Влада II в канцелярском языке окончательно устанавливается *l-epentheticum*.

Привлекать данные современного румынского языка в данном случае было бы неосмотрительно, так как в нем найдем не только *sabie, sabiuța*, но и *сгаиу* (краль) *busioc* (босилек), *voie* (воля).

Совершенно иная картина наблюдается в молдавских грамотах. В них *l-epentheticum* употребляется постоянно и последовательно, начиная с древнейшей поры. Такие примеры, как до нашей земли придут съ тръговлею (из грамоты Александра II—М, IX, 54), встречаем постоянно. Примеры без *l* встречаются очень редко. Это дает основание предполагать, что славянские говоры Молдавии, в отличие от валашских грамот, сохранили *l-epentheticum*.

tj (kŕ)

Для изучения роли сербских элементов в истории языка славянских канцелярий Валахии очень важно исследовать судьбу звуков, которые возникали на месте доисторических *tj (kŕ)* и *dj*. Судьба этих сочетаний была различной в южнославянских языках, представляя часто различные варианты на территории распространения одного языка. Вот почему исследователи южных языков, в отличие от западных и восточных славянских, большое внимание уделяют истории этих доисторических сочетаний.

Говоры болгарского языка в этом отношении резко отличаются от соседних сербских говоров. Данными этих говоров пользуются для отнесения тех или иных говоров к сербскому или болгарскому языкам. Сложность, однако, состоит в том, что в данном случае необходимо учитывать историю отдельных слов, сожительство в системе одного говора различных

результатов изменения *tj, dj*, вызванного влиянием иной языковой среды, чуждого литературного языка и пр. Богатый материал для изучения подобных процессов представляют в настоящее время македонские говоры. В прошлом аналогичные процессы переживали славянские говоры Дакии.

Валашские грамоты XIV—XV вв. на многочисленных примерах показывают, что в местных народных говорах на месте *tj(kt')* была представлена группа *шт*; из грамоты Мирчи — и еще же му прилагам да имат оброк от кьщѣ (М, IX, 44); из грамот Михаила — кѣше (М, IX, 5), ни анепсеи му ни же хто да не смѣт ни слов(о) рещи о том (М, IX, 5); из грамот Раду II — zde же тѣлом, а въ бѣдѣщій вѣкъ душеѣ (В, IV, 9); из грамот Дана II — щѣ съжещи огнем (В, XVШ, 39), и съ великим обещаіем (В, XVII, 33); из грамот Александра — на що стоѣ азъ день и нош (В, XIX, 40), да поскоро дениѣ и ношиѣ (В, XX, 41), да доидете на помощь (В, XX, 41), да имам помощь (В, XXVII, 47) из грамот Влада I — дайте ми и вие помощь (В, XXXIV, 57), на помощь (В, XXXIX, 62); из грамоты Владислава Дана — прѣстъпи свое обещаіе... еще съ мном обѣща... како смѣ обещаѣ, на том хошу стоати (В, LXIII, 86); из грамоты Влада II — а тех не пращам (В, LXVII, 90); из грамот Басараба II — хочете послат (В, XC, 116), приятелство и помощь... у помощ... у нашега помоща... съ помощь (В, LXXXVII, 113), ево азъ съ помощію божію (В, XCI, 118), а въ бѣдѣщаго вѣвъ душеѣ (В, XCI, 118); из грамот Басараба III — и що ви щет рещи Влад (В, CVII, 134), и въ бѣдѣщаго вѣвъ съ душеѣ (М, IX, 13), у кѣшу господства ми (В, CXXXV, 167), да плашат ваму (В, CXLV, 176); из грамот Влада III — изъ кѣше (М, IX, 18), и от дѣщери (М, IX, 19); из грамот Раду IV — та си уложи дѣщере си Стана (М, XI, 28), и съ дѣщере му на име Станка (Вен., 133), ест дал и кѣше и виноградіе и све (В, CXCV, 234); из грамоты Койка — съ помощиѣ божиѣ (В, CCVI, 247); из грамоты Антония —

помощь (В, ССХV, 259); из грамоты Манева — щет рещи (В, ССХVІІІ, 266); из грамоты Нега — и у ваших кьци (В, ССХХІІІ, 270); из письма турка — знае щерька добре (В, ССХХХ, 285).

Не вызывает никакого сомнения, что не все приведенные выше примеры отражают народную речь. Многие взяты из среднеболгарской церковной письменности (например, съ помощиꙗ божиꙗ или часто встречающийся в грамотах штамп — а въ бѣдѣщаго въцѣ душеꙗ и др.). Но большая часть примеров (их можно было бы привести много) отражает, несомненно, особенности народных говоров (например, часто встречающееся слово къца или глаголы плащат, щѣ и др.). Во всяком случае до начала сербского влияния в грамотах находим только щ (*шт*).

Эти данные валашских грамот вполне согласуются с данными современной валашской топонимии и с данными славянского фонда в современном румынском языке. Во всех случаях на месте старых *tj* (*kt'*) находим группу *št* (*st*) — *maștiha*, *gîpștesc* (ръпѣщѣ), географическое наименование *Ploștina* и др. Небезынтересно указать, что древнейший славянский пласт в венгерском языке (болгарский по определению О. Ашбота) также представляет последовательно *št* (*st*) — *mistoha*, *Pest*, что находится „в тесной связи с тем фактом, что венгерцы при вступлении на новую территорию встретились в самом центре ее со значительным славяно-болгарским народонаселением“.¹

С 20-х годов XV в. наблюдаем в валашских грамотах следы влияния сербского языка, что выражается в замене группы *шт* через *к* или *ч*. Замена эта, однако, проводится в грамотах весьма непоследовательно: в одной и той же грамоте находим и *шт*, и *к*, и *ч*. Особенно ощутительны такие колебания во вспомогательном глаголе хощѣ. В одной грамоте можем найти ще, ке, че: из грамоты Влада I — съ ким

¹ О. Ашбот, Несколько замечаний на сочинение В. И. Ягича об истории происхождения церковно-славянского языка, ИОРЯС, VII, 4, стр. 247.

хокете (В, XLIV, 67; в той же грамоте — хошк казати прѣжде); из грамоты Басараба II — ке доити (В, XC, 116; в той же грамоте хощете послат); в грамоте Раду IV — чемо... кемо (В, CC, 239); в грамоте Крстиана — а он не ке да доге овамо (В, CCXLVII, 302; в той же грамоте — а он не че). Эта фонетическая неустойчивость вспомогательного глагола щк в функции будущего времени весьма характерна для собственно болгарских говоров. В них находим *ште, ше, ша, са, за, ке, же* и др. Важно отметить также и то, что *ке* находим не только в македонских и северо-западных болгарских говорах, но и в восточных. К концу XV в. в грамотах форма *ке* встречается уже значительно чаще старой.

Было бы ошибочно предполагать, что замена *шт* через *к* всегда носит произвольный характер. Есть слова, в которых никогда не наблюдаем этой замены. Так, грамоты совсем не знают *кѣкя*, но всегда *кѣща* (см. примеры выше). Но не знают грамоты так же и *куща*, а только *кукя*: из грамоты Басараба III — що ест у куке ваше (В, CXXXIII, 164); ср. в другой грамоте — у кѣщу (В, CXXXV, 167); из грамоты Раду IV — негове куке (С, VII, 8). Подобные соотношения (*кѣшта-кукя*) находим и в македонских говорах. Это объясняется тем, что эти слова разного происхождения: *кѣшта* — это местное слово, *кукя* — заимствованное из сербского языка, на что указывает так же и судьба коренного гласного.

К на месте *шт* начинает часто встречаться со времени Влада I, а ко времени Влада III и Раду IV получает широкое распространение: из грамот Влада I — хоку откупити (В, XXXVII, 59), съ ким хокете (В, XLVI, 67), и да носат постав и платно сасок и обую (В, LII, 75); из грамоты Басараба II — пак се вракят мею вас (В, CI, 126), разъмирицу ли кете да учините (В, CIII, 128); из грамоты Басараба III — къда ке богъ даст (В, CXXXII, 163); из грамоты Раду IV — иду у помок Стефану воиводе (В, CLXXX, 215), не кемо (В, CLXXXI, 217), како чемо моки (В, CC, 240), що кете моки учинити (се veți putea face; В, CCIII, 242); из грамоты Казана — дъню и нокию (В, CCXXV, 277).

Замена группы *шт* и *к* связана с сербским воздействием. То же самое и в македонских говорах: „*k'*, *g'* появились в македонских говорах не вследствие последовательного изменения замен ранних праславянских сочетаний *tj* (*kt'*) — *dj*, а вследствие влияния другого диалекта, в котором *k'*, *g'* (не обозначаем более точно образования этих согласных) представляли собой результат фонетического изменения, пережитого этим диалектом в судьбе *tj*, *dj*... Взоры исследователя обращаются в сторону Шар-Планины, в сторону Старой Сербии и ее соседних областей“.¹ Следует, однако, отметить, что степень проникновения этих сербизмов в Македонии была иной, нежели в Валахии. В Македонии *к*, *г* охватило широкую территорию говоров. В Валахии же это были „чистые сербизмы“, характеризующие книжный язык. Нужно учитывать различие условий сербского воздействия в Македонии и в Валахии. В Македонии продолжительное время была сербская администрация, с которой местное население постоянно общалось, имела место сербская колонизация, литературным языком был сербский, на котором старалось говорить все городское население. В Валахии этих условий не было. Здесь не было ни сербской администрации, ни сербских войск. В политическом отношении Валахия не подчинялась Сербии. Сербское влияние в Валахии шло только через книгу, писцы старались подражать сербскому языку, который с конца XIV в. на Балканах среди православного славянского населения становится образцовым языком, языком самой высокой культуры. Валашские писцы усваивали отдельные элементы сербской орфографии, которой они непоследовательно и сбивчиво следовали в своих грамотах. Крестьянской колонизации сербов на территории Валахии не было. Непосредственный контакт сербского населения со старым задунайским славянским населением был лишь на территории Баната. Поэтому сербские элементы проникали в народные говоры Валахии очень скупо. В связи с этим важно вспомнить высказанное мимоходом замечание Облака о том, что *к*, *г* в валашских грамотах являются чистыми сербизмами и не могут служить для установления хронологии данного процесса

¹ А. М. Селищев, Очерки по македонской диалектологии, стр. 132

в живых говорах (см. „Archiv für slavische Philologie“, XVII, S. 456). Важно указать, что в валашских грамотах не находим *к'* на месте старых *tvj*, что характерно не только для сербских говоров, но и для многих македонских. Как большинство болгарских говоров, славянские говоры Валахии не представляли изменений во вторичных группах *tj*, *dj*, что так типично для говоров сербской группы: ср. из грамоты Влада III — честити братия (В, CLXII, 197).

Тем не менее в некоторых случаях сербское *к'* на месте *шт* в валашском литературном языке становилось активным средством в образовании некоторых форм. Вероятно и в этом случае в народную речь оно не проникало, но в системе литературного языка оно приобрело характер живого, активного средства в образовании деепричастий.

До начала сербского воздействия в языке грамот употреблялась старая, окаменелая форма действительного причастия в значении уже глагольного наречия. Эта форма была заимствована из народных говоров и совершенно не соответствовала употреблению этих причастий в церковном языке. Со времени интенсивного сербского воздействия (во второй половине XV в.) эти деепричастия уже совсем не встречаются. Всегда в них находим результат сербского воздействия (*к*, реже *ч*): из грамоты Басараба II — ере седеки туи (В, XCIII, 120); из грамот Влада III — они уморени све путуюки (В, CLII, 185), пошечи у Молдова а от Молдова у влашку землю (В, CLIX, 194); из грамот Раду IV — паки идеки на полю... идеке (В, CLXXXVIII, 226), све плачуки от господства ви (В, CXCV, 234). Среди грамот первой половины XV в. в этом отношении выделяется грамота Александра, напечатанная проф. Богданом под № XXX и о которой мы специально уже говорили выше: вером и клетво(м) купучи се и вером при-маючи (В, XXX, 50). Исследованные нами валашские грамоты свидетельствуют, что в литературном языке второй половины XV в. деепричастия образовались теми же средствами, что и в современном литературном болгарском языке (ср. *пътувайки*, *пишейки*, *обичайки* и т. д.). Так же, как и в современ-

ном болгарском языке, в литературном языке Валахии XV в. Связь между *к* в этих деепричастиях и обычным *шт* была нарушена, т. е. оно не противоречило обычным *къща*, *обещание* и др.

Выше уже было отмечено, что под сербским воздействием проникало в книжный язык не только *к*, но и *ч*. Примеры с *ч* в грамотах идут параллельно с примерами на *к*. Нужно, однако, отметить, что первые примеры встречаются значительно реже. Чаще всего встречаем в вспомогательном глаголе *чу*, *че*, *чемо* и т. д. Встречаем его и в других случаях (например, слово *помочь*). Эти различия могут быть объяснены тем, что сербские памятники, проникавшие в Валахию, отражали в своем языке влияние различных сербских говоров. В одних под влиянием южноморавского говора утвердилось *к*, в другие под воздействием тимочско-лужничского говора проникло *ч*, характеризующее также значительную часть северо-западных болгарских говоров.

dj

На месте старой доисторической группы *dj* в славянских говорах Валахии представлена была группа *жд*. Это подтверждается данными славянских слов в румынском языке (*grăjd*, *odăjdii*, *nădejde*, *dajdie*), данными топонимии (*Grăjdana*, *Grăjdanești*). Это же подтверждается исследуемыми нами валашскими грамотами. Начиная с древнейшей поры, в валашских грамотах находим *жд*. Эта фонетическая особенность отражается в грамотах всего исследуемого нами периода. Лишь со второй половины XV в. встречаемся и здесь с влиянием сербского языка. Примеры: из грамоты Мирчи — потврждам приложеннаа от с опочившаго родителѣ господства ми (Вен., 10), и то освобождам (Вен., 19); из грамот Дана II — освобождат (В, XIII, 28), граждѣны сил от главы си (В, XV, 30); из грамот Александра — помежду вас (В, XXIV, 44), тука ест помежду вас Станчул и Татул и Васил и Улан (В, XXIV, 45); из грамот Влада I — нѣ прожаждате (В, XXXV, 57), хоцѣх казати прѣжде (В, XLIV, 67); из грамоты Владислава Дана — що смо

имали помежду нами (В, LXIII, 86); из грамоты Влада II — въсьмъ гражданомъ (В, LXXIV, 95); из грамоты Раду III — между вами тизи болъри (В, LXXXI, 104); из грамоты Басараба II — имамъ надежду (В, CI, 126); из грамоты Басараба III — у слобожденіе (В, CXXVII, 157); из грамоты Раду IV — книге или одежде (М, IX, 25), кому си от них случит прежде съмръть (М, IX, 24). Подобные примеры с *жд* на месте старой группы *dj* встречаются в грамотах часто. Было бы ошибочно думать, что во всех случаях с *жд* грамоты отражают народные говоры Валахии. Не могла не сказаться здесь среднеболгарская письменная тенденция, которая в данном случае не шла против народного языка. Таково происхождение *жд* в валашских церковных памятниках. В грамотах народную и болгарскую книжную струю в этом пункте разграничить очень трудно, так как они совпадают. Такое разграничение возможно лишь средствами семантического анализа. Так, несомненно книжного происхождения слово *гражданы*. Необходимо отметить, что под влиянием болгарским группа *жд* очень часто встречается в сербских грамотах XIV столетия.

В языке валашских грамот XV в. группа *жд* устойчивее, нежели *шт*. Она активнее и дольше сопротивляется новым книжным воздействиям. Сербское влияние здесь отражается лишь в памятниках второй половины XV столетия (главным образом со времени Басараба II) и охватывает сравнительно небольшую группу слов. Сербское влияние в этом пункте выражается в замене *жд* согласной *г* (палатализованной): из грамот Басараба II — що се беседит мегю нами (В, XCII, 119), от мегю вас (В, CI, 126); из грамоты Басараба III — и мир мегю нами (В, CXXII, 151), мегю вами (В, CXXXII, 163; в той же грамоте — отмежду вами); из грамоты Влада III — мегю вас (В, CLVII, 190); из грамоты Раду IV — и преге смо били послали (В, CCI, 249); из грамоты Манева — ваши мегю нас и наши чловеци мегю вас (В, CCXVII, 262).

Встречаем в грамотах слово *госпожда*: из грамоты Басараба III — господже ми Мари (В, CXXIX, 161), господжи

Маріи (В, СХХХ, 162); из грамоты Нега — господжѣ (В, ССХХІV, 273). Слово это, вероятно, книжного происхождения, так как в народных говорах современной Валахии известно *gospodariță, gospodină, gospodăreasă*, но не *gospojdă*. И в этом слове наблюдаем сознательную сербизацию. Наряду с *господжа* в тех же самых грамотах находим — *госполя*; из грамот Басараба III — госпогѣ Маріе (В, СХХVІІІ, 159); из грамоты Казана — госпогѣ Маріе (В, ССХХV, 277). Несколько раз встречаем написание *господиѣ* (дважды в грамоте Нега — В, ССХХІV, 273, в которой находим также *госпождѣ*; один раз в грамоте Винтила — В, ССХХVІ, 278). Несомненно, что это необычное написание является плодом исключительно книжных комбинаций и не отражает особенностей живых говоров.

Одной из характерных особенностей штокавского диалекта сербского языка является возникновение *ћ, ѣ* на месте групп *jt-, jd-*, где позже путем перестановки возникли новые *tj, dj*. Эти новообразования получили распространение в глаголах (*dojdem > dođjem > doћem*; доћем, наћем, поћем, прићем, ућем, заћем; *dojti > dođti > doћи*, ноћи, поћи, проћи, ући, заћи). Это явление территориально строго ограничено штокавскими говорами.¹ В чакавских говорах сербского языка этого явления нет. Не знает его и болгарский язык. Отсутствовала эта типическая штокавская особенность и в славянских говорах Валахии. Не только до сербского воздействия, но в течение почти всего XV столетия валашские грамоты не отражают этой особенности. Наоборот, всегда последовательно сохраняются старые группы *jd-* (см. часто *доиде, доидет*). Лишь во время Раду IV, когда воздействие сербского книжного языка достигает кульминационного пункта, валашские грамоты редко и непоследовательно стараются подражать этой сербской особенности: из грамот Раду IV — да догет до нас ваши людіе (В, CLXXIX, 213; в той же грамоте *да доидет*), съ изборнити вещи... ни доге чловѣкъ наш (В, CLXXXVII, 224); из грамоты

¹ М. Решетар указывает, что и на территории штокавского диалекта встречаются старые группы *jt jd: dojti* (Бихач), *dojde* (Травник), *pajde* (Яйце) и др. (см. „Der Stokavische Dialekt“, S. 137).

боярина Раду IV — Кристиана — а он не ке да доге овамо (В, ССXLVII, 302). Эта особенность не только не отражала народные говоры Валахии, но, надо думать, отсутствовала и в тогдашнем литературном произношении. Мы склонны думать, что даже во времена Раду IV *доге* существовало только в письменном языке. В грамотах представлено всего лишь несколько случаев, и употребляются они очень непоследовательно. Другое дело — *мею*. С середины XV в. *мею* заметно вытесняет старое *между*. Во времена Влада III — Раду IV *мею* становится почти нормой литературного языка. Из литературного языка это произношение проникло в народные говоры, на основе которого возникли новообразования *megie* (сосед), *megieşie* (соседство). Следует указать, что произношение *мею* активно проникает в северо-западные болгарские и македонские говоры (см. Ц. Тодоров „Северо-западните български говори“, стр. 160).

Очень важно отметить, что в венгерском языке имеются слова *mesgye* (*медже*) и *megja* (*ме'а*). Однако лишь первое (*mesgye*) является народным словом, отражающим понятие, связанное с народной жизнью (значит „полевая межа“). Второе слово, сербский источник которого очевиден, значит „граница“ в политическом смысле, т. е. является словом книжным, административным, заимствованным народными говорами. „Слово *mesgye*, — пишет О. Ашбот, — взятое из болгарского, имеет и доселе только значение полевой границы, межи, между тем как *mesgye* с давних времен означает у мадьяр политическое разделение края по губерниям“.¹

Заключая эту часть своего исследования, можем утверждать, что славянские говоры Валахии пережили те же процессы в группах *tj* (*kt'*), *dj*, что и говоры Мизии, Фракии, Родоп, северной Греции, Македонии, центральной и южной Албании. Объединяют все эти говоры не только одинаковые процессы в группах *tj*, *dj*, но и утрата результатов изменений в этих группах в определенных морфологических условиях. Хорошо известно, что болгарские говоры утратили результат

¹ „Несколько замечаний на сочинение В. И. Ягича об истории происхождения церковно-славянского языка“, ИОРЯС, VII, 4, стр. 261.

изменения группы *tj, dj* в страдательных причастиях, где под воздействием морфологических факторов были восстановлены исконные *t, d*: ср. роден (старое *рожденъ*, серб. *рођен*), *ползатен* (старое *ползашенъ*, серб. *ползашен*). Эта особенность новоболгарского языка не была известна не только старославянскому, но и среднеболгарскому. Валашские книжники XIV—XV вв. не могли с ней познакомиться из книжных источников. Если бы в славянских говорах Валахии эта особенность не была представлена, то в языке грамот мы бы ее не встретили, так как в болгарской письменности эта черта находит отражение с конца XVI в. Однако в грамотах мы ее находим (ср. в грамотах Басараба III — шо су ухватени от мене — В, СХХVII, 157; простена от мене — В, СХХVIII, 160). Источником этих форм могли быть только родные говоры валашских книжников. Эта особенность грамот, наряду с многими другими, убедительно опровергает предвзятую точку зрения, что славянский язык в Валахии был только литературным, чуждым народу.

В молдавских грамотах на месте *tj (kt')*, *dj* встречаем *ц, жд* (редко *к' i'*). Здесь, однако, *ц, жд* являются особенностями только книжного языка. Они проникли из среднеболгарской письменности, из валашского канцелярского языка. В славянских говорах Молдавии на месте *tj (kt')* было *ч*, на месте *dj* — *ж*. Эта народная черта находит отражение в молдавских грамотах XV в.: *прѣже, принужен, рожество, чужии, ночь, обѣчаючи, чтучи* и др.¹

Предлог въ

В отношении передачи предлога *въ* материал грамот противоречив, как и данные современной западноболгарской диалектологии.

Предлог *въ* представлен главным образом в грамотах до середины XV в.: из грамот Раду II — въ земи вашей (В, IV, 9), въ землѣ господства ми (там же), а от една кола въ

¹ Bogdan, Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden. Jagic-Festschrift, S. 373.

Тръгшорь (В, V, 11); из грамот Дана II — и въ дни Мирчѣ воеводѣ (В, IX, 17), писахъ въ настоленем орашу Тръговищи (В, XVII, 33), въ Тръгшоре (В, XVII, 32; в той же грамоте — оу Тръговищи), въ дни родителей (В, XVIII, 38); из грамоты Койка, логофета Дана II — въ голѣмъ грижѣ (В, CCVI, 247)

В грамотах второй половины XV в. предлог *въ* встречается очень редко и главным образом в штампах (ср. в грамоте Басараба II — а въ бѣдѣщаго вѣцѣ душеѣ — В, XCI, 118). Обычно же находим предлог *у* (*оу*).

Предлог *у* на месте старого *въ* находим уже в древнейших валашских грамотах: из грамот Мирчи — у земли господства ми (В, I, 3), у Длъгомполи (В, I, 4), у Тръгшор (В, I, 3); из грамоты Михаила — у добра члѣвѣка (В, III, 8); из грамоты Раду II — у дни Мирче воеводе (В, VI, 13); из грамот Дана II — у Тръгшор (В, VIII, 16), коликѣ кони у кола (В, XI, 21), оу Тръговищи (В, XVII, 32); из грамоты Александра — у Дръстрѣ на Дунав (В, XIX, 40); из грамоты Влада I — да пребивате съ миром и у добром волю (С, III, 3); из грамоты Влада II — да отиде у Брашов (В, LXXIII, 94); из грамоты Басараба II — у граду у Букурещи (В, XCVIII, 124).

С этого времени за редким исключением грамоты представляют только предлог *у*. Так, в грамотах Басараба III — а ви га храните у ваше хижѣ и у вашей место (В, CXXXV, 167); в грамотах Влада III и Раду IV (у Молодова а от Молдова у влашку землю — В, CLIX, 194; у помок Стефану воеводе — В, CLXXX, 215).

Несомненно, что эта черта отражала особенности живых народных говоров. Это подтверждается грамотами древнейшего периода, не отражающими еще сербского влияния. Аналогичное явление широко представлено в северо-западных болгарских говорах (Тодоров, *op. cit.*, стр. 136). Спорадически в отдельных случаях это явление встречается в восточных говорах. Во второй половине XV в. произношение *у* на месте предлога было поддержано сербским влиянием. Вот почему в это время предлог *въ* почти совсем выходит из употребления.

Произношение предлога *въ* как *у* отражено также в произношении приставки *въ* как *у*: из грамоты Влада III — е узел брата (M, IX, 18); из грамоты Стойка — да узме (B, CCXLV 301).

Начальная группа *VS* (< *VbS*)

В древнейших грамотах последовательно находим группу *вс*, которая под влиянием старого книжного языка пишется *въс-* (реже *въс-*). Знают это написание также грамоты второй половины XV в. Примеры: из грамоты Раду II — и да оставлите въсѣкж кжпла (B, IV, 9); из грамоты Дана II — по въсѣх тръговах... и по въсеи земли... от въса купил (B, XIII, 28); из грамоты Влада I — а она е изгорела въса (B, LV, 80); из грамоты Влада II — въсѣм гражданам (B, LXXIV, 95); из грамоты Влада III — по въсех наших вароших (B, CLI, 183); из грамоты Раду IV — над въсех редовех (C, XIII, 13).

Под влиянием сербского языка писцы начинают писать *св-*. К концу XV в. это написание становится господствующим: из грамоты Дана Претендента — ти людие ухватил онъ сви (B, LXXIX, 101); из грамоты Басараба II — и по свех землѣх (B, XC, 117); из грамот Басараба III — и земля сва ест узел (B, CXIII, 141), от све стране (B, CXIV, 142), от свех работех (B, CXVI, 144), тако му повратите све до влас един (B, CXXXI 169); из грамоты Влада III — они уморени све путуюки (B, CLII, 185); из грамоты Раду IV — и кѣще и виноградіе и све (B, CXCv, 234), све плачюки от господство ви (B, CXCv, 234); из грамоты Драгомира Манева — от сву чест и от сву добродетел (B, CCXX, 266).

Нет никаких данных, которые давали бы возможность приписать эту особенность славянским говорам Валахии. Ее не встречаем в грамотах, не испытавших влияния со стороны сербской орфографии. Она получает широкое распространение лишь в грамотах второй половины XV столетия.

Во всех валашских грамотах представлено *сл* в слове „свобода“: из грамоты Раду II — да ходет слободно (B, IV, 9);

из грамоты Дана II — а он да ходи свободно (В, XIV, 29);
из грамоты Влада I — да ходат свободно (В, LVI, 81);
из грамоты Басараба III — у слобожденіе (В, CXXVII, 157);
и др. У нас нет оснований считать, что в народных говорах
Валахии представлено было *свободно*, а *слободно* было заим-
ствовано из сербского языка. Укажем, что *слободно* известно
и западным болгарским говорам.

ЇRT

Как во всех болгарских говорах, в славянских говорах
Валахии *črt* > *čert*. Исследуя судьбу этой группы в македонских
говорах, Селищев обратил внимание на то, что аналогичный
процесс был пережит славянами Румынии: „Такой же процесс
пережит болгарскими группами, находившимися к северу
от Дуная: топонимия Румынии и славянские заимствованные
слова в румынском языке свидетельствуют об этом“. ¹ А. Илиев
приводит многочисленные примеры из славянской топонимии
Румынии, представляющие начальное *čer* (*cer*): *cernoi*, *cerpa*,
cernaia, *cernești*, *cernelele*, *cernuș*, *cervenita*, *cervilești* и др. ²

Валашские грамоты дают мало материала для характеристики
этого фонетического явления. Но и они подтверждают данные
топонимии и славянских элементов в современном румынском
языке (ср. в грамоте Винтила — срьдце черна и зла —
В, CCXXI, 278; в грамоте Басараба II — собственное имя
Чръната — В, XCIX, 124, и др.). И в этом пункте валашские
грамоты отражают воздействие сербского языка: из грамоты
Басараба III — два црвьени пенези (В, CXXVII, 158).

Следует обратить внимание на предлог *от* (*од*), конечный
согласный которого произносится в болгарском и сербском
языках различно: в болгарском (как и в великорусском) —
от, в сербском (как и в украинском) — *од*. Валашские грамоты
показывают, что в славянских говорах Валахии этот предлог

¹ „Македонские кодичи“, София, 1933, стр. 105.

² „Ромънска топонимия от славянобългарски произход“, „Сборник на
българската академия на науките“, XVII, 1925, стр. 28—29 (см. об этом
в исследовании Иордана „Rumänische Toponomastik“, II, 1925, S. 285.

имел болгарскую форму: из грамоты Мирчи — от овчѣго вама от свинѣго вами... от глобѣ... от подводѣ (М, IX, 4); из грамоты Дана II — от град Туркшори (В, XVI, 31); из грамоты Басараба III — от руке до руке (В, СХХVIII, 160; полезно обратить внимание на сербский характер всего синтаксического сочетания); из грамот Раду IV — от воивода арделскому (В, GLXXXVI, 223), от Стоика (М, IX, 26), от книга (М, IX, 30) и т. д. Предлог *од* встречаем в сербской грамоте Александра, текст которой почти целиком мы приводим выше: одь воеводе влашкога... одь Моьдова су просили помочь (В, XXX). Находим *од* (од мене — В, XIX, 40) в другой его грамоте.

В полном соответствии с предлогом употребляется глагольная приставка *от-* (*од-*). В огромном большинстве случаев находим *от-*: из грамоты Александра — да их не отвѣдѣт далеко (В, XXIV, 44); из грамоты Раду III — да су волни да отидѣт (В, LXXXIII, 108) и мн. др. Приставка *од-* встречается в единичных случаях в сильно сербизированных грамотах: ср. в грамоте Басараба III — однести сол или овце (М, IX, 11).

Подражание сербским книжным образцам и орфографии толкало валашских книжников писать союз *еже*, в таком виде представленный в древнейших грамотах (ср. в грамоте Мирчи — еже вам да не смеет узати — К, 1), *ере*: из грамот Басараба II — ере есу синове одному чловѣку у едну хижу (В, LXXXVII, 113), ере седеки туи (В, ХСIII, 120), и от вас видим ере ми една правда нѣст (В, CI, 126), ере ме есте добри прѣтеле (В, СIII, 130); из грамоты Басараба III — ере съ божем волю (В, СХIV, 142); из грамот Влада III — ере имам мир добръ (В, CLIII, 186), ере не добре прави людие да гину (В, CLVIII, 192); из грамоты Драгомира Манева — ере кему загинути (В, ССХVII, 262); из грамоты Драгомира Удрище — еще тязи чловѣк ест много зло учинил (В, ССХХХVII, 293), ере съм азъ ваш (В, ССХХХIX, 295). В редких случаях, однако, можно встретить союз *еже* в памятниках середины XV в. — из грамоты Владислава Дана: еже съ мном обѣща (В, LXIII, 86). В грамотах второй половины XV в. *еже* почти не встречается.

Под влиянием сербского книжного языка в валашских грамотах со времени Александра появляются *съ шном, съ шнимъ* (примеры из грамоты № XXX). Однако в течение всего XV в. эта особенность сербского языка встречается редко. Она характерна лишь для отдельных грамот: из грамоты Басараба III — да ходит шним (В, СХV, 143) и др. О местоимении *тко* см. в шестой главе.

Уже валашские грамоты XV в. хорошо отражают тот дуализм в судьбе начальных *ort*, который характеризует современные болгарские говоры. Это отражено в словах *работа, работник*, но *роб, робиня, робство*: из грамоты Раду III — работа с учини како с учини (В, LXXXII, 106); из грамоты Александра — хиляди робіе (В, XXIII, 43), и колико робіе (В, XXIV, 44); из грамот Басараба III — а жени и детца поробил (В, СХII, 139), а жњи и детца робил (В, СХIII, 141); из грамоты Нега — да их извадите от робства (В, ССХХ, 270).

ГЛАГОЛ

Настоящее время. Личные окончания

1 лицо единственного числа. Болгарский язык вместе с другими южнославянскими языками пережил процесс вытеснения старого личного окончания тематических глаголов личным окончанием нетематических глаголов. Как хорошо известно, процесс этот имеет место и в западных славянских языках.

Южнославянские языки представляют этот процесс на различных стадиях. Сами болгарские говоры дают в этом отношении богатый материал, так как западноболгарские говоры и некоторые восточные ушли далеко вперед в сравнении с прочими восточными.

В сербском языке почти все глаголы в 1 л. ед. ч. представляют окончание *м*. Это же наблюдается в большинстве македонских говоров, в значительной части западноболгарских говоров и в западнородопских говорах. Но и в восточных говорах (а также и в литературном языке) самый продуктив-

ный класс глаголов имеет окончание *м* (*обичам, прощам*). Лишь глаголы первого и второго спряжения имеют *ъ, а, а', а, е, т. е.* представляют различное звуковое развитие старой флексии *ж*. Но и в этих говорах идет процесс вытеснения этой флексии флексией *м*. В связи с этим противопоставлять в этом пункте болгарский язык сербскому нельзя. Оба эти языка переживают общий процесс, но многие говоры отражают его еще в незавершенной стадии. Поэтому никак нельзя согласиться с теми лингвистами, которые считают, что всеобщее распространение флексии *м* в западноболгарских и македонских говорах возникло под сербским воздействием. „Нет никакой необходимости видеть в этом *м* элемент „более северных, среднештоковских говоров“. Оно могло приобрести продуктивность внутри македонских говоров, от форм с основой на *-а*: *имам, викам*“.¹ Это же самое следует сказать и о говорах западных.

Среднеболгарские памятники письменности не отражают этой черты. Впервые отмечается она в западноболгарских дамаскинах XVII в.² Тем большую ценность приобретают данные языка семиградских болгар, в котором все глаголы, за исключением *šta*, оканчиваются на *м* (*ем, им, ам*).³ Это указывает, что в северо-восточной Болгарии в XIII в. были говоры, которые уже знали эту языковую черту. Это находит подтверждение в данных современной диалектологии (например, в Шуменском говоре).

Только учитывая все это, можно в надлежащей мере оценить те данные, которые находим в валашских грамотах.

В своем первом исследовании языка валашских грамот проф. Милетич указал, что в грамотах редко встречается 1 л. ед. ч., а поэтому трудно его исследовать.⁴ Это не соответствует действительности. Форма первого лица встречается в грамотах достаточно часто. Трудность состоит в другом, что правильно отмечено было Милетичем в его втором

¹ Селищев, Македонская диалектология и сербские лингвисты, Мир, IX, 2, стр. 74.

² Цонев, История, II, стр. 541.

³ Милетич, Семиградските българи и техният език, ст. 45.

⁴ СбНУ, IX, стр. 319, 320.

исследовании. Не всегда можно быть уверенным, что перед нами первое лицо единственного числа, а не множественного, так как „воеводы часто выражаются с помощью маестатного множественного числа“ (стр. 135). Ср., например, в грамоте Влада Дракула — яко да поновимъ и да оутврьдимъ их на законѣ (В, XLIX, 71); из грамоты Басараба III — и такози ви говорим и просим, како мои добри прятеле (В, CXLVI, 177). Что в этом случае, может быть, имеем дело с множественным числом, подтверждается другими примерами из грамот того же Басараба III, где никаких сомнений нет: ю младі Басраба воевода и господинъ въсеи земли угровлахіиской пишемо много здравіе нашим прятелем (В, CXX, 147). Ср. грамоты CXXI, CXL и др. Но даже оставляя в стороне сомнительные случаи, можно привлечь достаточное количество материала для суждения об употреблении формы 1 л. ед. ч. в славянских говорах Валахии.

Известно, что все славянские языки, пережившие или переживающие в настоящее время процесс вытеснения личными окончаниями нетематических глаголов личных окончаний тематических глаголов, прежде всего отражают этот процесс в глаголах на -аѣ. Это наблюдаем в современных чешском и польском языках. Это непоследовательно отражено в новоболгарском языке (так называемые глаголы а-спряжения). Исследуемые нами валашские грамоты в этих глаголах также представляют флексию м. Примеры из грамоты Мирчи — потврьждам приложеннаа от сіопочившаго родителѣ господства ми (Вен., 10), и то освобждам... и еще же му прилагам да имат оброкѣ (Вен., 19), давам (С, I, 1); из грамот Александра — а віе ми кажете, да знам како да учинѣ (В, XXI, 42), пушам болѣрина ми Нѣгое (В, XXV, 46); из грамот Влада I — пушам слуги господства ми (В, XXXV, 58), азъ защитил от турци и главѣ си полагам и добиток давам (В, LVI, 81), посилам добръ глас (С, III, 3), азъ вашим людем никое зло не чина нѣ оставлѣм да ходат слободно (В, LVI, 81), да чювам сиѣзи краинѣ (В, XXX, 54); из грамоты Влада II — и жолдѣ немам да им дам

(В, LXXVII, 99), а тех не пращам (В, LXVII, 90); из грамоты Раду III — и давам ви оуи книгу под мою печат (В, LXXXIII, 108); из грамот Басараба II — ево азъ съ помощію божію давам въсем брашовѣном и въсеи вашои дрѣжаву мир и клетву (В, ХСІ, 118), а съ вас азъ не знам (В, С, 126); из грамоты Басараба III — понеже господства ми да знам кѣда доходит они, азъ их бих още на Клуж ударил и расипал, али их не знам (В, СХІІІ, 140); из грамоты Влада III — еще их чекам да дойдут у мене (В, СХLIX, 181); из грамоты Г. Ласкара — азъ сези добитьк давам на твоа рѣкѣ, да чини как знаеш (В, ССХІІІ, 255); из грамоты Нега — ча смѣ стар та си гледам старчество (В, ССХХІV, 272); из грамоты Драгомира Удриште — казам азъ (В, ССХХХV, 290). Эти примеры указывают, что в глаголах этого типа славянские говоры Валахии в XIV—XV вв. представляли в 1 л. ед. ч. флексию *м*. В одной из грамот Влада III, изданной Ю. Венелиным, находим: и припадаѣ (Вен., 124). Это архаизм, заимствованный из книжного церковного языка. Подобные примеры встречаются очень редко: ср. в грамоте Басараба III (В, СХХХІІІ, 153).

Л. А. Булаховским было доказано, что „окончание *м* первоначально проникло не во все глаголы, а только в такие, где ударение падало на слог перед *-аје*“ („Исследования в области грамматической аналогии и родственных явлений“, отдельный оттиск, стр. 7). Этим объясняются такие факты восточно-болгарской диалектологии, как *пáдам* (ср. в русском *пáдаю*), но *игрáя* (ср. в русском *игрáю*). В славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. все глаголы на *-аје* имели флексии *м* (ср. выше примеры не только *чекам*, *гледам*, но и *полагам* и др.).

Процесс распространения флексии *м* последовательно отражен и в глаголах IV класса. Примеры: из грамоты Раду II — да им смѣ съ правлѣ и да им не мислим зло (В, IV, 9); из грамоты Дана II — того раді ви говорим призовете их къ себе (В, XVI, 31); из грамоты Александра — добро ви чиним аз (В, XXIV, 44); из грамоты Влада I — и юще се пак мѣчим и от сенова такождере мислим господину ми краю да смѣ

прав (В, LVI, 81), а нинѣ видим (В, LIV, 78); из грамоты Владислава Дана — како да платим азь сираком за тех добитѣж (В, LXIV, 87); из грамоты Влада II — сѣга немам дукати да им платим жолѣ (В, LXXVII, 99), тако ви молим яко моом братіям (там же); из грамоты Раду III — понеже ви просим како мои приатели (В, LXXXI, 105), азь не хтех да изломим реч господина кралѣ (В, LXXXIII, 108), азь есмѣ кралева слуга и служим крали (В, LXXXV, 110); из грамоты Басараба II — како да ви дрѣжим въ правду по старому закону (В, XCI, 118), за тои се чудим (В, CI, 126); из грамот Басараба III — ну ти говорим (В, CXIII, 140), да му учиним катастих (В, CX XVI, 157), да ви исхабим (В, CXX, 148), како да мислим азь (В, CX XI, 149), да се вратим азь съ добротѣтел (там же), а азь седа да ю купим (В, CXXVII, 158), да си купим жену от христіане; (В, CXXVII, 158), и любим вашу чѣсть (В, CCXV, 258), из грамоты Драгомира Манева — како да се трудим (В, CCXVIII, 264); из грамоты Казана — и такози ви говорим (В, CCXXX, 286); из грамоты Синадина — тои добро я се неволим (В, CCXLIII, 288). Эти примеры указывают, что славянским говорам Валахии была известна флексия *м* и в глаголах с тематическим *i* и нетематическим *ѣје*. Аналогію этому процессу можем найти в других славянских языках. Так, в чешском флексия *м* представлена последовательно во всех глаголах IV класса (*proším, trpím* и др.). Процесс этот отражен памятниками с середины XIV в.¹ Памятники сербского языка свидетельствуют о нем с XV в.²

Однако не во всех славянских говорах Валахии этот процесс имел место. Были говоры, в которых глаголы IV класса представляли флексию, восходящую к *ж* и передаваемую графически через *а, ѣ, ѣ, у* (об этом подробнее см. в разделе о носовых гласных). Примеры: из грамот Дана II — и паки

¹ Hujer, *Vývoj jazyka československého* Československá Vlastivěda, díl 3, Praha, 1934, str. 73.

² Leskien, *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*, S. 523.

ви говору (В, XIV, 29), и паки говору вамешем въсем (В, XVIII, 38); из грамот Александра — да ви говорѧ (В, XXV, 46), азы са мѧчѧ, яко да погаса огнь от вас (В, XXIV, 44), того радѧ ви говорѧ и мола ви (В, XXII, 42), а вѧе ми кажете, да знам како да учинѧ (В, XXI, 42); из грамот Влада I — азь вашим людем никое зло не чина (В, LVI, 81), того радѧ ви просѧ (В, XXXIV, 57), да учина азь харагиѧ (В, XLVII, 69), да мола (В, LIII, 77); из грамоты Дана Претендента — молу и прошу господство ви (В, LXXX, 103); из грамоты Антония — да що прошу азь от вас (В, CCXV, 259) и др. Возможно, что были колебания в системе одного говора. Подобное явление широко отмечается болгарскими диалектологами (см., например, у Тодорова — „Северозападните български говори“, стр. 336, Селищева — „Очерки по македонской диалектологии“, стр. 215—216).

В очень редких случаях встречаем флексию *м* в других классах глагола. Так, в одной из грамот Влада I читаем: прво ви сѧм писал и сѧга ви пишем (В, LVIII, 83). Проф. Милетич пишем из этой грамоты приводит в числе примеров множественного числа. Эта ошибка Милетича объясняется тем, что он не обратил внимания на весь контекст, а привел лишь один глагол. Несомненно, что в данном случае пишем является формой единственного числа. Именно так эту форму понял проф. Богдан, переведя ее на румынский язык — *v'am scris mai painte și vă scriu*. В большинстве же случаев форму пишем нужно понимать как форму множественного числа. Так, в грамоте Раду III — и пак ако ли не учините како ви пишем (ср. в переводе Богдана — *Jar dacă nu veți face cum vă scriem*). В грамоте Басараба II встречаем можем в значении единственного числа (В, CI, 126). Обычно же можем является формой множественного числа (ср. в грамоте Влада I — нѧ щем узати наше како можем — В, XLVI, 69). Известно грамотам будем в значении единственного числа: из грамоты Басараба III — докле будем жив (В, CXXXIV, 165). Это несомненно сербизм. Для множественного числа употребляется форма будемо (см. В, CCXXI, 268). В письме

одного турка находим — да му данесем азь жена от Нікопол (В, ССXXX, 285). В данном случае донесем является формой единственного числа. Придавать какое-либо значение всем этим случаям затрудняемся, так как их очень мало. В подавляющем большинстве случаев все эти глаголы представляют флексию, восходящую к ж. Примеры: из грамоты Мирчи — възмж (Вен., 26); из грамот Александра — идж сам на них (В, XXII, 42), на що стож азь день и нош (В, XIX, 40), азе съ вами могж, а без вас не могж станжти прѣд ними (там же); из грамоты Влада I — чѣ кого наидж (В, XXXIII, 56); из грамоты Владислава Дана — ну о щом възмогу (В, LXIII, 86); из грамоты Албула — да умрж (В, ССVIII, 249), понеже сж надж на бога (В, ССX, 250); из грамоты Антония — да излезж (В, ССXV, 258), да веруж... да кажж (там же).

Вспомогательный глагол ща в большинстве случаев в 1 л. ед. ч. представлен в виде щж. Находим его очень часто.

Примеры: из грамоты Александра — нж щж служит (В, XXIII, 43); из грамот Влада I — азь развали ви щж мир (В, XXXIII, 56), азь щж поти на них... азь сж щж вратит къ вам (В, XXXIV, 57), оти щж учинит размирищж (В, L, 74), оти щж умрѣт... нж ви щж огнем бити оджен (В, LVI, 81); из грамот Владислава Дана — азь мое не щж оставит (В, LXIII, 86), азь не щж оставит тіази работу (В, LXXVI, 89); из грамот Влада II — азь не щж да их простим (В, LXVII, 90); из грамоты Влада III — азь щж заставит; в той же грамоте находим редкий пример фонетической передачи — азь им щѣ учинит закон съ турчином (В, CLIV, 187). Встречаем в грамотах этот глагол в архаической не усеченной форме хошж.

Со времени интенсивного сербского влияния встречаем в этом глаголе новообразования, вызванные подражанием сербским образцам. Подражание это в одних случаях распространяется лишь на одну флексию (ср. в грамоте Дана II — не щем азь оставит чловѣци господства ми въ пагубж, нж щем азь изъмжстити моимъ чловѣком (В, XVI, 31); из грамот

Раду III — оті азь тизи добитьк до мое сьмрѣти не щем оставити (В, LXXXII, 107), азь ню оу пагубу не щем оставит (В, LXXXVI, 112), — в других отражается на корне. В этом случае находим чу (из грамоты Раду III — чу жаловат — В, LXXXV, 110), хочу (в той же грамоте — хочу жаловат), хоку (из грамоты Войко — хоку бити — В, CCVII, 248), хокю (из грамоты Раду IV — хокю стояти (С, VII, 8) и даже хокем (в грамоте Нега — В, CCXXIV, 272). Подобные примеры единичны, встречаются в сильно сербизированных грамотах. Нет никакого сомнения в том, что в живых говорах представлена была флексия ща (*шта*), передаваемая обычно в грамотах через щѣ.

Вспомогательный глагол късмь в грамотах представлен в различных написаниях, под которыми легко узнать новоболгарское съм. Примеры из грамот Влада I — за този съмь разумел (В, XL, 63); из грамот Владислава Дана — що смь с вами утъкмиа (В, LXIII, 86); из грамоты Дана Претендента — съм рекъа мою реч (В, LXXIX, 101); из грамоты Басараба II — и невоила се сѣм (В, LXXXIX, 115), съм послал и съга (В, XC, 117); из письма одного турка — що съмь имал съсь вашь чловѣк. Очень редкое есмь см. в грамоте Раду III — азь есмь кралева слуга (В, LXXXV, 110) заимствовано из книжного церковного языка.

Итак, на основании данных валашских грамот XIV—XV вв. можно прийти к выводу, что в славянских говорах Валахии в это время шел процесс вытеснения флексии тематических глаголов флексией м. Этот процесс к этому времени уже закончился в тех глаголах, которые и в современных болгарских говорах последовательно представляют флексию м, в глаголах нового *а*-спряжения. Подпали под воздействие этого процесса и глаголы 4-го спряжения. Однако, судя по грамотам, не все славянские говоры пережили это. Были говоры (их было, вероятно, меньше), которые в этих глаголах сохраняли старую флексию тематических глаголов. Все остальные глаголы указанный нами процесс не пережили. Встречающиеся примеры единичны, наблюдаются лишь в грамотах, начиная со времени Дана II, и могут быть объяснены как сербизмы.

Таким образом, относительно сербского воздействия на исследуемую нами форму говорить почти нельзя. Оно сказалось в грамотах всего лишь на нескольких примерах. Иную картину наблюдаем в 1 л. мн. ч.

3 лицо единственного числа. В исследуемых нами грамотах в огромном большинстве случаев употребляется флексия *т* (*тъ, ть*). Примеры: из грамот Мирчи — да не смѣеть ходити (М, IX, 3), коник, кои менет мимо Турчъ (В, I, 3), кои кулит (В, I, 3), да си ищет длъжника (В, I, 4), да не бантует (там же); из грамот Михаила — пишет господство ми (В, II, 6), а тои да го таглит пред прѣгари (В, III, 8), а онъ да подет тамо, даси ищет дльг от длъжника (В, III, 7); из грамот Раду II — и хто носить шапки (В, V, 11), пишет господство ми (В, VI, 13); из грамот Дана II — и варе на коем трѣсъ пропадет са постав (В, X, 20), еги минет на градъ Турчъ (В, XI, 21), да идет на брод Дунаву (В, XI, 22), когы натоварит кола с рибѣ (В, XVIII, 32), а он да си наидет тогози чловѣка (В, XVIII, 39); из грамоты Александра — а никому криво да не бѣдет (В, XXV, 46); из грамоты Влада I — да ѣ отнесет у харагѣ, а що му бѣдет право да му са платит (В, XXXV, 58), а тои да се повратит (В, XLVIII, 71), да го не бантоват (В, XLIX, 72), кто доидеть от овѣзи землѣ (В, LVIII, 83); из грамот Басараба III — а от турци нихто да се не боит (В, CVII, 131), он да отидет (В, CXVII, 145); из грамоты Влада III — и по Дунаву куде се риба ловит (В, CLI, 183); из грамоты Г. Ласкара — а оно стоит у къщъ Ханешова (В, CCXIII, 255); из грамоты Казана — да му га не липсат не един влас (В, CCXXXI, 286) и мн. др. Подобных примеров можно привести сотни. На основании всех этих данных можно было бы прийти к выводу, что в славянских говорах Валахии глаголы в 3 л. ед. ч. сохраняли старое окончание *-т*. Но такой вывод был бы ошибочным.

Уже в старославянских памятниках встречаем глаголы в 3 л. ед. ч. без *тъ*.¹ Чаще это наблюдаем в среднеболгарских

¹ См. V o n d r á k, Altkirchenslavische Grammatik, S. 489—490.

памятниках.¹ Все это свидетельствует о том, что уже в X—XV вв. существовали болгарские говоры, в которых конечного *т* не было. Легко заметить, что чаще и последовательнее всего эта черта отражается в восточноболгарских памятниках. Это вполне естественно, так как именно восточноболгарские говоры эту черту выражают наиболее полно, в то время как во многих юго-западных говорах *т* сохраняется до сих пор (в областях Ресена, Охрида, Струги, Битоля, Прилепа, Мариово, Дебра, Кичева, Поречья, Горнего Полога), т. е. в тех областях, где в эпоху Бориса и Симеона шла интенсивная литературная работа. Местные говоры (например, охридские) поддерживали старославянскую традицию в этом пункте: все книжники старались писать в 3 л. ед. ч. *т*, не считаясь с особенностями своего родного произношения. Эта черта была одной из наиболее устойчивых архаических черт письменного языка. С этим исследователю необходимо считаться при изучении среднеболгарских памятников. И в новое время (в начале XIX в.) некоторые болгарские книжники в 3 л. ед. ч. писали *т*, тогда как их родной говор этого *т* не представлял. Таким книжником был Кирилл Пейчинович из Тетовского села Теарце. Он писал *сакать, викать* и пр., но под влиянием родного говора иногда изменял письменной церковной традиции и писал *стори, каже, прати* и т. д.²

При лингвистическом изучении старых текстов исследователю необходимо обращать внимание не только на форму данного слова, но прежде всего на то, в каком окружении находится данное слово, на контекст, на социальную значимость данного языкового выражения. Для исследователя важно знать, употреблена ли данная форма в застывшем канцелярском языковом штампе, выработанном канцелярской практикой, или в архаическом церковном выражении, или в формулах клятвы, проклятия, в народных идиоматических выражениях. Естественно, что взаимоотношение живого языка и книжного в различных стилях выражения будет различным. Отсюда проистекает противоречивость данных языка старых памятников,

¹ Mladenov, Geschichte der bulgarischen Sprache, S. 256.

² „Полог“, стр. 350.

очень ценная для установления особенностей живого языка. Но эта же противоречивость окажется неразрешенной загадкой, если исследователь пройдет мимо социальной стороны и обратит внимание только на форму. В таком положении оказался исследователь валашских грамот проф. Милетич, который цитирует слово всегда изолированно, вне контекста, ограничиваясь лишь указанием на то, из какой грамоты данное слово извлечено. Все эти недостатки метода, часто представленные и в трудах более молодых лингвистов, не дали возможности Милетичу исследовать и данный вопрос (3 л. ед. ч.).

Как уже нами было отмечено выше, в большинстве случаев в грамотах находим в 3 л. ед. ч. окончание *т*. Значительно реже встречаются случаи без *т*. Отсюда Милетич делает вывод, что до конца XV в. в славянских говорах Валахии *т* еще держалось.¹ Но статистический метод для решения этого вопроса (как и для многих других вопросов) не может быть применен. Подойдем к решению этого вопроса иначе.

Вот перед нами одна из грамот Михаила, характеризующая валашский канцелярский язык начала XV в. В этой грамоте в 3 л. ед. ч. находим *т*: дават господство ми, кон чловѣкъ . . . имат длъгъ у брашовѣнь, а онъ да подет тамо да си ищет длъгъ, а тои да го таглит прѣд прѣгари, а никто да не смѣеть взати, да им позабавит (В, III, 8). В небольшой грамоте встречаем много случаев употребления *т* в 3 л. ед. ч. Это как будто свидетельствует о том, что в живом языке писца этой грамоты глаголы в 3 л. ед. ч. оканчивались на *т*. Но вот только в одном случае в этой грамоте находим глагол без *т*. Это

¹ „На основании некоторых случаев можно заключить, что окончание *-т* еще не совсем исчезло в языке и что форма 3 л. ед. ч. находилась в переходном состоянии“ (СбНУ, XIII, 134). Это переходное состояние продолжалось, по мнению Милетича, до конца XV в. Полагаем вслед за С. М. Кульбакиным, что окончание *-т* по фонетическим причинам отпадать не могло. Нужно думать, что уже в древнейший период в некоторых славянских говорах для форм 3 л. ед. и мн. ч. служили вторичные глагольные окончания (см. „Сербский язык“, 2 изд., 1916, стр. 86). Новое толкование этим вопросам дано С. П. Обнорским в статье „Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке“ (Известия АН СССР, 3, 1941).

глагол *bie*, употребленный в народном идиоматическом выражении, неизвестном церковному языку — а онь да си бие очи (в румынском — *să-și bată ochii*). Это единственное свидетельство в грамоте ценнее всех процитированных выше.

Возьмем для примера грамоту Александра, изданную Богданом под номером XXIII. И в ней обычно находим *т*: *пишет бждет, служит, веселит* и т. д. Но вот в грамоте Александр употребляет непристойную народную форму проклятия, и здесь вновь глагол не знает окончания: да кто ще слъгати, да му ебе пьс женѣ и матере му. И этот пример для характеристики живого языка ценнее многих других. В грамотах часто находим готовые формулы заклятия, в которых очень часто глагол не имеет *т*: из грамоты Дана II — тузи поможе богъ (В, XIV, 29); из грамоты Александра — да му плати богъ (В, XXIV, 44); из грамоты Влада I — и весели ви бог (В, XL, 63); из грамоты Дана Претендента — яко ми поможе богъ (В, LXXX, 103), да ви научи богъ (там же); из грамоты Басараба III — и богъ ви умножи лета (В, CXXXVII, 170) и др. Эти готовые формулы обычно очень характерны для живого разговорного языка. В то же время они часто сохраняют архаические формы (ср. в русском *зосподи, помилуй*). Тем более для нас является ценным то, что в этих формулах отражена особенность народного языка.

Новоболгарский язык утратил старые формы инфинитива. Вместо них возникли сочетания союза *да* с личной формой глагола. В этих новых народных сочетаниях писцу трудно было следовать традиции и в глаголах 3 л. ед. ч. писать *т*, так как они не имели аналогии в старом церковном языке.

И в этом случае грамоты свидетельствуют, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. окончание *т* отсутствовало. Примеры: из грамоты Дана II — кто любит да купчува (В, XIV, 29); из грамоты Влада II — а вие да га оставете да отиде дома си (В, XXIII); из грамоты Стойко — забравил да узме (В, CCXLV, 301).

Выше мы уже указывали, что не все тексты в одинаковой степени отражают народные говоры. Есть более грамотные (обычно это грамоты самих господарей), есть грамоты,

свободно отражающие черты живого языка. Показания тех и других грамот не могут быть для нас равноценными. В данном случае важно указать, что глаголы без *т* чаще всего встречаются в грамотах, богатых особенностями живого языка. В этом отношении очень ценна грамота Ласкара Гергеласа, напечатанная Богданом под № ССХІІІ: а он доде съ вами, да доде момкот Добѣжа, да доде съ други товар, да доде спѣхом къ миѣ, да ми събере добитѣк. Приведу примеры из других аналогичных грамот: из грамоты Нанчула и Стефана — и тоузи приде к нам (В, ССХVІ, 261); из грамоты Драгомира Манева — и онзи поп от шкѣи да доиде със них (В, ССХVІІІ, 262), или буди тко (В, ССХІХ, 266); из грамоты турка — то знае щерька добре (В, ССХХХ, 285); из грамоты Синадина — да се исправи работа (В, ССХХХІІІ, 288).

Вспомогательный глагол *щѣ*, с помощью которого образовывалось в грамотах будущее время, прямых аналогий в старом церковном языке не имел. Поэтому понятно, почему уже в древнейших грамотах этот глагол в 3 л. ед. ч. употребляется без *т* (ср. в грамоте Михаила — не ще бити и мн. др.). Другое дело глагол *ест*. В большинстве случаев в грамотах встречаем *ест*, так как эта форма каждому грамотному человеку была хорошо известна. Находим в грамотах и народную *е*, известную уже Троянской притче. В некоторых грамотах форма *е* проведена последовательно (например, в грамоте Влада II — що ми е дошел... не е нища за то... и хтел е да доиде... а он како е чул... е опрѣл... е хтел — В, LXXIII, 95). Примеры из других грамот: из грамоты Александра — що е воиске (В, XXX, 49); из грамоты Влада I — она е изгорела въса (В, LV, 80); из грамоты Влада II — варе ест угрин, варе е сакуи, варе ест влах, варе буди кто щет бит (В, LXXVII, 99); из грамоты Владислава Дана — аще ви е волѣ (В, LXV, 88); из грамоты Дана Претендента — да е набрал триста деце (В, LXXIX, 101), е звал (там же); из грамот Влада III — един е име Татул (В, CLVIII, 192), е узел брата (М, IX, 18), е купил един кон (В, CLXXV, 209); из грамоты Стойка — що е вещь

(В, ССXLVI, 301). Форма *e* значительно чаще встречается в грамотах конца XV в. (время Влада III и Раду IV). Не исключена возможность, что писцы стали свободнее пользоваться народной формой под влиянием сербского языка, памятники которого (грамоты) в это время обычно старой формой уже не пользуются.

Ко всем указанным нами примерам можно прибавить еще много, которые могут объясняться только тем, что в живом языке их писцов окончание *t* отсутствовало: из грамоты Мирчи — бжді да ест купен тоизи кумеркъ (В, I, 4), бжди съ щим либо (там же); из грамоты Дана II — а он да ходи слободно (В, XIV, 29); из грамоты Влада I — да иде прѣс планинѣ у влашку землю (В, XXXVIII, 60); из грамоты Влада II — един от вас да отиде у Брашов (В, LXXIII, 94); из грамот Дана Претендента — да се не плати ниякѣга (В, LXXIX, 101), не може се наситити (В, LXXIX, 101); из грамоты Раду III — да чини с ним како зна (В, LXXXIII, 108); из грамоты Басаба III — да се принесе (М, IX, 13), тои не може бит (В, СХХVII, 158), за тои да знае (В, СХVII, 144); из грамоты Влада III — та даде жупанице прѣвеве Станке Васпри (М, IX, 19), и да се зове чловѣк (М, IX, 17); из грамоты Раду IV — пойде със другому чловѣку по праву пут Браиловску (В, CLXXXI, 217), и варе що ви изрече Алекси (В, CLXXXIII, 220).

Все это дает нам основание заключить, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. в 3 л. ед. ч. окончания *t* не было. Глагол оканчивался на старую тематическую гласную или на гласную, представлявшую результат стяжения (*зна*, *обеща* и др.). Окончание *t* характеризовало книжный славянский язык, представлявший собой одну из своеобразных редакций среднеболгарского книжного языка.

Эту народную черту поддержало сербское влияние. Дело в том, что сербские памятники XIV—XV вв. (главным образом грамоты) последовательно отражают эту черту народного сербского языка. Валашские писцы второй половины XV в., стараясь подражать сербским образцам, смелее отбрасывали совсем ненужное *t*. Важно отметить, что глагол,

представлявший в корне фонетический признак сербского языка, чаще всего окончания *m* не имел: из грамоты Влада III — да им ме буде (В, CLXIX, 294); из грамоты Раду IV — и кому буде он благоволиа (М, IX, 27).

При изучении глагольного окончания 3 л. ед. ч. необходимо считаться с одной палеографической особенностью. Дело в том, что окончание пишется обычно в титле над линией (обозначается знаками \sim). Подобное написание являлось результатом исключительно книжной выучки, которой, как мы видели выше, не многие валашские писцы могли похвалиться. Не всегда в грамотах отчетливо видно это написание. Вероятно, этим объясняются расхождения в изданиях. Так, Милетич одно место из грамоты Басараба III издает — а добитък да му се не развалѣ. Это же место в издании Богдана — а добитък да му се не развалѣт (СХ, 172).

1 лицо множественного числа. В 1 л. мн. ч. сербский язык представляет флексию *мо*. Эта особенность резко отличает сербский и болгарский языки. Нет никакого сомнения в том, что флексия *мо*, встречающаяся в западно-болгарских и македонских говорах, сербского происхождения. Она характеризует так называемые *-ч, дж* говоры. Исследователь этих говоров Ц. Тодоров указывает, что флексия *мо* в этих говорах очень восприимчива и устойчива (Цит. соч., стр. 337). На заимствованный характер флексий *мо* в говорах Полога указывает Селищев: „Формы же на *мо* — это элемент иной диалектической группы, той группы, которая еще более значительно отразилась в говорах Скопской Черной Горы, Куманова, северо-кратовского края (город Кратово и села к северу от него), в северо-западной Болгарии, в юго-восточной Сербии“.¹ Он же свидетельствует, что в Д. Пологе в языке одного и того же лица можно найти *ме* и *мо*. Флексия *мо* встречается уже в старых памятниках болгарской письменности, написанных в западных областях (в Ассеман. — оубнимо, в Охридском апостоле придемо,

¹ „Полог“, стр. 361.

можемо). Еще чаще *мо* встречается в более поздних западно-болгарских памятниках.

В болгарском языке старой флексией мн. числа является *мъ*, которая и по сей день представлена в восточных говорах и некоторых западных. Однако в связи с распространением флексии *м* в единственном числе болгарский язык пережил процесс формирования новой флексии — *ме*, возникшей ранее и в некоторых других славянских языках.¹ Эта флексия в восточных говорах обычно характеризует глаголы так называемого *а*-спряжения, в западных же она проникла и в другие классы. Наблюдаются говоры, в которых *м* и *ме* свободно уживаются в языке одного человека (*бдим, ѝдеме, отѝдеме та кѝжем*, см. Тодоров, стр. 337).

Исследуемые нами валашские грамоты в данном пункте на первый взгляд представляют какое-то непонятное смешение. В одной и той же грамоте можем найти *м*, *ме*, *мо*.

Однако при более внимательном анализе можно установить происхождение каждой из трех флексий и связь их с живыми славянскими говорами Валахии.

Флексия *мо* не употребляется в древнейших валашских грамотах. Лишь с 20-х годов XV в. эта флексия проникает в письменный язык, характеризуя сперва лишь грамоты с многочисленными сербскими чертами. Постепенно, с середины XV в. *мо* распространяется все шире, все чаще и охотнее пользуются ею писцы. Несомненно, что к этому времени она почти вытесняет в литературном языке флексии *м*, *ме*.

Примеры: из грамоты Раду II — и да живемо мирно и еднородушно съ правдом и истином (В, IV, 9); из грамот Александра — нѝе служимо господину кралю (В, XXIII, 43), да станемо прѣд ним (там же); из грамот Влада II — да га проже-немо от земле (В, XXXIX, 12), да им учинимо зло, како злем людем (М, XIII, 31), да учинимо прах, да поставимо оу град (В, LV, 80); из грамоты Влада — не можемо оставит (В, LXXII, 94); из грамоты Дана Претендента — имамо... просимо... хоцемо

¹ См. „Geschichte der bulgarischen Sprache“, 256.

(В, LXXVIII, 100); из грамоты Басараба II — да се бранимо от турци (В, LXXXVII, 113), и не можемо стати пред ним (В, XCI, 118), пишемо (В, XCII, 119), да послемо (В, LXXXVIII, 115), да беседувамо с ним (В, XC, 116); из грамоты Басараба III — поутвърдимо (В, CXXXIII, 164), та их давамо (В, CXLV, 176); из грамоты Влада III — за тогаи ради заповедамо (В, CLI, 183), поклонение приносимо (В, CLII, 184), да платимо напасть пет десет хилѣди (В, CLVIII, 192), не хтемо (В, CLXVI, 201); из грамоты Раду IV — судимо по правде (В, CLXXXV, 222); из грамоты Албула — а ние да знамо како щемо учинит (В, CCX, 250); из грамоты Нана и Стефана — от поведамо (В, CCXVI, 261); из грамоты Нега — да их опремо (В, CCXXIV, 274), да га угасимо (там же); из грамоты Казана — за тои захвалѣмо и благодаримо (В, CCXXV, 277), да те извадимо (там же).

В данном случае произошло то же, что мы теперь можем наблюдать в северо-западных болгарских говорах. Полезно вспомнить указание Тодорова об особой восприимчивости флексии *мо*. Ошибочно было бы думать, что флексия *мо* характеризовала лишь книжный, письменный язык Валахии XV в. и что в разговорном сохранялись только флексии *м*, *ме*.

Одной из характерных особенностей славянских говоров Валахии, Мизии, Балкан и Фракии являлось изменение неударного *о* в *у*. Черта эта и ныне широко распространена в восточных болгарских говорах и в говорах Румынии, преемственно отражающих многие черты славянских говоров Дакии.¹ Сербский язык этого изменения неударного *о* не знает. До нас дошли валашские грамоты конца XV в., в которых отражается изменение неударного *о* в *у* (из сибинской грамоты Раду IV — паки скору да га допустим, негуи логофет — С, X, 10). Находим изменение неударного *о* в *у* и во флексии *мо* в той же сибинской грамоте Раду IV — пишему нашим чѣтити^м, из другой сибинской грамоты Раду IV — тои ви даваму въ узنامه

¹ Gartner, Darstellung der rumänischen, Sprache, S. 99-100.

(С, XI, 11); но в той же грамоте — захвалаемо приносимо. В грамоте Драгомира Манева — платиму (В, ССХV, 266), хтему (В, ССXL, 296).¹

Эти факты, правда немногочисленные, указывают, что валашские книжники не только писали окончание *мо* в 1 л. мн. ч., но и произносили его, отражая в этом случае особенности своего родного произношения. О проникновении *мо* в народные говоры Валахии можно лишь догадываться.

Несомненно, окончание *мо* хорошо было известно славянским говорам Молдавии. Это подтверждается многочисленными примерами из молдавских грамот XV в. Может быть, эта черта молдавских говоров проникла в некоторые соседние валашские говоры. Но это не связано с появлением формы *мо* в валашском канцелярском языке. Бесспорно, что *мо* в валашских грамотах — сербизм. Это подтверждается временем появления этой формы, употреблением ее в определенном кругу грамот, связью ее с другими сербизмами и пр.

Несмотря, однако, на такое широкое распространение сербской флексии *мо*, в валашских грамотах в течение всего XV в. употреблялась и старая флексия *м*. Примеры: из грамоты Александра — не можем ходит с лѣжами (В, XXV, 46, в румынском переводе Богдана — *nu putem umbra cu minciuni*); из грамоты Раду III — и пак ако ли не учините како ви пишем (В, ССXI, 150), зараді да щипуем съш нега (В, ССXII, 151), да га не чуем (В, ССXXXV, 167); из грамоты Влада III — да готови бѣдем улишати он глас (М, IX, 17); из грамоты Нега — а он рече мене да се приуготовим, да поидем у поклицарство (В, ССXXIV, 273); из грамоты Синадина — колико можемо та преставам (В, ССXXXIII, 287). Употреблялась она значительно реже, нежели *мо*, особенно со времени Раду III, когда *мо* становится неперменным признаком литературного языка. В редких случаях писцы, однако, сбивались на просторечную форму. Еще реже проникала в письменный язык

¹ Находим — *му* в некоторых болгарских дамаскиях (ср. в Коприщенском дамаскине — *да си подумаму и да си попитаму кои от кыдѣ е* — 410).

флексия *ме*, получившая особенное развитие в новоболгарском языке¹ (из грамоты Г. Ласкара — да му даваме все — В, ССХІІІ, 255). Флексии *ми* (*мы*) валашские говоры, очевидно, не знали. Валашские грамоты не дают ни одного достоверного случая. Пример — да како знамы, тази да ви кажем, указанный Милетичем, извлечен из грамоты (№ 61), которая имеет черты молдавского происхождения. Она не была включена Богданом в его собрание брашовских грамот. В молдавских же грамотах флексия *мы* встречается.

Вспомогательные глаголы *щѣ* и *сѣм* во множественном числе в соответствии с общей системой имеют обычно окончание — *мо*: из грамоты Влада I — како смо утъкмиле (В, XLVIII, 71); из грамоты Владислава Дана — що смо имали помежду нами (В, LXIII, 86); из грамоты Раду IV — смо послали наша слуга Онча (В, ССV, 244); из грамоты Басараба II — ми щемо га миловат (В, ХСІІІ, 120); из грамоты Раду IV — не кемо оставити (В, CLXXXI, 217), их чемо педешати (В, СХСІV, 232). В приведенных примерах достаточно ясно ощущается искусственный, чисто книжный характер флексии *мо*, которую в одинаковой степени встречаем и в *щемо*, *кемо* и *чемо*. В редких случаях и вспомогательный глагол *сѣм* во мн. числе встречаем в виде *сме*, что в такой же степени, как *даваме* или аорист *дадохме* (В, ССXLII, 297), отражает особенность живого местного произношения: из грамоты Владислава Дана — що сме обещали (В, LXIII, 86). Эта народная форма неожиданно прорвалась у писца, несмотря на то, что непосредственно перед ней он употребил книжную — що смо ималу помежду нами. Форма *щем*, встречающаяся в грамотах часто, употребляется как будто только в значении единственного числа. Есть несколько сомнительных

¹ Чергедские молитвы могут свидетельствовать, что в народных говорах северо-восточной Болгарии в XIII в. флексия — *ме* получила широкое распространение (Милетич, цит. соч., стр. 46). Флексии — *мо* в языке этих молитв нет. Флексия *ме* встречается уже в среднеболгарских памятниках (Mladenov „Geschichte d. bul. Spr.“, S. 256).

случаев, но нет ни одного, когда с уверенностью можно было бы утверждать, что перед нами множественное число.

3 лицо множественного числа. Славянские языки в 3 л. мн. ч. представляли различные образования: в глаголах I—III классов *жть* (*жть*), в глаголах IV и V классов *ать* (за исключением *сжтъ* и *имжтъ*). Большинство славянских языков до сих пор сохраняет эти различия (ср. в русском несут, но терпят, в словацком *nesú*, но *trpia*). Лишь отдельные глаголы под влиянием различных условий перешли из одной группы в другую (ср. ст.-сл. *дадѣтъ*, в русск. *дадут*, в словацком *dajú*, но *ядят* — *jedia*).

Более или менее последовательно сохраняет старые различия в 3 л. мн. ч. современный сербский язык (ср. *плѣтү*, *трѣсјү*, но *држѣ*, *носѣ*). Атематический глагол *дати* представляет указанное выше новообразование — *дѣдү*. Редко встречаются говоры, в которых были бы существенно нарушены старые отношения. Это главным образом западноштокавские говоры.¹

Болгарский язык на всей территории своего распространения пережил процесс обобщения старых *жт* и *ат* в 3 л. мн. ч., который в отдельных говорах представляет различные стадии. Различается он в говорах и своей направленностью: если в одних говорах все глаголы представляют результат обобщения на *жт* (это обычно), то другие (реже) обобщались на *ат*. В литературном болгарском языке прежние различия ныне отражаются лишь в твердости или мягкости предшествующего согласного (ср. *несат*, но *говорят*). Во многих говорах и эти различия уже утрачены. Исследователи болгарского языка уже давно справедливо отметили, что в этом процессе существенную роль сыграла так называемая среднеболгарская мена юсов.

Исследуемые нами валашские грамоты передают 3 л. мн. ч. противоречиво и непоследовательно. Грамоты отражают и влияние письменной среднеболгарской традиции и сильное сербское влияние. Здесь отражается влияние и местных

¹ Rešetar, *Der štokavische Dialekt*, Wien, 1907, S. 193. Там же об образовании 3 л. мн. ч. с помощью окончания *-du* (*gvōoridu* и др.), возникшего под влиянием *dadu*, *jedu*.

славянских говоров, изучение которых представляет нашу главную задачу. Первое, на что необходимо обратить внимание, это то, что в славянских говорах Валахии в XV в. шел процесс обобщения глаголов на *жт* и *лт* — один из характерных процессов живого болгарского языка. Валашские грамоты дают доказательства тому, что часть писцов не умела различать глаголы этих двух групп. Приведенные примеры указывают также на то, что процесс обобщения шел от *жт*, т. е. имел наиболее типичный для болгарского языка характер. Не все встречающиеся примеры могут быть привлечены для характеристики живого языка. Необходимо исключить такие, которые, может быть, отражают среднеболгарскую книжную традицию (например, из грамоты Михаила — и нигде се не заложѣт (В, II, 8); из грамоты Владислава Дана — нищо да сѣ не грижѣт (В, LXIV, 87). Примеры: из грамоты Раду II — да сѣ не боѣт (В, IV, 9); из грамоты Александра — понеже сѣ турци возѣт (В, XXI, 42), купѣт (М, XIII, 63); из грамоты Влада I — тъкмо дукати да не доносѣт (В, LII, 76), да не износѣт ни сребро ни мед (там же; в той же грамоте — да донесет въсеку купѣт); из грамоты Владислава Дана — како да ходѣт ваши люде (В, LXIV, 87); из грамоты Раду III — що любѣт (В, LXXXIII, 108). Глагол *дадѣтъ* (*продадѣтъ*) чаще всего в грамотах представлен с окончанием *жт*, на что недавно в связи со своими специальными задачами обратил внимание Л. А. Булаховский (цит. соч., стр. 16). Нужно думать, что в этих случаях конечный согласный корня не был твердым, как в глаголах типа *можѣт*, *отидѣт*. Однако в грамотах это не отражается. Может быть, о мягкости согласного свидетельствует пример из грамоты Влада I, изданной Венелиным, — и дажбы елика ся находѣть въ земли господства ми (Вен., 88). Придавать, однако, особую ценность этому свидетельству нельзя, так как в оригинале грамоты, возможно, стоит не *ь*, а *ѣ*.

Глаголы IV класса в грамотах часто оканчиваются на *ет*. Примеры: из грамоты Раду II — и да сѣ сѣдет сираци (В, IV, 9), да ходет слободно (там же); из грамоты Дана II — и зло

им чинет (В, XVI, 31), из грамоты Влада I — яко да ходет слободно съ куплѣж (В, LI, 75), да доноситъ въсеку куплѣж (там же), носитъ... доводитъ (В, XL, 63); из грамоты Влада II — да ходет и ваше люде къ нам куповати (В, LXXI, 93); из грамоты Басараба III — и ваши нища да се не боет (В, CXVIII, 146), да не чинет (там же), да се приносят (М, IX, 13); из грамоты Влада III — елико се находит (М, IX, 17); из грамоты Раду IV — колико дръжет (М, IX, 26). Милетич видел в этих примерах следствие процесса обобщения. Под написанием *et* скрывалось *ät* (СбНУ, IX, стр. 320). Для подобного заключения нет никаких оснований. Под написанием *et* и следует разуметь *et*, которое восходит к *at*. Случаи с *et* в грамотах встречаются очень часто. Соображение Милетича могло бы иметь некоторую ценность при возможном написании *ĕt*. Буквой *ĕ* писцы часто передавали открытое широкое *e*. Но подобное написание в грамотах встречается чрезвычайно редко. Сравнительно редко (особенно в памятниках второй половины XV в.) находим написание *at*, под которым также могло бы скрываться *ät*: и да носат постав и платно — В, LII, 75, доходат — В, CCX, 250; да са хранат — (В, LXIV, 87). Как нам кажется, эти факты свидетельствуют о том, что не все славянские говоры Валахии в XIV — XV вв. переживали указанный выше процесс обобщения. В написаниях *et* следует видеть отражение живого говора. В этом отношении очень ценным является свидетельство языка семиградских болгар. Чергедские молитвы указывают, что в нем не был пережит процесс обобщения (ср. 3 л. мн. ч. *uĕent, falent, storent, nozant, dumant*)¹. Надо думать, что в Валахии местные славянские говоры в отношении судьбы 3 л. мн. ч. не представляли единства. Были говоры с результатами обобщения, но были говоры, которые в XIV — XV вв. этот процесс не переживали. Были и другие областные процессы в 3 л. мн. ч., которые нашли отражение в грамотах. Это окончание *it*: из грамоты Влада II — юнаци да доидет да ми служит (В, LXXVII, 99); из грамоты

¹ Милетич, Седмоградските българи и техният език, стр. 46.

Раду III — две телеги да ходит слободно (М, IX, 8); из грамоты Басараба III — та ходит по туи (В, СХIII, 141). Это окончание хорошо известно современным дебрским говорам: *девојките одит, биљарките, момчињата си седит на куп*.¹ Аналогичное образование находим в малореканском говоре.²

Все указанные нами диалектические особенности из родного языка писцов проникали в грамоты, в канцелярский язык, представляя порой самые причудливые сочетания разнородных элементов. Они усваивались писцами, которые в своем родном языке их не имели. Этим объясняется соединение в одной грамоте самых различных диалектических особенностей.

Глаголы I—II классов сохраняют старое окончание *ѣт* (т. е. *ѣт*). Примеры: из грамоты Мирчи — ако бѣдѣт (В, I, 1); из грамоты Раду II — да живѣт мирно (В, IV, 8), ако ли бѣдѣт другѣѣ (В, V, 11); из грамоты Александра — да их не отведѣт далеко (В, XXIV, 44); из грамоты Дана II — да възимѣт вамѣ от град (В, XV, 30); из грамот Влада I — понеже мои сиромаси не могѣт хрании сѣ (В, LIV, 78), идѣт с мене (М, XIII, 36), да сѣ поидѣт (М, XIII, 31); из грамоты Владислава Дана — а они да доидѣт к мене (В, LXIV, 88); из грамоты Раду III — аще ли не могѣт... они да су волни да отидѣт (В, LXXXIII, 108), из грамоты Койко — да ми донесѣтъ въсе (В, ССVI, 247). В грамотах встречаем единичные примеры, свидетельствующие о влиянии на эти глаголы глаголов IV класса: из грамоты Влада I — не щем си оставит въ срамотѣ да ми гинет (В, LIV, 78). Но в той же грамоте — мои сиромаси гинѣт. Грамоты не дают оснований для утверждения, что в славянских говорах Валахии известно было то обобщение окончаний в 3 л. мн. ч., которое характерно для говоров юго-западной и западной Македонии, т. е. обобщение на *ѣт*.

В глаголах III класса стяженные формы встречаются редко. Обычно находим формы нестяженные: из грамоты Мирчи — ако да даваѣт (В, I, 3), кои поминуѣт с рибѣ да сѣ варуѣт

¹ Белић, Галички дијалекат, Београд, стр. 235—236.

² „Известия на семинара по славянска филологија“, II, стр. 272.

(В, I, 1); из грамот Радугу II — и да купчуѣт люді (В, IV, 9); из грамоты Дана II — нигде коумеркъ да не даваѣт (В, XVII, 32), и ратуѣт сираци (В, XVI, 31); из грамот Влада I — си проливаѣт крѣви за вас (М, XIII, 34); из грамоты Радугу III — да купчуѣт (В, LXXXIII, 108). Стяженные формы встречаются в глаголе *давати* (ср. в грамоте Мирчи — кои си дават — В, I, 4). На стяжение указывает пример из грамоты Дана II — да даваѣт купци вамѣ (В, XI, 21). Думаем, что проф. Богдану не следовало восстанавливать *a* — *дав(a)ѣт*. Встречаем форму *имат*: из грамоты Дана II — та такови имат приѣт велико зло (В, XVII, 33), они неимат (М, IX, 33); из грамоты Влада I — че немаѣт (В, XXXIV, 57). *Имат* не восходит непосредственно к старой *имѣтъ*, а представляет собой стяженную форму от *имаѣт*; эта последняя в грамотах встречается нередко: из грамоты Влада I — мои сираци имаѣт (В, XIII, 37). Следует думать, что процесс стяжения в живом славянском языке охватил лишь несколько глаголов (ср. в грамоте Басараба III — и чие речи их окротиват — В, CXIII, 141). Большинство же глаголов этот процесс не пережили (к указанным примерам можно еще прибавить *бантуѣт*, *възиваѣт*, *трѣгуѣт*, *проливаѣт*, часто *улагаѣт*).

И в этом классе глаголов находим следы влияния глаголов IV класса: из грамоты Дана II — нигде кумерки да не даваѣт (В, XVII, 35); из грамоты Басараба III — купци слободно да купчует (В, CXVIII, 146). Этих примеров, как и указанного выше гинет, слишком мало для того, чтобы делать выводы о существовании говоров, в которых процесс обобщения в 3 л. мн. ч. шел от глаголов IV класса.

Оставило глубокий след в письменном языке сербское воздействие на 3 л. мн. ч. Отражено это влияние в утрате окончания — *т* и в сербской передаче старого *ѣ*.

Под влиянием сербского языка в грамотах XV в. глаголы IV класса 3 л. мн. ч. оканчиваются на *е*. Легко заметить, что этим формам сопутствуют в грамотах другие особенности сербского языка. Число примеров на *е* растет в грамотах по мере усиления сербского влияния. Особенно много их в грамотах

второй половины XV в. Примеры из грамот Раду III — да ходе мои сираци оу вас слободно, и ваши оу мое земле слободно где любе (В, LXXXIII, 108), ходе людіе слободно (там же, ср. в сербских грамотах XIV в; из грамоты 1357 г. — токмо да си ходе дубровчане... проходе („Monumenta serbica, р. 157); из грамот Влада III — су ударили на них да изваде теи жене (В, CL, 182), просе (там же) и др. Все эти формы книжные, заимствованные из сербского письменного языка, получившие распространение в Валахии со времени интенсивного сербского влияния. Находим единичные примеры на и: из грамоты ворника Басараба III Казана: и да ходи сваки чловѣки (В, CCXXXI, 286); и в этом случае книжник не написал окончания *т*, следуя моде.

В глаголах I—III классов сербское влияние выражено в передаче старого ж через *у* и в той же утрате *т*: из грамоты Влада I — и где обрѣтаю молдовене (В, XL, 63), да их хватаю (там же); из грамоты Раду III — аще могу трѣговати оу вас аще ли не можѣт (В, LXXXIII, 108); из грамоты Влада III — прави людіе да гину (В, CLVIII, 192); иногда сербское влияние выражено лишь в сербской передаче гласного: из грамоты Влада I — узимают... хватают (В, XL, 63); из грамоты Басараба II — да доидут на комати си (В, XCIII, 120); из грамоты Басараба III — и що чекают (В, CXIII, 141), да будут съ дукати (В, CXXIII, 153), како да будут у свѣбод (В, CXXVII, 158).

Отсутствие окончания *т* в 3 л. мн. ч. наблюдается в болгарских говорах не только в соседних с сербскими, но и в говорах, которые влияния со стороны сербского языка почти не испытали (например, в костурском говоре). На основании славянских грамот Валахии можно прийти к выводу, что таких говоров в Валахии не было. На книжный характер этой особенности грамот обратил внимание уже Л. Милетич, указав, что „утрата *т* в 3 л. мн. ч. сербизм“ (СбНУ, XIII, стр. 135).

Вспомогательный глагол *сѣм* в 3 л. мн. ч. имеет в грамотах различное написание: *сѣтъ* (*сѣть*, *сѣт*), *сѣтъ* (*сѣть*, *сѣт*), *сѣ*, *суть* (*сут*), *су*, *есу*. Все это разнообразие форм представлено

часто в грамотах одного воеводы (ср. в грамотах Александра — и колико робіе сѣт въ Никополи — В, XXIV, 44; да сѣт взели кони — там же; яко сѣ доишли молдовци — В, XXII, 42; не су справни юнаци — В, XXX, 49). Аналогичную картину наблюдаем в грамотах других воевод: из грамоты Мирчи — калугере да сѣ волни ловити (Вен., 22); из грамоты Михаила — еже сѣ създани (М, IX, 5); из грамоты Дана II — що сѣ имали от прѣродители (В, VIII, 15); из грамоты Влада I — оти сътъ мои истиніе речи (В, XXXIV, 62), какови сѣт пріателие; из грамоты Раду III — они да су волни да отидѣт (В, LXXXIII, 108); из грамоты Владислава Дана — где су овца (В, LXVI, 89); из грамоты Басараба III — сутъ у них некои речи (В, CXIII, 141). Форма *су* заимствована из сербского языка. В грамотах Александра она еще не получила широкого развития: ее употребление связано главным образом с текстами сильно сербизированными (ср., например, ее употребление в грамоте № XXX). Лишь с середины XV в. эта форма получает свободное распространение в различных текстах. Форма *сут* представляет такое же книжное искусственное образование, как и *будут* (см. выше). Форма *сѣ* (т. е. *сѣ*), несомненно, живая. Книжники могли взять ее только из живых славянских говоров, так как ни среднеболгарская письменность, ни тем более сербская этой формы не знали. *Сѣ* в валашских грамотах — одно из древнейших письменных свидетельств этой формы. Существовала ли в славянских говорах Валахии форма *сѣт*? Уверенно на этот вопрос ответить трудно. Употребление ее может быть объяснено письменной среднеболгарской традицией. Но, может быть, она была известна и говорам. Употребляется она в грамотах очень часто. Можем найти аналогии и в современных говорах (например, *сат*, *сет* в македонских говорах). Глагол *щѣ* имеет чаще всего форму *щѣт*. Редко встречаем *щѣт*: щѣт юнаци (В, LXXVII, 99).

Будущее время

В старославянских памятниках при образовании будущего времени использовались вспомогательные глаголы *имамъ*, *бѣдж*, *хощѣ*, *начѣнѣ*, *вѣчѣнѣ*. В среднеболгарских текстах

особенно часто употребляется глагол *хощь*. В Троянской притче представлена уже редуция первого слога этого гласного, что, несомненно, отражает особенности живой народной речи. Однако в канонических среднеболгарских памятниках эта особенность не отражается. Аналогично им будущее образуется в валашских церковных памятниках.

Под влиянием книжного языка в древнейших валашских грамотах при образовании будущего времени употребляется глагол *имамь*. Находим, однако, его главным образом в связанных словосочетаниях, в готовых канцелярских штампах: из грамоты Мирчи — имат приѣт велико зло (В, I, 4); из грамоты Михаила — понеже имат господство ми велико зло учинити (В, II, 7), имат изгинѣт от родителѣ господства ми (В, III, 8); из грамоты Раду II — имат приѣти велико зло (В, V, 11; В, VII, 14). Канцелярский штамп имат приѣт велико зло и оргіа в заключительной части грамот встречается постоянно до середины XV в. В свободных словосочетаниях глагол *имамь* в этой функции встречается очень редко: из грамоты Влада I — вѣ за едно имам взати от вас двоинѣ (В, XXXII, 55).

Обычно в грамотах будущее время образуется иначе. Функцию будущего времени выполняет вспомогательный глагол *щѣ*, употребляемый при инфинитиве. Примеры: из грамоты Мирчи — глоба ли сѣ щет учинит по тѣзи блата (М, IX, 1), щет покусит от болѣр господства ми (В, I, 4), а врѣху що щет бит (В, I, 3); из грамоты Михаила — а тѣе му щѣт платит (В, III, 8), не ще бити (В, II, 7); из грамоты Раду II — и тази щѣ дръжат (В, VI, 13); из грамоты Дана II — нѣ щем азѣ изъмѣститѣ моим чловѣком (В, XVI, 31), щѣ съжещи (В, XVIII, 39); из грамоты Александра — тѣе шехѣ погинѣт (В, XXIII, 43); из грамоты Владислава Дана — азѣ мое не щѣ оставит (В, LXIII, 86), азѣ не щѣ оставит тѣази работу (В, LXVI, 89); из грамоты Влада II — що ще донестѣ сиязи книга (В, LXXIII, 95); из грамоты Дана Претендента — щемѣ служити вашему милости (В, LXXVIII, 100); из грамоты Басараба II — не щете имати страх от турци (В, LXXXVII, 113), ми щемо га миловат (В, XCIII,

120), ке доити (В, ХС, 116); из грамот Басараба III — щет рещи Влад (В, СVII, 134), що чет бити (В, СIХ, 136); из грамоты Влада III — що кет изречит (В, CLXXVII, 210); из грамоты Раду IV — не кемо (В, CLXXXI, 217), що кете моки учинити (В, ССII 242); из грамоты Гергина — я кю учинит помного израді вас (В, ССXLVIII, 304). Так в грамотах обычно выражается будущее время. Встречаем вспомогательный глагол без редукции первого слога — хощѣ — результат книжных влияний: из грамоты Влада I — хоку откупити (В, XXXVII, 59); из грамоты Владислава Дана — хощу стоати (В, LXIII, 86); из грамоты Влада II — хочу стояти (В, LXXI, 93); из грамоты Басараба II — хощете послат (В, ХС, 116; в той же грамоте — ке доити). О фонетических вариантах глагола щѣ см. в разделе о *tj*, *dj*; об окончаниях этого глагола см. в „настоящем времени.“

После вспомогательного глагола щѣ инфинитивная форма значительно устойчивее, нежели после других глаголов (см. ниже). Обычно она имеет форму *т* (реже *ти*). Однако и в этой позиции (очень редко) грамоты представляют новообразования, свойственные лишь новому болгарскому языку. Встречаем чистую инфинитивную основу: из грамоты Басараба III — едян що щет зна да покріет съ керамидом скобеном (В, СXLVI, 177); из грамоты Влада III (Милетич ошибочно приписал грамоту Владу II) — къга их тет ухвати (В, CLIV, 186; у Милетича в издании ошибочно — хтет ухватити — XIII, 70; в примерах на будущее время на 140 стр. он цитирует — хтет ухвати). Милетич приводит еще пример из грамоты Влада I — оти щѣ умрѣ юще на моа срамота (М, XIII, 29). Издание Богдана свидетельствует, что в издании Милетича вкралась ошибка — оти щѣ умрѣт юще на моа срамота (В, LVI, 81).¹ Указан им еще пример из грамоты Басараба III — му щете да (М, XIII, 94). Выше, в первой главе, мы писали уже о неудовлетворительных примерах цитирования Милетичем грамот, что выражается

¹ Об ошибках Милетича см. в первой главе.

в искусственном разрыве единой формы. И в данном случае Милетич сделал ошибку: — союз *да* он принял за основу глагола *дати*. В его же издании этой грамоты читаем — да ли му щете да купит или ни (и здесь у Милетича ошибка; ср. у Богдана — дат ли му щете да купит или ни — В, СXXXIII, 164).

Свидетельство данной грамоты очень важно, так как оно показывает, что изредка старый инфинитив заменяется новым сочетанием союза *да* с личной формой глагола и после глагола *щѣ* при образовании будущего времени (см. в разделе об инфинитиве): щите да купит. Подобные примеры встречаются в грамотах редко: из грамоты Кристиана — а он не ке да доге овамо (В, ССXLVII, 302).

При образовании будущего времени вспомогательный глагол *щѣ* почти всегда стоит перед инфинитивом. После инфинитива глагол *щѣ* встречаем очень редко: из грамоты Влада I — оставит ви щѣ у край горѣ (В, XXXIV, 57). Два раза в грамотах встречаем в подобном случае чистую инфинитивную основу: из грамот Влада I — да знаете, азъ развали ви щѣ мир (В, XXXIII, 56), еще ест сосал зль и умрѣ щет (В, XXXIV, 57). Это точно соответствует аналогичным народным формам современного болгарского языка типа *писа-ща*, *писа-щеш*, *писа-ще*.

Исследуемые нами валашские грамоты указывают, что в славянских говорах Валахии в XIV — XV вв. будущее время выражалось различными средствами. Это находит подтверждение в данных современной болгарской диалектологии: многие из современных говоров пользуются для этого различными средствами, отражающими различные стадии в истории этой формы. Несомненно, что самой распространенной и обычной формой будущего времени в валашских говорах было сочетание спрягаемой формы вспомогательного глагола *щѣ* (*ща*, *щеш*, *ще*, *щеш*, *щите*, *щат*) с инфинитивом, который в этой функции сохранялся в языке дольше, нежели в других случаях. И по сей день эти формы хорошо известны северо-западным болгарским говорам (многочисленные примеры см. в книге Ц. Тодорова

„Северозападните български говори“, стр. 377). Следует указать, что эти славянские формы будущего времени вполне соответствуют аналогичным румынским, образуемым с помощью спрягаемой формы настоящего времени вспомогательного глагола a avea (voiu, vei, va — vom, veți, vor; в народном языке — oi, îi, o — от, îți, or) и инфинитива (например, voiu scrie — ср. *щъ писати*).¹

Кроме этих форм, известны были сочетания, когда вспомогательный глагол шел после инфинитива. В этом случае инфинитив раньше утрачивал свое старое окончание и вспомогательный глагол тесно объединялся с инфинитивной основой. Валашские грамоты XIV—XV вв. могут свидетельствовать, что это будущее время только начало формироваться. В таком же состоянии находились сочетания вспомогательного глагола, союза *да* и личной формы глагола. Примеров в грамотах слишком мало, чтобы можно было на этот счет делать какие-либо определенные выводы. Это средство в дальнейшем получило широкое развитие как в болгарском, так и в румынском языке (o să scriu — *це да пиша*).

В молдавских говорах будущее время образовывалось обычно с помощью вспомогательных глаголов *буду* и *иму* с инфинитивом. В грамотах встречаем образование с помощью *хочу* (*хочем служити*), что объясняется влиянием болгарского языка Валахии.

Прошедшее время

Формы аориста встречаются в грамотах нередко. Несомненно, что в славянских говорах Валахии аорист был живой грамматической категорией. Случаев смешения форм, неправильного употребления их нет. Естественно, что нет ни простого аориста, ни старого сигматического, который в сербских памятниках этого времени встречается. Находим так называемый „новый“ сигматический аорист (типа *несохъ*). Писцы никогда не ошибаются в основах при образовании аориста: они

¹ См. Kr. Sandfeld et H. Olsen, *Syntaxe roumaine; Emploi des mots à flexion*, Paris, 1936, p. 342.

всегда инфинитивные. Это еще раз, вместе с другими многочисленными формами, подтверждает, что славянский язык был живым языком писцов, которые, как я уже подтверждал не раз, не отличались большой ученостью и книжный славянский язык знали плохо.

Чаще всего встречается 1 л. ед. ч.: из грамоты Александра — азы поручихъ (В, XXIV, 44), азъ допустих моа рѣч до вас (там же); из грамоты Влада II — и тузи ви пустих нѣколици волове и краве (В, LXX, 92); из грамоты Басараба II — и веру му дадох (В, XC, 116); из грамоты Раду IV — писах въ столни град (М, IX, 22); из грамоты Койка, логофета Дана II — нѣ съ помощиж божиж завръших ви работж (В, CCVI, 247), и сторих имь другж книгж (там же); из грамоты Драгомира Удрище — азъ му рекох да им платит (В, CCXXXVII, 293), и много других аналогичных примеров.

Во втором и третьем лицах находим обычные формы: из грамоты Дана Претендента — що ме пусти (В, LXXIX, 101); из грамоты Раду IV — та си уложи дѣщере си Стана (М, IX, 28) и др.

В 1 л. мн. ч. в грамотах находим народную форму на хме, получившую широкое распространение в говорах болгарского языка: из грамоты Александра — како се отметижхме от господина краль (В, XXIII, 43); из грамоты судей и пыргарей Брашова — ево ще дадохме ние прѣгаре (В, CCXLII, 297). Редко встречается окончание хом (ср. в грамоте Раду IV — видѣхом — М, IX, 20).

В своей краткой характеристике языка брашовских грамот проф. Милетич указывает, что редко встречаются примеры, в которых употребляется 1 л. мн. ч. (СбНУ, XIII, 137). Он приводит лишь один пример. В действительности в грамотах несколько десятков случаев употребления 1 л. мн. ч. Мы уже указывали, что Милетич сознательно игнорирует все то, что является отражением сербского влияния. Так и здесь. В огромном большинстве случаев эта форма представляет результат воздействия сербского языка. Милетич не мог случайно пропустить этой формы, так как она встречается часто, а кроме того, представлена в том же предложении в грамоте,

которое Милетич цитирует: како се отмети хме от господина кралъ и ладохмо се турцем (М, XIII, 12). В исследовании Милетич цитирует до союза *и* (стр. 137).

В своем первом исследовании Милетич не прошел мимо формы на *хмо*, но указал только, что это окончание обычно для молдавских грамот (СбНУ, IX, стр. 321). В действительности окончание *хмо* в аористе начинает употребляться в грамотах параллельно с употреблением окончания *мо* в настоящем времени, которое, как мы видели выше, является результатом сербского книжного языка. Под тем же влиянием возникла форма *хмо*, которую нужно рассматривать как результат контаминации форм *хме* и *смо*. Встречается эта форма в грамотах часто: из грамоты Александра — и ладохмо се турцем (В, XXIII, 43); из грамоты Владислава Дана — такози утъкмихмо (В, LXIV, 87); из грамоты Влада II — вражмаша Лаюта развалихмо (В, LXXV, 97); из грамоты Басараба II — и по тънку разумехмо . . . сего ради послахмо (В, LXXXVIII, 115); из грамоты Басараба III — како жаловахмо (В, CXXXV, 167); из грамот Влада III — послахмо верна слуга (В, CLXIII, 198), а ми утъкмихмо (В, CLXVI, 201); из грамот Раду IV — и свежахмо братсво и приятелство мегю нами (В, CLXXXVIII, 225), послахмо нашего слуга Албу (В, CCIV, 243); из грамоты Антония — а ние този възехмо на наши глави (В, CCXV, 259); из грамоты Казана — ере чюхмо (В, CCXXV, 277); из грамоты одного турка — а кьде се згодихмо (В, CCXXX, 285) и многие другие.

Форма *хмо* была, несомненно, книжной. Валашские славянские говоры ее, конечно, не знали. Но мы затруднились бы определить ее, как только письменную. Грамоты свидетельствуют, что в течение большей части XV в. она была почти единственной формой.

Форма (*х*)*мо* представлена в некоторых северо-западных говорах (см. Тодоров, цит. соч., стр. 361). Форма позднего происхождения. У нас нет оснований относить ее к XIV столетию.

Очень редко встречаем формы *смо*: из грамоты Раду IV — како имасмо (В, CLXXXVIII, 225); в оригинале грамоты

находим имасмо смо; это показывает, что писец не понимал формы (*имасмо*).

Во 2 л. мн. ч. сохраняется форма *сте*: из грамоты Александра — да ми го дасте (В, XXIV, 44), и о том *ма* не слушасте (там же); из грамоты Влада III — напоисте... въведосте... посѣстите (М, IX, 17). Милетич склонен считать, что в народном языке и здесь должен был быть результат выравниваний на *х* (т. е. *слушахте* и т. д.), „по крайней мере во второй половине XV ст.“ (СбНУ, XIII, 137). Этот взгляд грамоты не подтверждают.

Уже древнейшие среднеболгарские памятники представляют проникновение формы имперфекта 3 л. мн. ч. *хж* в аорист. Это отражало живой говор. Старое окончание *ша* (среднеболг. *шж*) исчезло бесследно. Результат этого процесса представлен был в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв., о чем свидетельствуют грамоты: из грамоты Мирчи — понеже просихж господство ми (В, I, 3); из грамоты Александра — та послушахж реч господина кралъ (В, XXIII, 43); из грамоты Влада I — опустихж сиж землж (В, LVIII, 83), чъ додохж людие (В, XXXIV, 57; в корне глагола отражено типичное для новоболгарского языка изменение, утрата *ј*), та ми казахж (там же); из грамоты Г. Ласкара — казахъ ми они (В, ССХIII, 255) и др. Но и в этом пункте наблюдаем влияние сербского языка, главным образом в памятниках второй половины XV в.: из грамоты Дана II — тука се оухватише оба Ханъша и газда Стоикова (В, XIV, 29); из грамоты Влада I — та го свезаше и отпустише (В, XXXVII, 59); из грамоты Басараба III — а они побегоше (В, СХХХV, 167); из грамоты Стойко — они гледаше у Тоболицу (В, ССХLУ, 301). Сербский источник этой формы очевиден: это вынужден признать и сам Милетич (СбНУ, XIII, стр. 138).¹

Отражено влияние в грамотах и старого книжного болгарского языка как в старой славянской форме (ср. в грамоте Басараба III — яко мнози царіе въ царствіа си въселиша са

¹ Аналогичная форма в северо-западных болгарских говорах тоже сербского происхождения.

(М, IX, 13), так и в среднеболгарской (ср. в грамоте Влада I — а молдовене го ухватишж — В, XXXVII, 59).

В молдавских грамотах Стефана Великого формы аориста встречаются очень редко и только в канцелярских штампах.¹ Формы имперфекта совсем не встречаются. Несомненно, что в славянских говорах Молдавии в XV в. простых прошедших времен не было.

Формы имперфекта встречаются в грамотах очень редко. Это объясняется стилистической особенностью этих памятников. В народных говорах имперфект, несомненно, существовал. Представленные примеры характеризуются теми фонетическими новообразованиями, которые типичны для новоболгарского языка: из грамоты Басараба III — ере що мољхм от бога зараді мир (В, СXXXV, 167); из грамоты Раду IV — странен бех... болен бех (М, IX, 26); из грамоты Басараба III — що щеше да будет (В, СXXXVII, 157).

Широко используются в грамотах сложные формы прошедшего времени, главным образом перфект. Он представляет обычное для славянских языков образование. В грамотах часто встречаем формы 1 л., 3 л. ед. ч. м. р. и всех трех лиц множественного числа. Примеры для 1 л. из грамоты Мирчи — тоузи вы смь даль (Вен., 26); из грамот Александра — того ради то смь клеа на вѣрж (В, XXVI, 47), та сжм имал (В, XXVII, 47); из грамот Басараба III — сжм говорил съ Стефана воевода (В, СXXXVII, 158), сжм послал два чловѣка (В, СXXXIII 164), сжм... просил за два добра видара (В, СXLVI, 177); из грамоты Раду IV — що смь послал по слуга наша (В, CLXXXVI, 223); из грамоты Г. Ласкара — смь казал Ханешу (В, ССXIII, 255); из грамоты Драгомира Манева — а азъ смь донесль тѣзи пипер еще лани (В, ССXIX, 265) и мн. др. В полном согласии с живыми славянскими языками местоимение употребляется лишь в том случае, когда на него падает логическое ударение. В редких случаях местоимение стоит

¹ Яцимирский, Язык славянских грамот молдавского происхождения, „Статьи по славяноведению“, вып. III, 1910, стр. 172.

между вспомогательным глаголом и причастием: из грамоты Влада I — а коги съм азъ отишьль (В, XXXVIII, 61); из грамоты Драгомира Манева — ере съм азъ купил тия овни летоска (В, ССХІХ, 265). В редких случаях вспомогательный глагол отделен от причастия несколькими словами: из грамоты Влада I — віе добръ знаете, како ви смь до нинѣ азъ защитил от турци (В, LVI, 81). Фраза плохо составлена, как будто писец живым славянским языком не владел. Подобных примеров в грамотах очень мало.

В 3 л. часто вспомогательный глагол опускается, что очевидно является отражением народного произношения: из грамоты Дана Претендента — како он не дрѣжал веру съсъ господина нашего краля, онѣ се прѣдел турьцем (В, LXXIX, 101); из грамоты Басараба III — повеже изъшли угре из Дуна и извадили су ладіе (В, СXXXII, 163); из грамоты Влада III — много марьху поузели (В, CLVIII, 192). Следует, однако, указать, что вспомогательный глагол в 3 л. мн. ч. опускается в том случае, если рядом находим другой перфект с глаголом. Вспомогательный глагол не имеет определенной позиции в отношении причастия: ср. в грамоте Влада III — е купил един кон (В, CLXXV, 209); из грамоты Влада II — и побѣгль ест у турцех (В, LXXV, 97).

О сербских причастиях на *о* (*послао* и т. д.) см. выше в разделе о слоговых плавных.

Во множественном числе причастие по родам не изменяется. В грамотах находим окончания *и*, *е*.

Примеры на *и*: из грамоты Дана II — що сѣ имали (В, VII, 15); из грамот Александра — сме стояли протива погани език (В, XXIII, 43), да сѣт взели кони (В, XXIV, 45); из грамот Влада I — сте пакъ увъзели (В, XXXVIII, 61), ви есте мене помагали (В, XLIII, 65), що го сте ухватили (В, LVII, 82); из грамоты Владислава Дана — що смо имали помежду нами (В, LXIII, 86); из грамоты Влада II — вы не сте хтели (В, LXXII, 94); из грамоты Раду III — ни одну кривду не сте имали (В, LXXXIII, 108); из грамоты Басараба II — они су станули

(В, ХСV, 121); из грамот Басараба III — що ми сте поручили (В, СХIV, 142), що су говорили (В, СХХVII, 158); из грамоты Влада III — су убили мехединци (В, СL, 182); из грамоты Раду IV — сут узели конѣ (В, СХСIX, 238); из грамоты Драгомира Удрище — су га донесли власи (В, ССХХХVIII, 249) и мн. др.

Примеры на е: из грамоты Раду II — защо мѣ сте просиле (В, VI, 13), и закопи що сѧ имале (В, VII, 14); из грамоты Дана II — и подвигнаже сѧ (В, XVI, 31); из грамоты Влада I — да го сѧт убиле и взеле и добиток му (В, LVI, 81); из грамоты Басараба III — су преминуле све войске цареви (В, СХХ, 147); из грамоты Влада III — они устреле (В, СLVIII, 192) и др.

Примеры на е в грамотах встречаются реже.

Этот разноречие в передаче множественного числа отражает диалектические особенности славянских говоров Валахии. В современных болгарских говорах наблюдаются обе формы, часто почти рядом. Так, в северо-западной Болгарии на сравнительно небольшой территории находим три пояса, идущие с севера на юг: в одном для всех родов будет е, в другом и, в третьем — для мужского рода и, женского е, среднего а (см. Тодоров, цит. соч., стр. 382). В македонских говорах, за исключением Гевгели, Кукуша, Дойрана и Пиянеца, находим е (Селищев „Очерки по македонской диалектологии“, стр. 233). В восточных болгарских говорах чаще представлено окончание и, но хорошо известно также е.

Материал грамот свидетельствует, что в славянских говорах Валахии было представлено аналогичное явление. В канцелярском языке свободно допускались обе формы. Писец пользовался той, которая была ему ближе. Важно указать, что очень редко встречаются грамоты, в которых употребляются обе формы. Обычно встречаем только и или только е. Смещение обеих форм находим в грамоте Влада III — таким су поузели све що су имали, и свѣкле их су та их су токмо сѧ кожом пустили (В, СLVIII, 192). Аналогичные примеры редки.

Формы давно прошедшего времени в грамотах встречаются очень редко. Представленные примеры свидетельствуют,

что славянским говорам Валахии известны были те же способы образования этой формы, что и болгарским говорам. Так, образование с помощью вспомогательного глагола в форме имперфекта отражено в примере из грамоты Влада I — того ради я бех оставил мое слуге (В, XL, 63). Пример из грамоты Радугу IV указывает, что известно было образование давнопрошедшего с помощью вспомогательного глагола в форме настоящего времени и образованного от него причастия на л: смо били послали (В, ССІ, 240).

Повелительное наклонение

Не меньший интерес для выяснения интересующего нас вопроса имеет повелительное наклонение. Дело в том, что болгарский и сербский языки пережили процесс обобщения в различных направлениях. Если в болгарском выравнивание форм шло со стороны глаголов I и II классов (*несѣте, помѣте*), то в сербском этот процесс шел от глаголов других классов (*пишите, любите, дадите*). Это привело к тому, что в болгарском языке последовательно для всех глаголов во множественном числе находим *ете* (из *ѣте*), в сербском *ите*. Это различие последовательно представляют литературные языки и огромное большинство говоров. Среди сербских говоров лишь восточные и юго-восточные говоры представляют *ете*, что, несомненно, связано с аналогичным процессом в болгарском языке. Исследователь этих говоров проф. А. Белич отмечает широкое распространение этой черты и считает, что это явление в них очень старое: „Так как эти особенности находим во всех диалектах Восточной и Южной Сербии, несомненно, что они очень старые“.¹ Не представляет полного единства и болгарский язык. Так, формы на *ите* встречаются в некоторых говорах.² Македонские говоры в этом отношении дуалистичны. Так, *ите* находим в говорах западной, юго-западной областях Македонии. В иных говорах встречаем *ете*. В скопских говорах (а также в некоторых соседних) представлено колебание: *ете* и *ите*.³ Противоречивость данных македонских

¹ „Дијалекти источице и јужне Србије“, 541.

² Miletić, Die Rhodopenmundarten, S. 67—68, 161—162.

³ Селищев, Очерки..., стр. 230.

говоров в этом отношении связана с влиянием болгарского языка, с одной стороны, и сербского — с другой.

Обобщение форм повелительного наклонения всех классов глаголов на *ите* (*ѣте*) болгарские памятники отражают с XIII столетия. В чергедских текстах семиградских болгар формы императива встречаются редко. Во всех представленных случаях находим *-ete: kažete, veselete, pazete, pazete se, falete, storete, zamete, iedete, sabudete sa*. В сербских памятниках этот процесс отражается с XIV столетия.

Валашские грамоты и в этом пункте следуют нормам болгарского языка. Как правило, находим форму повелительного наклонения на *ите*: из грамоты Михаила — не грабѣте их, нѣ им взимаите вамъ правъ (В, II, 6), нѣ ходѣте право и живѣте с ними лѣпо (там же); из грамоты Александра — а вие гонѣте (В, XX, 41), до колко можете, спѣшѣте (В, XX, 41), а вие го пустѣте (В, XXV, 46); из грамоты Влада I — сторѣте да му платит (В, XLVI, 69), кажѣте ми, коеа ради вины мои сиромаси гинѣт (В, LIV, 78); из грамоты Владислава Дана — донесете тузи (В, LXVI, 89); из грамоты Влада I — рѣцѣте темзи прѣкалабом (М, XIII, 37); из грамоты Дана Претендента — и ви ми кажете (В, LXXX, 103); из грамоты Басараба III — а коли не хтете тази (В, CXXV, 155); из грамоты Влада III — вѣзмѣте иго мое на себе (М, IX, 17). Примеры на *ите* встречаются очень редко (см. в той же грамоте — и научите се от мене яко кротѣкъ есъм). Подобные примеры единичны. На основании этих данных можно прийти к заключению, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. форма повелительного наклонения обобщилась так, как в говорах Мизии, Фракии, восточной и центральной Македонии, т. е. на *ите*. Единичные случаи с *ите* — книжного (сербского) происхождения.

Одной из характерных особенностей новоболгарского языка, отличающих его от других славянских языков и тесно связывающих с языками балканскими, является широкое развитие форм конъюнктива с помощью союза *да*, которые часто употребляются в значении императива. В среднеболгарских текстах особенность эта отражена слабо. Однако уже данные

языка семиградских болгар подтверждают, что живым болгарским говорам XIII в. эта особенность была известна (ср. *neni ostavi da zagineme* — 9).

Впервые этот „балканизм“ находит широкое отражение в валашских грамотах, начиная с самого древнейшего периода, т. е. с XIV в. Союз *да* в сочетании с личной формой глагола настоящего времени представляет собой образование конъюнктива, которое обычно употребляется в значении императива или оптатива. Примеры: из грамоты Раду II — и да сѣдет сираци (В, IV, 9); из грамоты Дана II — да дав(а)хѣт купци вамъ (В, XI, 21), кто любит да купчува, а он да ходи слободно, макар и на само море (В, XIV, 29), нигде коумеркъ да не даваѣт (В, XVII, 32), нигде кумерки да не даваѣт (В, XVII, 35); из грамоты Александра — да му плати богъ (В, XXIV, 44); из грамот Влада I — а тои да се повратит (В, XLVIII, 71), да си душъ не загубите (В, LVII, 82); из грамот Владислава Дана — а они да доидѣт к мене (В, LXIV, 88), мито да му не възмете (В, LXV, 88); из грамот Влада II — и тузи ви пустих нѣколици волове... да ви их разделите (В, LXX, 92), умирете се... и хранете се (М, XIII, 33); из грамоты Дана Претендента — да ми казаше от тие люди (В, LXXIX, 101); из грамот Басараба II — да доидут на комати си (В, XCIII, 120), а он да ми купит (В, XCIV, 121); из грамот Басараба III — а он да си платет дижму (М, IX, 10), да послет дворник една слуга господска (М, IX, 13), а други да ми чинит ѿ монастир от керамиду (В, CXLVI, 177); из грамоты Албула, ворника Александра — да ходит въсегда к мен(е) ваш чловѣкъ (В, CCIX, 250); из грамоты Г. Ласкара — да доле момкот Дабѣжа (В, CCXIII, 255), да чини как знаеш (там же); из грамоты Драгомира Удрище — азъ му рекох да им платит (В, CCXXXVII, 293); из грамоты Стойко — и да си пустите чловѣка, да будет кои мене (В, CCXLIV, 299). Эта особенность грамот не заимствована. Она в очень ограниченном и специфическом употреблении была известна книжному болгарскому языку, в еще

меньшей степени сербскому. В языке же валашских грамот она так же часто и широко используется, как и в более поздних новоболгарских памятниках, когда живые говоры получили свободный доступ в письменность. Но то, что в самой Болгарии произошло во второй половине XVI в., в Валахии имело место уже в XIV столетии.

В молдавских грамотах Стефана Великого аналогичные образования с союзом *да* встречаются, но по своему характеру они ближе к подобным старым книжным образованиям — хощѣ да придеши, нежели к живым — да му плати бог. Примеры: да не смѣть ходити ни единъ наш оурадник (19 августа 1472 г.), жадна душа да не имае жадного примѣсу до манастирских пасиках (13 июля 1463 г.) и др. При сравнении сочетаний союза *да* с личной формой глагола в молдавских и валашских грамотах необходимо обратить внимание на то, что в валашских последовательно отражена одна новоболгарская синтаксическая особенность, а именно постановка местоимения (обычно в конъюнктивной форме) между союзом *да* и глаголом: аз му реках да им платит. Молдавские грамоты этого не знают. Чаще в молдавских грамотах находим не книжное, а живое образование — тот щоби ему не порушил наше да(ание)е (8 октября 1462 г.), щоби ему оутвердил и укрьпил (там же), щоби не имали жадного дила (13 июля 1463) и др. Несомненно, что сочетание с союзом *да* в молдавских грамотах было книжного происхождения.

Сочетание союза *да* с личной формой глагола в славянских говорах Валахии постепенно вытеснило и заменило старый инфинитив. В современном болгарском языке, как известно, сохраняются лишь остатки старой инфинитивной формы. На основании данных современной восточноболгарской диалектологии и языка семиградских болгар следует предполагать, что в течение продолжительного времени старые инфинитивные формы и новые сочетания сосуществовали. Подобное сосуществование в настоящее время можно наблюдать в восточноштокавских говорах и в сербском литературном языке, в котором в одинаковой степени возможны бојиш се казати

и бојиш се да кажеш, или снем питати — снем да питам.¹ Данные валашских грамот указывают, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. существовала еще старая инфинитивная форма, но параллельно с ней употреблялось уже новое сочетание союза *да* и личной формы глагола. Это свидетельство валашских грамот тем более важно, что собственно болгарские памятники отражают явление двумя столетиями позже. Примеры со старым инфинитивом: из грамоты Мирчи — а инь ничии добыток да не смѣть ходити (М, IX, 3); из грамоты Дана II — да им вамѣ не смѣте вѣзати (В, IX, 18); из грамоты Влада II — да ходет и ваше люде къ нам куповати (В, LXXI, 93); из грамоты Владислава — приати велико зло и оргіе (М, IX, 7); из грамот Басараба III — никто да не смѣт орати или косити сено без волѣ монастырска (М, IX, 10), и кушити глоба (М, IX, 13); из грамоты Драгомира Манева — слушати от нега (В, CCXVII, 262); из грамоты Коя-туя ти дам знати зараді ону книгу (В, CCXXXIV, 289). Эти старые инфинитивные формы, совсем обычные в молдавских грамотах Стефана Великого, в валашских грамотах встречаются редко. Чаще находим так называемый новоболгарский инфинитив, аналогичные образования которому находим в новогреческом и албанском языках. Примеры: из грамоты Мирчи — тоузи вы смь даль да знаете (Вен., 26); из грамоты Дана II — кто любит дя купчува (В, XIV, 29); из грамоты Влада II — а вие да га да отиде дома си (В, LXXIII, 95); из грамоты Басараба III — да ловит рибу по рѣцѣ Тисменскои (М, IX, 10); из грамоты Раду III — хтет да доидет къ господство ми (В, LXXXI, 104); из грамоты Синадина — да се исправи работа (В, CCXXXIII, 288).

Итак, исследование сербских элементов в канцелярском языке Валахии в полной мере подтверждает мысль, высказанную еще Венелиным, что валашские грамоты являются памятниками болгарского языка. Это также вполне согласуется

¹ См. Meillet et Vaillant, Grammaire de la langue serbo-croate, Paris, 1924, p. 188.

с данными славянских элементов в современных валашских говорах.¹ Еще и еще раз славянские грамоты подтверждают, что славяне Дакии в этническом отношении ближайшим образом были связаны со славянскими племенами Мизии, Балкан, Родоп и Македонии. Сербские элементы характеризовали лишь книжный язык.

Как мы уже отмечали выше, с конца XIV в. центром славянской культуры на Балканах становится восточная Сербия. „В описываемое время Сербия представляла единственную страну, где славянская письменность была так же оживлена, как болгарская в X и половине XIV века; недаром переписчик книги Царств, переведенной в 1416 году, сравнивает деспота Стефана с премудрым царем Симеоном, а в „испытании и взыскании божественных ветхих и новых писаний“ считает его равным одному Птоломею... Переписчик, переводчик, повидимому, автор и редактор, Стефан Лазаревич собрал около себя лучших книжников, вызвав их из Болгарии и Афона“.² Именно здесь, в Ресаве, в начале XV в. создается известная южнославянская редакция славянских рукописей, которая оказала глубокое влияние на славянскую письменность на Балканах: „Так называемые ресавские изводы, которыми дорожили в XVI—XVII веках и которые тщательно копировались без всяких почти изменений сербскими, болгарскими и валашскими переписчиками, — эти изводы получили такое распространение в указанные выше века, что почти все рукописи с сербским правописанием, которые нам приходилось иметь под руками в румынских библиотеках, могут считаться копиями с тех текстов, которые были правлены и редактированы по правилам самого Константина его литературно-графическими последователями“.³ Под руководством Константина Костенческого кодифицируются нормы „ресавского“ книжного языка, отражающие многочисленные черты живой сербской речи.

Влияние сербской орфографии в западной Болгарии обнаруживается еще во второй половине XIV в., до создания

¹ „Древние славянские элементы, проникшие в румынский язык, представляют особенности болгарского языка“ (Rosetti, op. cit. III, p. 37).

² „Григорий Цамблак“, стр. 147.

³ Там же, стр. 403—404.

„ресавского“ извода. Это влияние отражено в нескольких дошедших до нас церковных текстах. Многочисленные особенности сербской орфографии представляет грамота Срацимира к брашовянам, о которой речь была выше. Но в это время в Валахии еще господствовала „терновская“ редакция. Переписчики церковных книг в Тисманском монастыре и в других культурных центрах молодой Валахии упорно следуют наставлениям и указаниям Евфимия Терновского. Стараются подражать им и не очень грамотные логофеты из господарских и частных канцелярий.

Но вот под ударами Турции гибнет Болгария, разрушается Терновская патриархия... Проходит некоторое время, и в восточной Сербии под руководством Стефана Лазаревича возникает новый культурный очаг славянской письменности, который очень быстро занимает господствующее положение. Естественно, что молодая славянская церковная письменность в Валахии не могла остаться без руководства. Она находит ее в Ресаве.

Следы влияния сербской орфографии на валашские церковные памятники обнаруживаются в 20-х годах XV в. Сперва это влияние отражается спорадически. В грамотах Раду II редко находим отдельные черты сербской орфографии. Во время Дана II эти черты встречаются чаще. Еще чаще и последовательнее следы влияния сербской орфографии обнаруживаем в грамотах Александра. Именно с этого времени можно говорить об интенсивном воздействии сербского книжного языка на канцелярский язык Валахии. В это же время в Валахии появляются первые логофеты-сербы, которые пишут грамоты на сербском языке (ср. грамоту Александра в издании Богдана под № XXX). Анализ языка грамот показал, что местные валашские писцы не изучали сербский язык. Они были знакомы лишь с некоторыми важнейшими чертами его орфографии, которыми пользовались грубо и неумело. Так продолжается до Раду III. С этого времени влияние сербского языка еще усиливается. Объясняется это тем, что после окончательного падения Сербии с конца 50-х начала 60-х годов в Валахию и Молдавию устремляются многие деятели сербской письменности, которые здесь находят широкое поле для сво-

ей деятельности. Это приводит к усилению сербских элементов в книжном языке не только в Валахии, но и в Молдавии. Так, нам известно, что в Молдавии подвизался серб дьяк Тодор Проданович, который написал хрисовул Зографскому монастырю в 1466 г. (см. Bogdan „Documentele lui Ștefan cel Mare“, t. I, p. 61).

Грамоты Басараба II, Басараба III, Влада III и особенно Раду IV представляют многочисленные черты сербского языка как в фонетике, так и в морфологии. Еще больше их в грамотах XVI столетия. Однако легко показать, что и в этих грамотах сербизмы являются элементами лишь книжного языка.

Сербское влияние на книжную культуру Валахии было продолжительным. Воспоминаниями о нем богата славянская культура Валахии до XIX в. Но влияние это отразилось лишь на книжной, господствующей культуре. Народные массы этого влияния не отражают.

Проф. Барбулеску пытался провести параллель между славянским языком Валахии и македонскими говорами.¹ С этим можно было бы согласиться, если бы Барбулеску не противопоставлял последних болгарским. Что же касается сербских элементов, то их характер и значение в Македонии и Валахии были различными. В течение продолжительного времени Македония не только входила в состав Сербии, но и была одной из центральных ее областей. „С конца XII-го и преимущественно со второй половины XIII-го века обнаруживается стремление молодого королевства Неманичей распространить пределы своего политического господства и на области, подходившие к Рашке с юга и юго-востока. Внимание Неманичей привлекают богатые долины Вардара и Струмы, ведущие к Эгейскому морю... В новых областях сербские краи оставляли сербские гарнизоны и сербскую администрацию. Некоторые местности они колонизовали переселенцами из прежних сербских земель... Сербские поселенцы образовывали иногда целые села... Интенсивная сербская колонизация происходила в северной Македонии“.² Все это привело к тому, что в народные

¹ „Relations des Roumains avec les Serbes, les Bulgares, les Grecs et la Croatie en liaison avec la question Macédo-Roumaine“, Jasi, 1912, p. 244.

² „Очерки по македонской диалектологии“, стр. 132—134.

македонские говоры проникли многочисленные черты сербского языка. Здесь сербские элементы отложились значительным слоем в народных говорах, и требуется большой опыт и чутье, чтобы отделить их от местных черт. Совсем иначе проникали сербизмы в Валахию. Придунайские княжества не входили в состав Сербии. Не было значительной народной колонизации из сербских земель. Контакт с Сербией установился накануне крушения этой феодальной державы, когда она в политическом и экономическом отношениях была уже слабой. Именно поэтому в народные говоры сербизмы не проникали. Сфера их распространения ограничивалась исключительно книжным языком и отражена преимущественно в области орфографии. Характерно, что даже в книжном языке (например, в языке грамот) почти отсутствуют лексические заимствования из сербского языка. Это указывает на отсутствие непосредственного контакта с сербским населением.

Такой контакт был лишь в области Баната. Здесь валашское и сербское население в течение продолжительного времени оказывают взаимное влияние. Изучение роли сербского элемента в формировании населения Баната является одной из актуальных проблем славяно-румынских отношений.

Взгляды Барбулеску на характер славянского населения Валахии менялись много раз. Это объяснялось не страстными поисками пытливого исследователя. Младенов, Бузук и другие обнаружили их источник за пределами науки. Но и Барбулеску часто определял славянские говоры Валахии, как говоры болгарские. Так их определяют все объективные исследователи. Проф. Богдан считал, что грамоты написаны на болгарском языке (*limba bulgarească*). [См. предисловие к изданию брашовских грамот, стр. XXXIII] „Язык их (валашских грамот. — С. Б.) болгарский, — писал Яцимирский, — неустойчивый, с отклонениями в сторону сербской фонетики, этимологии и словаря, иногда с румынскими выражениями и синтаксисом“.¹ В другом месте он определяет язык грамот, „как язык болгарский с сербскими особенностями“.² В рецензии на издание брашовских грамот Богдана Яцимирский отказался от этой

¹ Р. Ф. В., 1905, № 3, стр. 52.

² Р. Ф. В., 1907, № 1, стр. 145.

формулировки и определил язык грамот, как „деловой язык славянских документов валашского происхождения“.¹ Эта формулировка указывает лишь на функцию языка, но не определяет его принадлежности к болгарскому или сербскому языкам. В 1910 г. Яцимирский вновь определяет язык валашских грамот, как смесь живого болгарского языка с некоторыми сербскими особенностями.²

На многих примерах мы убедились, что молдавские грамоты отражают говоры иной славянской среды, нежели грамоты валашские. Несомненно, что между коренными славянскими говорами Валахии и Молдавии были глубокие различия. Первые принадлежали к болгарской группе, вторые — к восточнославянской: „Относительно западно-русского характера языка молдавских грамот в литературе, в сущности, нет спора. Этот факт, бросающийся в глаза и неспециалисту-филологу, не вызывал среди ученых, начиная с Венелина, никаких сомнений“.³ Действительно, большинство ученых отмечали восточнославянский характер языка молдавских грамот. Лишь Милетич и Барбулеску не делали различий между валашскими и молдавскими грамотами. Так, в первом своем исследовании Милетич для подтверждения своего тезиса о болгарском характере славянских говоров Румынии привлекает данные валашских и молдавских грамот (об этом см. выше). В одном из своих ранних исследований „Cercetari istorico-filologice“ И. Барбулеску писал, что „язык и орфография молдавско-славянских текстов являются болгаро-славянскими с примесью сербо-славянской и русско-славянской“ (р. 67). Эта работа вызвала появление статьи Богдана.⁴ В ней он убедительно опроверг утверждение Барбулеску и доказал, что „die Urkunden (молдавские грамоты. — С. Б.) sind in russischer Sprache verfasst“.⁵

¹ Ж. М. Н. П., 1907, июнь, стр. 442. Небезынтересно указать, что обе формулировки предложены Яцимирскими одновременно (в 1907 г.).

² „Язык славянских грамот молдавского происхождения“, стр. 154.

³ О. Марков, *Slavia*, VII, 2, стр. 401. См. так же статью Вол. Ярошенко — „Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV ст.“, *Збірник комісії для дослідження старої української мови*, I, Київ, 1931.

⁴ „Ueber die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden“, „Jagie-Festschrift“

⁵ *Ibid.*, S. 371.

Так же определял язык молдавских грамот проф. К. Иречек („meist entschieden russischen Typus“, „Arch. f. slav. Phil.“, В. XV, Н. 3, S. 81). Яцимирский не ограничивается таким общим определением: „Язык молдавских грамот не представляет чего-нибудь устойчивого; в основе его западно-русский официальный с заметным преобладанием галицко-волинских черт и книжных болгарских форм и написаний. В более древних грамотах сильно польско-белорусское влияние, в поздних живое румынское“.¹ Аналогично определяет он язык молдавских грамот в статье „Язык славянских грамот молдавского происхождения“ (стр. 154).

Все эти определения являются результатом общего и беглого ознакомления с языком славянских грамот Молдавии. До сих пор грамоты не стали объектом детального и всестороннего исследования, несмотря на то, что они содержат богатый материал по исторической диалектологии украинского языка и смогут дать надежные факты для изучения роли украинского элемента в формировании молдавского народа и молдавских говоров.² В XV в. в Молдавии были отдельные села с болгарским населением, выселившимся из Валахии. Так, в одной грамоте Стефана Великого (I, стр. 130) находим: „где било село былгарское“, в другой (II, стр. 315): шкѣи на устьѣ Фрумоасѣ. Но болгарские элементы в молдавских грамотах определялись не этими отдельными поселениями. Они были заимствованы из соседней валашской письменности, которая в XV столетии оказывала сильное влияние на молдавскую. „В культурной и, в частности, государственной и социальной жизни Молдавии сливаются два течения: с одной стороны, влахо-болгарское, с другой стороны, западно-русское, с явным преобладанием последнего из них“.³

¹ Р. Ф. В., 1906, № 1—2, стр. 180.

² Уже Иречек указал, что в византийских источниках Молдавию называют не только *Μαυροβλαχία*, но и *Ρωσοβλαχία* („Arch. f. sl. Philologie“, XV, 85).

³ О. Марков, цит. соч., стр. 399.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ГРАМОТАХ ВАЛАХИИ XIV—XV ВЕКОВ

Морфологическая структура современного болгарского языка представляет собой особенности, резко отличающие ее от других славянских языков. Известно, что среди других индоевропейских языков славянские языки хорошо сохранили старое синтетическое склонение. „Своеобразно архаический облик балтийских и славянских языков обусловлен, с одной стороны, тем, что фонетические изменения в них почти не нарушили общей структуры слов — в меньшей степени, чем, скажем, в древнегреческом, — а с другой стороны, тем, что в них сохранилось очень богатое именное склонение, и различие почти стольких же падежей, как в древнем индо-иранском, способствовало сохранению древнего типа предложения“¹. Только один болгарский язык не знает падежных флексий (находим лишь отдельные окаменелые формы) и выражает падежные отношения с помощью предлогов, т. е. представляет аналитический тип склонения, который как в общих чертах, так и в частности представляет поразительные черты сходства со склонением в соседних неславянских языках Балканского полуострова.

Эта характерная особенность отображена последовательно лишь памятниками новоболгарского языка (дамаскинами). Сохранившиеся памятники старославянского языка представляют весьма сложную систему именного и местоименного

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индо-европейских языков, М. — Л., 1938, стр. 101.

склонения, сохранявшую, как известно, еще различая в склонении по звуковому виду основы. Лишь в памятниках среднеболгарского языка начинают проскальзывать отдельные особенности новоболгарского языка.

В связи с этим совершенно естественен интерес к языку среднеболгарских памятников, который проявили историки болгарского языка начиная от П. Билярского. Маклошич, Милетич, Цонев, Щепкин, Кульбакин, Ильинский, Экблом и многие другие немало сделали в этом отношении. Труды их лежат в основании всех построений, связанных со среднеболгарским периодом. Несмотря, однако, на все эти исследования, среднеболгарский период изучен недостаточно. Основная причина этого кроется в весьма скудной документированности этой эпохи. До нас дошло ничтожное число памятников, большая часть которых в лингвистическом отношении мало выразительна. Мы уже имели случай выше указать, что сохранилось очень мало светских памятников, а среднеболгарская дипломатика, как известно, представлена всего лишь несколькими документами.¹ Церковные же памятники, текстуально и грамматически зависящие от церковных памятников старославянской эпохи, дают, естественно, мало для истории новоболгарского языка. Превосходное исследование В. Н. Щепкина „Болонская псалтырь“ наглядно показало, что памятники подобного рода можно привлекать для характеристики живого языка после тщательного и всестороннего филологического изучения текста. Но даже и такой „очищенный“ текст очень скупо характеризует черты живого языка.

Неблагоприятные последствия для изучения истории болгарского языка имела архаизирующая деятельность патриарха Евфимия Терновского и его последователей. Большинство тех завоеваний, которые сделал живой язык в письменности в течение XII — XIV вв., было уничтожено.² Была проведена тщательная сверка всех текстов Священного писания со старыми списками, упразднены все языковые и орфографические новообра-

¹ См. Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей, М., 1911.

² „Несмотря на то, что Евфимий был авторитетен у нас и за границей, мы, оценивая его реформу, должны сказать, что она нанесла ущерб тогдашнему народному языку“ (Б. Цонев „История на български език“, II, стр. 268)

зования. Различия между книжным и живым языком в Болгарии во второй половине XIV в. были чрезвычайно велики. Это заставило руководителей болгарской церкви активно выступить в защиту языковой книжной традиции, которой грозила серьезная опасность со стороны языка живого. Насколько она была реальной и значительной, мы можем судить на основании уже упомянутой нами Троянской притчи, язык которой представляет значительные отступления от принятых в XIV в. норм книжного языка.

Архаизирующая деятельность Евфимия охватила не только язык канонических памятников. Апокрифы, многие из которых были обработаны самим патриархом (например, апокриф о Петке Терновской), исторические сочинения, частично грамоты — на всем этом отразилось веяние новой языковой политики терновской церкви и двора. Естественно, поэтому, что огромное большинство памятников XIV в. (а от этого столетия сохранилось сравнительно много памятников, относящихся к различным жанрам письменности), дает очень мало материала для истории живого языка населения Мизии, Балкан, Фракии и Македонии. Уже давно мы привыкли относиться с известной долей скептицизма к данным языка мертвых памятников, явно предпочитая им данные живых говоров. „Письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших веков: действительно, преемственность письма, книжного языка, да и самой литературы неминуемо ведет за собою перенесение из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших в языке, чуждых живому произношению“.¹ Эти слова академика Шахматова, сказанные им по поводу значения древнечешских памятников, с еще большим правом могут быть адресованы среднеболгарским рукописям. В эпоху Второго Болгарского царства, особенно в период царствования Иоанна-Александра, различия между книжным языком и народным болгарским языком северо-восточной Болгарии были чрезвычайно велики. Свидетельств этому мы находим достаточно. „Писатели среднеболгарского периода больше

¹ А. А. Шахматов. Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1898 г., СПб., 1900, стр. 36.

ориентируются на староболгарский язык и только изредка отражают народную речь. Таким образом, книжная речь XII—XV вв. ближе староболгарскому языку, нежели живой народной речи. Это мы замечаем особенно хорошо в тех среднеболгарских памятниках, в которых наряду со староболгарскими формами встречаются новые, или же старые употребляются неправильно¹. К сожалению, таких памятников мало. Болгарские книжники той поры были превосходно вышколены, они могли не только точно переписать старый текст, но и в случае необходимости самостоятельно создавали новый, удовлетворяющий всем нормам литературного языка. Это находит подтверждение в новых переводах византийских летописцев, которые были сделаны в среднеболгарский период. Единственное исключение — Троянская притча — текст загадочного происхождения.

Итак, сохранившиеся среднеболгарские памятники дают очень мало для истории болгарского языка. На основании их данных характеризовать состояние болгарских говоров в XII—XV вв. невозможно. В связи с этим перед исследователями стоит задача привлечения каких-то новых, дополнительных источников, которые бы могли пролить свет на состояние народных говоров до XVI в. Нельзя сказать, что эти поиски дали ощутимые результаты. Нового материала привлечено пока мало. Это следы болгарского языка в соседних языках (греческом, албанском, румынском, венгерском и др.), данные славянской письменности у соседних народов, данные языка так называемых семиградских болгар, славянские топонимия Балканского полуострова. Болгарские элементы в соседних языках, топонимия могут в какой-то степени характеризовать лишь фонетические особенности и словообразование живого болгарского языка определенной эпохи. Язык же этот претерпел особенно глубокие изменения в области морфологии и синтаксиса. Несомненно, что среди всех источников подобного рода первое место принадлежит памятникам влахо-болгарской письменности. Славянская письменность, вышедшая из канцелярий валашских господарей, дает ценный материал для харак-

¹ Б. Цонев, История на български език, II, 1934, стр. 260.

теристики живого языка тех славян, которые заселяли древнюю Дакию.

Выше мы указывали, что славянская письменность в Валахии не имела таких старых и консервативных письменных традиций, какие тяжким бременем лежали на всей книжной культуре феодальной Болгарии. Первые литературные опыты и в области церковной письменности и в области светской начались до бегства книжных людей в Валахию и Молдавию из южнославянских стран. Деловая канцелярская письменность возникла под влиянием не столько византийско-славянским, сколько венгеро-латинским, что нами показано во второй главе. Латинская дипломатика соседних европейских стран не могла оказать архаизирующего влияния в области языка. Валашские грамоты писались на славянском языке, который был значительно ближе живому болгарскому языку, нежели официальный канонизированный язык болгарской письменности.

В предшествующей главе, в связи с многочисленными сербскими элементами в грамотах, мы охарактеризовали фонетические особенности славянских говоров Валахии и глагольную флексию. Теперь обратимся к главной задаче нашего исследования — к изучению именного склонения в языке писцов валашских канцелярий. Это изучение дает нам возможность представить особенности именного склонения славянских говоров Валахии в XIV—XV вв.

1. Склонение основ женского рода на *a* (*ja*)

Это склонение последовательнее всех других представляет аналитический тип. В современных болгарских говорах оно сохраняет наименьшее число флексий, хотя и от него осталось несколько старых падежных форм.¹ Это же можно сказать и о языке дамаскинов. Так, в Свищовском дамаскине 1753 г. встречаются различные падежные формы, но в основах на *a* находим форму дательного падежа в слове *баща*: *тази реч ареса бащи му* — 245. Издатель дамаскина, проф. Л. Милетич, указывает, что это склонение сильнее всего пострадало

¹ „Старото склонение в днешните български наречия“, СбНУ, II, стр. 226.

в болгарском языке.¹ Следует обратить внимание на то, что слово *баща* мужского рода. Последовательнее всего аналитический принцип проведен в склонении основ на *a* (*ja*) и в языке семиградских болгар. „И в чергедском говоре, так же как и в *o*-наречии, да и во всех других болгарских говорах, исчезновение именной флексии сильнее всего коснулось *a*-склонения“.²

Проф. Милетич не сомневается, „что первый толчок в замене падежей посредством общей формы дан был склонением основ на *ja*“.³ Это утверждение связано с его общим воззрением на роль среднеболгарской мены юсов в истории болгарского склонения. Выше мы указывали, что эта мена особенно сильно отразилась на склонении *ja*-основ. Почти вся аргументация Милетича, Цонева и их последователей о внутреннем распаде именного склонения в средноболгарском периоде строится на данных склонения основ на *a* (см. выше). Лишь сравнительно в редких случаях привлекаются данные склонения основ на *o* (*jo*), так как „там сохраняется старое склонение и только кое-где наблюдаем отступления“.⁴ История других склонений игнорируется. „Другие склонения мы не приняли во внимание, потому что известно из истории всех славянских языков, что историческое развитие шло все время к тому, чтобы свести все склонения по родовой категории к *o* и *a*-склонениям. Нет сомнения, что и в болгарском было то же. Поэтому, рассматривая состояние этих двух главнейших склонений, мы можем сказать, что оно представляет вообще именное склонение“.⁵ Ниже мы покажем, почему Милетич игнорирует склонение на *i*, которое, вопреки утверждению болгарского ученого, ни в одном из славянских языков не обнаруживает в женском роде тенденции к утрате.

Лишь в некоторых говорах славянских языков (например, в чешском и словацком языках) склонение основ на *i* испытало

¹ Свищовский дамаскин, „Български старини“, кн. VII, София, 1923, стр. 34.

² „Седмоградските българи и техният език“, стр. 35.

³ „Новия влахо-български грамоти от Брашев“, стр. 107.

⁴ Цонев, История, II, стр. 446.

⁵ „Сборник за народни умотворения“, IX, стр. 292.

заметное влияние со стороны склонения основ на *a*. Но и в этих говорах склонение на *i* женского рода сохраняет свой самостоятельный тип.

Общая форма (*casus generalis*) склонения основ на *a* (*ja*) не представляет по говорам единства: в одних говорах она восходит к старому винительному падежу, в других — к именительному. В некоторых болгарских говорах сохраняется еще различие между старыми именительными и винительными падежами. Это последовательно отражено в крайних северо-западных говорах (например, трнский говор); *vóda* — *vodŭ*.¹ Как пережиточное явление находим это разграничение в некоторых восточноболгарских говорах. Так, по свидетельству Милетича, в некоторых селах *o*-диалекта (например, в Kulevča) в языке старух различается *udá* и *udŭ*. Первая форма генетически восходит к именительному падежу (*voda*), вторая к винительному (*vodŭ*). Употребление их синтетически разграничено: *udŭ* употребляется в функции косвенных падежей после предлога:² *ta zarad udŭť sa kárat; ut tiť udŭ íšťť da utdélet*. Н. С. Державин отмечает, что в кашловском говоре Крыма слово *ráka* произносится с членом *rákáta* только в том случае, если оно не будет в предложении дополнением. В прямом дополнении находим *rakáta*. Так, *убери свою руку* — *zémí sí rákáťa*.³ Такое разграничение общей формы в восточноболгарских говорах находим и в ином значении: формы именительного и винительного падежей сохраняются только в именах родства. Характеризуя систему вокализма ловчанского говора, проф. Цонев указывает, что в словах женского рода на *a* „в так называемых родственных именах или вообще во всех именах женского рода на *a*, которые означают какое-либо лицо, сохраняется чистое *a* в окончании именительного падежа, а *ь* (-ъ) в винительном“.⁴ Так: *женá* — *женŭ*; *сестрá* — *сестрŭ*, *снѣхá* — *снѣхŭ* и т. д. Естественно, что это различие будет наблюдаться только

¹ А. Тодоров, Западные български говори, (см. Пер. Сп. кн. XIX — XX, стр. 154, 175; см. также Бэлич Дијалекти источне и јужне Србије, Београд, 1905, стр. 309. сл.

² „Das Ostbulgarische“, 1905, S. 105—106.

³ Н. С. Державин, Болгарские колонии в России, II, 1915, стр. 485.

⁴ Б. Цонев, За источнобългарския вокализъм, СбНУ, IV. стр. 505.

в том случае, если ударение падает на конечную гласную, так как в безударном положении *a* изменяется в этом говоре в *ъ*. Старые формы винительного падежа (*женъ*) употребляются только при кратких формах местоимений: *ми, ти, си, му, ѝ, ни, ви, им*: *той довел женъ-си*.¹ Милетич в своем исследовании письменности и языка банатских болгар отметил, что общей формой для слов женского рода на *a* будет старый винительный падеж. „Только известные имена родства, как: *жинá, систрá, уйкá, бъцá* отличаются своим чистым ударением *a*, остатком прежнего именительного падежа“.² Им же это явление отмечено вслед за Цоневым и для многих восточноболгарских говоров.³

Однако для большинства болгарских говоров характерно полное объединение старых форм именительного и винительного падежей в одну общую форму, которую Милетич в своей работе „Книжнината и езикът на банатските българи“ назвал „общей именительнокосвенной формой“. Уже больше 50 лет назад П. А. Лавров в своей диссертации „Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка“ писал: „Нам кажется, что следует признать несомненным то, что в говорах восточноболгарских получила преобладание форма винительного падежа, в говорах западноболгарских, наоборот, форма именительного падежа“.⁴ Это старое наблюдение и по сей день не может быть полностью отвергнуто. Нельзя согласиться с категоричностью утверждения автора. Новейшие исследования внесли существенные коррективы в предположение Лаврова. Так, в значительной части северо-западных говоров в районе к востоку от Рахова, по всему Белослатинскому району, в районе к Плевне и в Луховитском районе общая форма генетически восходит к винительному падежу.⁵ Говоры эти, однако,

¹ Б. Цонев, История, II, стр. 467.

² „Книжнината и езикът на банатските българи“, СБНУ. XVI—XVII, стр. 423.

³ „Das Ostbulgarische, S. 105, 239. Эта же особенность была отмечена Милетичем в павликианском наречии (см. его статью „Павликианското наречие“, СБНУ, XXXI, стр. 22.

⁴ П. А. Лавров, Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка, М. 1893, стр. 124.

⁵ Ц. Тодоров, Северозападните български говори, София, 1936, стр. 266, 272.

являются переходными между северо-восточными и чистыми северо-западными. Не всюду и в восточной Болгарии общая форма восходит к винительному падежу. Так, в северо-восточной деревне Равна говорят: *vjodъ, oscъ, mētlъ*, а в селе того же *o*-диалекта Кривна находим: *vjodá oscá metlá*.¹ Тем не менее в самых общих чертах следует признать это старое наблюдение справедливым. Возражение Л. Милетича, сделанное им в его обширной и убедительной рецензии на мало удачный труд нашего слависта, носит слишком общий характер и не подкреплено диалектологическим материалом (см. СБНУ X, стр. 54).

Чергедские тексты неопровержимо доказывают, что в северо-восточной Болгарии во второй половине XIII в. склонение основ на *a* носило современный аналитический тип. Трудно решить на основании старых записей вопрос о происхождении этой общей формы: восходит ли она к винительному или к именительному падежам. Пишут обычно *a*. Милетич справедливо полагает, что под этим *a* может скрываться *ъ*, что им доказывается указанием на колебания в передаче конечного звука. Изредка его передают через *e*.² К этому же выводу можно прийти на основании данных современной диалектологии.

В чергедских текстах мы находим не больше остатков падежных флексий в этом склонении, нежели в современных северо-восточных говорах. Находим несколько примеров с остатками флексий в родительном и дательном падежах (ср. *дарува ми вѣра на моѣ души лечина* — 120). Этот редкий пример в текстах семиградских болгар свидетельствует, однако, что *душа* уже не воспринималась как форма дательного падежа. Это уже окаменелая форма, тот же *casus generalis*. В данном случае косвенное дополнение выражается аналитическим путем с помощью предлога *на*: *на моѣ души*.³

¹ „Das Ostbulgarische“ S. 105.

² См. „Седмиградските българи и техният език“, стр. 34.

³ Хорошо характеризует лингвистическую методологию Милетича то, что он цитирует это место без предлога *на*: *моѣ души* (цит. соч., стр. 35). Ему важно указать, что в языке чергедских молитв были остатки дательного падежа, а не то, что эти остатки воспринимались как формы общего падежа. Единую живую форму *на моѣ души* Милетич искусственно разрывает.

Выше мы указывали, что в Свищовском дамаскине сохраняется в склонении основ на *a* лишь форма дательного падежа в слове *баща*: *бащи*, слова мужского рода. И в чергедских текстах в этом же слове встречаем форму дательного падежа. Однако эта форма восходит к дательному падежу склонения основ на *o*: *башу* (116), *небенцку башу* (129), *ним-туму башу* (135), *башу и сину и свентуму духу* (143). Это единственное слово во всем склонении, которое изредка использует старую флексию. При предлогах находим уже всегда неизменяемую общую форму — *баща*: *от баща мила* (150), *при твоя баща* (154). Во всех словах женского рода последовательно находим не изменяемую по падежам общую форму.

В прямом дополнении *общая* форма различается от подлежащего только синтетически: *прости ни наше ськва кривина* (129), *дай ми топлина* (151), *домасяме наш на неволя* (151), *да ни блажнии душа* (151), *котри си сторим земята* (146), *дал твоя свента бесёда* (146), *отворил твоя небенцка воля* (146), *научи ни нас твоя правина* (129), *зантуй пуца бо неволя* (124). В косвенных падежах с предлогами употребляется всегда неизменяемая *общая* форма. Выразителем старых падежных отношений является только предлог:

a *фъф неволя* (151), *фъф бездна* (150), *ф моје душа* (120), *фъф наше молба* (76), *фъф вяра* (76), *фъф къща* (82), *фъф нова година* (84), *ф нашета зьлщина* (76), *фъф вода са ъемант риба*, *ф гора много гадина* (130), *ф наше мънка* (90), *ф наше работа* (90), *фъф книгата написани* (109), *фъф темница* (120), *ф наше къща* (147), *из бездна* (150), *из земă* (100), *из темница* (120), *из земя ляб* (135), *без кривина* (147), *без вина* (102), *от земя* (109), *от пречиста девица* (105), *од греси и саква кривина* (98), *от чиста дивица Мариа* (96), *от земăта* (92), *от лоза* (82), *от чума, от вода* (151), *пази ни от размирица* (151); *под четвърта година* (120), *по моја воля из бездната* (123), *по ваш'та воля* — 124, *при твоје бесяда* (92); *през твоје... кървава служба* (79); *през твоје бесёда* (120); *със бесяда* (154), *със наш'та правина* (150), *със вăра подновена* (149), *с добрина* (147), *с клентва* —

(124), с душа — IX5, за бездната (124), таквоз голяма добрина (146).

Общая форма во множественном числе представляет флексии *i* и *e*: звезди (107), беседи (103), молбини (83), грижи (147), слуги (148), но бащите (148), гозбете (150) кървави ране (129), офце (105). Колебания в употреблении флексии множественного числа находим в современных северо-восточных болгарских говорах, в редких случаях отражено это и в литературном языке (ср. *овце*, но *жені*).¹ Слово *рънка* во множественном числе сохраняет старую форму двойственного числа: *ти си отвареш твuite свенти рѣнце* (152), *с ренце* (94).

Связь между новоболгарским аналитическим склонением и склонением чергедских молитв не только в том, что последние уже полностью утратили склонение *a*-основ. Одинаково выражаются важнейшие синтетические отношения. Мы имеем в виду прежде всего объединение родительного падежа с дательным, о чем подробнее будет идти речь ниже.

Если мы теперь обратимся к среднеболгарским памятникам XIII в., то заметим, что старый синтетический строй именного склонения выдерживается полностью. В этом, однако, нет ничего удивительного. В эпоху Асеня II и его преемников традиции старого книжного языка соблюдались строго. В богатых болгарских монастырях, культурных очагах того времени, велась интенсивная литературная деятельность. Писцы следовали установившимся канонам старого языка, языка в такой же степени священного, как и самая письменность. Были, вероятно, и рукописи, исполненные в захолустных монастырях не очень грамотными переписчиками. Но эти рукописи не берегли. До нас дошли те рукописи, которые представляли большую материальную ценность, рукописи в лингвистическом отношении мало выразительные. Сохранились, однако, в ничтожном количестве тексты от XIII в., свидетельствующие о том, что в языке их писца уже не было синтетического склонения. Мы имеем в виду прежде всего так называемую Боянскую надпись — памятник XIII столетия.²

¹ „Das Ostbulgarische“, S, 109.

² См. В. Н. Златарских, Боянскит надпис, „Годишник на Софийския университет“. XXXI, 10, 1935.

Проф. С. Младенов посвятил специальную статью изучению языка этой надписи.¹ Автор в небольшом тексте обнаружил несомненные указания на то, „что в течение XIII ст. болгарский народный язык сделал большой и решительный шаг вперед, когда вместо формы мест. п. ед. ч. ср. р. — при царствѣ блъгарсѣвъмъ появляется общий имен.-вин. падеж — при царство блгарское“.² Текст Боянской надписи дает Младенову полное основание утверждать, что процесс утраты синтетического склонения уже в XIII в. „был достаточно сильным“.³

Подтверждается это и другими памятниками. Так, „Боянское евангелие дает некоторые указания на начало того процесса, который привел к полной утрате падежных флексий“.⁴ Исследователь языка памятника, проф. С. М. Кульбакин, это положение иллюстрирует примерами: от лоукѣ, от вонѣ, измирнѣ и некоторыми другими.⁵

Подтверждается это и данными Загребского Октоиха, о котором писал Ягич в третьем томе своего Archiv'a. В этом среднеболгарском памятнике XIII в. находим несомненные указания на то, что в живом произношении переписчика старых флексий не было, а книжный язык он знал не очень твердо. Ср. водѣ животнѣ испльнѣ сѣще (должен быть род. падеж — воды животны), от крѣвоточивѣ, имѣа та помошница, въшед бо въ атроба твоѣ и др.⁶

От XIV в. сохранилось наибольшее число памятников. Однако в языковом отношении они все мало показательны.

¹ „Значението на Боянския надпис за българската езикова история“ (напечатана в том же XXXI т. „Годишник'а“).

² Там же, стр. 9.

³ Там же. Не могу согласиться с автором, что написание онъ же бѣ внуку свѣтаго Стефана Краля Срѣбьскаго также дает пример неправильного употребления падежной флексии. Младенов полагает, что должно быть внуку; бѣ внуку в предложении является предикатом, так что внуку стоит правильно в именительном падеже.

⁴ С. М. Кульбакин, Материалы для характеристики среднеболгарского языка, I, Боянское Евангелие XII — XII века, ИОРЯС. IV, 3, стр. 857.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см. „Archiv f. slavische Philologie“ III, S. 345.

Это блестящий период в истории болгарской письменности, с которым связана деятельность Евфимия и его учеников. Все сохранившиеся памятники относятся к тому жанру письменности, в котором индивидуальные особенности писца могли сказаться в наименьшей степени. Не сохранилось ни монастырских помянников, ни деловых хозяйственных записей, т. е. таких памятников, которые обычно дают богатый материал для исторической диалектологии. Это легко можно понять. В конце XIV в. много национальных ценностей было уничтожено. Беженцы, устремившиеся в Сербию и Придунайские княжества, брали с собой, естественно, наиболее ценные рукописи, т. е. различные церковные книги или переводы византийских летописцев. Много подобных ценных рукописей было сохранено в самой Болгарии не только в захолустных монастырях, но и в Тернове. До нас дошло бы, вероятно, немало разнообразных памятников старой болгарской письменности, если бы они в XVIII в. не попали в руки самых непримиримых врагов славянства — фанариотов, которые в течение XVIII в. и первой половины XIX в. всеми средствами уничтожали славянскую культуру на Балканах. Они почти полностью истребили все книжное богатство Болгарии. Вот почему значительная часть старых болгарских рукописей находится в настоящее время за пределами Болгарии. Немало ценных среднеболгарских рукописей хранится в наших книгохранилищах.

Из всех памятников XIV в. лишь один представляет резкий контраст: в нем мы находим такие особенности живого языка, каких не знает ни один среднеболгарский памятник. Это так называемая Троянская притча. Так, например, здесь впервые фиксируется новая аналитическая форма сравнительной степени: да не бждет чловѣкъ побогать от тебе (50), коа есть наилѣпа от васъ триехъ сестръницѣ (49) и др. Этот небольшой памятник представляющий вставку в Ватиканском списке летописи Манасии (в Московском патриаршем списке этой вставки нет) и оцененный впервые Ф. Миклошичем, в языковом отношении представляет собой явление совершенно загадочное.¹ Автор

¹ Цонев считал, что Троянская притча представляет собой перевод с хорватского: „После одного подобного сравнения я пришел к убеждению

текста хорошо знает книжный язык XIV в. и в большинстве случаев последовательно ему следует. Тем более совсем непонятны его неожиданные отступления от общепринятых норм в сторону живого языка. Из всех особенностей языка Троянской притчи архаичнее всего именное склонение. Примеров, которые бы подтверждали утрату синтетического склонения в основах на *a*, в тексте не так много. Большинство отклонений от старых норм находит объяснение в тех фонетических процессах, которые протекали в среднеболгарскую эпоху: исправи от Веноушѣкъ господѣкъ (50), изъ единѣкъ чашѣкъ (52), и поусти за своѣкъ дѣщере Цвѣтаны господѣкъ (55). В некоторых случаях находим колебания в употреблении флексий, известные и другим среднеболгарским памятникам. Так, например, — и поведе его под Троа; на той же странице читаем: и поведе а под Троа (59). В огромном большинстве случаев, однако, старое синтетическое склонение в тексте Троянской притчи сохраняется: и судари Ацилеша ядовитоѣкъ стрѣлоѣкъ въ патѣкъ (63), и посѣче въпръ мечѣкъ (62), за рѣкѣкъ (59), яко соколь на птицѣкъ (58), под пазоухѣкъ своѣкъ (53), поведе Елена царица дѣвица хоро играти (53), и рече емоу тихыми бесѣдами (52), ии показа иль три шѣпы рѣкоѣкъ (51), на рѣкѣкъ (50), в ризахъ прѣд него (49), въ овощници (49), искова златѣкъ авлѣкѣкъ (49), несе его пастырь женѣ своей (48), единому юноши (48), и Прѣямоушь краль имѣше женѣкъ (47); встречаем даже архаические формы двойственного числа: азъ гечахъ своимъ босамъ ногамъ (57). Находим, однако, в тексте и несколько несомненных ошибок. Так, находим: кто естъ прѣдъ моѣкъ ложицѣкъ въ полоунощѣ и толико плачеть (61), где винительный падеж употреблен вместо творительного. Известны в тексте случаи употребления формы именительного падежа в функции винительного: и влѣзе ношиа въ Троа дело на стража на высокомъ кастели (57), и до колѣ стоять дело на стража (57),

что болгарская притча не является самостоятельной обработкой, а просто переведена с хорватского оригинала“ („За произхождение по Троянска притча“, СбНУ, VII, стр. 235).

и вѣдѣ Ацилеешъ Телеспона соуличника дщере Бриженда госпождѣ, коа бѣше наилѣпа въ троискахъ странах (59).

Теперь перейдем к древнейшим славянским памятникам валашской письменности. Если мы обратим внимание на язык церковных памятников, то сразу заметим, что они, имея некоторые свои орфографические особенности, не отличаются в языковом отношении от среднеболгарских памятников эпохи Иоанна-Александра. Язык церковных памятников был уже окончательно установившимся, со своими старыми, узаконенными обычаями, нормами, очень далекими от живого славянского языка Мизии, Фракии и Валахии XIV — XV вв. Так же далек и так же „правилен“ славянский язык произведений светской высокой литературы. Таким произведением являются, например, „наказательные слова“ валашского господара Нягоя сыну Феодосию, написанные архаическим славянским языком. Язык этот в Валахии в XIV — XVI вв. был таким же искусственным, книжным, каким он был в XIV в. и в самой Болгарии. Нягой правильно употребляет все старые падежные флексии, свидетельствуя этим свою хорошую книжную выучку. Это в средние века мы встречаем не так редко.

Совсем иную картину представляет валашская дипломатика. Во второй главе мы уже указывали, что в отличие от церковной письменности валашская дипломатика формировалась в стилистическом отношении под влиянием средневековой латинской дипломатики. Уже давно исследователи обратили внимание на то, что валашская церковная письменность менее самостоятельна, более однообразна, нежели валашская дипломатика. Это отмечали Хаждеу, Богдан, Яцимирский и др. „Мы не знаем более устойчивых текстов, чем славяно-румынские рукописи церковного и отчасти светского содержания, остававшиеся почти без изменений в виде копий на пространстве трех веков, — и текстов менее устойчивых, чем всякого рода документы, написанные в румынских канцеляриях или же частными лицами“.¹ Эта меньшая устойчивость грамот выражается между прочим

¹ А. И. Яцимирский, предисловие к изданию П. Сырку сибирских грамот, „Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук“, т. XXXII, № 2, СПб., 1906, стр. XXIX.

в значительных колебаниях в языковом отношении. Наряду с некоторыми языковыми архаизмами находим многочисленные факты, характеризующие не книжные, не заимствованные черты славянского языка, а живые особенности того славянского языка, который был в широком употреблении у коренного населения Придунайских княжеств.

При изучении языка валашских грамот нужно иметь в виду, что традиции канцелярского стиля складывались под различными влияниями, и в XIV—XV вв. нормы этого языка были весьма неустойчивыми. В одной грамоте можно найти самые противоречивые формы, генетически совершенно не связанные друг с другом. Даже в вводной части грамоты в передаче титула господаря находим самые разнообразные языковые колебания. Ср. Іоанъ Радуль воевода и господиъ вьсеи зе ми угрволахійской (Bogdan „Documente“, № VI); Іоанъ Радоуль, великий воевода и самодръжавни господин вьсеи земли оугрволахійской (ibid., № VII); Іо. Радоул воевода и господиъ вьсои землы угрволахійскои (ibid., № CLXXXV); Іо. Радоул воевода и господинъ вьсои земле угрволахійское (ibid., № CLXXXI). Задача исследователя валашских грамот состоит между прочим в том, чтобы четко разграничить книжные славянские влияния (среднеболгарские и сербские) и (местные живые особенности языка валашских книжников, которые и являются предметом нашего изучения.

Для истории живого языка коренного славянского населения Валахии имеют особое значение древнейшие грамоты. Грамоты конца XIV и начала XV в. характеризуют тот период, когда еще не началось влияние книжного сербского языка, которое привело к значительному изменению облика книжного славянского языка в областях к северу от Дуная.

С конца первой четверти XV в. в валашских грамотах можно легко обнаружить два процесса. Первый явился отражением возросшей роли румынского элемента над славянским, что привело к появлению в языке грамот особенностей румынского языка. XV столетие еще сравнительно бедно ими. Чаще всего этот процесс находит отражение в утрате среднего рода или вообще в смешении родов. Примеры из грамот XV в.:

от вашои приательству (Басараба II—В, ХСIII, 123); на едно пагубу (Басараба III—В, СXXXV, 167), през едно недѣле (Басараба III—В, СXXXVII, 170), ни едно правду (Влад. III—В, СLIX, 194), ваша господство (Раду IV—В, СLXXXVII, 224), и ни едну вино не имают (Раду IV—В, СLXXXIX, 227), и паки едну виноград (М, IX, 20), и книге ми ест учинил царь, едною съм послал до вас, а друга пак ми ест дошел съда за туи работу (В, СXXXIV, 165) и др. Со временем процесс этот становится все более и более заметным. Так, памятники XVI в. уже богаты различными его проявлениями, а в славянских грамотах XVII в. находим много ценнейших фактов для истории румынского языка.

Изучение „румынизации“ книжного славянского языка Валахии (а также и других румынских областей) является одной из важнейших проблем, которая стоит перед историком румынского языка, так как может дать много новых фактов, что при скудости собственно румынских памятников имеет большое значение.¹

Второй процесс, который четко отражается в памятниках XV в. и более поздних, — это проникновение в книжный язык сербских особенностей. Всестороннему изучению этого процесса посвящена предшествующая, четвертая глава нашего исследования.

В данной главе, посвященной изучению особенностей именного склонения коренного славянского населения, мы представляем результаты наблюдений лишь над грамотами XIV—XV вв. (до конца правления Раду IV, т. е. до 1508 г.).

Изучение в этом отношении грамот XVI в. и более поздних для историка болгарского языка интереса уже не представляет.

Обратимся теперь к рассмотрению склонения основ на -а (-ja) в грамотах XIV—XV столетий.

¹ Изучение „румынизации“ славянского языка в Придунайских княжествах выходит за пределы нашего исследования. Эта проблема во всей своей широте стоит перед историком румынского языка.

Подлежащее и именная часть сказуемого в большинстве случаев выражаются формой именительного падежа. Таких примеров, как и по Дунаву куде се риба ловит (В, СLI, 183), глоба ли сѧ щет учинит по тѣхзи блата, душегубина ли (М, IX, 1), азь есмь кралева слуга (В, LXXXV, 110), можно привести сколько угодно. Встречаем, однако, в грамотах передачу подлежащего через винительный падеж. Так, в грамоте Владислава Дана находим старую форму винительного падежа в функции подлежащего: да им бѣдет пагубѧ (В, LXV, 88).

Передача подлежащего формой именительного падежа как будто указывает на то, что форма именительного в языке в XIV—XV вв. была живой формой, противопоставленной косвенным падежам синтетическими средствами. В действительности это было не так. Старая форма именительного падежа в это время была неизменяемой формой общего падежа (*casus generalis*), которую мы находим в большом числе примеров в значении прямого объекта (ср. из грамоты Басараба III — къда ке богъ даст да си добудем земля — В, СXXXII 162), при предлогах (ср. из грамот Мирчи Великого — у кола колико коне — В, I, 4; а на кола — В, I, 3; из грамоты Влада I — на моя срамота — В, LIV, 81; из грамоты Влада II — и по вѣсѣ хорѧ — В, LXXIV, 96; из грамоты Басараба III — по наша слуга по Петръ — В, СXXVIII, 159; из письма жупана Нега — и пак за таязи девоика — В, ССXXIV, 273, из грамоты Раду IV — що сѧ послал по слуга наша — В, CLXXXVI, 223 и множество подобных примеров).

Таким образом, форма именительного падежа в живом языке является неизменяемой формой (*casus generalis*), которая может выполнять синтаксические функции как прямого падежа, так и всех косвенных с помощью различных славянских предлогов или порядка слов. Все это в одинаковой степени относится как к единственному, так и ко множественному числам.

Общая форма во множественном числе восходит к старой именительно-винительной форме. Как известно, в твердых и

мягких основах формы множественного числа различались: в твердых — у (из доисторического *ops*), в мягких — е (из доисторического *jejs*). Это различие мы последовательно наблюдаем в славянских памятниках (ср. *рѣжы* — *доушѧ*, *жены* — *птица*).

Уже в глубокой древности начался процесс объединения флексий твердого и мягкого склонения: в одних языках побеждала *ы*, в других *а*. Следы такого объединения находим уже в древнейших среднеболгарских памятниках. Так, в Болонской псалтыри слова на *ца* представляют уже флексию твердого склонения: *вѣса птицы небесныѧ*.¹ В более поздних памятниках эта черта болгарского языка получает дальнейшее развитие. „Новоболгарский язык унифицировал два старых окончания *ы* и *а* в одно — *и*, так что теперь скажем не только *жени*, *риби*, но и *души*, *стаи*“.² Эта особенность характеризует огромное большинство современных болгарских говоров а в равной мере и литературный язык.³ Лишь в крайних северо-западных болгарских говорах находим результат влияния со стороны мягкого склонения. Так, в трнском говоре, в селах между реками Тюмеком и Огостой встречаем *годѣне*, *пѣшке*, *жѣне*, *рибе*, *ризе* и под.⁴ Известны подобные случаи и в памятниках письменности, написанных на крайнем северо-западе Болгарии.

Эта особенность крайних северо-западных говоров связывает их с сербскими говорами. В сербском языке, в отличие от болгарского, победила флексия мягкого склонения, что обнаруживается уже древнейшими памятниками сербской

¹ Щепкин, Болонская псалтырь, стр. 215.

² Цонев, История, II, стр. 480.

³ Совершенно неосновательно проф. Милетич объясняет победу твердого склонения влиянием форм множественного числа основ на *о* (СбНУ, IX, стр. 296). Возникает, естественно, вопрос, почему в сербском языке победило мягкое склонение, если и в нем были условия для подобной аналогии.

⁴ Тодоров, Северозападните български говори, стр. 283—284. В восточноболгарских говорах и в литературном языке встречаются отдельные слова жен. р. на = а, которые во множественном числе имеют = е: *овдѣ*, но и *овди*. Милетич считает форму *овдѣ* собирательной (СбНУ, XIII, 111).

письменности. Наиболее объективные болгарские лингвисты стоят на такой точке зрения. Так, проф. Цонев допускает, что северо-западные *жене*, *моме* „были подкреплены соседними сербскими говорами“.¹ Стремление некоторых лингвистов доказать имманентный характер северо-западных *жене* не может быть признано объективным.

Для решения этого вопроса данные влахо-болгарских грамот дают ценный материал. В грамотах XIV—XV вв. мы встречаем во множественном числе обе флексии: *и* (в древнейших грамотах иногда передается буквой *ы*) и *е*. Нередко в одной грамоте почти рядом для одного и того же слова находим то *и*, то *е*. Уже это одно обстоятельство свидетельствует, что одна из флексий является чужой, только книжной.

Если мы прежде всего обратимся к грамотам, написанным до 30-х годов XV в. (с этого времени обнаруживается интенсивное влияние на валашскую письменность сербского языка), то легко обнаружим, что множественное число образуется с помощью флексии *и*. Примеры: из грамот Мирчи Великого — и хто носит шапки фрѣшскіѣ и бобове и желѣзо (В, I, 3; в том же тексте в грамоте Раду II тоже шапки — В, V, 11), вам от риб и вам от пчел и глобы и душегубины (М, IX, 1), и ины вѣса работи (М, IX, 1), да ловат ѣву ми моруни (М, IX, 4), и вѣ возилници вино (М, XI, 4), отъ кошници (Вен., 26); из грамоты Раду II — да прѣстѣпит сіе клетви (В, VI, 9); из грамоты Дана II — а виг рѣзанъ нищо и шапки от постава нищо (В, XII, 27).

В грамоте Михаила, данной 22 июня 1418 г., встречается дважды флексия *ие*, которая, однако, не является флексией множественного числа от мягких основ (старое *а*), а флексией собирательной: нивие, кѣщие (М, IX, 5).² Ср. в современном болгарском языке собирательные *нивя*, *кѣщя*.

¹ Цит. соч., стр. 481.

² Собирательная форма *кѣщие* известна и в грамотах Мирчи (см. Вен., 11).

Начиная с 30-х годов XV в. обнаруживается в грамотах флексия $\neq e$. Раньше всего ее находим, что очень важно, в грамоте, написанной с е р б о м на сербском языке. Мы имеем в виду одну из грамот Влада I Дракула, напечатанную Богданом под № 39. В ней читаем — уготовете ми р̄ пушке. С этого времени флексия *e* встречается все чаще и чаще. Примеры: из грамоты Влада II Цепеша — ти тузи ви пустих нѣколици волове и краве (В, LXX, 99); из грамоты Басараба II — а Стефан воивода идет съ вѣсѣми неговѣми воиске у нашего помоща (В, LXXXVII, 113); из грамот Басараба III — от тех вама и от тех блате (М, IX, 11), от све стране (В, CXIV, 142), и книге ми ест учинил царь (В, CXXXIV, 165), у обе стране горе до планина (М, IX, 10), туи си послах слуга... съ книге до вас и до виць-воиводу (В, CXV, 143), егда се учинит глобе над тѣези села (М, IX, 13), да ми купите две люлке, али да су голѣми и хубаве (В, CXXXVII, 170); из грамот Влада III — и намерили су некое жене сироте със кола (В, CLVIII, 192), две воденице (М, IX, 17), да се варуеть оть очине монастирски оть воденице и оть ливаде и от планине (Вен., 130); из грамот Раду IV — да имат чловѣкъ две жене (В, CXCVI, 235), книге или одежде (М, IX, 25), два возианице по р̄ ведра (М, IX, 20), негове куке (С, VII, 8), учините над главе им (В, CLXXXI, 228).

Однѣко эта заимствованная из сербского языка форма не вытесняет старую флексию *i*: она продолжает параллельно употребляться во всех грамотах второй половины XV в. Примеры из грамоты Раду III (у Милетича ошибочно — Раду IV) — две телеги да ходит слободно (М, IX, 8); из грамоты Басараба III — царь их ест мъжие посекал, а жени и детца поробил (В, CXII, 139), и чаши сребръни и друге скуле сръбрьни (В, CXXXV, 167); из письма жупана Нега ворника Басараба III — у ваших руках и у вашех кѣщи (В, CCXXXIII, 270). Примечательно, что болгарское слово *кѣща* имеет во множественном числе *кѣщи*, а сербизированное *кукя* — *куке* (см.

пример выше).¹ Из грамоты Влада III — теи овци он ест теглил (В, CLXVII, 202); в другой грамоте читаем — су узели овце (В, CLXX, 205).

Все приведенные нами примеры из валашских грамот свидетельствуют, что в славянском языке Валахии, так же как в славянском языке Мизии, Фракии и Македонии, унификация старого твердого и мягкого варианта склонения основ на *a* привела к победе твердого склонения. Это важно подчеркнуть, так как совсем иной была судьба этого склонения в том славянском языке, на котором говорило население сербских областей. Несомненно под влиянием сербского языка мы находим следы мягкого склонения в северо-западных болгарских говорах. Под тем же сербским влиянием находим их в памятниках влахо-болгарской письменности. В Валахии это коснулось только книжного языка, испытавшего глубокое и продолжительное влияние сербского языка.

Милетич, Цонев и некоторые их последователи, стремящиеся доказать, что утрата синтетического склонения в болгарском языке произошла в связи с фонетическими процессами среднеболгарской поры, часто говорят о влиянии в болгарском языке мягкого склонения на твердое. Так, например, среднеболгарское *отъ рѣкѣ*, *без главѣ* объясняют влиянием соответствующих форм родительного падежа мягкого склонения, в которых флексия *а* по условиям среднеболгарской мены юсов заменялась *ѣ*: *доушѣ*, *стражѣ*. Все эти соображения носят исключительно спекулятивный характер и не могут быть подтверждены никаким положительным материалом. Ссылка на аналогичный процесс в сербском языке может свидетельствовать только против сторонников этой теории, так как в сербском языке этот процесс отражен последова-

¹ Встречающееся единственный раз в грамоте Раду IV *къще* представляет собой собирательную форму, на что явно указывает контекст — *ест даа и къще и виноградѣ и све* (В, СХСV, 234). *Къще* в грамоте Влада III (*изъ къще гсва ми* — М, IX, 18) представляет собой сербизированную форму родительного падежа ед. ч.

тельно, а новоболгарский язык так же последовательно указывает на победу твердого склонения.¹

Винительный падеж ед. ч. Беспредложный винительный в функции прямого объекта

Винительный падеж ед. ч. в основах на *a* (*ja*) представляет несомненные следы разрушения старой синтетической формы. В огромном большинстве случаев форма винительного падежа заменена формой именительного.

Старая форма винительного встречается очень редко и главным образом в грамотах до середины XV в. Ее мы находим преимущественно в тех грамотах, язык которых представляет несомненные следы болгарского книжного влияния. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — то такови имат прийт велико зломоргиж от господства ми (В, I, 4); из грамот Дана II — да възмет вамж повыше (В, X, 20); из грамот Раду II — и дават господство ми върж и душж (В, IV, 9),

¹ „В южнославянских языках имеется единство в этом отношении: побеждают формы — *ja* основ; так, в сербохорватском языке род. падеж *je* не образовался под влиянием *душе*, так же как и в новословенском, а затем это же повторилось и в среднеболгарском языке: род. п. *жен* изменился в *женж* (т. е. *жень*) под влиянием *душж* (т. е. *душъ*)“ (Милетич, СбНУ, XIII, стр. 107). Объединение в этом отношении всех южнославянских языков в одну группу является, очевидно, ошибочным. Нет данных, на основании которых можно было бы утверждать, что в болгарском языке победило мягкое склонение, если подойти к среднеболгарским формам *изъ ржжж* без предвзятой мысли о фонетической основе падения старого именного склонения. Шаткость позиции в этом вопросе Милетича и его многих последователей состоит в том, что на основании заранее принятой теории, теории ошибочной, объясняются многие факты из истории болгарского языка. Неосновательность данных утверждений лучше всего показывает современный болгарский язык, представляющий последовательно результат влияния твердого склонения на мягкое. Это подтверждают также валашские грамоты XIV—XV вв. Проф. Милетич создает совершенно искусственную гипотезу, с помощью которой он пытается объяснить, почему в форме множественного числа победило твердое склонение (см. СбНУ, XIII, стр. 108). Проф. Милетич и некоторые из его болгарских коллег произвольно и для каждого случая совсем по-разному пользуются понятием аналогии.

и да оставяте въскъ кжпла (В, IV, 9). *Купла* является характерной для среднеболгарского языка формой винительного падежа, представляющей результат среднеболгарской мены юсов. От второй половины XV в. грамоты уже этой формы не знают. Могу указать как на редкий случай сохранения старой формы в грамоте Басараба III — и Никодимова клетвѣ да имат (М, IX, 10). Нужно, однако, указать, что данное место в грамоте принадлежит к канцелярским штампам, которые переписывались без изменений из одной грамоты в другую.

В предшествующей главе мы показали, что, начиная с 30-х годов XV в., наступает период сильного сербского влияния. Писцы стараются последовательно заменять букву *ѣ* через *у*. Подобных примеров находим много как в корнях, так и во флексиях. Эти новые веяния в книжном языке нашли отражения и в данном случае. Правда, примеров замены *ѣ* через *у* в форме винительного падежа так же мало, как и случаев сохранения старой болгарской винительной формы. Один из наиболее древних примеров сербизированной формы находим в грамоте Владислава Дана — тиази работу (В, LXVI, 89). Этот пример особенно интересен тем, что в нем нет падежного согласования между указательным местоимением (определением) и существительным (определением). Указательное местоимение тиази указывает, что форма *работу* являлась исключительно книжной, возникшей в связи с заменой *ѣ* через *у*. Можно указать еще несколько примеров из более поздних грамот: из грамоты Раду III — вы от мене ни одну кривду не сте имали (В, LXXXIII, 108); из грамоты Басараба II — хтет имати некою работу или некою неволю (В, XCI, 118); из грамоты Басараба III — а кому се щет учинит некои (sic) пагубу (В, CXXVI, 156).

Все цитированные примеры из грамот валашских господарей встречаются очень редко. Обычно в грамотах XIV—XV вв. прямое дополнение выражается формой именительного падежа. Это необычное для славянских языков употребление именительного падежа является нормальным

употреблением для славянских грамот Валахии. Приведу несколько примеров из того большого количества, которое дают нам грамоты XV в.: из грамоты Михаила I — велико зло и оргіа (М, IX, 5); из грамоты Дана II — когы натоварит кола с рибѣ (В, XVII, 32); из грамоты Владислава Дана — нѣ пушат да ми възмет моа поава очмна и моа землица (В, LXIII, 86); из грамоты Влада II Цепеша — а сези чловѣкъ що ще донесеть сиязи книга (В, LXXIII, 95); из грамоты Дана Претендента — този работа учинил истина, научен от Дракуле (В, LXXIX, 101); из грамоты Басараба I — и послали ми сте книга кралева (В, С, 125); из грамот Басараба III — како ест узел сва таи земля и три градове (В, CXII, 139), и згубише Молдова (В, CXXI, 149), а ви да просите от господство ми таязи пагуба (В, CXXVI, 156), да си добудем земля (В, CXXXII, 163), и по том си послах вернога слуга господства ми Опрѣ (В, CXXXV, 167), понеже купише... два конѣ и една крава (М, IX, 14), и купити глоба (М, IX, 13); из грамот Влада III Монаха — и тіези книга, що ми сте послали ви, азъ хочу да у пистим (В, CLIX, 194), ере послахмо верна слуга наша Шимон (В, CLXIII, 198); из грамот Раду IV — господь богъ сътворивіи небо и землѣ (т. е. земля) и мора (М, IX, 26), су платили вама (В, CLXXXVIII, 225), борѣ ме дарова съ мои области влашка землѣ (В, CLXXX, 215), послахмо нашега слуга Албу (В, CCIV, 243); из письма одного турка в Брашов в 1481 г. — да му донесем азъ жена от Никопол (В, CCXXX, 285); из письма боярина Синадина — да се исправи работа (В, CCXXXIII, 288).

Все эти примеры (их можно было бы увеличить в несколько раз) показывают, что в славянском языке Валахии в XV в. винительный падеж не имел формы, отличной от прямого падежа. На основании приведенных примеров можно уверенно утверждать, что в основах на *a* (*ja*) подлежащее и прямой объект различались лишь аналитическими средствами.

Выше мы видели, что общая форма *a*-склонения в современных говорах болгарского языка не одинакового происхождения: в одних говорах она восходит к форме винительного, в других — именительного падежа. Данные валашских грамот указывают как будто на то, что в славянском языке Валахии общая форма восходит к именительному падежу. Так, вероятно, было в большинстве говоров. Однако встречаем в грамотах указания на иное происхождение общей формы. Изредка общая форма в грамотах пишется с конечным *ѣ*: из письма Ласкара (1437 г.) — а оно стоит у къшь Ханешова (in casa lui Haneş — В, ССХШ, 225). Под этим написанием, а также и под написанием *клетвѣ*, *горѣ*, *рибѣ*, может быть, скрывается общая форма, восходящая к винительному падежу. Следует допустить, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. существовал тот же дуализм, что и в современных болгарских говорах.

Совсем иную картину представляют молдавские грамоты XV в. В грамотах Стефана Великого винительный падеж имеет форму, отличную от именительного. В огромном большинстве случаев прямой объект в этих грамотах передается формой винительного падежа. Из грамоты от 12 апреля 1458 г. — ани глобу не брата ис них, да не имают платити... подводу; из грамоты от 8 августа 1461 г. — едноу слатиноу, видѣвше их доброу волю (в грамоте от 20 апреля 1462 г. находим ошибочное написание — свою доброу воли); из грамоты от 3 декабря 1462 г. — вѣрную службу; из грамоты от 18 февраля 1466 г. — и продалі свою правоу отниноу и мн. др.¹ Прямой объект передается формой винительного падежа также в молдавских грамотах, изданных Милетичем. Случаи передачи прямого объекта через форму именительного падежа в молдавских грамотах весьма редки. Вот несколько примеров из грамот XV в.: потвърдили есми его праваа отнина, мы видѣвше его праваа и вѣрна служба (см. СбНУ, IX, стр. 302—303). Подобные случайные отклонения легко объяснимы.

¹ Грамоты напечатаны в первом томе грамот Стефана Великого, изданном проф. Богданом „Documentele lui Ştefan cel Mare“, 1, 1913.

В канцеляриях Стефана Великого и других молдавских господарей подвизались не только местные люди. Уже выше мы указывали на сербского писца, работали в этих канцеляриях выходцы и из Валахии.

В передаче прямого объекта в валашских грамотах уже в XV в. мы встречаем особенности, которые можно считать румынизмами: в славянских языках этих особенностей нет, в румынском же языке они представлены довольно последовательно. В данном случае мы имеем в виду употребление перед прямым объектом предлога *pre* или *pe*, в славянском языке грамот предлога *по*.

Характерной особенностью румынского синтаксиса является употребление перед собственными именами или именами, означающими лица или относящимися к лицам, в прямом дополнении предлога *pre* или *pe*: *pre Petru, eu nu te-am aflat pre ține* и др. На этот румынизм валашских грамот впервые обратил внимание Милетич. В наблюдаемых им грамотах он обнаружил эту черту впервые в памятниках XVI в., на основании чего сделал общий вывод о том, что она вообще впервые встречается во второй половине XVI ст.¹ Однако дальнейшее изучение валашских грамот показало, что эту особенность знают уже памятники XV в. Вот пример из грамоты Раду IV — що съм послал по слуга наша (pe sluga poastră, В, CLXXXVI, 223—224).

И после предлогов старая синтетическая форма винительного падежа уже разрушена.

Предлог *на*. В грамотах первой половины XV в. находим еще после предлога *на* старую форму винительного падежа: из грамоты Дана II — ходат на купла (среднеболгарская форма — *из куплѣ* — В, X, 19); из грамот Александра — того раді го сънѣ клеа на вѣрѣ (В, XXVI, 47), пусти ма на моѣ очинѣ (М, XIII, 12), ме пусти господинѣ ми крал на влашкѣ земля (В, XXIII, 43), никто от них съ очима не погледа на моѣ невола (там же); из письма Г. Ласкара — на ваша главѣ (В, ССХIII, 255). Следует обратить внимание на то, что

¹ „Дакоромъните и тяхната славянска писменост“, стр. 303—304.

старая форма винительного падежа после предлога *на* чаще всего употребляется с определенными словами — очина, земля, вѣра, воля в привычных канцелярских штампах. Пример из письма Ласкара свидетельствует, что *лавѣ* представляет уже форму неизменяемую, форму общего падежа, перед которой определение имеет форму именительного падежа. В грамоте Дана II находим — тѣкмо от свини и от овец и от кони, що то относат на продажѣ (В, IX, 18), что указывает на то, что в некоторых славянских говорах Валахии общая форма восходила к винительному падежу. Однако чаще, начиная с грамот Влада I Дракула, находим форму именительного падежа: на моа срамота (В, LVI, 81) и др.

Предлог *въ*. И после предлога *въ* (*y*) старая форма винительного падежа сохраняется лишь в древнейших грамотах: из грамоты Раду II — да доходит въ зема господства ми (В, IV, 9); из грамоты Дана II — не щем азъ оставит чловѣци господства ми въ пагубѣ (В, XVI, 31). Отметим, что в одном канцелярском штампе эта форма представлена во всех грамотах XV в. и встречается даже в грамотах XVI в. это — въ очинѣ и въ охабѣ (ср. в грамоте Раду IV от 15 июня 1499 г. (Вен., 134) и мн. др.). С началом сербского влияния находим в грамотах сербскую форму винительного падежа, которая представляет собой результат механической замены *ѣ* через *y*: пример из грамоты Влада I — да иде прѣс планинѣ у влашку землю (В, XXXVIII, 61); из грамоты Влада II Цепеша — що ест писано су книгуву (В, LXXIV, 96); из грамоты Басараба III — у кѣшу господства ми (В, CXXXV, 167); из грамоты Раду IV — изити въ землю влашкой (С, VI, 6).

Начиная, однако, уже с древнейших грамот, в употреблении были после предлога *въ* (*y*) формы именительного падежа: из грамоты Мирчи Великого — у кола колико коне, толкози и дук (*săți cai la car, atâția ducați* — В, I, 4); из грамоты Влада II Цепеша — ви ходити у ваше землѣ (т. е. земля, В, LXXI, 93). Встречаем в грамотах неизменяемую форму

после предлога *въ* (*y*) в топонимии (см. грамоту Раду IV в издании Венелина, стр. 134).

Во множественном числе после предлога *въ* (*y*) находим общую форму, восходящую к именительнo-винительнoму падежам, представляющую флексию *и* (из грамоты Влада III — въ къщи гва ми — Вен., 125) или заимствованную из сербского *e* (из грамоты Влада I Дракула — у Николине руке — С, IV, 4). В некоторых случаях общая форма восходит к именительнo-винительнoму двойственнoго числа: из письма Петра Уроша (время Влада Дракула) — дошла книга въ рѣце (В, ССХІІ, 253) (ср. в современном болгарском — *рѣце*).

Встретившееся в грамотах сочетание с предлогом *за* представляют форму именительнoго падежа: из письма ворника Нега (1480 г.) — и пак за таязи девоика (В, ССХХІV, 273). В той же грамоте, как и в других, находим после предлога *за* местоимение в форме винительнoго падежа — кто си ке положит главу за вас (там же). (Об этом подробнее см. во втором томе нашего исследования). Находим в грамотах ошибочное употребление после *за* формы местного падежа, также свидетельствующее, что в живом языке в XV в. только предлог *за* являлся носителем падежных отношений, после которого шла неизменяемая аналитическая форма общего падежа. Пример из грамоты Раду III — да их давате за овцех (В, LXXXV, 110).

В грамотах конца XVI в. находим после предлога *за* форму общего падежа, восходящую к старому винительнoму падежу: из грамоты Михни II от 1 февраля 1591 г. — како ест дрѣжал единь дел за водениць (М, IX, 43); из грамоты Михаила от 24 апреля 1598 г. — за воденицьж (М, IX, 46). В грамоте XVII в. от 7 мая 1623 г. (Раду Михнев) находим также форму именительнoго падежа — за воденица (М, IX, 50).

В молдавских грамотах XV в. предлог *за* управляет живoй формой винительнoго падежа. Из грамот Стефана Великого таких сочетаний можно привести достаточное число: из грамоты от 13 марта 1466 г. — ани за диукоу волочению, от 10 мая 1466 г. и за доушоу родителей моихь, от 9 июля 1466 г.

и за душу и за спасеніе усих свѣтопочивших предков наших, от 10 января 1467 г. — за вѣрною слоужбою, от 30 августа 1479 г. — за волоченію дивку. Милетич приводит аналитические формы и из молдавских грамот, но от XV в. он дает лишь один пример из „Archiva istorica“ — за душа наших родителей (СбНУ, IX, 317). Во множественном числе и в молдавских грамотах находим сербскую форму именительного-винительного падежей — за душе сватопочившим родителем нашим (из грамоты Стефана Великого от 13 апреля 1466 г.).

Родительный падеж

1. Предлог *отъ*. Как известно, предлог *от* (*од*) в славянских языках употребляется в сочетании с родительным падежом в значении отложительном (ablativus). В современном болгарском языке этот предлог получил значительное развитие, что отражено уже древнейшими памятниками среднеболгарской поры. Эта особенность наглядно выступает при сравнении тождественных церковных текстов старославянских памятников и среднеболгарских. Ср. от Луки 21₁₈ — θριζ̄ ἐκ τῆς κεφαλῆς ὑμῶν οὐ μὴ ἀποληται в Зогр. и Мар. ев. ев. — власть главы вашей не погыбнетъ, в Търновском ев. (вторая половина XIII в.) — отъ главы (так же и в Ассеманиевом ев.); псалтырь 102₁₁ — κατὰ τὸ ὕψος τοῦ οὐρανοῦ ἀπὸ τῆς γῆς в Погодин. — по высотъ небесныи земля и отъ земля.¹

В старославянских текстах мы всегда найдем после предлога *отъ* форму родительного падежа. Выше мы уже видели, что в самых древних среднеболгарских памятниках встречаются случаи смешения падежных форм после предлога *отъ*, хотя этих случаев не так уж много. Они в полной мере подтверждаются данными чергедских молитв, отражающими состояние северо-восточных болгарских говоров второй половины XIII в. и данными валашских грамот XIV—XV вв. Выше

¹ K. Meyer, Der Untergang der Deklination im Bulgarischen, Heidelberg, 1920, S. 64—65. См. там же и другие примеры.

мы уже привели достаточное количество примеров из чергедских текстов на сочетания с предлогом *отъ*, после которого всегда находим неизменяемую общую форму. Обратимся теперь к валашским грамотам.

Во всех валашских грамотах XIV—XV вв. чрезвычайно редко можно найти в сочетании с предлогом *отъ* старую форму родительного падежа: из грамоты Мирчи Великого — вам от риб и вам от пчел и глобы и душегубины (М, IX, 1), от орѣховы падины (Вен., 11); из грамот Михаила I — от зема господства ми (В, III, 7), от вола (В, III, 8); из грамот Дана II — от шапки (В, XI, 21), граждѣны сиа от главы си (В, XV, 30). Подобных примеров в валашских грамотах очень мало. Встречаются они за редким исключением в тех графаретных местах грамот, которые писцы хорошо знали и которые почти без всяких изменений находим во всех валашских грамотах. Вот в этих канцелярских штампах мы и находим формы родительного падежа даже в поздних грамотах. Пример из грамоты Влада III от 9 октября 1493 г.: от вод, от подвод, от талпи... (М, IX, 17).

Значительно чаще после предлога *отъ* встречаем старую форму винительного падежа. Находим её главным образом в грамотах первой половины XV в.: из грамот Мирчи — от елениѣ кожѣ а дук (В, I, 3), от влѣнѣ камилевѣ (В, I, 3), и от купиѣ ини (В, I, 3), от глобѣ... от подводѣ (М, IX, 4), от къшѣ (М, IX, 4), отъ прѣтѣ бѣѣ (Вен., 23), отъ посадѣ (Вен., 26); из грамот Михаила I — от Дѣбовицѣ град (В, II, 6); из грамот Раду II — от елениѣ кожѣ (В, V, 11), а от возилницѣ мед вѣ дук, а от возилницѣ вино 5 (В, V, 11), и да са не боѣт ни от единѣ злобѣ, ни плѣн, ни хѣса, ни изем, ни залог (В, IV, 9); из грамот Дана II — вамеше от Дѣбовицѣ (В, IX, 18), закон поставен от Мирчѣ воеводѣ (В, X, 19), от кожѣ елениѣ (В, XI, 21), въ чловѣка от тѣѣзи землѣ (В, XVIII, 38), от вола или от кравѣ (В, XVII, 32); из грамоты Басараба III — от тои странѣ (В, CXIII, 141). В грамотах второй половины XV в. подобные примеры единичны.

С усилением сербского влияния валашские писцы и в этих случаях заменяли ж через у. В грамотах первой половины XV столетия подобные случаи единичны. Так, в одной из грамот Влада Дракула находим — от влашку землю (С, III, 3). Много подобных примеров находим в грамотах второй половины XV в. Особенно часто они встречаются в грамотах Басараба III Молодого, стоявшего во главе Валахии с 1478 по 1482 г. Примеры: далеко да ест от мою душу (В, СXXI, 150), от руку нашему вражмашу (В, СXXVIII, 160), от ваше главу (В, СXXXV, 167), от свою волю (В, СXXXV, 167), от угръску землю (В, СXLV, 176). Находим подобные примеры и в грамотах иных господарей второй половины XV в. Из грамот Влада III Монаха — от землю (В, СXLVIII, 180), да им донесет овнове от молдавской землю (В, CLXXI, 206). Эти сочетания предлога *отъ* с сербской формой винительного падежа являются искусственными, возникшими исключительно в связи с механической заменой писцами ж через у. Из сербского языка писцы не могли заимствовать такого употребления винительного падежа, так как в сербских грамотах после предлога *од* всегда будет употребляться форма родительного падежа. Для носителей местной славянской речи все сочетания как *от главъ*, так и *от главу* были исключительно книжными. Они не могли ощущать всей противоречивости этих сочетаний, так как уже давно утратили ощущение падежной формы.

Все это легко объясняет нам, почему в валашских грамотах XIV—XV вв. очень часто после предлога *отъ* находим форму именительного падежа, которая в это время уже не воспринималась как форма падежа. Примеров подобного рода много для всех типов склонения. Рассмотрим здесь лишь основы на *a* (*ja*). Из грамот Раду II — а от една кола въ Тръгшоръ ѿ рибъ (В, V, 11); из грамоты Дана II — и от кола (В, XVII, 32, 36), вама у Дъбовици от една кола една риба (В, IX 17); из грамоты Влада I — пръстен от малама (М, XIII, 29); из грамоты Влада II Цепеша — от велики Мирча воевода (В, LXXIV, 95), из грамоты Басараба III — от Дана воевода (М, IX, 11), от Влад воевода (В, СXXI, 149); из грамот Влада III Монаха — у Молдова

а от Молдова у влашку землю (В, СLIX, 194), от жупаница Пръвева от Станка (М, IX, 19), от тѣща Удрищова от жупаница Гоба (М, IX, 19), и от Марія (М, IX, 19); из грамот Раду IV — от Стоика (М, IX, 26), от книга (М, IX, 30), и от воивода (В, СLXXXVI, 223) и много других подобных примеров.

Широкое распространение в канцелярском языке Валахии в XV в. получает искусственное сочетание предлога *от* с формой местного падежа множественного числа. Это сочетание находим для всех типов склонения. Приведем несколько примеров из склонения *a*-основ. Из грамоты Мирчи — и от маліих службах (М, IX, 4); из грамоты Александра — до го отпроводите с честіѣ от ваших рѣках (В, XXVI, 47); из грамоты Раду II — а от иних куплѣхъ нищо (М, XIII, 16); из грамот Дана II — от шапках и калцахъ нищо (В, XVII, 32), от лисицах и от дроугіѣ звѣри (там же); из грамоты Владислава II — от всѣх службах и дажбах (М, IX, 7); из грамот Влада III — от слугах и правителех (М, IX, 17), от диммах (М, IX, 19), от глобах (там же). Это обычное употребление местного множественного после предлога *отъ* в валашских грамотах XIV—XV вв. Нормальное для славянских языков в этом случае употребление род. мн. встречается редко: из грамоты Дана II — тѣкмо от свини и от овец и от кони (М, XIII, 26); из грамоты Влада III — никто от слуг господских (М, IX, 19).

Все эти примеры, так же как и примеры *от воеводѣ* и *от воеводу*, свидетельствуют, что в живом славянском языке в Валахии в XIV—XV вв. после предлога *от* употреблялся не родительный падеж, а общая неизменяемая форма, чаще всего передаваемая в грамотах старой формой именительного падежа.¹

¹ В некоторых валашских грамотах находим после предлога *отъ* сербскую форму родительного падежа. Но это мы встречаем в грамотах, написанных сербским языком (например, грамота Александра — одъ воеводе влашкога — В, XXX, 49), или с многочисленными особенностями сербского языка (например, из грамоты Басараба III — от руке до руке — В, СXXVII, 160).

Резко отличны в этом отношении от валашских грамот молдавские, в которых форма родительного падежа после предлога *отъ* употребляется так же последовательно, как в текстах сербского или русского языков. Однако встречаются молдавские грамоты с чертами того славянского языка, на котором писали грамоты в Валахии. В них и з р е д к а находим после предлога *отъ* форму именительного или винительного падежей. Примеры из грамот Стефана Великого: от 12 апреля 1458 г. — и також тоты людї ис тах сел да не имают ни мыто от их тръговли платити, ни от рибу, ни от капуста, от 13 марта 1466 г. — или от риба свижаа или от мажи соленои или от соли или от соукно или от платно или от желъзо (изд. Богдана, I т., №№ VI, LX). Милетич приводит пример из молдавской грамоты XV в., напечатанной в „Archiva istorica“ (т. I) — двъ сель, едно от единъ странъ нѣмца, а друго от другъ странъ (СбНУ, IX, 313). Если для валашских грамот XIV—XV вв. приведенные примеры являются типичными, характерными, то в молдавских грамотах XV в. они встречаются совсем редко. Сочетание предлога *отъ* с родительным падежом в языке молдавских писцов в XV в. был живым.

Предлоги *безъ, до, изъ, близъ*. После предлогов *безъ, до, изъ, близъ* в грамотах находим те же несомненные доказательства утраты старой синтетической формы, что и после предлога *отъ*. Родительный падеж после этих предлогов не употребляется. В грамотах первой половины XV в. обычно находим старую форму винительного падежа: из грамоты Александра — да доидет без никоъ грижъ (В, XXVI, 47), из грамоты Влада II Цепеша — и без пагубъ (В, LXXI, 93); из грамоты Влада Дракула — безъ книгъ господства ми (М, XIII, 31). Со времени Дана II находим сербизированную форму винительного падежа: из грамоты Дана II — и безъ грижу

Не всегда можно с уверенностью определить, имеем ли мы дело в тексте с сербской формой род. п. ед. ч. или с формой общего падежа мн. ч. (ср. вма о рибе, М, IX, 9; от кола рибе ѿ риба, В, XLIX, 72; последний пример из грамоты Влада I Богдан приводит — *dela un car de pește* (р. 73).

(В, XIV, 29); из грамот Басараба III — без исправу (В, СХХI, 150), и без ни едно пагубу (В, СХХVI, 156), туи си послах слуга... съ книге до вас и до виць-воиводу (В, СХV, 143); из письма Казана и Стойко, бояр Басараба III — из руку вражмашу (В, ССХХV, 277); из грамоты Раду IV — паки идеки на полю близ гору (В, CLXXXVIII, 226). С середины XV в. в грамотах нередко находим после предлогов форму именительного падежа: из грамоты Влада II Цепеша — без ни една погуба (В, LXXI, 93); из грамот Басараба III — да се пасет по хотару монастыру без волъ монастырска (М, IX, 10), никто да не смъет орати или косити сено без волъ монастырска (М, IX, 10), у ове стране горе до планина (М, IX, 10).

После предлогов *до*, *безъ* встречаем, так же как и после предлога *отъ*, форму местного падежа мн. ч.: из грамоты Влада I Дракула — от полю, от шум і от маьых до великых службах (М, IX, 6); из грамоты Влада III — без душах (В, CLIV, 187).

В молдавских грамотах XV в. и после этих предлогов обычно находим форму родительного падежа. Примеры из грамот Стефана Великого: грамота от 12 сентября 1468 г. — и от толь гори до самой дороги хроловской, от 8 февраля 1470 г. — а не нашей земли до лъской земли, из той же грамоты — и без некоторой неволи; все примеры, приводимые Милетичем, извлечены из поздних молдавских грамот (например, ради вѣрна служба — из грамоты 1613 г.). Можно указать на редкий пример в молдавских грамотах XV в. сочетания предлога *до* с формой местного мн. ч. — до монастырских пасиках (из грамоты Стефана Великого от 13 июля 1463 г.).

Рассмотрим теперь беспредложный родительный падеж в посессивном значении. В современном болгарском языке, так же как и во всех языках „балканского языкового союза“, посессивные отношения выражаются преимущественно средствами дательного падежа. Уже в старославянских памятниках мы встречаемся с дательным принадлежности, который, однако,

в памятниках X—XI вв. употребляется еще редко. Дательный в этой функции чаще всего находим в Супрасльской рукописи. В среднеболгарских рукописях, начиная с древнейшей поры, дательный принадлежности получает значительное распространение. В Синайской пс. — жрътвѣ правды, в том же тексте Погодинской пс. — находим правдѣ. Если еще в Погодинской пс. находим по вьсеому лицу земли, то в Софийской пс. 1337 г. читаем земли, в Синайской — цѣны избавленья доуша своеіа, в Погодинской — доуши своей и др.¹ Однако даже в поздних среднеболгарских рукописях старый родительный принадлежности встречается еще достаточно часто, что объясняется текстуальной зависимостью большинства среднеболгарских текстов от старославянских и языковой политикой деятелей церковного просвещения в эпоху Иоанна-Александра.

В валашских грамотах XIV—XV вв. известны случаи употребления старого беспредложного родительного в поссесивном значении. Однако все подобного рода примеры находим исключительно в установленных канцелярских штампах грамот и главным образом в склонении мужском и среднем (см. ниже).

Находим в валашских грамотах в функции принадлежности старую синтетическую форму дательного падежа, что связывает язык грамот со среднеболгарскими памятниками. Однако и эти формы находим исключительно в трафаретных местах, главным образом в титульной части грамоты. Примеры: из грамоты Владислава — гнь вьсеи Вжгровлахіи (Вен., 5); из грамоты Мирчи Великого — господинь... вьсеи земли уггровлахійскои и запланинским странам (М, XI, 4); из грамоты Влада Дракула — обладажщуми вьсен земли угровлахійскои Амлашу и Фагарашу херцег (М, IX, 6); из грамоты Раду IV — воивода и господинь вьсои земли угровлахійскои (В, CLXXXIII, 219). Все эти формы, сохранившиеся в титулах валашских господарей, в живом, языке писцов отсутствовали. Это подтверждается, во-первых,

п ¹ Все примеры заимствованы мной из исследования К. Мейера „Der Untergang der Deklination im Bulgarischen“, S. 53—54. Там же см. и другие примеры.

тем, что подобных сочетаний не в штампованных частях грамот не находим, а во-вторых, грубыми ошибками, которые нередко, особенно в грамотах конца XV в., нарушают старую синтаксическую связь. Так, например, в одной грамоте Раду IV читаем — воивода и господињ угровлахийской землю (В, CLXXVIII, 211). Выше мы показали, что с началом сербского влияния писцы часто общую форму, передававшуюся нередко старой формой винительного падежа, писали с сербской флексией винительного падежа. И в данном случае написание в титуле *землю* достаточно убедительно свидетельствует, что в живом языке старое сочетание *угровлахийской земли* отсутствовало. В другой грамоте того же воеводы в титульной части читаем — воивода и господињ вьсои земле угровлахийское (В, CLXXXI, 217). Вспомним, что общую форму писцы в XV в. нередко передавали сербской формой родительного падежа (см. выше). В современном болгарском языке находим остатки старого дательного принадлежности. Чаще всего они встречаются в родопских говорах.

В современном болгарском языке принадлежность в определенных случаях выражается без всяких предлогов. Это получило развитие в некоторых как бы нечлененых сочетаниях: *парче земя* — кусок земли. Подобного типа выражения принадлежности находим уже в валашских грамотах. Примеры из грамот Александра: синь Мирча воеводу (В, XXIX, 49), синь Мирча великааго воеводъ (В, XIX, 40); из грамот Дана II — и вь дни Мирчъ воеводъ (В, IX, 17), и вь они родительъ господства ми Мирчъ воеводъ (В, XVIII, 38). Неизменяемую общую форму — *Мирча воевода* писцы от случая к случаю передавали с помощью различных падежных окончаний.

Широкое распространение в современном болгарском языке предлога *отъ*, что нами уже отмечалось, связано, между прочим, с тем, что принадлежность, выражаемая прежде беспредложным родительным, а позже дательным, стала выражаться нередко с помощью предлога *отъ* в сочетании с общей формой. В современных болгарских говорах (главным образом в македонских, софийских, центральных) предлог *от* на месте старого родительного принадлежности встречаем очень часто: *стóпанот*

от магарете му рекол (Добр), на один край от трапезата (Стара Загора, СбНУ, VI, 150), тия деца от малечката и сестра (СбНУ, X, 163, Дупница), жьената ут таје коашна (Родопы, XIV, 335). Эта черта народного болгарского языка впервые фиксируется в валашских грамотах (см. примеры выше). В собственно болгарских памятниках эта черта находит впервые свое отражение лишь в дамаскинах (об этом явлении подробнее см. ниже в разделе склонения мужского рода).

Если мы сравним современный болгарский язык с русским, то легко заметим, что в первом принадлежность с помощью притяжательных прилагательных выражается значительно чаще, нежели в последнем. Уже в памятниках старославянского языка притяжательные прилагательные получают широкое распространение. Среднеболгарские памятники в этом отношении не представляют единства. Так, в Златоусте, изданном и исследованном академиком Ягичем, притяжательные прилагательные встречаются реже, нежели в старославянских памятниках. В Супрасльской рукописи врата адова передано в Златоусте врата адоу отвръзажъ сѣ (Злат., 15).¹ Однако в тех среднеболгарских рукописях, в которых находят отражение черты живого языка, мы наблюдаем значительное развитие притяжательных прилагательных. Так, очень много их в Троянской притче, образованных особенно часто от личных имен: кое са завъше Пелешино море (47), и нижнаа люди троискыѣ (50), Аякшь Шоломоничевъ сынъ (54), чловѣкъ мѣдръ, именовъ Паламедежно, Придичевъ сынъ (54), нежели видѣти троискыѣ кръве (64), коа бѣше наилѣпа въ троискаѣ странах (59). Как и следует ожидать, эта особенность живого языка находит полное отражение во влахо-болгарских грамотах: и Никодимова клетвѣ да имат (М, IX, 10), приложих очина билева (М, IX, 17), жена Стоева (М, IX, 29), от Анка, дъщи Житѣнова (М, IX, 20) и много аналогичных примеров.

¹ Е. Атанасова, Изрази за притежание в българския език „Известия на семинара по славянска филология“, III, стр. 331.

Е. Атанасова, исследовавшая распространение притяжательных прилагательных в современных болгарских говорах, отмечает тесную связь в этом отношении валашских грамот и современных говоров (преимущественно восточных).¹

Дательный падеж

Старые формы дательного падежа основ на *a* в валашских грамотах встречаются очень редко. Их мы встречаем во вводной части грамот: из грамот Мирчи Великого — и къ татарским странам (М, IX, 1), къ татарским странам (В, I, 3), запанинским странам (Вен., 18) главным образом в функции дательного принадлежности. Еще реже старые синтетические формы дательного падежа находим в функции косвенного дополнения: из грамоты Михаила I — пишет господство ми слугам господства ми (В, II, 6); из грамоты Владислава II (у Милетича ошибочно — Влада III) — Яньшу воиводе (М, XIII, 68); из грамоты Басараба III — пишет господство ми много здравие госпожде ми Марии (В, СХХIX, 161); из грамоты Влада III — та даде жупанице Пръвеве Станке ъ аспри (М, IX, 19); из письма Нега — а съда может да се поклонит кралю и господѣ кралю (В, ССХIV, 273); из того же письма пак беше готовлен турцем за вашему добродетелу и господѣ (о группе *dg'* на месте *жд* см. в отделе, посвященном анализу фонетических особенностей грамот. Ср. в письме вестиярника Казана — госпогѣ Маріе — В, 277). Эта особенность валашских грамот находит подтверждение в данных современной болгарской диалектологии. В современных говорах, богатых остатками старых падежных форм, флексии дат. ед. основ на *a* встречаются очень редко.²

Как хорошо известно, в новоболгарском языке дательный падеж выражается с помощью сочетания общей формы

¹ Там же, стр. 330—336.

² Милетич, Старото склонение в днешните български наречия, стр. 253.

с предлогом *на*. Памятники среднеболгарские подобного сочетания не знают. Предлог *на* в этих памятниках, так же как и в старо-славянских, употребляется в сочетании со старыми формами винительного или местного падежей. Новоболгарская форма дательного падежа известна, однако, уже языку чергедских молитв (см. выше). В изучаемых нами валашских грамотах предлог *на* имеет значительное распространение и в целом ряде случаев в сочетании с общей формой заменяет функции старого дательного. Вот типичный для новоболгарского языка пример из очень ценного в языковом отношении письма жупана Г. Ласкара (1437) — и на слуга ми Мартин, що ест казал що му ест бил дльжен, 3 хил. и (В, ССХІІІ, 255); из грамоты Влада I — оти щж умрѣ юще на моа срамота (М, ХІІІ, 29).

Наблюдаем утрату старой формы дательного падежа и после предлогов.

Предлог *по*. После предлога *по* находим форму дательного падежа в тех местах грамот, которые писцами переписывались со старых образцов, в местах трафаретных. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — да ловит рибж по рѣцѣ Тисменской (М, ІХ, 3, Вен., 22; это же место в подтверждающей грамоте Тисманскому монастырю от Басараба III — да ловит рибу по рѣцѣ Тисменской — М, ІХ, 10); из грамоты Раду II — по земли господства ми за кумерки (В, V, 11; в этом сочетании *по земли* встречается часто в грамотах; ср. из грамоты Влада Цепеша — по земли господства ми, В, LXXIV, 96; ср. в грамоте Влада III — по влашке земле (В, CLVIII, 192; из грамоты Влада I — по горѣ и по планинах (В, XXXII, 54). Но как и после других предлогов, так и здесь, после предлога *по* находим форму винительного падежа; из грамоты Влада III — и по вашему волю (В, CLIX, 193); из письма жупана Нега — по ваших места и по вашу дрѣжаву (В, ССХХІV, 274), а также и форму именительного падежа: из грамоты Влада Цепеша — и по вѣсь хора (В, LXXIV, 96; ср. в грамоте Влада III — и по блате и по трѣгове и по хоре — В, CLVI, 189); из грамоты Влада III — що ми сте поручили господство ви по ваших слуга на име Яков (В, CLXXVII, 210).

Творительный падеж

Уже в памятниках старославянского языка наблюдаем некоторые изменения в творительном падеже основ на *a*. Так, в Супрасльской рукописи находим в значении творительного падежа форму *рѣжѣ*, *доушѣ*, *зѣлѣ* и др. Аналогичные примеры находим и в других старославянских памятниках (например, в Саввиной книге). Итак, в целом ряде случаев в старославянских текстах форма винительного и творительного будет различаться только предлогом.¹

Исследователи языка старославянских и среднеболгарских рукописей давно обратили внимание на то, что творительный падеж уже в древнейшие времена не употреблялся без предлога.² К. Мейер с полным основанием считает это одной из характерных особенностей среднеболгарского языка. Из старославянских памятников типичным в этом отношении является Супрасльская рукопись. Приведем несколько примеров из среднеболгарских памятников, заимствованных из исследования К. Мейера. В Болонской псалтыри — сѣвъшеи слъзами въ радости пожьнѣтъ; этот же текст в Софийской псалтыри (первая половина XVI в.) — сѣ слъзами. В Погодинской — лъстїѣ глаголаахъ съпасоу; этот же текст в Болонской и Софийской — сѣ лъстїѣ; в Болонской — плѣтыѣ, в Бухарестской — сѣ плѣтыѣ.³

В валашских грамотах XIV—XV вв. старые формы творительного падежа в основах на *a* последовательно употребляются лишь в начальных вступительных формулах грамот и в заключительной части. Во второй главе мы уже показали, что эти части грамот являлись готовыми канцелярскими формулами и почти не отражали особенностей языка составителя грамот. Это были штампы, выработанные многолетней канцелярской практикой. Сюда относится из вступительной формулы — милостїѣ божіѣ, что мы часто находим в грамотах Мирчи

¹ См., например, V o n d r á k, Altkirchenslavische Grammatik, 1912, S. 410.

² Лавров, Обзор..., стр. 181.

³ См. другие примеры — Мейер, Der Untergang der Declination im Bulgarischen, S. 47—48.

и других господарей. Тот же характер носит из вступительной части — въсежъ землеж оуггровлахошскож (см., например, В, V, 11); из заключительной части — и въ бждѣщаго въцѣ съ душеж (М, IX, 13). В живом тексте грамот старые формы творительного падежа встречаются очень редко. Укажу в грамоте Александра — съ своими главами (В, XXIII, 43); в грамоте Влада I Дракула — да ни поможете с лѣкови и стрѣлами и пушками (С, XXV, 26). Аналогичное место в одной из грамот Александра читается так: да ми поможете съ лѣковы и стрѣлами, съ оржіем (В, XXII, 42). Все эти редкие в грамотах формы творительного падежа являются исключительно книжными.

Если в среднеболгарских церковных памятниках предлог получает значительное развитие перед формой творительного падежа, то в валашских грамотах он является единственным носителем тех отношений, которые прежде выражались падежной флексией.

До середины XV в. (точнее — по 30-е годы) в грамотах обычно находим после предлога старую форму винительного падежа, которая, как нами показано выше, представляет собой в это время неизменяемую форму общего падежа. Из грамот Мирчи Великого — съ іоудж (М, IX, 1), и еще кои поминужт с рибж от кола (В, I, 3); из грамот Раду II — съ рибж (В, V, 11), съ правдж (В, IV, 9), съ въсж правдж (там же), и да ест една землѣ съ земл¹ господства ми (В, IV, 8), под Джбовицж (В, VII, 14); из грамот Дана II — и от конѣ товарена със рибж (В, XI, 22), със купл^а (В, XI, 22), със вашж вол^а (В, XV, 30), със вол^а господина ми кралѣ и с Шибром воеводж (В, XVII, 33); из грамоты Александра — сж молитвж господина ми кралѣ (В, XXII, 42).

Со времени Раду II, Александра и Влада I Дракула начинается период сербского культурного влияния, которое с середины XV в. принимает значительные размеры. Уже выше

¹ В данном случае земл^а, вол^а восходят к старым формам винительного падежа, испытывавшим воздействие среднеболгарской мены юсов.

мы видели, что с этого времени писцы начинают заменять букву ж через у, не заботясь о реальном значении нового сочетания. Общая неизменяемая форма *рибж* заменяется формой *рибу* (ср. аналогичное явление в передаче прямого объекта). Примеры: из грамот Влада I — хватит съ рѣжу (В, XXXVIII, 61), съ одну сукню (С, IV, 4); из грамоты Влада II, Цепоша — доидѣте съ хлѣб и със куплю (В, LXXV, 97); из грамот Басараба III — съ куплю (В, CVII, 134), и съ воденицу (М, IX, 13), понеже ест дошѣл един купѣц турчин съ добру куплю и много (В, XCVIII, 123), съ великом куплу у нашу землю (В, СІХ, 136), ере съ божіем волю (В, СХІV, 142), със кошулю (В, СХХ, 148); из грамоты Мирчи Претендента (148) — съ волю божію (В, СХLVIІ, 178); из грамот Раду IV — али съ веру истіною (С, XII, 12), със мою главу (С, VII, 8), със войску (В, CLXXX, 215), ест имал синови със онои жину (В, СХСVI, 235; в той же грамоте — жену).¹

Интенсивное сербское влияние на валашский книжный язык не могло не сказаться в заимствовании сербской формы творительного падежа основ на *а*, представляющей собой специфическую особенность сербской морфологической структуры. Находим ее уже в одной из грамот Раду II, написанную с многочисленными особенностями сербского языка: и да живемо мирно и единомушно, съ правом и истином (В, IV, 9; в той же грамоте находим — съ правдѣ). Находим изредка сербские формы в грамотах Александра: тъкмо с правдом (В, XXV, 46). Сохранилась грамота Александра, написанная сербом. В ней, разумеется, находим исключительно сербские формы творительного падежа (ср. истином — В, XXX, 49). Важно отметить, что

¹ Новоболгарские предлоги *със, във*, получившие широкое распространение в валашских грамотах XIV—XV вв., отсутствовали в книжном языке среднеболгарской поры. Поэтому писцы заимствовать их из болгарского литературного языка не могли. Это были живые предлоги их родного славянского языка, которыми они и пользовались в своей канцелярской практике. Очень важно указать, что в молдавских грамотах XV в. эти предлоги встречаются чрезвычайно редко и несомненно являются заимствованными из валашских грамот.

в этой грамоте формы творительного падежа употребляются без предлога. В грамотах же собственно валашских, написанных местными книжниками, перед сербской формой творительного падежа всегда будет стоять предлог, который в живом языке являлся единственным носителем падежных отношений. Примеры: из грамоты Влада I — съ тръгом, ни съ поклицарством, ни съ едином работом (В, XXXVIII, 61); из письма ворника Влада I Войко — съ едином шубом (см. о şubă, В, CCVII, 248); из грамоты Владислава II — с моом главом (В, LXIII, 86); из грамоты Басараба III — съ свом землом (В, CXXXIV, 165) и мн. др. На заимствованный и книжный характер этих форм творительного падежа в валашских грамотах указывают значительные колебания в их употреблении и чисто книжные, искусственные новообразования. Так, наряду с *землом* находим *землем* (из грамоты Басараба II — азь съ въсем землем — В, С, 125), *землюм* (из грамоты Владислава II — и с моом землюм — В, LXIII, 86); из грамоты Влада II — със водем божи (В, LXXVI, 98); из грамоты Басараба III — съ вашои милость съ великом куплем (В, СІХ, 136). Подробнее об этом см. в шестой главе.

Встречаются изредка сербские формы творительного падежа в молдавских грамотах Стефана Великого. Проникли они в канцелярский язык молдавских господарей от сербов, работавших в этих канцеляриях (выше мы указывали на одного из них, Теодора Продановича, который подвизался в Молдавии во второй половине XV в.), а также и из Валахии.

Естественно, что в грамотах на месте старого творительного падежа находим сочетания предлога с общей формой в именительном падеже, который, как мы видели выше, служит общей формой при передаче прямого объекта и в сочетании с различными предлогами. Примеры: из грамоты Влада I — макаръ с кола (В, LII, 76); из грамоты Влада III — и намерили су некое жене сироте със кола (В, CLVIII, 192); из письма жупана Ласкара (время Влада I Дракула) — смъ дал съ слуга ми Мартина (В, CCXIII, 255) и мн. др.

Во множественном числе в сочетании с предлогом находим общую форму, восходящую к именительнo-винительному. Из грамоты Басараба II — а Стефан воивода идет съ вьсьми него-вѣми воиске (В, LXXXVII, 113); из грамоты Басараба III — съ воиске (В, СХХ, 147); из грамот Радугу IV — и съ воденице на устиа Тополову (М, IX, 20), учините над главе им (В, CLXXXIX, 228).

Итак, валашские грамоты свидетельствуют, что в живом славянском языке Валахии в основах на *a* (*ja*) флексии творительного падежа не было. Носителями прежних падежных отношений являлись в XIV—XV вв. предлоги (*съ, със, надъ, подъ*), после которых как в единственном, так и во множественном числе шла неизменяемая по падежам общая форма (*casus generalis*).

Иную картину наблюдаем в славянских грамотах Молдавии. Здесь писцы совсем не проявляли такой беспомощности в пользовании старой формой творительного падежа, как их западные соседи. Грамоты Стефана Великого дают многочисленные доказательства тому, что в живом языке их создателей старая форма творительного падежа была живой формой. Приведу несколько примеров из грамот Стефана: тѣм мы видѣше его правую и вирною слоужбою до нас (3 сентября 1459 г.), и своєю сестрою Черною (8 августа 1461 г.), и съ своєю дочкою Кръстиною (15 апреля 1463 г.), дорогою на верх дила (8 декабря 1466 г.), и съ вьсею землею (28 мая 1470 г.), и съ вьсею нашею радою (25 апреля 1472 г.), таковы боудет под клѣтвою отеческою (25 января 1476 г.), их доброю волею (11 февраля 1478 г.), съ своєю женою Анушкой (17 августа 1483 г.), съ своєю женою Федкою (8 марта 1487 г.), и съ сладницею (3 апреля 1488 г.). Случаи ошибочного употребления формы творительного падежа в молдавских грамотах единичны.

Местный падеж

Уже в старославянских памятниках наблюдается утрата старого беспредложного местного падежа: при имени в местном падеже появляется предлог, который вместе с падежной

флексией является носителем падежных отношений. В среднеболгарском языке это получает дальнейшее развитие — беспредложный местный встречается очень редко в самых древних памятниках (об этом процессе см. в книге К. Мейера в главе „Der Untergang des Lokativ“, S. 34—45). Аналогичный процесс наблюдаем и в других славянских языках.¹ Но в болгарском языке этот процесс пошел дальше в связи с общей аналитической тенденцией, приведшей к полной утрате старого синтетического склонения. Предлог стал единственным носителем падежных отношений в связи с утратой падежной формы. В современных болгарских говорах мы встречаем окаменелые остатки старого беспредложного местного падежа, которые в живом языке выступают в функции наречий: *зимѣ*, *мощнѣ*.²

В валашских грамотах XIV—XV вв. беспредложный местный падеж не встречается, но старая падежная форма еще употребительна.³ Примеры: из грамоты Мирчи Великого — по тѣрговох у земи господства ми (В, I, 3); из грамоты Раду II — въ земи вашей (В, IV, 9); из грамоты Дана II — да ест въ земли господства ми (В, XI, 21); из письма Албула варника Александра — да умрѣ въ православной вѣрѣ христианьской (В, ССVIII, 249); из грамоты Александра — на ваших главах (В, XXIV, 44); из грамоты Влада Дракула — в рѣцѣ моим чловѣком (В, XLVII, 69), що беша поганом въ рѣках (В, LV, 80); из грамоты Раду IV — въ турской земли (С, VI, 6); из грамоты Влада III — еже сѣтъ въ кѣщи гѣа ми (Вен., 125); из грамоты

¹ Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik, II, 1908, S. 368 сл.

² Милетич, Старото склонение в днешните български наречия, стр. 264.

³ Проф. Милетич нашел один случай употребления беспредложного местного в грамоте Влада Дракула — ставит ви щѣ у края горѣ (СБНУ, XIII, стр. 127). Однако нет полной уверенности в справедливости толкования Милетича. Форма *горѣ*, нам думается, является формой дательного принадежности. Таким образом, мы бы перевели — у края горѣ у края леса, а не у края в лесу. Богдан это место перевел — *am să vă las sus la margine* (см. р. 57).

Басараба III — да ест на вашех главех (В, СХХII, 151, в той же грамоте — на ваш(ех) главах).

Все эти примеры (число их сравнительно невелико) свидетельствуют лишь о стремлении писцов сохранять старые падежные формы. Уже выше мы видели, что это стремление приводило только к путанице, неправильному употреблению флексий, так как оно не находило поддержки в живом их произношении. Легко установить, что и в этом случае после предлогов в живом языке шла неизменяемая общая форма, которая передавалась, как и в других случаях, или формой винительного падежа [из грамоты Раду II — на Дѣбовицѣ (М, XIII, 16); из грамоты Влада Дракула — да пребивате съ миром и у добром волю (С, III, 3); из грамоты Басараба III — и друга воиска що е' била на Босну (М, XIII, 86)], или формой именительного [из грамоты Мирчи Великого — а на кола у Тръгшор а' рѣбѣ (В, I, 3); из грамоты Дана II — колика кони у кола (В, XI, 21); из грамоты Раду IV — и съ воденице на устиа Тополову (М, IX, 20)].

Выше уже отмечалось, что в валашских грамотах после предлога *отъ* нередко находим общую форму множественного числа в местном падеже. Находим эту же форму и после других предлогов. Предлог *по*: из грамоты Влада I — по горѣ и по планинах (В, СХХII, 54); из грамоты Влада III — от слуг господских посилаемих по работах (М, IX, 19). Предлог *под*: из грамоты Влада II — ни вамеши що су под планинских вамах (В, LXXIV, 96).

Итак, в живом славянском языке валашского населения в XIV—XV вв. уже не существовало старого синтетического склонения *а*-основ. Писцы по мере своих сил и знаний старались пользоваться старыми падежными формами, но отсутствие серьезной школы приводило к разнообразным промахам и ошибкам, которые нами выше последовательно рассмотрены. Несомненно, что в живом языке слова *а*-основ падежных флексий не имели и выражали падежные отношения теми же аналитическими средствами, что и в современном болгарском

языке. На основании имеющегося материала можно прийти к выводу, что общая форма в славянских говорах Валахии имела различное происхождение: в одних она восходила к старому именительному падежу, в других — к винительному. Аналогичную картину представляют современные болгарские говоры (см. выше).

Общая форма во множественном числе восходит к именительнo-винительному, которая в живом языке представляла результат объединения по твердому типу склонения. Флексия мягкого склонения книжниками была заимствована из сербского языка.

2. Склонение женского рода основ на *i*, на согласный

Склонение женского рода основ на *i* представлено незначительным числом примеров. Объясняется это тем, что в связи с отвердением конечного согласного многие из слов женского рода стали смешиваться со склонением слов мужского рода. Подобного рода примеры часто встречаем в грамотах. Так, в грамоте Дана Претендента читаем — щемъ служити вашему милости (В, LXXVIII, 100; в конце той же грамоты находим — и да вы имамо великаа милость); в грамоте жупана Нега — за вашему добродетел (В, CCXXIV, 273); в грамоте Дана II слово *рысь* имеет форму мн. ч. муж. р. — *рисови* (В, X, 20).

И этот тип склонения представляет в грамотах аналитический характер. Старые падежные формы находим в титульной части грамот (например, очень часто — *милости*ж *божие*ж), в установленных канцелярских оборотах (из грамоты Александра — *дени*ж и *нощи*ж — В, XX, 41; из грамоты Басараба III — их изваді от смръти, В, CXXIII, 158).

Значительно чаще встречаемся со случаями аналитического выражения падежных отношений. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — сь истини рѣч (С, II, 2), подь области (Вен., 26); из грамоты Басараба III сь честь (В, CXVII, 145); в другой грамоте Басараба III находим — сь честию — В, CXI, 136; ср. аналогичный пример из грамоты Раду IV — сьс честию

и със дар — В, CLXXII, 218); из грамоты Басараба III — съ добродѣтел (В, СXXI, 149), у знание вашей милость (В, СIХ, 136). Написание в грамотах милость, сол (однести сол или овце М, IX, 11), рис (и въверица или лисица или зажчина или ждер или рис В, XI, 21), добродетел (добродетел въ христѣанство В, СXXIII, 153) указывают на отвердени: конечного согласного. С этими примерами вполне согласуются слова мужского рода, подтверждающие отвердение конечных согласных (см. ниже).

Множественное число образуется с помощью флексии и (доста празни рѣчи — М, XIII, 66). Употребительна в этом склонении и собирательная форма (из грамоты Басараба III — аще любите мир и добродѣтелие — В, СXIV, 142).

Как хорошо известно, склонение основ на согласный (ч, ъв) уже в старославянских памятниках претерпело существенные изменения: оно испытало глубокое влияние со стороны других склонений женского рода. Что касается валашских грамот XIV—XV вв., то в них встречаются отдельные формы этого архаического склонения, но неумелое и противоречивое их употребление со всей очевидностью подтверждает их книжный источник. В живом языке сохранялась лишь неизменяемая общая форма. В именительном ед. слово дочь в грамотах имеет различную форму: дѣщи (из грамоты Басараба III — а то Лаіо-това дѣщи она ест дѣщи господарска — В, СXXVII, 158), дѣщере (из грамоты Раду IV — Иван и дѣщере му Стана — М, IX, 28), дѣщери (см. Вен., 133); в более поздних памятниках XVI—XVII вв. находим дѣщера (из грамоты воеводы Александра от 31 мая 1626 г. — Станка, дѣщера Татулова — М, IX, 51) и дѣщеря (дѣще я на име Нѣга — Вен., 291). Последняя форма согласуется с данными новоболгарского языка, обычной формой в котором является дѣщеря. Сохраняется и дѣще в значении звательной формы.¹

Все указанные формы представляют собой неизменяемые формы общего падежа, которые аналитическими средствами

¹ В грамоте XVI в. (от Михни I) находим дѣще: заради дѣще му Рук санда (М, XIII, 112).

выражают падежные отношения. Примеры: из грамот Раду IV— и съ дѣщере му на име Станка (Вен., 133), та си уложи дѣщере си Стана (М, IX, 28), дѣщери му припуститъ бгъ (Вен., 133); из грамоты Влада III Монаха—и от дѣщери (М, IX, 19). В одной из грамот Раду IV, изданной Венелиным, находим искусственное образование дат. мн.: дѣщериомъ ему (Вен., 134).

Во множественном числе данное слово имеет форму дѣщери (га уложи дѣщери Станка и Виша и Рада—Вен. 133) или дѣщере (съ сынови му съ дѣщере му и съ бродове от воде нице—грамота 1456 г. (цит. по Милетичу, IX); из грамоты Раду IV—съ дѣщере ему).

Встречаем изредка старые косвенные падежи от *мати*, но без их старого грамматического значения. Так, в грамоте Басараба III находим *матере* в значении прямого падежа: а оно да му е^с съпостасница прѣчиста богоматере на страшиѣм и неумитном съдище (М, IX, 11), в значении прямого объекта женѣ и матере му (В, XXIII, 43). Встречаем в валашских грамотах и *матерь*—жупанова Михалчѣ бана матерь (Вен., 260). В славянском языке Валахии это слово отсутствовало, так же как и в большинстве живых болгарских говоров. В новоболгарском языке находим слово *майка*, которое в среднеболгарских церковных памятниках отсутствует. Это же слово (а не *матер*) находим в современном румынском языке: *maică, maica preișta, maica-mare, maica-mica* и др.¹ Слово это встречается уже в валашских грамотах XV в.: из грамоты Раду IV—понеже су били дадени прикїю майке г^сву ми от родителїе ѹ (М, IX, 20). Заимствовать его валашские книжники из среднеболгарского языка не могли, так как в книжном болгарском языке оно появляется лишь в новоболгарский период, т. е. с конца XVI в. *Майка* возникло в народном славянском языке Мизии, Фракии, Македонии и Дакии уже давно и вытеснило старое, державшееся сравнительно долго под влиянием церковной книги.

¹ Cihac, Dictionnaire, 1879, p. 182—183.

Слово *кръвь* в полном соответствии с общей системой не имеет падежных форм и изменяется лишь по числам: из грамоты Мирчи Великого — кръв его на них и на чадох их (М, IX, 4); из грамоты Влада Дракула — си пролива жт крѣви за вас (М, XIII, 34).

В грамотах Мирчи Великого находим слово *любовь* в общей форме с собирательным суффиксом — сь любовие (С, I, 1). В другой грамоте встречаем — и сь любовию (С, X, 10). Этот сербизм в данном слове проник в валашские грамоты еще до наступления непосредственного сербского влияния через болгарскую книжность (подробнее об этом см. в предшествующей главе).

Слово *церковь* объединилось со словами основ на *a*: из грамоты Раду IV — да ми направи некои прозорци на црѣкву (В, ССІ, 241).

3. Склонение мужского рода

Так же как склонение женского рода, склонение мужского рода в значительной своей части уже утратило старый синтетический характер. Однако новый аналитический характер его не выражен так последовательно, как склонения основ на *a*. Это вполне согласуется с данными современных болгарских говоров и литературного языка, в которых склонение мужского рода значительно архаичнее.

Именительный — винительный

Общая форма мужского склонения генетически восходит к старому именительно-винительному падежу. Данные валашских грамот свидетельствуют, что уже в XIV—XV вв. в живых славянских говорах Валахии отвердели не только конечные согласные полумягкие (перед *ь*), но и смягчаемые (перед *j*). Примеры: из грамоты Дана II — кобила или кон (В, IX, 18); из грамоты Басараба III — дадоше един кон (М, IX, 14); из грамоты Влада III — е купил един кон (В, CLXXV, 209); из грамоты Раду IV — ми найдете един кон велик и хубав (В, CLXXVIII, 212).

Очень редко найдем в грамотах написание конь (например, из грамоты Влада I — от конь — В, LVIII, 83), что связано исключительно с книжной традицией.¹ В связи с этим нужно отметить, что валашские писцы в огромном большинстве случаев не следуют обычной старой книжной славянской традиции и не пишут *ъ* и *ь* после конечных согласных. Встречающиеся написания богъ (и еще колико деца му богъ припустит — М, IX, 19), предлогов въ, съ (въ стїи монастир от Тисмену — М, IX, 10) характерны главным образом для древнейших грамот и для определенного круга слов. Обычно же конечных *ъ* и *ь* не найдем: из грамот Мирчи — и Дръстру граду владеец (М, IX, 1), по тѣх блата до где им е хотар (М, IX, 1), от сьродник... от иноплеменик (М, IX, 1); из грамоты Басараба II — и съ родител ми (В, CI, 126); из грамот Басараба III — и келїам, що су у стїи монастир (М, IX, 13), понеже ест дошлл един куцѣц турчин съ добру куплю и много (В, XCVIII, 123); из грамот Влада III — живот (М, IX, 17), Андрїаш от Далник (В, CLXVII, 202), из грамот Раду IV — он ест имал мир съ висоте (В, CLXXX, 215), їо Радоул въвода (В, CLXXIX, 213), Станчул от Нѣмѣщи (В, CLXXXI, 217), от пред жупан Семка (В, CXCSIII, 231) и мн. др.

Утрата мягкости конечных согласных является одной из характерных черт многих болгарских говоров. Среднеболгарские памятники дают некоторый материал, указывающий на утрату мягкости конечных согласных, но данных их для общих выводов совсем мало. Что же касается валашских грамот, то они дают совершенно точные указания, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. конечные согласные были всегда твердыми.

¹ Написание в конце слова *ь* не указывало на мягкость предшествующего согласного. Это убедительно подтверждается такими написаниями, как господинь (из грамоты Мирчи Великого — и сѣверияскому банству господинь — М, IX, 1), синь (из грамоты Раду IV — синь Хачков от рыбник — В, CXCV, 234) и другими примерами.

Новоболгарский язык представляет значительное богатство флексий множественного числа мужского рода. Формирование этих флексий относится к глубокой древности. Для историка новоболгарского языка представляет, однако, большой интерес их специфическое употребление, которое в некотором отношении резко обособляет новоболгарский язык от старославянского. Среднеболгарские церковные памятники, а в равной мере болгарские грамоты, летописи и другие произведения письменности Второго Болгарского царства дают мало материала для истории флексий множественного числа. Больше можно извлечь из чергедских молитв и из Троянской притчи. Особенно ценными для историка новоболгарского языка в этом отношении являются валашские грамоты XIV—XV вв., которые представляют поразительные аналогии с новоболгарскими памятниками.

В современном болгарском языке получила широкое распространение флексия мн. ч. *ове*, восходящая, как известно, к им. мн. основ на *ѣ*. Большинство односложных слов мужского рода множественное число образует с помощью флексии *ове* (*еве*).¹ Среднеболгарские памятники как церковного, так и светского содержания дают немало примеров употребления флексии *ове* (*ови* или *овы*) во множественном числе. Но даже в Троянской притче флексия эта встречается совсем не так часто, как в новоболгарском языке: не бждет свады между сватовы и болъры на веселихъ (49), призва... и врачевы (50), воловы не орати (54), оуров (*оуръ* — боярин, 55), и ножевы его събодошъ (66). Лишь в дамаскинах в полной мере отражена эта особенность новоболгарского языка.

И в этом отношении валашские грамоты XIV—XV вв.

¹ См. L. Beaulieux, Grammaire de la langue bulgare, Paris, 1933, p. 47. „Теперь мы можем смело формулировать правило, которое подтверждается всеми нашими говорами и которое гласит, что односложные слова мужского рода принимают во множественном числе окончание *-ове*“ (Цонев, История, II, стр. 485). Затем проф. Цонев указывает на различные отступления от этого правила. Вспомним, что и в глубокой древности к склонению основ на *ѣ* относились слова односложные: *воль, врѣхъ, ломъ, медь, поль, сынъ, может быть, ледъ, садъ, ядъ* и некоторые другие.

представляют поразительные аналогии не современным им среднеболгарским памятникам, а новоболгарским памятникам, впервые в истории болгарской письменности свободно отражавшим все особенности живого языка. В этих грамотах, так же как и в дамаскинах XVII—XVIII вв., флексия *ове* является чрезвычайно продуктивной. Эти грамоты свидетельствуют, что в живом славянском языке Валахии уже в XIV—XV вв. флексия *ове* была так же продуктивна, как и в современном живом болгарском языке. Из грамоты Мирчи Великого — у колико редове (С, XXIV, 24); из грамоты Дана II — хамове (В, XI, 21), хамови (В, XII, 27),¹ а от бобо и от желъза и от лжкови (В, IX, 18); из грамоты Александра — да ми помогете съ лжковы, съ стрѣлы, съ оржжѣм (В, XXII, 42), стегови (М, XIII, 9); из грамоты Влада Дракула — лжкови (С, XXV, 26); из грамоты Владислава Дана — синове (М, IX, 7, там же синови); из грамоты Влада Цепеша — и тузи ви пустих нѣколици волове и краве (В, LXX, 92); из грамоты Раду III — тръгови... бродове (М, IX, 28); из грамоты Басараба II — да ми купат и щитове и лъкове (В, XCIV, 121); из грамоты Басараба III — како ест узел сва таи земла и три градове (В, CXII, 139), синове (М, IX, 14), ест узел теи градове (В, CXIII, 141); из грамоты Влада III — три делове на мостице (М, IX, 19), путове (В, CLIX, 193),² и друзи хлапови шними (В, CLVIII, 192), лъкове и мъчеве и щитове (В, CLVI, 190), тръгове (В, CLI, 183); (CLVI, 189); из грамоты Раду IV — длъгове (В, CXCV, 234), мостове (В, LXXXIX, 227), гласове (В, CLXXVII, 224), ножове, столове (В, CLXXXV, 221), синови (В, CXCVI, 235) и др.

¹ В окончании *-ови* Милетич видит новообразование, возникшее в результате контаминации флексии *-ове* и флексии *-и* (см. СбНУ, XII, стр. III). Может быть, следует обратить внимание на то, что флексия *-ови* встречается лишь в том случае, когда на последнюю гласную не падает ударения, о чем мы можем судить на основании современного болгарского языка.

² Это слово в современном болгарском языке множественное число образует с помощью суффикса *-ища* (пѣтища), который генетически представляет собой форму мн. ч. р. от *-ище*.

Совсем в ином значении употреблялась флексия множественного числа *ове* в молдавских грамотах XV в. Во всех молдавских грамотах Стефана Великого, изданных проф. Богданом, можно найти лишь единичные примеры, когда бы флексия *ове* употреблялась для мужского рода неперсонального значения: домове (из грамоты 10 января 1467 г.), бродове (11 сентября 1467 г.), дворове (30 августа 1479 г.).¹ Обычно же флексия *ове* имеет личное, персональное значение: сынове (из грамот 10 января 1467 г., 30 декабря 1479 г., 29 февраля 1488 г., 1 марта 1488 г. и мн. др.), унукове (15 октября 1488 г.), панове (12 сентября 1864 г. и мн. др.), и от наших унукове (8 октября 1472 г.), где били грекове (8 октября 1462 г.; ср. в топонимии — село на имѣ Грикове — из грамоты 12 сентября 1464 г.), паркалабове (из грамот 10 сентября 1471 г., 6 июня 1472 г., 9 декабря 1473 г., 7 мая 1475 г. и мн. др.; встречается и паркалаби — 17 апреля 1480 г., 9 октября 1487 г. и мн. др.), попове (15 марта 1490 г.), непотове (14 марта 1489 г.; встречается и непоти — 7 января 1491 г.), предкове, предедове (15 марта 1490 г.),² где были княсове (13 августа 1471 г.), оуси оугрове (20 мая 1459 г.).

В неперсональном значении обычно употреблялась флексия *и*; млини, звири (из грамоты 13 марта 1466 г.) и др.

Категория персональности нашла свое отражение в молдавских грамотах, может быть, под влиянием польского языка.

Флексия *и*. Эта флексия, восходящая, как известно, к склонению основ на *о*, в современном болгарском языке „употребляется теперь очень ограниченно“, ³ так как широкое развитие получила флексия *ове* и некоторые другие, о которых речь будет идти ниже. Пользуясь данными центрально-болгарских говоров, в которых неударные гласные *е* и *и* не

¹ Единственный раз флексию *-ове* находим при слове среднего рода — селове (из грамоты 20 апреля 1491 г.).

² Прѣдкове находим в грамоте от 12 августа 1452 г. молдавского воеводы Александра II (М, IX, 54),

³ Цонев, История, II, стр. 484.

смешиваются в произношении, проф. Б. Цонев устанавливает несколько групп слов, в которых во множественном числе употребляется флексия *и*.

Флексия *и* употребляется при случаях исчезновения гласной во множественном числе: *овен* — *овни*, *орел* — *орли*, *косъм* — *косми*, *котел* — *котли*, *възел* — *възли* и т. д. В этих же случаях флексия *и* последовательно употребляется и в валашских грамотах: из грамоты Мирчи Великого — или емци (В, I, 4); из грамоты Дана II — и въ дни Мирчѣ воеводж (В, IX, 17); из грамот Басараба III — за тиизи злотворци (В, СХІХ, 146) да узимате куплю от нашех купци на хотар (В, СХLV, 176); из грамоты Влада III — су убили мехединци у село Глогова (В, СL, 188); из грамоты Раду IV — да ми направи некои прозорци на цръкву (В, ССI, 241); из письма ворника Драгомира Манева — съм длъжен за некои овни (В, ССХІХ, 265), азъ купил тия овни летоска (там же), из письма Драгомира Удриште — не ест бил у турци у дъни Басарабу (В, ССХХХV, 290).¹

Флексия *и* употребляется также в том случае, если в единственном числе слово оканчивается на задненебный согласный: *к*, *г*, *х*. Это касается как многосложных слов (*кожух*), так и односложных (*вълк*). Однако современные говоры и литературный язык в этом случае для многих односложных слов пользуются флексией *ове* (ср. лит. *бръг* — *брегове*, диалект. *вълк* — *вълкув'а*). В некоторых случаях находим колебания: *враг* — *врази*, но и *врагове*. Все это хорошо известно современному болгарскому языку.

Последовательно проведенные результаты второй палатализации указывают, что общая форма множественного числа восходит к старому именительному, а не винительному падежу, что характерно для большинства болгарских говоров и для современного литературного языка.

¹ Случаи употребления в подобных словах флексии *-ове* единичны: из грамоты Влада III — да им донесет овнове от молдовской землю (В, СLXXI, 206).

И в этом отношении валашские грамоты XIV—XV вв. вполне согласуются с новоболгарским языком: все слова, оканчивающиеся на задненебный согласный, имеют во множественном числе *и*. Примеры: из грамоты Раду II — и да са сждит сираци (В, IV, 9); из грамот Дана II — яко невѣрници господства ми (В, IX, 18), и ратуѣт сираци и зло им чинит без никоѣ выни (В, XVI, 31), не щем азъ оставит чловѣци господства ми въ пагубѣ (В, XVI, 31), от кожуси и крезнах нищо (В, XVII, 36), чловѣци господства ми (В, XVIII, 38); из грамоты Влада I — сиромаси (В, LIV, 78); из грамоты Влада II — юнаци (В, LXXVII, 99); из грамот Раду III — иноци (М, IX, 8), дворници (там же); из грамот Влада III — грѣси (М, IX, 17), глобници (Вен., 125), посланици (В, CLI, 183); из грамот Раду IV — глобница (М, IX, 26), волни послушници (М, IX, 30), купити некои кожуси (В, CCIII, 242); из письма жупана Албула — сираци люді (В, CCX, 250); из письма Драгомира Удриште — су га донесли власи (В, CCXXXVIII, 294). Таким образом, валашские грамоты также подтверждают, что и в славянских говорах Валахии общая форма множественного числа мужского рода представляла собой окаменелую форму именительного падежа, характеризующуюся изменением задненебных согласных перед гласным *и* дифтонгического происхождения. В связи с этим следует остановиться на одной существенной особенности новоболгарского языка, которая находит поразительное подтверждение в данных валашских грамот.

Дело в том, что иностранные заимствования в болгарском языке не отражают совсем или отражают непоследовательно результаты второй палатализации. Это касается не только новейших заимствований (ср. *лозунг* — *лозунци*, *митинг* — *митинци*), но и многих старых (ср. *печенег* — *печенеци*, редко *печенеци*). Последовательно отражают изменения задненебных лишь наиболее древние заимствования (ср. древнейшее заимствование от болгар — *тюрок белег* — *белези*). В исследуемых нами валашских грамотах иностранные заимствования также не отражают второй палатализации. Вот примеры из грамот Дана II: от бубаки (В, XIII, 28), нигде кумерки да не дават (В, XVII, 35). Оба

эти слова находим в различных фонетических вариантах во многих балканских языках: рум. *bumbac* (хлопок, хлопчатобумажная материя), новогреч. *μπάρπακι*, болг. *бубѣк* (ср. *памук* из турецкого), серб. *бомбак*, *бумбак*. В самих валашских грамотах это слово имеет несколько написаний: *бабак*, *бѣбак*, *бубак*, *бумбак* (см. в издании Богдана стр. 15, 18, 20, 27, 28, 72).¹ Слово *кумерк* (таможенная пошлина), восходящее к лат. *commercium*, известно новогреч. *κομμάρι*, тур. *gümrük*, часто встречается в памятниках новоболгарской письменности (дамаскинах).

На основании встретившихся в грамотах единичных примеров, в которых отсутствуют результаты второй палатализации в словах незаимствованных, никаких общих выводов делать нельзя: ср. в грамоте Влада III — источники водние (М, IX, 17). Все встретившиеся случаи с суффиксом *-ник* (*-ѣник*) во множественном числе представляют и.

Проф. Цонев отмечает, что в современном болгарском языке флексия *и* употребляется еще в том случае, если слово состоит из предлога и односложного корня, в котором нет беглой гласной: *запис* — *записи*, *народ* — *народи*. Ср. аналогичные случаи в валашских грамотах — сътворило господство ми закони (М, XIII, 2), утвърдим закони (М, XIII, 3) и др.

Флексия *е*. Уже в среднеболгарских памятниках можно обнаружить флексию *е* (*ие*) не только в основах на согласный и на *ь* (ср. в старосл. *дѣне*, *гостикѣ*), но и в других основах. Так, в Троянской притче находим не только обычные для старославянского языка граждане (66), властеле (53), но и твои корабли потонѣле (57), вси велмѣже прѣчьсти (58, 62, 65), и идѣхѣ добрии витезие (49), бѣше на них бисерие (49). Находим это окончание в основах мужского рода основ на *а* — стражие (63). Данные чергедских молитв вполне согласуются с этими данными: в них эта флексия употребляется чрезвычайно часто: *dane* (5), *angele* (7), *roditele* (8), *bratie* (8), *vražmaše* (39) и др.

¹ Об этом слове см. Миклошич, *Türkische Elemente*, II, 37.

Значительное развитие эта форма получает в новоболгарском языке. В дамаскинах встречаем ее очень часто. Так, в Свищовском дамаскине находим *языце, философе* и др. (см. издание Милетича). Проф. Цонев на основании самостоятельного изучения этого вопроса пришел к выводу, что отличительной чертой новоболгарского языка является чрезвычайно интенсивное распространение флексии *e*. Это окончание „получают все существительные муж. рода, образованные с каким-либо суффиксом... и вообще все двухсложные и многосложные слова муж. р., которые согласно нижеуказанному правилу не могут иметь *и* во мн. числе“.¹ Далее Цонев указывает, что окончание *e* (*ие*) могут иметь и односложные слова: *гостие (госте), людие (люде), дение (дене), мъжие (мъже), кралие (крале), царие (царе), коние (коне)* и др. Большинство восточнoболгарских говоров не различает гласных *и* и *e* в безударном положении, не различает *их* и литературный язык. В связи с этим для большинства слов различие конечных гласных (например, *родители* или *родителе, приятели* или *приятеле* и мн. др.) не выразительно: оно выступает лишь в том случае, когда ударение падает на флексию (ср. в литер. языке *конé, мъжé* и др.). Справедливость выводов Цонева бесспорно подтверждается наблюдением над центральными говорами, в которых безударные гласные не изменяют своей артикуляции. В новейшее время эти старые наблюдения Цонева подтвердил Цветан Тодоров на материале северо-западных говоров, так же, как известно, не знающих редукции неударного вокализма.²

Валашские грамоты XIV—XV вв. многочисленными примерами подтверждают, что аналогичный процесс был пережит и славянскими говорами Валахии. Данные этих грамот представляют особую в этом отношении ценность, так как они впервые по времени полно его отражают в отличие от современных им среднеболгарских памятников, в которых флексия *e* встречается сравнительно редко. И в этом отношении валашские грамоты XIV—XV вв. и новоболгарские памятники XVII—XVIII вв. ближе

¹ Цонев, цит. соч., стр. 484.

² Ц. Тодоров, Северо-западные болгарски говори, стр. 279—281.

друг к другу, нежели к среднеболгарским памятникам XII—XV вв. Примеры из грамот Мирчи Великого: нѣтъкъмо калугере (М, IX, 3), калугере да сѣж волни ловити (Вен., 22), и на Джебвицѣ у кола колико коне толкози и дук (В, I, 4), болѣре (Вен., 18); из грамот Дана II — при дни старых господаре (В, XIII, 29), и се свѣдѣтеліе (В, XI, 22); из грамоты Александра — нѣка да доходят и ваши люде zde (В, XXV, 46); из грамот Басараба II — ере ме есте добри пріятеле (В, СIII, 130), мои добри пріятеле... каконо мои пріятеліе (В, ХСVII, 123); из грамот Басараба III — яко мнози царіе въ царствіа си въселиша са (М, IX, 13), царь их ест мъжие посекал, а жени и деца поробил (В, СХII, 139), да си купим жену от христіане (В, СХХVII, 158), родітеле (В, СХХVII, 157), каменіе (В, СХLVI, 177), по напех людіе (В, СХII, 139), за теи вражмаше (В, СХIII, 141); из грамот Влада III — нѣки татіе (В, CLIV, 187), от ваших людіе (В, CLVII, 190), дѣбри пріетеле (В, CLVII, 191), сѣнокосіе (Вен., 125), братіе (В, CLVI, 190), ест дал и къще и виноградіе и све (В, СХСV, 234).

Валашские грамоты и данные современной румынской диалектологии свидетельствуют, что многие славянские говоры Валахии не различали гласных *i* и *e* в безударном положении, что их тесно связывало со славянскими говорами Мизии и восточной Фракии. Это легко объясняет, почему нередко в безударном положении находим флексию *и*: из грамоты Михаила I — люді от брашовѣн (В, III, 8); из грамоты Раду II — и да не дрѣжите злих люді посрѣд вас (В, IV, 9); из грамоты Дана II — що сѣж имали от прѣродители господства ми (В, VIII, 15); из грамоты Раду III — понеже ви поосим како мои пріятелі (В, LXXXI, 105); из грамоты Басараба II — а паркалаби от Бран (В, ХСV, 121); из грамот Басараба III — мои вражмаші (В, СХХI, 149), калугери (Вен., 122); из грамоты Раду IV — дижмари (М, IX, 26). Подобные написания легко объясняются влиянием старой флексии *и*. В еще большей степени это характеризует современный болгарский литературный язык, в котором флек-

сия *e* пишется лишь в ударном положении и в словах типа *гражданинь* (непоследовательно). В литературном произношении в безударном положении *e* и *i* не различаются. Наличие же в определенных условиях старой флексии *i* (*вълци, орли, записи*) легко может объяснить написание *приятели, родители, господари*. Проф. Цонев совершенно справедливо указывает, что современная орфография в этом случае находится в противоречии с самим языком, что убедительно подтверждается данными диалектологии.

Теми же условиями вызваны были написания в валашских грамотах *приятели* и под., которые, однако, не получили такого развития в них, как в современном болгарском литературном языке. Что написания во множественном числе флексии *и* в многосложных словах, не оканчивающихся на заднеязычный согласный, в словах с разнообразными суффиксами вызваны исключительно фонетическими условиями (совпадением неударных *e* и *i*), подтверждается также написанием *и* в основах на согласный: граждѣны си от главы си (В, XV, 30) ср. в современном болгарском языке — *граждане*.

Написание в нескольких случаях — кони (из грамоты Дана II — колико кони у кола — В, XI, 21; из грамоты Александра — да сѣт взели кони из моего двора — В, XXIV, 45; из грамоты Басараба III — а пак кони — В, СХІХ, 147) указывает, что в отдельных славянских говорах Валахии это слово во множественном числе имело ударение на корневую гласную. В современных болгарских говорах также при обычном *конѣ* находим *коне* (*кони*).

Чрезвычайно важно для выяснения употребления флексии *e* в славянских говорах Валахии сравнить и в этом пункте валашские грамоты с молдавскими грамотами XV в. Флексии *e* во множественном числе мужского рода представляют лишь слова *бояре, болѣре*, которые в славянских языках во множественном числе склонялись по основам на согласный (ср. в русском — *бояре*).¹ Обычной флексией является *и*, которую находим не только в словах, склонявшихся прежде по основам

¹ Находим в молдавских грамотах и бояри (грамота от 31 августа 1458 г.).

на о, но и на согласный (*калугери, шолтоузи, пръгари, люди, хтитори* и др.). Примеры с флексией *е* единичны и, вероятно, проникли из Валахии. Таким образом, молдавские грамоты указывают, что и в этом отношении славянские говоры Молдавии и Валахии в XV столетии были резко обособлены. Славянские говоры Валахии пережили тот же процесс активизации флексии *е*, что и болгарские говоры; в молдавских же, как и в других славянских говорах Украины, этого не наблюдалось. Слово *братъ* во множественном числе обычно пользуется собирательным суффиксом. В большинстве болгарских говоров находим — *братя (брак'я)*. Это слово с этим же суффиксом находим и в валашских грамотах: из грамоты Влада III — честити братия (В, CLXII, 197). Находим в грамотах также братие и брати (М, XIII, 74).

Характерной особенностью морфологической структуры современного болгарского языка является употребление форм мн. ч. муж. р. в значении множественного неопределенного. Если при имени существительном стоит числительное, то форма множественного будет оканчиваться на флексию *а* (*я*), генетически восходящую к имен.-вин. двойственного числа (*5 вестника — няколко вестници, преди 7 дена — преди няколко дни, на работилницата работят 124 работника, но много работници*). Следует, однако, отметить, что не только в говорах, но и в литературном языке эта нормализация строго не выдержана: и в записях диалектологических текстов и в языке писателей можно найти немало отклонений. Все это указывает, несомненно, на молодость этой нормализации.¹

В валашских грамотах старую форму двойственного числа находим лишь при числительном *два (оба)*: из грамоты Мирчи — и оба пола по въсему Подунавюу (Вен., 22); из грамот Басараба III — два града (В, CXIII, 141; в той же грамоте — теи градове), понеже купише... два конѣ (т. е. коня) и една крава

¹ Ср. в северо-западных болгарских говорах: два вола, три листа, шес попа, два коня, три котла, четирисе дена, три човека, два камена, но три дни, два ангеле, два аршине, два листове, осъм кошове и др. (см. Годоров, цит. соч., стр. 231).

(М, IX, 14), сѣм... послал два чловѣка на име Рѣтундул и Драгомир (В, СXXXIII, 164), сѣм... просил за два добра зидара (В, СXLVI, 177), два вола (М, IX, 14); из грамоты Раду IV — от два закона (М, IX, 29). В очень редких случаях при числительном два находим старую форму множественного числа: из грамоты Раду IV — ест украл два кони (В, СХСVII, 236); единственное число: из грамоты Раду IV — на два дел (М, IX, 24; в той же грамоте — на една дел); из грамоты Мирчи — оба пол по въсему Подоунавиоу (М, IX, 4).¹ Уже при числительном три находим старую форму множественного числа: из грамоты Влада III — три делове на мостище (М, IX, 19). Таким образом, данные валашских грамот подтверждают, что в живом языке в XV в. категория множественного определенного и множественного неопределенного еще отсутствовала.

Одним из характерных новообразований славянского синтаксиса является замена старых форм вин. п. ед. ч. муж. р. формами род. п. для одушевленных предметов. Процесс этот, как свидетельствуют памятники славянской письменности, начался в глубокой древности. Среди всех славянских языков современный болгарский язык занимает в этом отношении особое место: категория одушевленности и неодушевленности сменилась категорией определенности и неопределенности. Валашские грамоты XIV—XV вв. фиксируют одну из важнейших стадий этого процесса. Пользуясь данными этих грамот и современных говоров, можно изучить возникновение и развитие в болгарском языке этой новой категории.

Для одушевленных личных имен в прямом дополнении в грамотах употребляется форма род. п. Примеры: из грамоты Мирчи — да си ищет длѣжника (В, I, 4); из грамот Александра — како ест доѣжал Дана воеводѣ (В, XXVII, 47), да му дасте чловѣка, добра, да го проводит въ Ораде (В, XXVIII, 48), пустих

¹ Очевидную ошибку писца представляет написание два кола (из грамоты Раду IV — два кола, али да будут големи и оковани — В, CLXXXIII, 219). Кола — слово женского рода.

болѣрина господства ми жупана Димитра (В, XXVII, 48), пуцам болѣрина ми Нѣгое (В, XXV, 46); из грамоты Дана II — нѣ да си наидет своего дльжника (В, XVIII, 39), из грамоты Басараба II — и съ моем чловѣком послах и вашего чловѣка (В, XC, 116); из грамот Басараба III — сѣм послал два чловѣка, на име Рѣтундул и Драгомир (В, CXXXIII, 164), а Драгомира съм послал (там же), ако щете дрѣжати моего вражмаша (В, CXXXII, 163); из грамоты Влада III — е узел брата гѣа ми (М, IX, 18); из грамоты Раду IV — съм посла^а нашего вренога болѣрина (С, XIII, 13); из письма жупана Г. Ласкара — Ханеша да го стиснете (В, CCXIII, 255). Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Эта особенность валашских грамот хорошо известна современным болгарским говорам, в которых при личных именах употребляются старые формы род. п. (*брата му, зетя му, Ивана, Драгана, бога, деда* и др.).¹ Эти формы нужно отличать от сходных кратких форм постпозитивного члена, которые могут иметь и полную форму *синѣт* — *синѣ*, старая же падежная форма только *сѣна* (*сѣна му*, но никогда не может быть *синѣт му*). Следует указать, что в современном языке круг слов личного значения теперь сравнительно с грамотами значительно сузился, охватывая слова главным образом семейного значения.

Иначе развивалась форма прямого объекта у неличных имен.

Проф. Милетич уже давно правильно указал, что валашские грамоты отражают процесс формирования той новой категории, которая в некоторых балканских языках, и в том числе в болгарском, выражена постпозитивными членными формами. Только учитывая это, нам станут понятными те колебания в передаче прямого объекта, которые мы можем наблюдать в валашских грамотах XV в. При первом знакомстве с грамотами исследователь может быть поражен необычайной архаичностью их в передаче прямого объекта. Так, для многих слов, относящихся к одушевленным предметам, прямой объект будет

¹ Цонев, История, II, стр. 464.

выражен старой формой винительного падежа. Однако при более внимательном изучении нетрудно обнаружить, что это относится лишь к неличным именам: из грамоты Басараба III — дадоше един кон (М, IX, 14); из грамоты Влада III — е купил един кон (В, CLXXV, 209); из грамот Радуг IV — ми найдете един кон велик и хубав (В, CLXXVIII, 212), за един кон (М, IX, 26). Как и в современном болгарском языке, числительная *един* во всех этих примерах является неопределенным членом. Таким образом, *кон* является общей нечленованной формой, а не старой формой винительного падежа, т. е. „арханизм“ оказывается новообразованием. Это свидетельство валашских грамот для историка болгарского языка является чрезвычайно ценным, так как это самое древнее свидетельство, подтверждающее, что категория определенности и неопределенности в славянских говорах Валахии развивалась в том же направлении, что и в славянских говорах Мизии, Балкан, Фракии и Македонии. Это также, наряду со многими другими фактами, подтверждает, что в канцеляриях валашских господарей работали местные славяне, более или менее свободно отражавшие в деловом языке особенности своего живого языка. В современных им болгарских грамотах никаких следов этого процесса мы не находим.

Совсем необычное значение для славянских языков (и для старославянского и среднеболгарского) имеет форма *коня*. Как в современном болгарском языке, так и в валашских грамотах форма *коня* служат для выражения определенности. В этом отношении чрезвычайно показательна грамота Радуг IV, напечатанная проф. Богданом под № СХСІХ (стр. 238). В ней мы несколько раз встречаем *кон* (в неопределенном значении или с указательным местоимением) и *коня* (орфограф. *конѣ*) в значении определенном. Речь идет об одном коне, который был куплен подданным Радуг IV (сирочах господства ми) у одного из жителей Брашева (от чловѣка господства ви и от вашега стола). При первом упоминании при слове *кон* стоит указательное местоимение — зараді тѣзи кон (Богдан переводит — *despre acel cal*). Это вполне согласуется с современным

болгарским синтаксисом: при указательном местоимении определяемое членной формы не имеет — *аз говоря за този кон* (но не *този коня*). Затем через две строки в грамоте сообщается, что брашевские таможенные чиновники (*вамешни*) этого коня отобрали. В этом случае никакого определения нет, а употребляется форма *коня* (*конѣ*) — а пак по том кто су били вамешни господства ви а они му сут узели конѣ, которая соответствует по значению современной членной форме. Это тонко подметил румынский переводчик (*după acela însă vameșii domnie; voastre i-au luat calul*). И дальше — такo господство ви знате и тогаи чловѣка вашета, що ест продал конѣ сиромаху господства ми: вполне закономерно употреблена форма *определенная* (в рум. пер. также *calul*). В дальнейшем говорится о человеке, который продал коня (известного), и вновь находим в грамоте *конѣ* (чловѣкъ, що ест продал конѣ — *omul care a vândut calul*). Следует, однако, отметить, что не всегда в грамоте эта новая синтаксическая форма проведена последовательно. Богдан совершенно правильно ере му сте узели и кон и дукати переводит — *și calul și ducații*. Наблюдая подобные случаи в валашских грамотах, проф. Милетич справедливо замечает: „Благодаря этой новой функции, которая незаметно и постепенно приближала винительную форму на *a* к категории членных форм, старая именительно-винительная форма вновь начинает употребляться и при одушевленных предметах в значении неопределенной формы“.¹ Процесс этот, нашедший всестороннее отражение в памятниках новоболгарской письменности, в валашских грамотах проведен далеко не последовательно. Нужно указать, что грамоты XIV и первой половины XV в. его почти не отражают. Но в грамотах конца XV в. (время правления Раду IV) категория определенности и неопределенности в передаче прямого объекта выражена уже совершенно четко. Постепенно сужается круг личных имен, старая форма родительного падежа сохраняется лишь в ряду слов, служащих для выражения семейных и родственных отношений, что характеризует

¹ СбНУ, XIII, стр. 109.

уже новоболгарский язык. Таким образом, для истории категории определенности и неопределенности в современном болгарском языке данные валашских грамот могут оказать неоценимую услугу, так как собственно болгарские памятники до XVII в. об этом процессе ничего не говорят.

Категория определенности находит свое отражение и в словах для неодушевленных предметов. В связи с этим находим форму родительного падежа в значении членной формы не только для одушевленных предметов, но и для неодушевленных: из грамоты Раду III — он е платил евреину томву, що му е бил товара (М, XIII, 79).

Эта новая категория болгарского языка, так резко обособившая его от всех других славянских языков,¹ очень робко отражена писцами в валашских грамотах и в передаче подлежащего. Примеры: из грамоты Михаила I — аще ли не ви имал длъжникот от кжду платит (В, III, 8); из письма жупана Г. Ласкара — да доде момкот Дабъжа (В, ССХIII, 255); из грамоты Влада Цепеша — и отишли су молдовъните у Молдову (М, XIII, 69; в грамоте *молдовъните* встречаем три раза); из грамоты Раду IV — що ю им е дал попа Макарие (М, IX, 20).²

Молдавские грамоты Стефана Великого в отличие от валашских грамот имеют обычную для славянского синтаксиса форму прямого объекта: для неодушевленных предметов употребляется старая форма винительного, для одушевленных — родительного. Встретившиеся несколько случаев отклонений среди огромного количества грамот принимать в расчет нельзя.

Родительный падеж. В разделе, посвященном склонению основ на *a*, мы указали, что валашские грамоты XIV—XV вв. хорошо отражают глубокие изменения в выражении

¹ В. К. Чичагов доказал, что в северновеликорусских говорах членной формы нет (исследование в рукописи).

² Встречаем в грамотах членные формы, восходящие к указательным местоимениям — *овъ, онъ*; *книгъвъ донесе, що ест писано оу книгуву вашено моление* (ср. аналогичное явление в современных родопских и македонских говорах „Das Ostbulgarische,“ S. 237—238). Истории членных форм в славянском языке Валахии будет посвящена специальная глава во втором томе нашего исследования.

поссесивных отношений, которые привели во всех языках „балканского языкового союза“ к утрате родительного принадлежности и последовательной замене его дательным падежом. Этот процесс в болгарском языке тесно связан с аналогичным процессом в соседних балканских языках. Ссылки некоторых болгарских ученых на то, что дательный принадлежности известен другим славянским языкам и поэтому не может в болгарском языке рассматриваться как особенность балканская, неубедительны. Они неубедительны потому, что в болгарском языке, как и в других балканских языках, родительный падеж утрачен и категория принадлежности выражается одинаковыми синтаксическими средствами, главным образом средствами дательного падежа. Е. Атанасова, ученица проф. Л. Милетича, в своей статье „Изрази за притежение въ българския езикъ“ совершенно справедливо спрашивала „Как исчез родительный принадлежности и как произошло, что он был заменен дательным падежом, а затем общим падежом с предлогом, — процесс, который нельзя отделить от процесса исчезновения номинальной флексии в болгарском языке?“¹ Источник обоих процессов был общий — он выходит за пределы традиционной славянской языковой системы.

В валашских грамотах XIV—XV вв. мы изредка встречаем старые формы родительного падежа в поссесивной функции. Находим их преимущественно в титульной части грамот и в других канцелярских штампах. Однако и в этих случаях, начиная с древнейших грамот, употребляются главным образом формы дательного падежа: из грамоты Мирчи — и Дръстру граду владеец (М, IX, 1); из грамоты Дана II — Амалашу и Фагарашу херцег (В, XI, 21); из грамоты Влада I — пръгаром Брашову (В, XLVIII, 70); из грамоты Басараба II — и при дъни родителю господства ми (В, XCI, 118). Об этом подробнее см. в следующем разделе о дательном падеже.

Предлог *от*. Рассматривая историю склонения слов женского рода основ на *a*, мы показали, что в живом языке валашских славян в XIV—XV вв. после предлога *от* шла

¹ „Известия на семинара по славянска филология“, III, стр. 338.

неизменяемая по падежам общая форма единственного или множественного числа, которая в зависимости от времени, от книжной выучки писца и других причин передавалась на письме различно. Материал валашских грамот подтверждает то же самое и в отношении слов мужского рода.

Старая форма родительного падежа после предлога *от* в полном согласии с данными современных болгарских говоров встречается в сравнительно редких случаях при словах личного значения только в единственном числе. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — от права чловѣка да са варѹжт (В, I, 4); из грамот Михаила — да си ищет дълг от дължника (В, III, 7), от родителѣ господства ми (В, II, 7), от дѣда (М, IX, 5); из грамоты Басараба III — от Дана воивода (М, IX, 11); ср. в другой грамоте того же господаря — от Влад воевода — В, СХХI, 149); из грамоты Влада III — и от сина му (М, IX, 19). В некоторых грамотах различие в употреблении личных и не личных имен выступает очень рельефно. В одной из грамот Дана II читаем — и от хам дукато и от тарѣ ѣ бани и от пѣшца един бан (В, IX, 18). Форму *пѣшца* ни в коем случае нельзя противопоставлять формам *хам*, *тарѣ*, как членную форму нечленным. Здесь все имена употреблены в значении неопределенном: указаны размеры пошлины от сбури, от груза и от пешехода. Проф. Богдан, желая в румынском переводе сохранить различия славянского текста, перевел — *del a un ham I ducat, dela o povară 3 bani, dela pedestru I ban.*

Выше было указано, что в некоторых словах личного значения форма род. п. сохраняется в современных болгарских говорах.

Сохраняются старые формы род. п. в грамотах после предлога *от* в языковых штампах: из грамоты Мирчи Великого — ищет покусит от болѣр господства ми (В, I, 4); из грамот Радуги II — от сего дне (В, IV, 8), от отца и сина и сватаго духа (В, IV, 9), и закони що са имале от прѣродителии господства ми (В, VII, 14).

В значительном числе случаев после предлога *от* найдем общую форму единственного или множественного числа,

восходящую, как свидетельствуют формы множественного числа, к старому именительному падежу. Примеры: из грамот Мирчи Великого — от харач (С, I, 2), от кумеркѣрь (М, IX, 2), от сьрольник... от иноплеменик (М, IX, 1), от мѣх сирение а̄ дук (В, I, 3), от пипер, от шафран, от бабак (В, I, 3); из грамот Михаила — от Дѣбовицѣ град (В, II, 6), от правѣх людї от брашовѣн (В, III, 8); из грамот Раду II — а от нарѣзан вилярѣ нищо (В, V, 11); из грамот Дана II — и от крокос (В, XI, 21; греческое заимствование *κρόκος* — шафран), от губер едно дукато (В, IX, 18), да възимѣт вамѣ от град (В, XV, 30), от град Туркшори (В, XVI, 31), що сѣ имали от прѣродители господства ми (В, VIII, 15), и от лѣкови (В, IX, 18), от хамове (В, XI, 21), от мех сирене а̄ доук (В, XVII, 32), от кожуси и крезнах нищо (В, XVII, 36), от бубакия (В, XIII, 28); из грамоты Влада I — како ви смѣ до нинѣ азѣ защитил от турци (В, LVI, 81), от конѣ (В, LVIII, 83); из грамоты Влада II — от велики град (В, LXXIV, 95); из грамот Басараба II — не щете имати страх от турци (В, LXXXVII, 113), да се бранимо от турци и от наши вражмаши (В, LXXXVII, 113); из грамот Басараба III — а от турци нихто да се не боит (В, CVII, 134), понеже им сѣт били дадени от стари господари (М, IX, 11), от закон си (В, CXXIII, 152), да си купим жену от христїане (В, CXXVII, 158); из грамоты Влада III — от ваших людїе (В, CLVII, 190); из грамот Раду IV — от брод Дунаву, от брод Олту (М, IX, 90), или от други добитѣк (М, IX, 25), от наше сѣвѣт (С, XII, 12), от два закона (М, IX, 29).

То же самое находим в передаче географических названий. Примеры: из грамот Мирчи Великого — от Сибин (С, I, 2; в других грамотах Мирчи встречаем румынскую форму от Сибию и искусственную славяно-румынскую форму — от Сибиню — С, II, 2, С, II, 3), от Сѣпатѣл дори до устїе Яловници по Дунаву (М, IX, 1); из грамоты Михаила I — вамешом от Рукел и от Турчѣ (В, II, 6 — *de la Rucăr și de la Brau*); из грамоты

Раду IV — пръгарем от Брашов (В, VI, 13); из грамот Дана II — вамеши от Рукеръ (В, XII, 27); из грамоты Александра — от Брашев (В, XXVIII, 48); из грамоты Владислава II — от Ръжнов (В, LXVI, 89); из грамоты Влада II Цепеша — и въсем моим пріятелем от Брашов и от Бръса (В, LXXVI, 98); из грамот Басараба II — от Брашов (В, XCV, 121), от Брашев (В, XCVI, 122), а паркалави от Бран (В, XCV, 121); из грамоты Басараба III — и пак сте ухватили поп със синове си от Зърнещ (В, CXXII, 151); из грамоты Влада III — Андрияш от Далник (В, CLXVII, 202); из грамот Раду IV — синь Хачков от Рибник (В, CXCV, 234), улица от Рибник (М, IX, 26); из письма турка — да му донесем азь жена от Нікопол (В, CCXXX, 285).

Изредка старую форму родительного падежа после предлога *от* находим и для имен неличных (названий животных и неодушевленных предметов). Это нужно объяснить исключительно книжным влиянием. Важно указать, что подобные примеры значительно чаще встречаются в грамотах первой половины XV в. (главным образом в грамотах Дана II); в грамотах же второй половины XV столетия их меньше. Примеры из грамот Дана II — да им вамѣ не смѣте възати на от постава ... ни лена (В, IX, 18), а от вигача начата нищо (В, XI 21), от ждера (В, XVII, 32), от огнѣ (В, XVIII, 39), от меча и от лѣка (В, XVII 32), и от кумеркѣ (В, XIII, 28), от виларѣ (В, XII, 27), и от конѣ товарена със рибѣ (В, XI, 22). Встречаются подобные сочетания в передаче собственных имен. Так, встречаем от Брашева (см. В, ССI, 240), но и от Брашеву (В, СIХ, 136). О сочетании с дательным падежом см. ниже.

Проф. Милетич склонен и в сочетаниях с предлогом *от* различных форм видеть выражение определенности и неопределенности: „Но при всем этом мы видим именно в мужском роде после предлога достаточно часто родительную форму на *a*. Примеры показывают, что форма *a* встречается больше при одушевленных предметах и что она характеризуется в отношении общей имен.-вин. формы большей определенностью“.¹

¹ СбНУ, XIII, 118.

Если первое замечание бесспорно (оно подтверждается огромным количеством примеров), то второе вызывает серьезные сомнения. Этому противоречит прежде всего то, что число примеров с род. п. резко сокращается к концу XV в. Чаще всего сочетания предлога *от* с род. п. находим в грамотах Дана II, стоявшего во главе Валахии дважды: с 1420 по 1424 г. и с 1427 по 1431 г. Не подтверждают взгляды Милетича и сами примеры. Так, в грамоте Дана II при личном имени в определенном значении не употреблена форма родительного падежа — от брат господства ми (М, XIII, 26). В другой грамоте того же господаря находим формы род. п. для одушевленных и неодушевленных предметов в неопределенном значении — от конника, от п̄шца, от бола, от ждера ... от лена (М, XIII, 25). И таких примеров немало.

Выше нами было указано, что предлог *от* в новоболгарском языке получил значительное развитие. Мы находим его не только на месте прежнего предлога *от* (*из*) в аблативном значении, но и на месте старого беспредложного родительного принадлежности, иногда на месте старого творительного (*кем — от кого*), в синтаксических сочетаниях при употреблении сравнительной степени. Процесс этот непоследовательно книжники отражали уже в памятниках старославянского языка (памятники второй половины XI в.); среднеболгарские памятники как церковные, так главным образом светские представляют уже несомненные свидетельства расширения функций старого славянского предлога. Однако лишь валашские грамоты впервые в истории болгарской письменности не только последовательно отражают этот процесс, но и свидетельствуют, что в народном славянском языке Валахии уже в XIV—XV вв. предлог *от* выступал во всех своих новоболгарских функциях. К такому же выводу и в отношении северо-восточных болгарских говоров XIII в. можно прийти на основании данных чергедских молитв — *koren ot loza, kraj ot zema* и др.¹

¹ Милетич, Седмоградските българи и техният език, стр. 56.

Проф. Милетич в своих исследованиях языка влахо-болгарских грамот на этот процесс обратил особое внимание и извлек достаточное количество примеров, свидетельствующих, что в языке валашских книжников сочетание предлога *от* с общей формой в значении старого беспредложного родительного принадлежности было хорошо известно. Это дало основание Е. Атанасовой справедливо указать, что „в влахо-болгарских грамотах находим много примеров с предлогом *от*, которые можно толковать в значении происхождения или принадлежности“.¹ Тем не менее выводы проф. Милетича требуют некоторых дополнений, а материал — иной группировки. Проф. Милетич говорит лишь о родительном принадлежности и о новоболгарском сочетании. Данные же валашских грамот дают основание думать, что новоболгарские сочетания сменили не старый родительный принадлежности, а дательный принадлежности. Только в этом случае станут понятными многочисленные примеры, в которых предлог *от* стоит перед старой синтетической формой дательного падежа. Важно подчеркнуть, что подобные сочетания особенно часто встречаются при собственных именах — еже обрѣтаещим се въ сѣии монастыр от Тисмену (М, IX, 10), прѣгаром от Брашеву (В, СІХ, 136) и др. Старый родительный принадлежности в народном языке исчез в глубокой древности. Аналитическая форма пришла на смену дательному принадлежности.

Рассматривая склонение основ на *a*, мы отметили, что в новоболгарском языке получили значительное развитие притяжательные прилагательные и что с этим вполне согласуются данные изучаемых памятников. В равной мере это относится и к мужскому склонению. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — от мѣх сирение а̄ дук (В, I, 3; ср. в румынском переводе — *de la un barduf de brânză I ducat*); из грамоты Раду IV — брат Албулов (М, IX, 20); из грамот Басараба III — от монастыр Тисменски (М, IX, 11), зараді нос Лаиотов (В, СХХІІІ, 153; ср. в румынском переводе — *pentru nasal lui Laiotă*) и многие другие.

¹ Цит. соч., стр. 355.

Стремление валашских книжников подделаться под старый письменный язык с его богатым синтетическим строем приводило к распространению совершенно необычных для славянского синтаксиса сочетаний, чуждых как старому церковному языку, так и живому языку самих книжников. Нельзя их объяснить влиянием румынского синтаксиса. К подобного типа сочетаниям относится предлог *от* с формой местного множественного, примеры которых мы уже наблюдали в основах на *a*. Богато ими и мужское склонение. Некоторые формы местного множественного носят совсем необычный искусственный характер, представляющий собой общую неизменяемую форму множественного числа, после которой написана буква *x* (ср. в грамоте Дана II — и от ножевых нищо — В, XVII, 32). Примеры: из грамоты Михаила I — и от родителѣх (М, IX, 5); из грамоты Раду III — а от турцех бѣжит (В, LXXXV, 110); из грамот Басараба II — азъ ви защитих от турцех (В, CI, 126), овъи закон ни съм видел от турцех, ни от лесех (В, XC, 117); из грамоты Басараба III — от болѣрех наших (В, CXIII, 141). В одной из грамот Раду IV находим в этом случае дательный множественный — от стопочивших дедом наших (М, IX, 20).

Предлог *до*. И после предлога *до* находим в валашских грамотах общую форму: из грамоты Мирчи Великого — даж до хотар (С, I, 2); из грамоты Басараба III — тако му повратите све до влас един (В, CXXXVI, 169) и другие примеры. В редких случаях для одушевленных предметов встречаем форму родительного падежа: из грамоты Басараба III — от братіах до великаго дворника (М, IX, 13) или искусственную книжную форму мест. мн.: из грамоты Басараба II — пишемо до наших добрих родителей и приятелех (В, XCII, 119). Утрачена старая форма и в передаче географических названий: из грамоты Мирчи Великого — дорі до Браил [В, I, 3; издатель совершенно произвольно восстанавливает в скобках флексию *a*, так же произвольно восстановлена им старая флексия в другом примере той же грамоты — на Браил(a)]; из грамоты Раду II — и на пѣти брашовском дори до Браилов (В, V, 11;

в грамоте Дана II в аналогичном случае находим род. п. — дори до Браилова — В, XI, 21, а в одной из грамот Раду IV — даже до Браилу — В, CLXXX, 215). В грамоте Влада III находим род. п. — дори до самого Дунава (В, CLV, 188). Подобные образования в живом языке могли иметь значения определенных форм. Для решения этого вопроса данных грамот недостаточно.

Образование сложных предлогов

В связи с усилением грамматической роли предлогов в современном болгарском языке наблюдается возникновение целого ряда новых предлогов путем сочетания старых, хорошо известных всем славянским языкам. Эти сочетания в большинстве случаев сохраняют основные значения входящих в него предлогов, но придают им некоторое дополнительное значение; в редких случаях это новое сочетание является носителем совершенно нового значения (ср. предлоги *досамó, заради, поради, извън, иззади, измеждú, досрéd, откъм, атвън, отвъдъ* и др.). В некоторых случаях процесс этот наблюдается в более древней стадии: предлоги еще не слились в одно сочетание, каждый предлог сохраняет свою самостоятельную функцию (ср. *мерки за в бъдаще, провизия за из пътя, стаи за под наем, за към колодруна, до към девет часа* и др.).¹

Историю этого явления можно проследить лишь по памятникам новоболгарского языка. Так, в дамаскинах находим уже многочисленные примеры подобных сочетаний. Книжный язык старой феодальной Болгарии их не знал. Лишь в редких случаях под влиянием живого языка эти сочетания очень непосредственно встречаются в среднеболгарских текстах. Чергедские тексты подтверждают, что это явление было известно народным говорам северо-восточной Болгарии в XIII в. (*заранд-заради, отна* и др.).

И в этом отношении валашские грамоты XIV—XV вв. дают ценный материал для истории живого славянского

¹ Примеры заимствованы из грамматики Л. С. Болье (стр. 133).

языка Валахии и задунайских областей. Примеров подобных сочетаний в древнейших валашских грамотах немного, но зафиксированные примеры относятся к редким случаям и в болгарской письменности впервые отражаются в очень поздних памятниках. Ср. из грамоты Раду IV — от къ вражмаша (С, VI, 6). Аналогичные примеры находим в грамотах XVI—XVII вв. — да су свободни от — къ болярин (из грамоты Матвея Басараба), от — къ безбожнихъ агарѣнь (Вен., 260), тое мѣсто от брѣг Димача от — къ запада (См. СбНУ, IX, 312). Находим в грамотах Раду IV сочетание от пред: от пред жупан Семка (В, СХСШ, 231 — *înaintea jupânului Semca*). Ср. от прѣд люди добри, и стари и млади, от прѣд Танасіе (СбНУ, IX, 313). Из грамоты Басараба III — зараді нос Лаитов (В, СХХШ, 153); из письма жупана Альбула, ворника Александра, азъ колико съм учинил заради вас добро (В, ССХ, 250); из грамоты Влада III — израді наше волю (В, CLXII, 197); из письма Коя — съм послал зараді товар (В, ССХХIV, 289).

Наблюдая подобные образования в валашских и молдавских грамотах, проф. Л. Милетич высказал предположение, что они возникли под влиянием румынского синтаксиса: „Так как эти формы встречаются только в новейших грамотах, можно сделать вывод, что они возникли в результате сильного разложения именной флексии в аналитическом направлении и, несомненно, под влиянием румынского языка“ (СбНУ, IX, стр. 311). Автор, однако, не дает никаких обоснований для своего категорического заключения. Его замечание, что аналогичные образования характерны для народного болгарского языка, свидетельствуют как будто против его гипотезы о румынском источнике предложных сочетаний в грамотах. Вопрос этот специальный, сложный и требует особого исследования, в котором должны быть широко привлечены данные валашской и болгарской диалектологии, памятники славянской и румынской письменности. В пользу гипотезы Милетича можно выдвинуть два обстоятельства. Первое — интересующие нас новообразования особенно часто встречаются в грамотах XVI—XVII вв., когда особенно сильным было румынское влияние.

Второе — эти новообразования часто встречаются не только в валашских грамотах, но и в молдавских. По наблюдениям Милетича, предлоги *от* — *на* и *от* — *над* чаще встречаются в валашских грамотах, а *от* — *къ* — в молдавских. Данное явление в молдавских грамотах не имеет никакой поддержки в восточнославянской диалектологии и может быть объяснено только в связи с аналогичными образованиями в румынском языке.

Дательный падеж

Из всех старых синтетических форм форма дат. п. муж. р. ед. ч. в значении дополнения (косвенного) в современном болгарском языке отличается наибольшей живучестью. Она известна многим говорам, ею пользуется литературный язык.¹ Особенно богаты этими формами дат. п. ед. и мн. ч. родопские говоры.² В литературном языке она сохраняется главным образом в архаических канцелярских оборотах, в различных языковых штампах, в пословицах (ср. *гарванъ гарвану око не види*). Естественно, что старые формы дат. п. еще чаще встречаются в памятниках новоболгарской письменности. Так, в Люблянском дамаскине XVII столетия читаем: да даде господь... доброму чловѣку добро; Яковъ думаше сину сим, кои дава сыромѣху и пробѣску врька, даде я одному момку.³ Из дамаскина Григоровича — и ще да съде съкиму чѣку по работата негова (146 об.), направя бѹ срамя (147); из Свищовского дамаскина — а женѣта каза мъжѹ си Неемѣну, донеси ѿнгелу да яде; господь рече Гаду и др.⁴

¹ Милетич, Старото склонение и днешните български наречия, стр. 256, 257; е го же, „Das Ostbulgarische“, S. 191, 245—246; Тодоров, Северозападните български говори, стр. 270 (автор пишет: „Остатки этой падежной формы находим по всей территории северозападных говоров“); L. Beaulieu, Grammaire de la langue bulgare, p. 64.

² Милетич, Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache, Wien. 1912.

³ „Люблянският български ръкопис от XVII ст.“, СбНУ, т. XVI—XVII. стр. 271.

⁴ „Свищовски дамаскин“, стр. 32.

Валашские грамоты XIV—XV вв. многочисленными примерами подтверждают, что в славянских говорах Валахии форма дат. п. ед. ч. муж. р. в функции дополнения была живой формой. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — старцу Софронію и въсьм братіямъ монастырскимъ (М, IX, 1), що сл е̇ прѣклониѡ старцу Софронію (там же); из грамоты Михаила — велико зло учинити томузи чловѣку, що им ви позабавил по неправдѣ (В, II, 7), да се не плачат от вас помного родителю господства ми (там же); из грамот Александра — ніе служимо господину краю и сватому генцу (В, XXIII, 43), пишетъ господство ми Братулу Сумаринову (В, XXIX, 49);¹ из грамоты Дана II — даватъ господство ми сие оризмо господства ми орашу господства ми (В, XIII, 28); из грамот Влада Дракула — моему възлюблѣнному брату (В, LIII, 77), іо Влад... пишетъ господство ми Стоику Харсѣну и въсим болѣром олтѣнѣскимъ (В, LIX, 83), како Ханѣжу ѡлѣжкарю хижу да вратите (В, XXXVIII, 61); из грамот Владислава Дана — защо сте опрѣли щитови моему чловѣку Радоулу Нѣнчу (В, LXV, 88); из грамоты Влада Цепеша — сте съдили криво чловѣку господства ми (М, XIII, 70), да веде Радиль нѣст бил Кезѣш турчину тому (там же), сѣдцу (В, LXXVII, 99); из грамоты Басараба II — и поручили по вашем добрем чловѣку (В, LXXXVII, 114); из грамоты Басараба III — тузи ви говорим за работу попу Ивану и съ синови си (В, CXXV, 155); из грамоты Влада III — жупану Стоику логофету съ деца му (М, IX, 19), не щете дати кон овомузи мою сиромуху (В, CLXXV, 209); из грамоты Раду IV — дал товар едному Сасину (В, CLXXXV, 221); из письма Койко, логофета Дана II — жудецу брашевскому (В, CCVI, 247); из письма Г. Ласкара — смѣ казал Ханешу (В, CCXIII, 255); из письма Драгомира Матева — сте дали Нѣгу (В, CCXIX, 265); из письма

¹ Братулу представляет собой дат. п. от собственного имени Братул (славянское брат и румынская членная форма ul).

жупана Нега — да вашему месту и граду зло да не будет (В, ССХХIV, 273) и мн. др.

Форма дательного падежа сохраняется в огромном большинстве случаев для слов личного значения. Слова неличного значения в очень редких случаях представляют старую синтетическую форму. Это находит подтверждение в данных современной болгарской диалектологии.

Находим в грамотах формы дательного падежа и для множественного числа, особенно часто во вступительных частях их. Это связано с самим содержанием грамот, которые начинаются с того, что такой-то воевода *пишет господство ми* таким-то (чаще всего *пръгарем брашевским*) или *дават господства ми*. Изредка грамоты начинаются с того, что от такого-то воеводы *много здравіе и поклонение* (таким-то, употребляется форма дат. мн.) [см. грамоту Дана Претендента (В, LXXVIII, 100)]. В связи с этим в огромном большинстве грамот во вступительной части находим форму дат. мн. Случаев употребления этой формы очень много, но за редким исключением она употребляется в одних и тех же канцелярских штампах: *іо Михаил... пишет господство ми слугам господства ми от Дъбовицѣ град, вамешом от Рукул и от Турчъ* (В, II, 6), *іоанъ Михаил... дават господства ми ся оризмо господства ми сѣмзи брашовѣном и рѣжновѣном* (В, III, 7), *іоанъ Радоуль... пишет господство ми приятелем господства ми, пръгарем от Брашев* (В, VI, 13), *брашовѣном* (В, IX, 17), *іо Алеѣандръ... пишет господство ми брашовѣном въсѣм, пръгарем и сираком и земли Бръсе, много здравіе и радованіе какогo моим пріателѣм и братіям* (В, XIX, 40) и т. д. В отличие от формы дат. п. ед. ч., форма множественного числа, очевидно, книжная. На это указывает не только отсутствие ее в живых сочетаниях,¹ но и противоречивое и неумелое пользование ею даже в трафаретных местах грамот. Ср. из грамоты Раду II — *сираком господства ми криво да им не*

¹ Подобные примеры, как а віе рѣцѣте вашим маисторам да не пропадѣт (В, LXV, 88), встречаются очень редко.

вѣдет (В, VI, 13); из грамоты Влада Дракула — да е право сирацем (М, XIII, 38); из грамот Александра — моим приателѣм и братіам (В, XIX, 40), гостем и приателем (В, XXII, 42); из грамоты Влада III — приателом (В, CLXIII, 198); из грамоты Раду IV — приателіем (В, СХСІХ, 238); из грамоты Михаила — вамешом (В, II, 6); из грамоты Дана II — вамешем (В, XII, 27); из грамоты Влада Цепеша — въсем пургаром (В, LXXVII, 99); из грамоты Александра — прѣгарем и сираком и земли Бръсе (В, XIX, 40); из грамоты Басараба III — съдцу и вѣ-тим прѣгарим (М, XIII, 94). Еще убедительнее об этом свидетельствуют примеры, когда вместо формы дат. мн. находим общую форму мн. числа: из грамот Влада III — іо Влад воивода и господинь пишет господство ми много здравіе моим добрим приателіе (В, CLXV, 200), іо Влад воивода и господинь пишет господство ми много здравіе съдцу от Брашов и вѣ прѣгаром и вам вамеши¹ (В, CLXXV, 209); из грамоты Раду IV — милостію божіею іо Радоул... пишет господство ми много здравіе нашим честитим братіа (В, CLXXXV, 221), милостію божію іо Радоул... пишет господство ми нашим честитим братіям и добри приатели, прѣкълабим от Брач. много здравіе (В, СХСVII, 236), ... іо Радоул... пишет господство ми много здравіе и любов нашим добрим приателем и ближним суседи, судцу и вѣ-ти прагари от Брашов (В, ССIV, 243), ... іо Радул... пише^г г во ми нашем чѣтити^м и добри^м приатели и бли^жни^м суседі (С, V, 4); из письма одного турка — пишѣт турьчин вам прѣгари от Брашов (В, ССXXX, 285); из письма жупана Казана, ворника Басараба III — от жупан Казан, велики дворник, много здравіе нашим добрим приателем, съдцу и въсем вѣ прѣгари от Брашов (В, ССXXXII, 286); из письма жупана Крстіяна, ворника

¹ Ср. в другой грамоте Раду IV — вам бльгарем от брашов (В, СХСIII 231).

Раду IV — честитим братиям и добрими приятелі, суджу и вѣ-
тим прѣгаром от Брашов много здравіе и любовное поклоне-
ніе приносят господству ви брат и приятел господства ви
(В, ССXLVII, 302).¹

Уже выше нами было отмечено, что в грамотах встречаются многочисленные случаи употребления дательного в possessивном значении. Несомненно, что родительный принадлежности утратился еще до разрушения старого синтетического строя, так как он был заменен дательным принадлежности. Формы дательного принадлежности в большом числе встречаем в титульной части грамот (см. выше). Однако для муж. р. ед. ч. формы дат. принадлежности находим нередко не только в готовых словосочетаниях: из грамоты Дана II — да идет на брод Дунаву (В, XI, 22); из грамоты Владислава Дана — защо сте опрѣли щитови моему чловѣку Радоулу Нънчу (В, LXV, 88); из грамот Раду III — под печат варѣшу (В, LXXXIII, 108); ере есу синове одному чловѣку у одну хижу (В, LXXXVII, 113); из грамот Басараба III — да се пасет по хотару монастыру без волѣ монастирска (М, IX, 10), та ме ест узел господину ми крал кон (В, СХХХV, 167); из грамоты Влада III — от снови попу Алеѣи (М, IX, 17); из письма Драгомира Удриште — не ест бил у турци у дъни Басарабу (В, ССХХХV, 290); из письма Казана — из руку вражмашу (В, ССХХV, 297) и мн. др. Несмотря на значительное количество подобных примеров, нет уверенности, что формы дат. принадлежности сохранялись в живом языке. Очень часто мы можем наблюдать, как очевидно избегается эта форма или с помощью прилагательного (вместо *прѣгарем Брашеву* — *прѣгарем брашевским*) или с помощью сочетания предлога *от* с общей формой (*прѣгарем от Брашев*). Об этом сочетании см. выше. Во всяком случае можно смело утверждать, что если живому славянскому языку Валахии в XIV—XV вв. и были еще известны формы дательного принадлежности, то они, несомненно, уже

¹ Синтетические формы дат. мн. сохранялись в языке семиградских болгар (см. Милетиц, Седмоградските Българи и техният език, стр. 39).

исчезали: им явно предпочитали аналитические формы, известные современному болгарскому языку. Подобное сосуществование старых (синтетических) и новых (аналитических) средств мы и ныне можем наблюдать в родопских говорах, в которых известны старые формы дат. принадлежности, но уже уступающие место новым формам с помощью предлога *на*. Остатки старой формы находим и в других говорах, но лишь в мертвых словосочетаниях, в пословицах, загадках, в песнях, в некоторых фразеологических штампах.¹ Вспомним, что в функции дополнения старая форма дат. ед. муж. р. известна широко.

В современном болгарском языке поссессивные отношения в именном склонении выражаются различными средствами: притяжательными прилагательными, сочетанием общей формы с предлогами *на* и *от*. Как мы уже видели выше, валашским грамотам известны сочетания *от* с общей формой не только в аблативном значении, но и в поссессивном, а также очень часто и охотно пользуются валашские книжники притяжательными прилагательными. Однако в современном болгарском языке поссессивные отношения обычнее всего выражаются сочетанием предлога *на* с общей формой. Это сочетание является в полном смысле слова общеболгарским, в то время как сочетание с предлогом *от* представлено лишь в некоторых говорах.

До сих пор историки болгарского языка не исследовали всесторонне вопрос о том, каким образом предлог *на* в новоболгарском языке стал выразителем совсем иных падежных отношений, не свойственных этому предлогу ни в старославянском языке, ни в других живых славянских языках. Этому вопросу посвятил одну из своих ранних статей проф. Б. Цонев, высказавший несколько ценных замечаний, но далеко не исчерпавший всей темы.² Попутно в целом ряде своих работ этого вопроса касался проф. Милетич. Ему же посвящена статья Паскала Михова „За новобългарското изказване на дателенъ падежъ“, напечатанная в III томе Известий семинария по славянской филологии в Софийском университете.

¹ Е. Атанасова, Изрези за притежание в българския език, стр. 342.

² См. „Български преглед“, III, 1893; это же перепечатано во втором томе истории болгарского языка (стр. 472—477).

Наблюдая употребление предлога *на* в валашских грамотах, легко заметить, что он, сохраняя старое аккузативное и локативное значение, уже не управляет синтетической падежной формой имени, а находится в сочетании с неизменяемой общей формой, т. е. служит единственным средством выражения старых падежных отношений. Подобных примеров в грамотах много (см. СбНУ, XIII, 126—127). Наоборот, старые синтетические формы местного падежа при предлоге *на* встречаются очень редко и всегда в привычных канцелярских словосочетаниях: из грамоты Мирчи Великого — и законил на прьвом законѣ (В, I, 4); из грамоты Дана II — и узаконил на правом законѣ (В, VIII, 16), и варе на коем тръзѣ проладет сѧ постав (В, X, 20), на градѣ Турчѣ (В, XI, 21; собственное имя города уже употреблено в неизменяемой общей форме); из грамоты Влада Цепеша — на том старом закону (В, LXXIV, 96); из грамоты Раду IV — и на прѣстолю (М, IX, 20) и др. То же самое следует отметить и для сочетания предлога *на* с винительным падежом. Таким образом, в грамотах мы часто находим сочетания предлога *на* с общей формой для выражения локативных отношений (*на Браил*) или аккузативных (а на кола у Тръгшор а рибѣ, да даст вамѣ тѣкмо на Рѣкел и на Брод). Это старое значение предлога *на* хорошо известно грамотам. Но, несомненно, уже в среднеболгарскую пору предлог *на* в сочетании с общей формой стал выразителем совсем новых, необычных для славянских языков, отношений: он стал выполнять старые функции дательного падежа как в функции дополнения, так и в функции принадлежности (ср. *давам на майка ми, къща на майка ми*). Это отражено последовательно уже в древнейших памятниках новоболгарского языка.

Валашские грамоты XIV—XV вв. впервые в истории болгарской письменности фиксируют употребление предлога *на* в его новоболгарской функции, свидетельствуя этим, что в живом славянском языке Валахии в это время уже были известны сочетания предлога *на* с общей формой в функции дат. п. Примеров этих сравнительно немного. Для передачи принадлежности писцы явно предпочитают предлог *от*. Как

уже отметил в свое время Милетич, часто с полной уверенностью трудно сказать, имеем ли мы дело с дат. принадлежностью или с местным падежом (например, *вама на Калафат* может быть понято как форма местного, и как дат. принадлежности; ср. аналогичный пример из грамоты Влада III — три делове на мостище — М, IX, 19). И тем не менее в грамотах мы встречаем несомненные примеры употребления предлога *на* в новоболгарской функции дательного падежа. Вот пример из грамоты Дана II — а тука що ест вама на град (В, XV, 30; ср. в той же грамоте вамѣ от град в значении аблативном); из грамот Басараба III — ере им чините пагубу и съ решето на пипер (В, CXLV, 176; *apime să le faceți pagubă și cu sita la piper*), он ест оставил душу на мене и на зета му Андрѣ (В, CXL, 172), постави си реч на прѣгаріе (В, CXXXIII, 160), поставана на един чловѣк (В, CXXXIX, 171), из письма Петра Уроша, логофета Влада Дракула — не веровах на другого чловѣка... тъкмо на логофета Шефана (В, ССХІІ, 253); из письма Г. Ласкара — азъ сези добитѣк давам на твоа рѣкъ, да чини как знаеш (В, ССХІІІ, 255), и на слуга ми Мартин (там же); из грамот Раду IV — а господство ми смѣ оставил на жупан Алеѣи да платит (В, CLXXXIII, 219). Число подобных примеров значительно увеличивается в грамотах XVI—XVII вв. (см. СбНУ, IX, стр. 309).

Наблюдения над валашскими грамотами свидетельствуют, что не только в говорах задунайских, но и в родственных им говорах Валахии предлог *на* стал выразителем новых падежных отношений. Процесс этот относится к сравнительно позднему времени. Как правильно указал Цонѣв, он начался лишь после того, как утрачены были флексии в винительном и местном падежах. В языке семиградских болгар он лишь намечается, в древнейших валашских грамотах отражен сравнительно слабо. Валашские грамоты указывают, что выражение possessивных отношений с помощью предлога *от*, известное болгарскому языку, древнее, нежели с предлогом *на*.

Проф. Милетич обратил внимание на то, что в грамотах в функции предлога *на* часто выступает предлог *над*, который в старославянском языке управлял винительным и творительным падежами. В грамотах после этого предлога находим общую форму (примеры см. СбНУ, IX, стр. 310—311).

Предлог *по*. После предлога *по* в живом языке была представлена неизменяемая общая форма, что подтверждается достаточным количеством примеров (из грамоты Раду III — по вьси тръгови и по вьси бродове — М, IX, 8; из грамоты Басараба III — по нашех людіе — В, СХII, 139; из грамоты Влада III — по тръгове — В, СLVI, 189; из грамоты Раду IV — по тьизи брод — М, IX, 30). В книжном письменном языке после предлога *по* находим нередко форму местного мн., которую, как мы видели выше, книжники часто употребляли после различных предлогов: из грамоты Мирчи Великого — по тѣрговох у земи господства ми (В, I, 3); из грамоты Дана II — по вьсѣх тръговох (В, XIII, 28); из грамоты Владислава Дана — по грѣсѣх наших (М, IX, 7); из грамоты Басараба III — по грѣсих наших (М, IX, 13); из грамот Влада III — по нашех грѣсѣх (М, IX, 19), по грѣсех наших (М, IX, 17), по вьсех нашех варошех (В, СLII, 183); из грамот Раду IV — по грѣсех (М, IX, 26), по орашох (М, IX, 8).

Творительный падеж

Как в склонении женского рода, так и в мужском народный язык в XIV—XV вв. утратил старые формы творительного падежа и выражал падежные отношения с помощью старого предлога *с* (*със*) в сочетании с общей формой единственного или множественного числа. Примеры: из грамоты Дана II — и съ Михаил Соломон (В, XVII, 33); из грамоты Влада I — и с тоизи добиток (В, LVI, 81); из грамоты Влада II — доидѣте съ хлѣб и със куплю (В, LXXV, 97); из грамоты Басараба II — и съ родител ми (В, СI, 126), съ мир, със мир (В, СIII, 130); из грамот Басараба III — а съ Зьрнеци и съ Тохан (В, СХХV, 155), със мои съвѣт (В, СХХIII, 152), и съ нарок (В, СХIV, 142),

и с град Жабияк (В, СХІІ, 139); из грамоты Влада ІІІ — съ турчин (В, СLIV, 187); из грамот Радуг IV — със турски црѣ въсех г̃ под турской земли (С, VI, 5), със тжкмеж (В, СС, 240), съ брат му (М, IX, 24), със честию и със дар (В, СLXXXII, 218); из грамот Г. Ласкара — да доде съ други товар (В, ССХІІІ, 255); из письма брашевских пргарей — а рушник с прозорец (В, ССXLII, 297) и мн. др. И во множественном числе находим общую форму: из грамоты Александра — да ми поможете съ лжковы (В, ХХІІ, 42); из грамоты Владислава Дана — съ синове си (М, IX, 7); из грамоты Басараба ІІІ — и съ синове им (М, IX, 14), а други да ми чинит а̃ монастыр от керамиду и съ камение (В, СXLVI, 177). Очевидно, общей формой мн. числа является форма на и: из грамоты Михаила — прѣд прѣгари (В, ІІІ, 8); из грамоты Басараба ІІІ — да будут съ дукати (В, СХХІІІ, 153) и др. Для слов личного значения в грамотах находим старую форму род. вин. — на а: из грамоты Басараба ІІ — и да се утжкмит съ турчина (В, ХСVІІІ, 124); из грамоты Басараба ІІІ — да идет със вашего чловѣка (В, СХVІІ, 144), със Али-бега (В, СХХ, 148), и със господина му Лаиота (В, СХХІІІ, 152), сжм говорил съ Стефана воевода (В, СХХІІІ, 158), от турци със краля (В, СХХ, 148); из грамоты Влада ІІІ — съ турчина (В, СLIV, 187).

Наблюдение Милетича (СбНУ, ХІІІ, стр. 130), что эта форма служит для определенного объекта, в то время как старая форма имен. используется для неопределенного, справедливо лишь в первой части. Такие примеры, как цитированный выше съ брата му и др., указывают, что в этом случае категория определенности и неопределенности не получила последовательного выражения.¹

Находим нередко в грамотах старую флексию творительного падежа. На книжный характер ее указывает не только

¹ В редких случаях общая форма выражена формой дательного падежа — със турчину (В, СLIV, 187), рядом със сину му (М, IX, 28), поиде със другому чловѣку по праву пут брашовску (В, СLXXXI, 217), и съ огню улезе на вас (В, ССХХIV, 274).

отсутствие этой флексии в большинстве случаев, но и то, что ей всегда сопутствует предлог *съ* (*със*). Из грамот Дана II — съ хрисовулом (В, XVII, 33), съ законом (там же), с Щибром воеводѣ (там же); из грамот Влада I — съ тръгом (В, XXXVIII, 61), съсь добитком (В, LIX, 83), съ миром (С, III, 3); из грамоты Басараба II — съ моем чловѣком (В, XC, 116); из грамот Басараба III — съ миром (В, CXV, 143), съ болѣром (В, CXIV, 142), съ чием съветом (В, CXIII, 141); из грамоты Влада III — съ турчином (В, CLIV, 187).

Находим в валашских грамотах типичную для новоболгарского языка конструкцию с предлогом *от*, соответствующую старой форме творительного падежа без предлога: из грамоты Михаила — еже съ създани от дѣда (М, IX, 5); из грамоты Дана Претендента — този работа учинил истина научен от Дракуле (В, LXXIX, 101).

Местный падеж

Уже выше на многочисленных примерах мы показали, что локативные отношения выражались аналитическими средствами. Падежная форма встречается лишь в установленных штампах, в которых также часто находим уже нарушения прежних грамматических отношений. Из грамоты Мирчи Великого — влась (М, IX, 1); из грамот Дана II — писах въ настолнем орашу Тръговищи (В, XVII, 33), ни на коем бродѣ (В, XVII, 32). В грамотах часто находим шаблонное выражение — аще ли поперет и порушит и расипет того господь богъ да убіеть его зде тѣлом, а въ бѣдѣщимъ вѣцѣ душа его (М, IX, 7). Но и в часто встречающемся въ бѣдѣщимъ вѣцѣ находим такие колебания, которые свидетельствуют, что переписчик не ощущал в вѣцѣ не только падежной формы, но и даже числа: а въ бѣдѣщаго вѣцѣ (В, XCI, 118; М, IX, 13), а въ бѣдѣщихъ вѣцѣ (М, IX, 17). В полном согласии с аналитической системой живого языка в одной из грамот Радуги II находим — зде же тѣлом, а въ бѣдѣщій вѣкъ душеѣ (В, IV, 9).

Звательная форма. Встречаем в валашских грамотах звательные формы. Примеры: из грамоты Раду II — царю Александре (В, VII, 14); из грамоты Петра Уроша — моа господо (В, ССXVII, 253); из грамоты Стаи Картофлешт — господине (В, ССXXII, 269); из письма бояр из Браила — Щефане воеводу (В, ССXXIX, 282) и др.

Славянская звательная форма оставила глубокий след в современной румынской морфологии: ею пользуются так же часто, как и в современном болгарском языке. Употребление звательных форм в румынском языке в значительной части обусловлено теми же грамматическими особенностями и носит тот же характер, что и в болгарском языке.¹ Никто из объективных исследователей румынского языка не сомневался в славянском происхождении звательных форм *võgnice*, *vesine*, *stârâne*, *babo* (*babă*), *nevasto* (*nevastă*), *mătușo* (*matusă*), *poro* (*poră*) и др.²

Распространение в народных румынских говорах славянской формы очень убедительно опровергает распространенный среди румынских лингвистов взгляд, что славянский язык всегда был чужд крестьянскому населению Валахии и Молдавии и что все славянские элементы в румынском языке являются заимствованными. Это понимают сами румыны, в связи с чем стремятся безуспешно доказать неславянское происхождение румынского вокатива. Звательные формы

¹ Подробно см. в капитальном сочинении Kr. Sandfeld et H. Olsen, *Syntaxe roumaine*, 1936, p. 76—82; см. также в старой работе Т. Гартнера, *Darstellung der rumänischen Sprache*, Halle, 1904, S. 149—150.

² Rosetti, *op. cit.*, III, p. 66—67. Гартнер пишет: „Вокаливное окончание - о бесспорно является славянским“ (*op. cit.*, S. 150). Стремление некоторых современных румынских лингвистов отрицать славянское происхождение звательной формы справедливо квалифицировано проф. М. В. Сергеевским как проявление „латинomanии“ („Библиографический обзор румынских журналистов по филологии“, 1921—1930, „Язык и мышление“, т. VI—VII, 1936, стр. 320). Недавно американский лингвист Whitney Tucker („*Language*“, vol. 20, n. I, January-March, 1944) напечатал заметку „The romanian vocatives“, в которой попытался опровергнуть теорию о славянском происхождении румынского вокатива. Не прибавив ничего нового к тому, что уже указывалось некоторыми румынскими лингвистами, автор обнаружил весьма слабое знакомство со славянским языкознанием.

в народном языке так же убедительно свидетельствуют о славянском прошлом значительной части населения современной Румынии, как и славянские обычаи, обряды, разнообразные элементы материальной культуры.

Сохранение в аналитическом славянском языке Дакии, Мизии, Фракии и Македонии разнообразных форм вокатива до сих пор представляет собой загадку и, может быть, объясняется особенностями языка дославянского субстрата.

В румынском и болгарском языках находим общие вокативные частицы *măi*, *bre*, *leliṭo* (*lelo*).¹ Всестороннее изучение всех вокативных частиц в балканских языках может дать много ценного для изучения формирования „балканского языкового союза“.

4. Склонение среднего рода

Под непосредственным воздействием романской морфологической системы в живом славянском языке Валахии шел процесс утраты среднего рода. Этот процесс отражен грамотами XV столетия достаточным количеством примеров. Примеры эти относятся главным образом ко второй половине XV в.: из грамот Басараба III — ни едно пагубу (В, СХХХV, 167), през едно недѣле (В, СХХХVII, 170), за вашу зло (В, СХХI, 149); из грамоты Влада III — ни едно правду (В, СLIX, 194); из грамот Раду IV — ваша господство (В, СLXXХVII, 224), и ни едну вино не имают (В, СLXXХIX, 227); из письма логофета Басараба III — Винтила — сръдце черна и зла (В, ССХХVI, 278) и др. Утрата среднего рода в славянском языке Валахии шла в течение продолжительного времени.

¹ Sandfeld et Olsen, op. cit., p. 78. „Несомненно, что это обращение (*leliṭo*, *lelo* — С. Б.) славянского происхождения (от *леля* ← *тетушка* — С. Б.) и заимствовано уже в готовой форме звательного падежа, скорее всего из болгарского“ (А. Яцимирский „Разбойники Бессарабии в рассказах о них“, „Этнографическое обозрение“, № 1 1896, стр. 70). Это обращение употребляется вместе с собственным именем девушки или молодой женщины. *Бре(бе)* — вокативная частица мужского рода (*slujit* — *ai bine*, *bre omule*?) — загадочного происхождения.

Слова среднего рода имеют обычные для славянских языков окончания: о (сено, М, IX, 10; небо, М, IX, 26; железо, В, ХСІХ, 124; зло, В, II, 7), е (сръдце, В, ССХХVI, 278) ие (оружие, В, ХСІХ, 124); в основах на согласный встречаем е (име, В, СLXXVII, 210), очень редко а — врѣма (В, XI 22); мора в грамоте Раду IV (господь богъ сътвориви небо и земль и мора — М, IX, 26) указывает на отвердение *р* и на восприятие этого слова в женском роде. Следует обратить внимание на то, что в румынском языке та же женского рода: *mare deschisă*.

Во множественном числе представлено окончание *a*: из грамоты Мирчи — блата (М, IX, 1); из грамот Басараба III — да е колика села имат сѣти монастир (М, IX, 13), бантовати тѣх села (М, IX, 13), царствіа (там же), детца поробил (В, СХII, 139); из грамоты Влада III — и еще колико деца му богъ припустил (М, IX, 19); из грамот Раду IV — а жена и деца му су опали живи (В, СХСV, 234), тѣх села (М, IX, 26).

В современном болгарском языке получило сильное развитие окончание *ta*, которое в прежние времена было представлено, как известно, лишь в склонении основ на *t*. Мы теперь его находим не только в таких словах, как *áгнета*, *козлѣта*, *телѣта*, *прасѣта*, но и *морѣта*, *полѣта*, *гишѣта* (от фр. *guichet*), *бижѣта* (от фр. *bijou*), *досиѣта* (от фр. *dossier*). (См. об этом подробно во французской грамматике Л. С. Болье, стр. 58—63). Эта особенность новоболгарского языка отражена уже в дамаскинах (ср. в Свищовском — *той има двѣ имета*, в издании Милетича, стр. 21). В валашских грамотах этот процесс совсем не отражен. Находим это окончание в кругу тех слов, которые во всех славянских языках знают окончание *ta* (ср. из грамоты Раду IV — и внучета му (М, IX, 24).

В значении общей формы множественного числа находим старую форму двойственного числа: из грамоты Влада III — такo за тия селе (М, IX 18); из грамоты Раду IV — под криле (С, VI, 6). Эта особенность хорошо известна современному болгарскому языку (*крилѣ*, *колѣнѣ*).

Родительный падеж

Уже выше мы видели, что старый беспредложный родительный падеж в живом языке утратился. Лишь в некоторых окаменелых архаических выражениях находим старый беспредложный родительный. В среднем роде этот родительный мы находим всегда в одном слове — господство: из грамоты Мирчи Великого — по тѣрговых у земли господства ми (В, I, 3); из грамоты Михаила — родителю господства ми (В, II, 7), от зема господства ми (В, III, 7); из грамот Радуги II — от земли господства ми (В, IV, 9), по земли господства ми за кумерки (В, V, 11); из грамоты Дана II — не щем азъ остават чловѣци господства ми въ пагубѣ (В, XVI, 31), чловѣци господства ми (В, XVIII, 38). В более поздних грамотах и в этом случае встретим общую форму, восходящую к имен.-вин. пп.: из грамоты Влада II Цепеша — или от слугах господство ми (В, LXXIV, 96); из грамоты Дана Претендента — и богъ да умножит лѣта господства ви (В, LXXX, 103).

Предлог *от*. Старая форма родительного падежа после предлога *от* встречается редко: из грамоты Дана II — от рутѣща фроушского (В, XVII, 32), и куплѣ от морѣ (В, XII, 27); из письма Станчула — от Тръговища (В, CCXI, 251). На книжный характер этих сочетаний указывает не только то, что они редко встречаются, но и то, что в этих же случаях чаще находим аналитическое сочетание. Так, при от Тръговища чаще находим от Тръговище (В, CXXXIX, 171). Обычно в грамотах находим после предлога *от* общую форму, восходящую к имен.-вин. Примеры: из грамоты Мирчи Великого — а от друзѣх блата (М, IX, 1), от селата горѣ дори до планиѣ (М, IX, 3), от монастырска плата (М, IX, 1), от грѣло Сѣпатул (М, IX, 1); из грамоты Басараба II — и служил ест господству ми от много време (В, ХСVII, 123); из грамоты Басараба III — пониже ево от колико време и године (В, СХХIII, 152), от господство ми (В, CVII, 134), а ви да просите от господство ми таязи пагуба

(В, СХХVI, 156), от тех вами и от тех благе (М, IX, 11); из грамоты Влада III — от Дльгополе (В, CLIV, 187); из письма жупана Нега — да их извадите от робство (В, ССХХIII, 270), от моя уста нѣст излезлъ к вами (В, ССХХIV, 272); в редких случаях находим общую форму в дат. п.: из грамоты Басараба — от вашои приятелству (В, ХСVIII, 123).

Предлог *до*. После предлога *до* старую форму род. п. находим также в редких случаях: из грамоты Мирчи — и до великаго морѣ (В, I, 3); из грамоты Дана II — от Рукел дори до Браилова (В, XI, 21, но чаще — дори до Браилово — В, V, 11); из грамоты Басараба III — до приятелства ви (В, СХV, 143, но чаще — до приятелство ви — В, CIV, 131). В грамотах встречаем в этом выражении в значении общей формы дат. п.: из грамоты Басараба II — до вашои (sic) приятелству (В, ХСVIII, 123). Обычно в сочетании с предлогом *до* находим общую имен.-вин. форму: из грамоты Мирчи Великого — от Сжпатул дори до устие Яловници (М, IX, 1); из грамоты Басараба III — до господства ви (В, СХI, 138) и др.

Предлог *из*. Из грамоты Басараба III — из вьсего наше срдце (В, СХХХI, 162).

Предлог *без*. Из грамоты Басараба III — без знаніе.

Все эти примеры, извлеченные из валашских грамот, указывают, что формы старого родительного после этих предлогов *от, до, из, без* утратились; в XIV—XV вв. после этих предлогов шла общая аналитическая форма и выразителем прежних отношений был только предлог.

Дательный падеж

О новых аналитических средствах в передаче дательного падежа отмечено выше. И в среднем роде старые формы утрачены. Встречаются они очень редко, находим в их употреблении ошибки, сами формы искусственны и противоречивы: из грамоты Басараба III — къ господству ми (В, XV, 116). В другой грамоте того же господаря находим къ господство ми

(В, ХСІ, 118); в одной из грамот Раду III — хтет да доидет къ господство ми (В, LXXXI, 104). Старую форму дательного находим в штампе — оба пол по вьсему Подоунавиоу (Вен., 18), который встречается во многих грамотах (см. Вен., 22; В, I, 3). Обычно после предлога *по* находим общую неизменяемую форму: из грамот Мирчи Великого — по тѣх блата до где им в хотар (М, IX, 1), глоба ли са щет учинит по тѣхзи блата душегубина ли (М, IX, 1). Выше отмечено, что нередко общая форма писцами передавалась при различных предлогах через форму местного множественного. Находим эту форму после предлогов и в среднем роде: из грамоты Влада III — по блатах (В, СLI, 184), крѣв его на них и на чадох их (М, IX, 4). На искусственность и книжный характер этой формы указывает пример из грамоты Раду IV — позабавити их тѣх села и тѣх блатах (М, IX, 26). После предлога *по* (*на*) находим общую форму в часто встречающемся в грамотах сочетании — по име (*на име*): по име Костѣ (В, ССII, 241), на име Рѣтундул и Драгомир (В, СXXXIII, 164), на име Стаика (Вен., 133). В одной из грамот Раду IV находим по имену Драгомир (В, СХСVIII, 237); искусственно созданная форма дательного падежа *имену* свидетельствует, что некоторые валашские книжники в конце XV в. знали, что предлог *по* в старом языке управлял дательным падежом.

Беспредложный дательный падеж в среднем роде встречается в единичных случаях: из письма жупана Нега — да вашему месту и граду зло да не будет (В, ССXXIV, 273). Пользование формой *мн.* числа для валашского книжника представляло большие трудности, так как оно не имело никакой поддержки в его живом произношении. Это убедительно подтверждает пример из грамоты Раду IV — тѣм блатом и грѣлам (М, IX, 9).

Творительный падеж

На месте старого творительного падежа обычно находим сочетание предлога *съ* (*със*), *над*, *под* с неизменяемой общей формой единственного или множественного числа. Эта общая

форма чаще всего выражена старым имен.-вин. падежом. Примеры: из грамоты Басараба II — съ господство ви (В, СIII, 130); из грамот Басараба III — и съ решето (В, СXLV, 176), и със мое знаніе (В, СXXIII, 152), с тѣмизи села (М, IX, 13), съ мѣжство (В, СXXIV, 155), със даваніе (В, СXXIV, 155), над тіези села (М, IX, 13); из грамоты Влада III — жупану Станко логофету съ деца му (М, IX, 19); из грамоты Раду IV — съ пріятелство (В, CLXXVII, 212), под криле (С, VI, 6) и мн. др. Иногда эта форма выражена старым дательным: из грамоты Влада III — ере имам мир добръ със величеству кралеву и със ваше господству (В, CLIII, 186); из грамоты Раду IV — и съ децам им (М, IX, 20). Находим изредка старую форму творительного падежа в установленных канцелярских штампах: из грамоты Раду II — зде же тѣлом, а въ бѣдѣшии вѣк душеж (В, IV, 9); из грамоты Мирчи Великого — чистим и свѣтлым срѣдцем (В, I, 3); в окаменелых наречных словах: из грамоты Басараба — добром (В, СIII, 130); находим формы творительного падежа в живых сочетаниях, но всегда с предлогом: из грамоты Александра — да ми поможете съ лѣжовы, съ стрѣлы, съ орѣжіем (В, XXII, 42); из грамоты Дана II — съ великим обѣщаніем (В, XVII, 33); из грамоты Басараба III — Мирчѣ съ децами си (М, IX, 12).

В книжном языке сохраняются формы двойственного числа для слов *око*, *ухо*: из грамоты Александра — съ очима (В, XIX, 40); из письма жупанов Нанула и Стефана — ни очима ни ушима слышали (В, ССXVI, 261).

Местный падеж в редких случаях сохраняет старую форму: из грамоты Мирчи Великого — на мѣстѣ рѣкомѣмь Кучет (М, IX, 1); из грамоты Влада II Цепеша — и по вѣсѣ хора и на вѣсеком мѣстѣ по земли господства ми (В, LXXIV, 96); из грамоты Раду II — и при господстве ми (В, VII, 14); из грамот Дана II — тѣкмо въ Тръговищи (В, XIII, 28), и оу Тръговищи такождере (В, XVII, 32). В полном согласии со всей аналитической системой именного склонения славянского языка Валахии и

в этом случае после предлогов найдем общую форму: из грамот Басараба III — на страшнѣм и неумитном съдище (М, IX, 11), добродетел въ христіянство (В, СХХІІІ, 153), а ви га храніте у ваше хижѣ и у вашей место (В, СХХХV, 167), яко мнози царіе въ царствіа си вѣселища са (М, IX, 13); из грамоты Влада III — су убили мехединци у село Глагова (В, СL, 182).¹

Подводя общий итог нашим наблюдениям над выражением падежных отношений в языке валашских грамот XIV—XV вв., мы можем утверждать, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. именное склонение характеризовалось аналитичным строем. От славянских говоров Валахии в этом отношении резко отличались говоры Молдавии, говоры восточнославянского происхождения, в которых падежные отношения выражались синтетическими средствами.

Генетическая связь славянских говоров Валахии с собственно болгарскими говорами подтверждается не только общим характером именного склонения, его аналитизмом, но и общими средствами и способами в выражении падежных отношений, общей направленностью самих процессов и их результатов. Изучение именного склонения в грамотах XIV—XV вв. показало всю неосновательность утверждений некоторых лингвистов, что славянский язык не был родным языком валашских канцеляристов. Не менее убедительные факты против этого взгляда дает нам изучение местоименного склонения.

¹ Необходимо различать локативное и аккузативное значения предлога *въ*, так как в последнем случае форма винительного падежа является вполне закономерной: из грамоты Дана II — *да мѧ приѧ въ мѣсто вѣрнаго си слугѧ* (В, XI, 21); из грамоты жупана Нега: *да поидем у поклисарство к краю* (В, ССХХІV, 273).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ГРАМОТАХ ВАЛАХИИ XIV—XV ВЕКОВ

В пятой главе мы показали, что славянские говоры Валахии в XIV—XV вв. характеризовались аналитическим типом именного склонения. В живом языке того времени падежные отношения выражались теми же средствами, что и в новоболгарском языке. Аналогичный процесс был пережит и в области местоименного склонения.

Проф. Л. Милетич в своих исследованиях языка валашских грамот местоимениям уделил всего несколько строк. Это никак нельзя оправдать. Грамоты дают богатый и надежный материал для изучения истории местоименного склонения в болгарском языке. Они свидетельствуют в первые о многих процессах в области местоимений, которые в самой Болгарии находят отражение лишь в памятниках нового времени.

Как известно, местоименное склонение современного болгарского языка в некотором отношении отличается от именного склонения. В нем последовательно различаются три падежные формы именательного, винительного и дательного падежей. Однако и эта грамматическая категория характеризуется аналитическим типом склонения. В местоимении отсутствуют формы местного и творительного падежей, possessивные отношения выражаются с помощью форм дательного падежа (старые формы родительного выступают в функции винительного или в сочетании с различными предлогами в функции так называемого общего падежа), получают широкое развитие конъюнктивные (краткие) формы местоимений, которые

могут употребляться одновременно с соответствующими формами полных местоимений. Аналитическая тенденция в местоимении легко может быть обнаружена исследователем на изучении современных фактов. Так, например, полные формы дательного падежа (*мене, нему, неи, тям, кому* и т. д.) в современном живом языке очевидно уступают место аналитическим формам (*на мене, на него, на нея, на тях, на кого* и т. д.). Эти аналитические формы являются активными формами современного языка.

В связи с этим изучение истории болгарских местоимений является одной из существенных задач исторической морфологии и исторического синтаксиса. Это изучение должно обязательно учитывать данные всех языков так называемого „балканского союза“, так как единство их в области местоимения проявляется не менее заметно, нежели в имени.

Памятники болгарской письменности до конца XVI в. очень скупо и непоследовательно отражают те процессы, которые происходили в области местоимений. В данном случае можно повторить то, что нами было отмечено в предшествующей главе в отношении архаичности книжного языка при передаче именного склонения. И в этом случае книжники слепо следовали языковой традиции, которую они нарушали лишь произвольно.

Троянская притча и в области местоимений дает ценный материал для изучения живого языка. Данные чергедских молитв также представляют поразительные параллели с данными новоболгарского языка. Но особенно много ценного в этом отношении дают славянские грамоты Валахии XIV—XV вв., свидетельствующие, что многие так называемые новоболгарские особенности характеризовали местоимения славянских говоров Валахии уже в XIV—XV вв.

Личные местоимения

Первое л. ед. ч. в валахских грамотах передается различно. Чаще всего это будет местоимение *аз*, которое графически передается *аз, азъ и азъь*. Это местоимение находим в титульной части грамот: азъ иже въ Христа бога благовѣрнии и т. д.

(из грамоты Мирчи Великого, В, I, 3), азъ иже въ Христа бога благовѣрный и т. д. (из грамоты Дана II, В, VIII, 15); в канцелярских штампах: из грамоты Влада III—азъ Чеукуц граматик исписах (М, IX, 15); из грамоты Раду IV—и аз писах Тудор граматик (М, IX, 29), и азъ бан, еже писах въ столни град (М, IX, 22). На основании этих данных можно было бы прийти к выводу, что это местоимение было чуждо славянским говорам Валахии и занесено в язык грамот из среднеболгарской церковной литературы. Такой вывод, например, можно сделать в отношении славянских говоров Молдавии, так как в молдавских грамотах местоимение *аз* находим исключительно в привычных канцелярских словосочетаниях, в трафаретных частях грамот. Так, выражение се азъ рабъ владыки моего Исоуса Христа встречается в грамотах Стефана Великого очень часто (см. в грамотах от 10 мая 1466 г., 3 сентября 1473 г., 25 января, 29 июня, 1 июля 1476 г., 3, 4, 6 апреля, 17 августа 1488 г., 14 марта 1489 г., 15 марта 1490 г. (и мн. др.). Встречаем аналогичный штамп и в валашских грамотах: из грамоты Раду IV—азъ убо раб владыки моего бога и спаса нашего Исуса Христа (М, IX, 25). Находим *аз* в молдавских грамотах и в других случаях—ако азъ съ произволениемъ бога въсердъдитель промислих (из грамоты Стефана Великого от 10 мая 1466 г.), особенно часто в заключительной части грамот перед именем писца: се аз Глироча (М, IX, 57), се убо аз Лупил (М, IX, 66), ето аз Павел Робул (М, IX, 68), се убо аз Тоадер Турчъ (М, IX 73). Живые словосочетания этого местоимения не знают.

Совсем иную картину наблюдаем в валашских грамотах. Местоимение *аз* в них является самым обычным выражением 1 л. не только в штампах. Это подтверждается многочисленными примерами: из грамот Дана II—не щем азъ оставит чловѣци господства ми въ пагубѣ (В, XVI, 31); из грамоты Александра—на що стоѣ азъ день и ноцъ (В, XIX, 40); из грамот Влада I—а коги съм аазъ (sic) отишьль ви му ю сте пакъ увъзели (sic) (В, XXXVIII, 61), азъ имъ учиних

волж (В, III, 75), віе добръ знаете, како ви смь до нинѣ азъ защитил от турци (В, LVI, 81); из грамот Владислава Дана — азъ мое не щж оставит с моом главом (В, LXIII, 86), како да платим азъ сираком за тех добитжк (В, LXIV, 87), азъ не щж оставит тіази работу (В, LXVI, 89); из грамоты Влада II — да како их азъ не щж да их простим (В, LXVII, 90); из грамот Басараба II — азъ съ вьсем землем (В, С, 125), а съ вас азъ не знам (В, С, 126); из грамот Басараба III — а азъ седа да ю купим (В, СХХVII, 158), и азъ не тьчїе сіе царство исправи (М, IX, 13); из грамоты Г. Ласкара — азъ сези добитжк давам на твоа ржкж да чини как знаеш (В, ССХIII, 255); из грамоты Драгомира Манева — азъ купил тия овни летоска (В, ССХIX, 265), а азъ съм донесль тьизи пипер еще лани (там же), кьга съм бил азъ у тькмеж със Ньгом (там же); из письма одного турка — да му донесем азъ жена от Нїкопол (В, ССXXX, 285); из грамот Драгомира Удрище — азъ му рекох да им платит (В, ССХХХVII, 293), ере съм азъ ваш (В, ССХХХIX, 295); из грамоты Крстияна — такo сжм и аз посилал една слуга ми до нега (В, ССХLVII, 303). Местоимение *аз* является обычным и в сибинских грамотах, изданных Драгомиром, — азъ щж пустит моегоа чловька (см. „Documente noua privitoare la relațiile Țării Românești cu Sibiul în secolii XV, și XVI“, 12).

Нередко встречаем в валашских грамотах XV в. те фонетические варианты местоимения *аз*, которые хорошо известны современным болгарским говорам и памятникам новоболгарского языка. Это — *азе* и *ази* (часто в книжной передаче *азы*). Эти фонетические варианты в живых говорах существовали уже в среднеболгарскую пору (в XIII в.), что подтверждается языком семиградских болгар: зарант туї азе му са кланем, и азе фагадувам, азе са кланям и мн. др. (см. тексты в издании Милетича(7). В среднеболгарскую письменность эти диалектические варианты не допускали, в письменном болгарском языке они появляются лишь с XVI—XVII вв. Даже

в Троянской притче, которая знает много случаев употребления личного местоимения 1 л. ед. ч., находим только *азъ*: не хоужъ азъ тебе оставити (50), азъ дамъ емоу три злата (51), азъ не придохъ служити тебѣ злата ради (52), азъ нѣсмь пришель (53), азъ бо милостява еи хоужъ быти (56), егда азъ течахъ своима босама ногама (57). Отсутствие иных форм первого лица может указывать на отсутствие их в живом языке переводчика. Таким образом книжники валашских канцелярий из средне-болгарского языка XIV в. могли заимствовать только форму *азъ*, которая, как свидетельствуют грамоты, нашла поддержку в их родном языке. Но в этих же грамотах находим те диалектические варианты местоимений *азъ*, которые отсутствовали в болгарской письменности, но были в живом народном языке. Примечательно, что варианты местоимения *аз* отсутствуют в огромном большинстве валашских грамот, но встречаются лишь в грамотах одного воеводы, часто в одной и той же грамоте. Не исключена возможность, что все эти грамоты принадлежат одному и тому же писцу. Так, мы их находим главным образом в грамотах Александра (1431—1433): азе съ вами могъ, а без вас не могъ станѣти прѣдъ ними (В, XIX, 40), азе и поидохъ у турци (В, XXIII, 43), азы са мѣчѣ, яко да погаса огнь от вас (В, XXIV, 44), азы поручихъ до Никоноль (в той же грамоте); из грамоты Албула, ворника Александра — какъвъ чловѣкъ бих бил азе (В, ССVIII, 249). В грамотах других воевод эти диалектические формы встречаются очень редко. Вот пример из грамоты Влада I — азе оставихъ (В, III, 77). На основании этих данных можно сделать вывод, что форма *азе (ази)* характеризовала лишь отдельные славянские говоры Валахии. Обычной была форма *аз*.

Выше, в главе о сербских элементах в языке грамот, мы указали, что с 30-х годов начинается период сербского культурного влияния на Валахию, что связано было с определенными историческими событиями первой четверти XV в. Это явление нашло отражение и в употреблении сербских местоимений. Однако последовательно эти местоимения употребляются

только в тех грамотах, которые, несомненно, принадлежат сербским писцам, т. е. в сербских грамотах Валахии. Такой грамотой является, например, грамота Александра, изданная Богданом под № XXX. В этой грамоте, написанной на сербском языке, находим, естественно, только сербские местоимения и, в частности, всегда находим местоимение я: а коли я съ шномъ не доиду, а я чу Альбула съ шном допустити, що съм се и я заклео господину кралю, од Молъдова су просил(и) помочъ; до сенова, що я мислимъ господину кралю (В, XXX, 50). Встречаем местоимение я в грамотах, написанных местными людьми, подражавшими сербским писцам. Но в этих грамотах местоимение я употребляется непоследовательно и, что очень важно, в готовых, выученных сербских фразах и оборотах. Яркий пример такого смешения представляет грамота Влада I, изданная Богданом под № XLIV: и къга я усхоку да се съ шними размирите я ви хошъ казати (В, XLIV, 67). Ср. в др. его грамотах — я бех оставил мое слуге (В, XI, 63). Аналогичные примеры из грамот валашских бояр — тои добро я се неволим (В, ССXXXIII, 287), я кю учинит помного израдї вас (В, ССXVII, 304) и др.

Местоимение 1 л. ед. ч. я известно значительной группе современных болгарских говоров. Это говоры западных областей Болгарии (Видин, Лом, Белградчик, Трн и Кюстендил), а также говоры северо-западной Македонии (Дебр, Кичево, Поречье, Полог, Скопье и Кратово). В некоторых говорах находим колебания в употреблении я/яз, что вызвано, вероятно, фактами позднейшей колонизации.

Проф. Цонев полагал, что западноболгарское местоимение я не является позднейшим изменением аз (яз), а является старым диалектическим признаком западной Болгарии.¹ Данные славянских грамот Валахии свидетельствуют, что встречающееся в них местоимение я является признаком исключительно книжного языка и занесено было в Валахию сербскими писцами. В живых славянских говорах в областях к северу

¹ „История на българский език“, II, стр. 490.

от Дуная было лишь местоимение *аз* (*ази, азе*). Эти данные валашской славянской диалектологии важны как указание на то, что в древнейшее время славяне Дакии, Мизии, Балкан, Фракии и Македонии сохраняли в этом местоимении конечное *з*. Утрата его в некоторых говорах — явление местное, вызванное новыми условиями языковой жизни, условиями тесного взаимоотношения с иной славянской группой, группой сербской.

Употребление местоимения *аз* при глаголе точно отражает живые особенности славянского языка. Употребляется оно только в том случае, когда на него падает логическое ударение. В ином случае местоимение опускается, так как лицо выражено формой глагола. Вот несколько из большого числа примеров: из грамоты Мирчи Великого — тоузи вы смь даль да знаете (Вен., 26); из грамоты Александра — того ради го съмь клел на вѣрѣ (В, XXVI, 47); из грамоты Басараба II — ни смь видел от турцех (В, XC, 117); из грамоты Басараба III — и по там си послах вернога слуга господства ми Опрѣ (В, CXXXV, 167); из грамоты Влада III — ере имам мир добръ със величеству кралеву и със ваше господству (В, CLIII, 186); из грамот Радуга IV — съм послал нашего вернога болѣрина (С, XIII, 13), що съм послал по слуга наша (В, CLXXXVI, 223); из грамоты ворника Драгомира Манева — съм длѣжен за некои овни (В, CCXIX, 265). В той же грамоте Манева под логическим ударением местоимение не опускается: къга съм бил азъ у тъкмеж със Нѣгом, оти му съм азъ длѣжен или буди тко.

Подобное тонкое восприятие славянского языка валашским книжником можно объяснить только тем, что язык этот был его родным языком. На примере усвоения валашскими писцами сербского языка (об этом см. подробно четвертую главу нашего исследования) мы видели, что чужой язык они знали очень плохо и вообще высокой грамотностью не отличались.

В косвенных падежах 1 л. ед. ч. представляет формы винительного и дательного; формы винительного в сочетании с различными предлогами выступают в функции общего падежа. В функции объекта находим почти всегда краткую местоименную форму *ме*, которая передается *ме, ма, мѣ* (об этом см. в четвер-

той главе в разделе о носовых): из грамоты Раду II — защомъ сте просиле (В, VI, 13); из грамоты Дана II — да ма приа въ мѣсто (В, XI, 21), из грамот Александра — и на кого ме остави (В, XXIII, 43), и о том ма не слушасте (В, XXIV, 44); из грамоты Влада I — понеже ме просихъ (В, XL, 71); из грамоты Владислава Дана — может мѣ разлѣчит от вас велика неволѣ (В, XIII, 86); из грамот Басараба III — та ме упроси (В, CXXVII, 157), та ме ест узел (В, CXXXV, 167); из грамоты Койка — въ голѣмъ грижѣ ма унесосте (В, CCVI, 247); из грамоты Драгомира Удриште — ну ме посилате да ме судит прѣгармещер сибинскіи (В, CCXXXVI, 291). Редко встречаем в функции прямого объекта полную форму *мене*: из грамоты Влада I — и мене и моих слуг (В, XLIII, 65). С предлогом употребляется в полном соответствии с современным болгарским языком только полная форма: предлог *от*: из грамоты Раду III — от мене ни едну кривду не сте имали (В, XXXIII, 108); из грамоты Влада III — и научите се от мене яко кроткъ есъм (М, IX, 17); из грамот Басараба III — що су ухватени от мене (В, CXXVII, 157), простена от мене (новоболгарский синтаксический оборот, в старом языке найдем творительный *мънож*); предлог *с* — Влад I — идѣт с мене, поидѣте с мене (В, XXXIV, 57); из грамоты Дана Претендента — да идете с мене (В, XXX, 102); предлог *за* — из грамоты Драгомира Удриште — чините за мене (В, CCX, 296); предлог *кои* — из грамоты Стойка — да будет кои мене (В, CCXLIV, 299). В грамотах второй половины XV в. под влиянием сербского языка встречаем единичные примеры *съ мною*: из грамоты Владислава Дана — еже съ мною обѣща (В, LXIII, 86).

В дательном падеже без предлога обычно встречаем конъюнктивную форму *ми*: из грамот Александра — да ми поможете (В, XXII, 42), а віе ми кажете (В, XXI, 42), да ми го дасте (В, XXIV, 44); из грамоты Влада I — уготовете ми р̄ пушке (В, XXXIX, 62); из грамоты Владислава Дана — казуите ми

(В, LXV, 88); из грамоты Басараба II — а он да ми купит (В, XCIV, 121); из грамот Басараба III — и паки ми доиде глас от цара от порту (В, LCXII, 139), що ми сте поручали (В, CXIV, 142), да ми купите дые люлке (В, CXXXVII, 170); из грамоты Влада III — да ми се плати (В, CLXIX, 204); из грамот Радуг IV — ми найдете един кон велик и хубав (В, CLXXVIII, 212), да ми направи некои прозорци (В, CCI, 241); из грамоты Койка — да ми донесѣтъ вѣсе (В, CCVI, 247); из грамоты Драгомира Удриште — не щет да ми их даст (В, CCXXXVI, 291); из грамоты Стойка — тако ми е страх (В, CCXLIV, 299). Редко встречается полная форма мене: из грамоты Влада I — ви есте мене помагали (В, XLIII, 65). Эта же новоболгарская форма дательного падежа (*мнѣ* находим в цитатах из литургических памятников: из грамоты Влада III — приидѣте къ мнѣ вѣси труждаещих се и обрѣмѣнени и азъ упокоѣ ви — М, IX, 17) употребляется с предлогами. Известно грамотам употребление сочетаний с предлогом *на* в значении дательного падежа: из грамоты Басараба III — он ест оставил душу на мене и на зета му Андрѣ (В, CXL, 172). Современный болгарский язык знает в форме *мене* в функции как дательного, так и винительного падежей редукцию конечного *е* (*мен*). Эта редукцированная форма в болгарских памятниках фиксируется лишь в XVII в. Тем большую ценность приобретают данные валашских грамот, которые ее отражают уже в XV в.: из грамоты Владислава Дана — а они да доидѣт к мен (В, LXIV, 88), с мен щете да сте у миру (В, LXV, 88); из грамоты Албула — да ходит вѣсегда к мен ваш чловѣкъ (В, CCIX, 250). Издатель этих грамот, проф. Богдан, во всех подобных случаях восстанавливал *е* в скобках.

Во 2 л. ед. ч. в полном соответствии с 1 л. находим полную форму *тебе*: из грамоты Басараба III — до тебе (В, CVI, 133); из письма бояр Браила — пишемо тебе (В, CCXXIX, 282) и краткую — *те* (вин. п.) и *ти* (дат. п.).

Возвратное местоимение *себе* (полная форма) употребляется главным образом с предлогами: из грамоты Дана II — при-

зовете их къ себе (В, XVI, 31). В молдавских грамотах в дат. п. употреблялась украинская форма *соби*: из грамоты от 13 мая 1484 г. — за що онь собя купил; из грамоты от 12 сентября 1464 г. — и млин соби да учинит; из грамоты от 5 июня 1470 г. — шо минѣют соби седа своа. Без предлогов в вин. п. употреблялась форма *сз* (передавалась *се, с, съ*), в дат. п. — *си*.

1 лицо множественного ч. В отличие от других славянских языков болгарский язык в 1 л. мн. ч. представляет согласную *н*, которая в им. п., по широко распространенному мнению, появилась под воздействием косвенных падежей.¹ В старославянском языке, как известно, находим *мы*. Однако под воздействием живого народного языка очень рано в этом местоимении находим на месте *м* звук *н*. Академик П. А. Лавров в своей диссертации утверждал, что эта особенность живого языка впервые находит отражение лишь в памятниках XIV ст.² Это же в свое время утверждал и проф. А. Калина.³ Однако они оба не обратили внимания на то, что уже в некоторых старославянских памятниках эта черта живого языка прорывается через мертвые письменные нормы. Так, эта особенность отражена в Клоцевом сборнике, в Киевских листках, в древнейших среднеболгарских памятниках (в Добромировом ев.).⁴ Находит она, естественно, отражение и в Троянской притче — ны хошевъ створити трож (51), ны три съдѣхомъ въ морскомъ отоцѣ (57) и в некоторых других памятниках. Однако не только в старославянских памятниках, но и в среднеболгарских эти случаи единичны (например, в Добромировом ев. встречается два раза). В книжный литературный язык они не допускались и лишь по недосмотру в редких случаях проскальзывают то тут, то там.

Не отражено это явление в церковных и светских литературных памятниках Валахии. Книжные люди следовали нормам среднеболгарского языка и продолжали пользоваться уже

¹ См. проф. Младенов, „Geschichte d. bulgar. Sprache“, § 122.

² „Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка“, стр. 170.

³ „Studyja nad historyjã jazyka bulgarskiego“, str. 495.

⁴ См. V o n d r á k, Altkirchenslavischen Grammatik, SS. 30, 460.

давно мертвой формой *мы* (или, реже, *ми*). Иное наблюдаем в валашских грамотах. Здесь в первые в истории болгарской письменности последовательно отражается так называемая новоболгарская форма, которая представляет в им. п. не только *н*, но и сложение старой местоименной основы *мы* с основой *је*,¹ — *ние*: из грамоты Александра — ние служимо господину кралю (В, XXIII, 43); из грамоты Владислава Дана — и вие и ние (В, LXIV, 88) и др. Эти формы в валашских грамотах могли иметь только один источник — местные славянские говоры. Через книжный язык писцы усвоили бы другую форму.

Не знали формы *ние* славянские говоры Молдавии. В молдавских грамотах Стефана Великого находим только *мы* (*ми*): мы Стефан воевода (8 сентября 1457 г.), про то мы, видѣвши ивзшково произволеніе, и мы от нас дали и потвердили есми (12 июня 1459 г.), ино мы видѣвшие изыскъ пана Ивашков (5 октября 1460 г.), а ми такожде и от нас дали и потврѣдили (8 августа 1461 г.), тъмь ми видѣвши его правую и вирную слоужбоу (6 октября 1462 г.), того раді ми есми смотрили (26 августа 1474 г.) и др.

В нескольких валашских грамотах, написанных на сербском языке, находим форму *ми*: из грамоты Басараба II — ми щемо га миловат (В, XCIII, 120).

В самой Болгарии форма *ние* (*ний*) проникает в литературный язык лишь тогда, когда народный язык становится языком письменности, т. е. с конца XVI в. Всегда находим ее в дамаскинах (например, в Люблянском — СбНУ, XVI—XVII, стр. 277). В Свищовском дамаскине встречаем не только *ние*, но и *ния* (также второе лицо *вия*): останьте вие, а ния да утидемъ (341). Форма эта хорошо известна современным народным говорам.

¹ „*ние, вие* составлены из *н-е, ви-е* (ср. староб. *е-се, н-се*)“ (Цонев, „История“, II, стр. 491). Это объяснение возникновения форм *ние, вие* не может быть признано вполне достаточным, так как против выступает фактор семантический. Впервые эта так называемая новоболгарская форма случайно проникла по недосмотру в Музейный апостол XIII в., что отмечено было в свое время проф. Щепкиным в его „Болонской псалтыри“ (стр. 216). В ней находим и *мие* и *ние*.

Встречается она изредка в поэзии (см. у Вазова — стегайте есе смело вия, на пристъп ще вода вас).

Но в современных болгарских говорах находим не только *ние* (*ний, ния*). Находим и старую форму с *м*. Находим ее в тех говорах, которые легли в основание старославянского языка, в солунских говорах (*мъй*). Встречается *миие* в Дебр-ской области у крушевских мияков, в Кичеве, Пологе, Скопье, Кратове. Старую форму *ми* обнаруживаем в крайних северо-западных говорах, где она очевидно сербского происхождения.¹ Изредка встречающуюся в Дольнем Пологе форму *ми* Селищев считает сербской.²

При изучении северомакедонской формы *миие* необходимо обратить внимание на то, что она встречается только в тех говорах, в которых в ед. ч. будет *я*. Наоборот, форму *ние* находим там, где в ед. ч. будет *яз* (*jaz*). Эту связь диалектологи подметили уже давно. При современном состоянии македонской диалектологии очень трудно утверждать, что изоглоссы *я* и *миие* (соответственно *яз* и *ниие*) полностью совпадают. Может быть, при более детальном изучении в будущем будут внесены некоторые коррективы, но в общем территории распространения *я* и *миие* совпадают. Выше, при рассмотрении 1 л. ед. ч., мы высказали предположение, что форма *я* возникла под воздействием соседней (западной) языковой системы, системы сербской. Сопоставление этой формы с формой мн. ч. *миие* указывает как будто на то, что и в этих говорах *м* возникло позже, оно сменило более старое *н* под воздействием, идущим с северо-запада. Отсюда, конечно, нельзя делать общий вывод, что *м* в этом местоимении предки болгар полностью утратили еще в очень глубокой древности, когда славяне Дакии, Мизии, Балкан, Фракии и Македонии находились в тесных взаимоотношениях на какой-то общей территории. Тогда уже *н* сменило *м*, но не во всех говорах. Были говоры, которые это *м* знали и сохраняли его вне всякой связи со славянскими языками другой группы. Это характерно

¹ Б е л и ч, Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 401. Однако в этих же говорах встречаем и болгарскую форму.

² „Полог“, стр. 313.

было для солунского говора, в котором и сохраняется до сих пор. Знали форму *мие* предки семиградских болгар, у которых, согласно сделанным записям, это местоимение представляло собой контаминацию форм *мие* и *ние*, т. е. *мние*: мние комендалуваме тебе инзик (12), да отидеме мние ф небе от ниве фъф вякуито (25). Находим в текстах и *мие*: мие сиф да му сполаваме (26).

Во 2 л. мн. ч. в грамотах в большинстве случаев находим так называемую новоболгарскую форму *вие*: из грамоты Раду II — и тази щѣ дръжат, толко вие да дръжите (В, VI, 13); из грамоты Дана II — того раді вие вамеше, що видите зде писано, на том да стоите (В, IX, 18), вие, вамеше от Дѣбовицѣ (В, IX, 18), и вие, вамеши от Рукеръ (В, XII, 27); из грамот Александра — а вие гонѣте (В, XX, 41), а вие ни подвигате зли речи (В, XXIII, 43), а вие го пустѣте (В, XXV, 46); из грамот Влада I — вие добръ знаете како ви смѣ до нинѣ азъ защитил от турци (В, LVI, 81), вие да го опрѣте (В, LVIII, 83); из грамот Владислава Дана — вие рѣцѣте (В, LXV, 88), а вие да их донесете тузи (В, LXVI, 89); из грамоты Влада II — а вие да га оставете да отиде дома си (В, LXXIII, 95); из грамоты Албула, ворника Александра — а вие го цѣлуванте (В, CCX, 250). Как свидетельствуют тексты семиградских болгар, форма *вие* была известна болгарским говорам: ні боіт (е) са вие мариенче ни е, кого вие глендате (26). Однако и эта форма наряду с *ние* в книжный язык Болгарии до конца XVI в. не допускалась.

Встречаем местоимение *ви* в валашских грамотах. Следует, однако, отметить, что это местоимение обнаруживаем только в грамотах второй половины XV в., в грамотах, подвергшихся сильному сербскому книжному влиянию. В текстах XIV и первой половины XV в. находим только *вие*. Но даже и в поздних грамотах *ви* употребляется редко: из грамоты Дана Претендента — а ви ми кажете (В, LXXX, 103); из грамот Басараба III — а ви га храните у вашѣ хижѣ и у вашей место (В, CXXXV, 167), а ви не им узимате куплю на сорок

(В, CXLV, 176), ви не им платите (В, CXLV, 176), а ви не их оставяте (В, CXLV, 176). В грамоте Драгомира Манева (1474—1482), составленной под сильным сербским влиянием, находим: и ми и ви (В, CCXVII, 262).

В функции прямого дополнения грамоты представляют краткую форму: из грамоты Александра — того ради ви говора и мола ви (В, XXII, 42); из грамоты Влада I — и весели ви бог (В, XL, 63); из грамоты Раду III — понеже ви просим (В, LXXXI, 105); из грамоты Басараба II — азь ви защитих от турцех (В, CI, 126).

В функции косвенного дополнения (без предлога) редко находим старую „полную“ форму дат. п.: из грамоты Влада I — и вам и нам и вьсем христіаном (В, V, 80); из грамоты Драгомира Удриште — ере тязи чловѣкъ ест много зло учинил нам и нашим люді (В, CCXXXVII, 293). Обычно же и в этой функции находим „конъюнктивную“ форму *ни, ви*: из грамоты Мирчи — тоузи вы смь даль да знаете (Вен., 26); из грамоты Дана II — и пакы ви говору (В, XIV, 29); из грамоты Влада I — и тази ви говорим (В, XLVIII, 70), да ни поможете с лжкови и стрѣлами и пушками (С, XXV, 26); из грамоты Влада II — и тузи ви пустих нѣколици волове и краве (В, LXX, 92); из грамоты Раду III — како ви пишем (В, LXXXI, 105); из грамоты Басараба II — да ви дам (В, XCI, 118); из грамот Басараба III — и що ви щет рещи Влад (В, CVII, 134), и богь ви умножи лета (В, CXXXVII, 170); из грамоты Станчула — кто вы книгъ вж донесе (В, CCXI, 251); из грамоты Казана — и такози ви говорим (В, CCXXI, 286).

При предлогах обычно находим общую форму, являющуюся полной формой вин. п.: предлог *от* — из грамоты Михаила — да се не плачат от вас (В, II, 7); из грамоты Александра — да погасж огонь от вас (В, XXIV, 44); из грамоты Влада II — един от вас да отиде у Брашов (В, LXXXIII, 94); из грамоты Раду III — от нас ни една злоба (В, LXXXIII, 108); из грамоты Басараба II — и от вас видим (В, CI, 126); предлог *пред*:

из грамоты Дана II — тука кому що ест криво, да сѧ сѧдѧт прѣд вас (В, XV, 30); предлог *посред:* из грамоты Раду II — и да не дрѣжите злих людѣ посрѣд вас (В, IV, 9; в той же грамоте находим *посрѣд нами*); предлог *до:* из грамоты Басараба III — туи си послах слуга... съ книге до вас (В, СХV, 243; в одной из грамот Дана Претендента встречаем редкий случай употребления при предлоге „конъюнктивной“ формы: и до вы имамо велмкаа милость — В, LXXVIII, 100); предлог *на:* из грамоты Влада I — ми ест велми жал на вас за тузи работу (В, XL, 63); из грамоты Койка — нѣ ми ест жѣль на вас (В, ССVI, 247); из грамоты Нега — и съ огню улезе на вас (В, ССXXIV, 274); предлог *пomeжду:* из грамоты Александра — тука ест помежду вас (В, XXIV, 45; и при этом предлоге встретилось употребление „конъюнктивной“ формы — пomeжду ви — В, XXIV, 44); в одной из грамот Владислава Дана находим редкое для грамот употребление формы *нами:* що смо имали помежду нами (В, LXIII, 86); предлог *между (мею):* из грамоты Басараба II — пак се врякят мею вас (находим сложный предлог от мею вас — В, СI, 126; встречаем с этим предлогом старые формы твор. п. — мею вами... мею нами — В, СХXI, 149; СХХII, 151); предлог *съ:* из грамоты Басараба II — а съ вас азъ не знам (В, С, 126); из грамоты Басараба III — съ вас и съ вѣсѣ землѣ (В, СХХV, 155; в одной из грамот Александра встречаем книжный архаизм — азе съ вами могѣ — В, XIX, 40). С предлогом *к* в грамотах употребляется полная форма дат. п.: из грамоты Влада II — да ходет и ваше люде къ нам куповати (В, LXXI, 93); из грамоты Нанула и Стефана — и тоузи приде к нам (В, ССХVI, 261). В редких случаях писцы с этим предлогом употребляли книжные формы твор. п.: из грамоты Басараба III — сѣм послал къ вами (В, СХХIII, 153); из грамоты жупана Нега — от моя уста нѣст излезлъ к вами (В, ССХХIV, 272).

Итак, личное местоимение из косвенных падежей имело формы вин. и дат. п., которые без предлогов употреблялись

в значении прямого и косвенного дополнений. В этой функции преимущественно употреблялись „конъюнктивные“ формы. С предлогами в различных грамматических значениях употреблялись полные формы вин. п. в функции общего падежа. Лишь при предлоге *к* сохранялась еще старая форма дат. п. Формы твор. п., которые редко встречаются в грамотах, были заимствованы из книжного языка. Писцы часто ошибались при их употреблении. Нужно отметить, что при предлоге *съ* всегда находим форму вин. п. Книжный источник *съ мною* очевиден. Обнаруживаем в грамотах двойные формы личных местоимений, о чем см. ниже.

Указательные местоимения

В области указательных местоимений болгарский язык пережил целый ряд существенных изменений. Они случайно и непоследовательно отражаются среднеболгарскими памятниками письменности. Лишь памятники новоболгарского языка их отражают в полной мере. Многие из этих процессов последовательно отражаются исследуемыми нами валашскими грамотами.

В славянских говорах Балкан, Мизии, Фракии и Македонии существенную роль играла старая местоименная основа *тъ*, которая, как известно, выступает как в функции указательного местоимения в значении *этот*, так и в функции 3 л. личных местоимений. Эта местоименная основа представлена в целом ряде форм в виде сложения с другой местоименной основой *и* (*тъ-и*, *та-я*, *ти-е*). В дальнейшем наблюдались процессы стяжения, которые приводили в свою очередь к сложным фонетическим изменениям.

Результаты подобного сложения местоименных основ часто отражаются в Троянской притче. Отражены они и в чергедских молитвах. Представлены аналогичные образования и в славянских говорах Валахии в XIV—XV столетиях.

Примеры: из грамоты Мирчи — бжді да ест купен тоизи кумеркъ (В, I, 4); из грамоты Михаила I — а тои да го таглит прѣд прѣгари (В, III, 8); из грамоты Раду II — тоизи кумеркъ

(В, V, 11); из грамот Влада I — а тои да се повратит (там же), и с тоизи добиток (В, LVI, 81); из грамот Басараба III — що знаш от тои странѣ (В, СХІІІ, 141), тои не може бит (В, СХХVІІ, 158); из грамоты Раду IV — по тѣизи брод (М, ІХ, 30).

Из грамоты Владислава II — тіязи работу (В, LХVІ, 89); из грамоты Басараба III — таязи погуба (В, СХХVІ, 156); из грамоты Нега — за таязи девойка (В, ССХХІV, 273).

Из грамоты Михаила I — а тіе му щѣт платят (В, III, 8); из грамот Дана II — оти тыязи граждѣны (В, XV, 30), тіѣзи вами (В, XVІІ, 32); из грамоты Александра — понеже аще хтеше погинѣт сіязи землѣ, и тіе щѣѣт погинѣт (В, ХХІІІ, 43); из грамот Басараба III — за теи вражмаше (В, СХІІІ, 141), ест узел теи градове (В, СХІІІ, 141), и да имат клетва тіи (М, ІХ, 11); из грамоты Влада III — такo за тия селе (М, ІХ, 18).

И в этих местоимениях употребляется с предлогами о б щ а я форма, представляющая собой форму вин. п.: из грамоты Влада I — ити с тоизи добиток (В, XLVІІІ, 71); из грамоты Влада III — със тиз(и) людіе (В, CLXIV, 199); из грамоты Басараба III — егда се учинит глобе над тіези села (М, ІХ, 13), за тизии злотворци (В, СХІХ, 146) и др. Старые падежные формы от этих местоимений встречаются в грамотах в определенных канцелярских штампах (ср. из грамоты Влада II — на том старом закону — В, LXXIV, 96; ср. из грамоты Дана II — на том да стоите — В, ІХ, 18). Исключение представляет форма дат. п., которой писцы пользуются часто и всегда правильно: из грамоты Мирчи — томузи монастырю (Вен., 18); из грамоты Михаила — велико зло учинити томузи чловѣку (В, II, 7); из грамоты Влада III — турчину тому (В, CLIV, 187); из грамоты Драгомира Удриште — за работу томузи пиперу и тем неколикам богасям (В, ССХХХІХ, 294). Следует предполагать, что в валашских народных говорах в XIV—XV вв. употреблялись формы *тому* и *тем* в функции косвенного дополнения.

Кроме основы *тъ* упогреблялись еще указательные местоимения *онъ*: из грамоты Дана II — онизи паркалаби (В, XVI, 31); из грамоты Влада I — яко оногови чловѣка (В, LVII, 82); из грамоты Владислава Дана — за онизи овци (В, LXVI, 89); из грамоты Влада III — и оне скулица (В, CLXV, 200); из грамоты Раду IV — със оной жину (В, CXCVI, 235); указательное местоимение *овъ*: из грамоты Влада I — овизи зли пенези или медъ (В, XLIV, 67), овзи град (В, LV, 80); из грамоты Басараба II — овъи закон ни съм видел от турцех (В, XC, 117); из грамоты Басараба III — овіа душа (В, CXXVII, 157); из грамоты Влада III — зараді овизи людіе (В, CLXIV, 199); указательное местоимение *съ*: из грамоты Михаила — съмази брашовѣном (В, III, 7); из грамоты Раду II — от сего дне (книжный архаизм — В, IV, 8); из грамоты Дана II — сіязи работа (В, XV, 30); из грамоты Александра — погинѣт сіази землѣ (В, XXIII, 43); из грамоты Влада II — а сези чловѣкъ що ще донестъ сиязи книга (В, LXXIII, 95).

Частица *зи* в валашских говорах получила широкое распространение, что также связывает их с болгарскими говорами и с языком семиградских болгар. Как известно, эта частица не допускалась нормами средневекового болгарского книжного языка. Находим ее в Троянской притче и спорадически еще в нескольких текстах.

Современные болгарские говоры в функции личных местоимений 3 л. употребляют, как известно, основы *тъ* и *онъ*. Первая основа характеризует главным образом восточные говоры, вторая — западные. Среди западных говоров лишь белослатинский, раховский, орханийский, луковитский, плевенский и ихтиманский представляют *тоі*, *тя*, *то*; остальные говоры знают *он*, *она*, *оно* (см. Тодоров, цит. соч., стр. 291). Этот дуализм представляют и македонские говоры (см. Селищев, „Очерки...“, стр. 195). Характерен он был и для валашских говоров XIV—XV вв. Исследуемые нами грамоты указывают, что в функции 3 л. личных местоимений в валашских говорах употреблялись обе эти основы: из грамоты Михаила —

а тои да го таглит прѣд прѣгари (В, III, 8), а тѣ му щѣт платит (там же); из грамот Басараба III — те да купчюет слободно (В, СХХIV, 156), тои не може бит (В, СХХVII, 158); из грамот Михаила — а онѣ да падет тамо (В, III, 7), а онѣ да си бѣе очи (там же); из грамоты Дана — а он да донесет (В, XVIII, 38); из грамоты Влада I — а она е изгорела въса (В, LV, 80); из грамоты Басараба II — они су станули (В, ХCV, 121); из грамоты Басараба III — а они побегоше (В, СХХХV, 167), а он да си платет дижму (М, IX, 10), она ест дѣщи господарска (В, СХХVII, 158), а она ест една ж(ен)а (В, СХХVII, 158); из грамоты Влада III — они уморени све (В, CLII, 185); из грамоты Стойка — а он е остал на трагу та бере воинску (В, ССXLIV, 299).

В косвенных падежах с предлогами в мужском роде употреблялась форма *него*. Под воздействием сербского языка со второй половины XV в. употребляется *нега*: из грамоты Драгомира Манева — слушати от нега (В, ССХХVII, 262); из грамоты Крстияна — и аз посилал една слуга ми до нега (В, ССXLVII, 303).

Уже в среднеболгарских памятниках наряду со старой формой *іего* находим краткую форму *го*. Однако встречается она редко. Даже в Троянской притче явно предпочитают *его*: не храни *его*, нѣ повели да оубиѣтъ *его* (48), и видѣ *его* лѣпа и красна велми (48), и обрѣте *его* овчарь стар (48), краљ не хотѣше *его* пустити и не може *его* удръжати, нѣ поустити *его* в Грѣкы (52) и мн. др. Форму *го* встречаем реже: и приѣста *го* и въведоста въ полатѣ (54), и оумыслити како *го* и расыпати (51), и поврѣже *го* прѣдѣ раломѣ (54), и не смѣ *его* отати, нѣ *го* иза Аякшь (56) и др.

Тексты семиградских болгар подтверждают, что в говорах форма *го* была наиболее обычной: тогоз бог *го* ще блажи (29), коги Іесуса *го* растегнѣха (29), фто *го* либи (28), тука вие *го* щете виде (26), оти бог да не *го* види и некогиш да *го* сокоти (24), фѣф вѣк да *го* фалиме (15) и мн. др.

И в этом пункте валашские грамоты XIV—XV вв. объединяются с теми памятниками, которые свободно отражают народную речь. В них мы находим, как правило, только краткую форму. Однако эта краткая форма имеет двойкий вид — *го* и *га*.

Примеры на *го*: из грамоты Владислава — да го оубіеть (Вен., 6); из грамоты Мирчи — освобождасть го (Вен., 19); из грамоты Михаила I — ако му не би платил от вола, а тои да го тагаит прѣд прѣгари (В, III, 8); из грамоты Дана II — ако го дасте (В, XIV, 29), а тіе го поставлат (В, XV, 30); из грамоты Александра — а віе го пустѣте (В, XXV, 46), того ради го съмъ клеел на вѣрж (В, XXVI, 47), да го веруете (В, XXVII, 48), да му дасте чловѣка добра, да го проводит въ Ораде (В, XXVIII, 48); по скоро да му го вратиш (В, XXIX, 49); из грамоты Албула, ворника Александра — я віе го цѣлуванте (В, ССХ, 250); из грамоты Влада I — како я пустих моего слугу у молдовѣ, а молдовене го ухватишѣ (В, XXXVII, 59), да го не бантоват (В, XLIX, 72), шо го сте ухватили (В, LVII, 82), віе да го опрѣте (В, VIII, 83).

Примеры на *га*: из грамоты Влада II — а віе да га оставете да отиде дома си (В, LXXIII, 95); из грамоты Басараба II — ми щемо га миловат (В, XCIII, 120); из грамоты Басараба III — а ви га храніте у ваше хиже и у вашей место (В, СXXXV, 167); из грамоты Раду IV — тако га прѣдаде (М, IX, 26); из грамоты Драгомира Манева — тако га сте дали Нѣгу (В, ССХІХ, 265); из грамоты Казана, ворника Басараба III — да му га не липсат ни един влас (В, ССXXXI, 286); из грамоты Драгомира Удриште — су га донесли власи (В, ССXXXVIII, 294), из грамоты Стойко, логофета Влада III и Раду IV — по овога чловѣка моего Нанчула, да га донесет (В, ССXLVI, 302).

Легко заметить, что форма *го* характеризует грамоты до середины XV в. Форма *га* является обычной в грамотах, начиная с Влада Цепеша (с 1456 г.) В более древних грамотах

эта форма встречается очень редко, лишь в тех, которые написаны сербским языком (см. в грамоте Александра, изданной Богданом под № XXX). Очевидно, форма *ja* сербская и проникла в язык валашской письменности вместе с сербским влиянием. Следует, однако, отметить, что эта сербская форма утвердилась в славянском языке валашской письменности позже, нежели многие другие сербские особенности.

Известна форма *ja* и современным болгарским говорам. Находим ее во многих селах трнского говора,¹ в Кратовской области Македонии. Очевидно, что это местоимение сербского происхождения: оно встречается лишь в тех говорах, в которых сербский язык оставил глубокие следы. Проф. Цонев в своих университетских лекциях, не отрицая этой возможности, высказывает предположение, что оно могло возникнуть здесь органически.² Несомненно, что появление *a* в этой форме в сербском языке относится к глубокой древности. Но в болгарских говорах эта форма заимствована и сравнительно поздно. Цонев не обратил внимания на то, что в указанных говорах *ja* (*неja*) всегда встречается параллельно с *jo* (*неjo*). „Однако, — пишет Тодоров, — почти все села, где встречаются языковые особенности белог. трнского говора, знают уже, где больше, где меньше формы *неjo*, *jo*“. То же отличает и кратовский говор. Уже самый параллелизм в употреблении этих форм указывает на то, что одна из них является поздней — заимствованной формой. Цонев ссылается на то, что окончание *a* в местоименном склонении три раза (!) встречается в Супрасльской рукописи, а также известно говорам восточной Болгарии (*Ахъ-челебийско*). Первое соображение не имеет никакой доказательной силы. Что касается формы *ja* в родопских говорах, то ее мы находим в тех говорах, в которых известны явления *a* канъя (помацкие говоры в области *Ахъ-челеби*), а эти формы являются энклитическими. В данном случае важно указать, что, согласно наблюдениям проф. Милетича, в большинстве случаев в этих говорах нахо-

¹ Ц. Тодоров, цит. соч., стр. 292.

² „История“, II, стр. 493.

дим *ia* (*neia*), т. е. лабиализованное *a*. Этимологическое *a* в этой позиции не имело условий для лабиализации. Родопские *neia*, *ia* — явление местное, связанное с историей местных говоров и не имеет никакого отношения к западноболгарским соответственным формам.

В дат. п. ед. ч. муж. р. полную форму *нему* и *ему* встречаем очень редко: из грамоты Раду IV — нему и синовем ему (M, IX, 29). Почти всегда как в функции принадлежности, так и в значении косвенного дополнения находим *му*: из грамоты Мирчи — и еще же му прилагам (M, IX, 24); из грамоты Михаила — ако му не би платил (B, III, 7); из грамоты Раду II — да му запрѣтиш (B, VII, 14); из грамоты Дана II — а он да си наидет тогози чловѣка, що му е длѣжен (B, XVIII, 39); из грамот Александра — да му плати богъ (B, XXIV, 44); поскоро да му го вратиш (B, XXIX, 49), да му дасте чловѣка добра (B, XXVIII, 48); из грамоты Влада I — сторѣте да му платит (B, XLVI, 69); из грамоты Басараба II — и веру му дадох (B, XC, 116); из грамоты Басараба III — да му учиним катастих (B, CXXVI, 157); из грамоты Влада III — да му чините сѣд прав (B, CLIV, 187); из грамоты Раду IV — а он му е дал тога слугу ми (B, CXC, 229); из письма одного турка — да му донесем (B, CCXXX, 285). Встречаем местоимение *му* в типичном для новоболгарского языка обороте на месте старого *отъ него*: из грамоты Владислава Дана — мито да му не възмете (B, LXV, 88); из грамоты Влада III — а он му узе г̃ кони (B, CLXV, 200).

В местоимении женского рода ед. ч. так же различаются „полная“ и „краткая“ формы. Краткая употребляется в функции дополнения без предлога: с предлогами употребляется „полная“ форма. Ср. в грамотах Влада I — да ж отнесет у харагиж (B, XXXV, 58), да ж отпроводит (там же), да ж не бантовати (B, LXI, 84); но из грамоты Мирчи — ако бѣдѣт другиж кожж с неж (B, I, 3). Под воздействием сербского языка вместо *ж* встречаем *ю*: из грамоты Басараба III —

а азъ седа да ю купим (В, СХХVII, 158); из грамоты Влада III — понеже ю купи (М, IX, 17) и др.

В вин. мн. употребляется местоимение *их*: из грамоты Михаила — не грабѣте их (В, II, 6); из грамоты Влада I — да их хватаю (В, XL, 63); из грамоты Владислава Дана — да сі их донесѣт (В, LXV, 88), а віе да их донесете тузи (В, LXVI, 89); из грамоты Раду III — да их давате за овцех (В, LXXXV, 110); из грамоты Басараба III — азъ их бих още на Клуж ударил и расипал, али их не знам (В, СХIII, 140), а ви не их оставлѣте (В, СХLV, 176), понеже их даде шура ми жупан Станчул (М, IX, 12); из грамоты Влада III — кто се би покусил бантувати их или забавити их (М, IX, 16); из грамоты Нега — да их извадите от робство (В, ССХХIII, 270). Типичная для новоболгарского языка форма *и* в грамотах XIV—XV вв. не отражена. Находим ее уже в грамотах XVI в.: из грамоты Михаила 1598 г. — и продадоше гі (М, IX, 46).

Форма *тѣхъ*, получившая в новоболгарском языке значение общей „полной“ формы от местоимения *те*, в грамотах употребляется еще в старом значении указательного местоимения: из грамот Басараба III — бантовати тѣх села (М, IX, 13), от тех вапе и от тех блате (М, IX, 11); из грамоты Раду IV — тѣх села и тѣх блатах (М, IX, 26); из грамоты Драгомира Удриште — о тех людї (Е, ССХХХVII, 293). Иногда трудно с полной уверенностью определить его грамматическое значение: ср. из грамоты Влада II — а тех не пращам (В, LXVII, 90). Нужно, однако, обратить внимание на то, что в значении общего падежа с предлогом употребляется не *тех*, а *них*: из грамоты Драгомира Манева — и онзи поп от шкѣи да доиде със них (В, ССХVII, 262).¹ Форма творительного падежа *ними* встречается в наиболее древних грамотах под влиянием болгарского книжного языка (из грамоты Михаила — и живѣте с ними лѣпо и добрѣ — В, II, 7) или в грамотах

¹ Македонские говоры и теперь представляют эту форму *них* (*ниф*) в этой функции: („Очерки“, стр. 198).

второй половины XV в. под влиянием сербского языка (из грамоты Влада III — и друзи хлапови шними — В, CLVIII, 192).

В дат. мн. грамоты пользуются старой формой *им*: из грамоты Мирчи — до где им ест хотар (М, IX, 1); из грамоты Михаила — да им позабавит (В, III, 8); из грамоты Раду II — да им не мислим зло (В, IV, 9), яко да имъ поновим и да имъ утврьдим закони (В, V, 11); из грамоты Дана II — и зло им чинет (В, XVI, 31); из грамоты Влада I — азъ имъ учиних волю (В, LI, 75); из грамоты Влада II — или им даите дукати им (В, LXXII, 94), съга немам дукати да им платим жодъ (В, LXXVII, 99); из грамоты Влада III — да им донесет овнове от молдавской землю (В, CLXXI, 206); из грамоты Драгомира Удриште — азъ му рекох да им платит (В, CCXXXVII, 293). В дальнейшей эволюции это местоимение получило значение „краткой“ формы, а значение „полной“ приобрела форма дат. мн. *тѣмъ*. На основании анализа грамот следует сделать вывод, что в славянских говорах Валахии в XIV—XV в. в этой функции известно было только *им*. Местоимение *тѣм* употреблялось только в своей старой функции дат. п. от указательного местоимения *тѣ* (*тѣи*). Синтаксически оно выступает всегда в роли определения: из грамоты Влада I — ръцѣти темзи прѣкалабом (В, LIV, 78); из грамоты Раду IV — тѣм блатом и грѣлам (М, IX, 9).

При изучении кратких „конъюнктивных“ форм местоимений в грамотах необходимо отметить, что синтаксическое употребление их вполне соответствует нормам современного языка. Так, местоимение найдем между союзом *да* и глаголом: из грамоты Михаила — а тои да го таглит прѣд прѣгари (В, III, 8); из грамоты Дана II — да ма прѣа въ мѣсто (В, XI, 21); из грамоты Александра — поскоро да му го вратиш (В, XXIX, 49), да му плати богъ (В, XXIV, 44), да му дасте (В, XXVШ, 48); из грамоты Влада I — да им гинет (В, LIV, 79), да ни поможете (С, XXV, 26); из грамоты Басараба II — а он да ми купит (В, XCIV, 121); из грамоты Басараба III — да му учиним

катастих (В, СХХVI, 157) и др. Краткая форма будет всегда находиться между личным местоимением в функции подлежащего и глаголом: из грамоты Влада I — азь имъ учіних волж (В, LII, 75); из грамоты Влада III — а он му узе ģ̄ кони (В, CLXV, 200); из грамоты Драгомира Удриште — азь му рекох (В, ССХХХVII, 293). Нередко краткая форма будет стоять между отрицанием *не* и глаголом: из грамоты Басараба III — ви не им платите (В, СXLV, 176).

Двойное приглагольное дополнение

В болгарском языке, как и в других языках „балканского союза“, представлено особое употребление приглагольного дополнения, которое выражается двойными формами местоимений (*мене ме, него го, тям им*) или именем существительным и краткой формой местоимения. Это одна из важнейших синтаксических особенностей болгарского языка.¹ Представлена эта синтаксическая особенность в новогреческом языке, албанском и румынском.² Проф. Младенов справедливо усматривает в этой особенности болгарского языка отражение его аналитического строя (ср. *котката ухапи кучето*, но *котката я ухапи кучето*; в первом случае *котката* — подлежащее, во втором — прямое дополнение).³ Явление это книжному болгарскому языку не было известно до конца XVI — начала XVII в. Лишь памятники новоболгарского языка отражают эту его синтаксическую черту.

В валашских грамотах эта черта выражается в двойном употреблении местоимений: из грамоты Дана Претендента — та ме су молил (и) мене, да имъ давамъ науку (В, LXXIX, 101; *și m'au rugat pe mine să le dau povață*); из грамоты Басараба III — тебе ти се случи та ходиш от руке до руке (В, СХХVIII, 160). Встречаем подобное употребление место-

¹ Младенов С. и Василев С. Граматика на българския език, София, 1939 стр. 355.

² См. примеры в книге Селищева „Очерки по македонской диалектологии“, стр. 254—259.

³ Младенов, цит. соч., стр. 356.

имений редко. Оно противоречило нормам книжного языка и писцы, очевидно, его избегали. Значительно чаще эта синтаксическая особенность проявляется в употреблении при существительных местоимений: из грамоты Раду II — сираком господства ми криво да им не бѣдет (В, VI, 13; *săracilor domniei mele nedreptate să nu le se*); из грамоты Влада I — тогози чловѣка да го не ищем (В, XLVIII, 71); из грамоты Влада II — и книгу господства ми да ю дръжите у вас, та им посочите юнаком (В, LXXVII, 99; *și cartea domniei mele s'o țineți la voiși s'o azărtați voinicilor*); из грамот Раду IV — пишет господство ми вам българем от Брашов (В, CXCIII, 231; *scrie domnia mea vouă Bulgarilor din Brașov*), а то таковому чловѣку да му ѣ съпостатник (М, IX, 26). Встречаем подобное употребление местоимений в 3 л. и при подлежащем. Богдан при переводе этих мест местоимение опускает: из грамоты Влада III — а болѣри они ми се поклонит и сва землѣ (В, CXLIX, 181; *iar boerii și toată țara mi se închină*); из грамоты Стойко — а башаларіе они су отишли съ войсками напред (В, CCXLIV, 299; *iar bașalarii au plecat înainte cu oștile*).

В молдавских грамотах рассмотренное нами синтаксическое явление не отражено. Можно с уверенностью утверждать, что оно отсутствовало в славянских говорах Молдавии.

Совсем иной характер представляет аналогичное явление в великорусских говорах. В. И. Чернышев в своих сведениях о мещовском говоре отметил, что „по отношению к подлежащему нельзя не обратить внимания на нередкие здесь простые предложения с повторенным подлежащим в виде местоимения“¹. Примеры: вино, ина ить крепка; вино, ана ить шибаетъ в голову; шолковое платье, рази он дешево стоить; а ить бабы, они нетерпимые. Здесь двойные формы связаны только с подлежащим и не имеют грамматического значения. После подлежащего наступает пауза, отмечаемая Чернышевым запятой, после которой подлежащее вновь повторяется в виде местоимения.

¹ ИОРЯС, III, 2, стр. 101.

Личные местоимения в функции притяжательных

В целом ряде балканских языков наблюдается употребление личных местоимений дат. п. кратких форм (безударных) в функции притяжательных местоимений. В некоторых из них это проведено чрезвычайно последовательно (например, в современном болгарском языке). Знает эту особенность и румынский язык, в котором, по авторитетному утверждению крупнейших его знатоков, эта черта „a pris une très grande extension“.¹ В других балканских языках это явление выражено не так последовательно. Тем не менее эту черту можно рассматривать как „балканизм“, как одну из характерных черт „балканского языкового союза“, так как ее знают также греческий и албанский языки.

Уже в старославянских памятниках изредка находим на месте притяжательных местоимений краткие энклитические формы дат. п.: друюгъ ми (Зогр. и Мар.), искрвнии ми (в Зогр.; в других текстах — мои).² Встречаются эти новообразования в Супрасльской рукописи: не бы оумръль ми братъ; къде Авель, братъ ти; почти си старость и нек. др.³ Еще чаще встречаем их в среднеболгарских памятниках (ср. в Троянской притче — отъць ти есть Прѣмоушь краль (50) и другие аналогичные примеры). Однако не только в старославянских памятниках, но и в среднеболгарских подобные примеры встречаются случайно. Очевидно, что эта черта живого языка в письменный литературный язык не допускалась. Проникала она случайно, по недосмотру, вопреки нормам книжного языка. Наличие же этой черты в живом языке подтверждается тем, что она отражена, во-первых, памятниками старой письменности, а во-вторых, данными языка семиградских болгар. В живом языке северо-восточной Болгарии XIII в. эта особенность представлена была в полной мере: бънде роден из ма-

¹ Kr. Sandfeld et H. Olsen, *Syntaxe roumaine*, I, *Emploi des mots à flexion*, Paris, 1936, p. 115.

² Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*, s. 602.

³ Атанасова, Изрази за притекание в българския език, стр. 343.

терни ми труп (8) божа бесяда му са хирдетува (11) труп
храна му (11) и душа ми собира (15) фъф смърт си са расте-
гнал (15), смъртта ти си бирувал (18), и многа кривина си
патил (20), бог ни е пустил једен остър прънт (33) и мн. до.
Ета черта живого болгарского языка находит последовательное отражение в Болгарии лишь в дамаскинах.

И в этом пункте валашские грамоты XIV—XV вв. дают более ценный материал для истории живого языка, нежели современные им памятники Болгарии. Они впервые в истории славянской письменности последовательно отражают эту черту живого языка.

Примеры: из грамоты Александра — сѣ молитвѣ господина
ми краљъ (В, XXII, 42); из грамоты Басараба II — и съ родител
ми (В, CI, 126); из грамоты Басараба III — и по том си послал
вернога слуга господства ми Опрѣ (В, CXXXV, 167), понеже
их даде шура ми жупан Станчул и сестра ми Анка (М, IX, 12);
из грамоты Крстияна — тако сѣм и аз посилал една слуга ми
до нега (В, CCXLVII, 303).

Из грамоты Влада I — всьелюбезни брат господства ти
(В, LIII, 77), господству ти (там же); из грамоты Дана Пре-
тендента — да узимать ти добитокъ (В, LXXIX, 101); из гра-
моты Басараба III — и ниское поклонение приносим господству
ти... синь господства ти (В, CXVIII, 145).

Из грамоты Александра — да му... пѣс женѣ и матере му
(В, XXIII, 43); из грамот Влада I — и главу му хтеть възеть
(В, LII, 76), да го сѣт убиле и взеле и добиток му (В, LVI,
81), из грамоты Басараба III — и със господина му Лаиота
(В, CXXIII, 152); из грамот Влада III — и жительнице му Маріа
(М, IX, 18), и от сина му (М, IX, 19), жупану Станко логофету
съ деца му (М, IX, 19); из грамоты Раду IV — редом със
сину му (М, IX, 23), а жена и деца му су остали живи
(В, CXCIV, 234), съ брат му (М, IX, 24), Иван и дъщере му
Стана (М, IX, 28), и внучета му и превнучета му и варе кому
си от них случит прежде съмрътъ (М, IX, 24).

Из грамоты Влада I — рѣч господина ни (В, XLVII, 69); из грамоты Басараба III — до приятелства ви (В, CXV, 143), съ честию до господство ви (В, CXI, 138).

Из грамоты Влада II — или им дайте дукати им (В, LXXII, 94); из грамоты Раду III — и узел(и) им сте кони (В, LXXXV, 110); из грамоты Басараба III — и съ синове им (М, IX, 14), понеже покупише отъ баща имъ (Вен., 111); из грамоты Раду IV — и съ децам им (М, IX, 23), учините над главе им (В, CLXXIX, 228).

Возвратное местоимение. Из грамоты Дана II — граждѣны сиа от главы си (В, XV, 30); из грамот Влада I — и даде си главу (В, LI, 75), и главѣ си полагам (В, LVI, 81), да си душѣ не загубите (В, LVII, 82); из грамоты Владислава Дана — съ синови си (М, IX, 7); из грамоты Влада II — а вие да га оставете да отиде дома си (В, LXXIII, 95); из грамоты Басараба II — да доидут на комати си (В, XCIII, 120); из грамот Басараба II — Мирчѣ съ децами си (М, IX, 12); и пак сте ухватили поп със синове си от Зърнец (В, CXXII, 151), от закон си (В, CXXIII, 152); из грамоты Раду IV — та си уложи дъщере си Стана (М, IX, 28). Притяжательное местоимение *свои* встречается в грамотах очень редко (из грамоты Александра — съ своими главами — В, XXIII, 43).

Следует непременно отметить, что в валашских грамотах употребление „кратных“ форм местоимений в функции притяжательных местоимений вполне соответствует употреблению их в новоболгарском языке. Так, обычно энклитическая форма непосредственно следует за определяемым словом: *сестра ми Анка, слуга ми, господства ти, добиток му, съ брат му, баща им, съ децам им, от главы си* и т. д. (примеры см. выше). Болгарские книжники конца XVIII — начала XIX в. (например, Кирилл Пейчинович) часто писали эти краткие местоимения вместе с определяемым словом: *майкаму* (см. Селищев, „Очерки по македонской диалектологии“, I, стр. 202). Энклитическая форма находится перед

определяемым словом в том случае, если будет употреблено прилагательное (*майка му, но хубавата му майка*). Эта черта новоболгарского языка в грамотах не отражена. Находим, однако, энклитическую форму перед определяемым, если она следует непосредственно за глаголом, что, несомненно, отражает живые славянские говоры (ср. — и даде си главу, но и главу си полагам; да узимать ти добиток, но синь господства ти).

В полном согласии с современным болгарским синтаксисом принадлежность выражается притяжательными местоимениями, если на форму принадлежности падает логическое ударение. Поэтому особенно часто притяжательные местоимения находим в начальной части грамот, которая представляет собой обращение (*мои добре приятели*), в тех случаях, когда особенно подчеркивается принадлежность (ср. понеже мои сиромаси не могѣт хранити сѧ слободно).

Примеры на употребление притяжательных прилагательных: из грамоты Александра — моим пріателѣм и братіам (В, XIX, 40); из грамоты Влада I — я без оставил мое слуге (В, XL, 63), кажѣте ми, коеа ради вины мои сиромаси гинѣт (В, LIV, 78), понеже мои сиромаси не могѣт хранити сѧ слободно от тѣзи прѣкалаби от тогози града (там же), моему добру чловѣку (В, LVI, 81); из грамоты Владислава Дана — азь мое не щѣ оставит с моом главом (В, LXIII, 86), и ж пушат да ми възмет моа права очина и моа земляца (там же); из грамоты Влада II — и въсем моим пріателем от Брашов и от Бръса (В, LXXVI, 98); из грамот Радуги III — понеже ви просим како мои пріатели (В, LXXXI, 105), и ваше оу мое земле слободно, где любе (В, LXXXIII, 108); из грамот Басараба II — да доидет съ моем чловѣком (В, XC, 116), и съ моем чловѣком послах и вашего чловѣка (там же), мои добри приятели (В, XCVII, 123); из грамот Басараба III — далеко да ест от мою душу (В, CXXI, 150), със мои съвѣт и със мое знаніе (В, CXXIII, 152); из грамоты Влада III —

како моим (sic!) добри приятели (В, CLXV, 200); из грамоты Раду IV — със мою главу (С, VII, 8).

Из грамоты Г. Ласкара — давам на твоа рѣкъ (В, ССХІІІ, 255).

Из грамоты Басараба II — а Стефан воивода идет съ вѣсьми неговѣми воиске у нашега помоща (В, LXXXVII, 113); из грамоты Басараба III — негово господство их изваді от смрѣти (В, СХХVII, 158); из грамот Раду IV — негове куке (С, VII, 8), без негову волю и без негово знаніе (В, СХС, 229). В отличие от „валашской“ формы *негов*, характеризующей живые болгарские говоры, в молдавских грамотах найдем в этом значении *его*. Представлена в валашских грамотах XV в. так называемая новоболгарская форма жен. р. — *нейн, найна*: из грамоты Раду IV — и съ нейни синови (М, IX, 29).

Из грамоты Александра — съ своиими главами (В, ХХІІІ, 43); из грамоты Басараба III — от свою волю (В, СХХХV, 167).

Из грамоты Влада I — и да се хранат слободно и ваши и наши, и само и тамо (В, LIV, 78); из грамоты Владислава — по грѣсѣх наших (М, IX, 7); из грамоты Влада II — овизи наши людіе (В, LXXII, 94); из грамот Басараба III — съ великом куплу у нашу землю (В, СІХ, 136), по нашех людіе (В, СХІІ, 139), от руку нашему вражмашу (В, СХХVІІІ, 160); из грамот Влада III — из даді наше волю (В, CLXII, 197), ере послахмо верна слуга наша Шимон (В, CLXIII, 198); из грамот Раду IV — послахмо нашега слуга Албу (В, ССІV, 243), смо послали наша слуга Онча (В, ССV, 244), от наше съвѣт (С, XII, 12), великаго предеда нашега іо Мирча воивода (М, IX, 30).

Из грамоты Раду II — въ земи вашей (В, IV, 9); из грамоты Дана II — и със вашѣ вола (В, XV, 30); из грамот Александра — на ваших главах (В, ХХІV, 44), нека да доходят и ваши люде zde (В, ХХV, 46) от ваших рѣках (В, ХХVІ, 47); из грамоты Влада II — да ходет и ваше люде въ нам куповати (В, LXXI, 93); из грамот Басараба III — да идет със вашега чловѣка (В, СХVІІ, 144), що ест у куке ваше (В, СХХХІІІ, 164),

от ваше главу (В, СХХХV 167); из грамот Влада III — от ваших людѣ (В, CLVII, 190), и по вашему волю (В, CLIX, 193); из грамот Раду IV — ну чему узете от вашего чловѣка (В, CLXXXI, 217); из грамоты жупана Нега — у ваших руках и у ваших кѣщи (В, ССХХIII, 270), да вашему месту и граду зло да не будет (В, ССХХIV, 273).

В 3 л. мн. ч. в функции притяжательных местоимений выступает местоимение *них, нихни, нихна*, нашедшее отражение в грамотах с конца XV в.: из грамоты Раду IV — а они дадоше стому монастыру них делове (М, IX, 22). Чаще встречается эта форма в грамотах XVI столетия.

Итак, валашские грамоты XIV — XV вв. принадлежность выражают теми же средствами, что и современный болгарский язык. Валашский книжник различает сестра ми и моа земляца, да узимат ти добитокъ и давам на твоа рѣж, дѣщере му и негово господство.¹ Различает он это тонко, для него это особенность живая, он ее чувствует так же хорошо, как и современный болгарин. Эта особенность могла быть лишь особенностью его родного языка, так как из болгарской книжности он почерпнуть ее не мог: уже выше мы отметили, что в среднеболгарской письменности она отражена случайно. Этим объясняется, почему в валашских церковных и литературных памятниках принадлежность всегда выражена притяжательными местоимениями (например, в наказательном слове Негоя). Несомненно, что употребление в грамотах кратких форм личных местоимений в значении притяжательных противоречило нормам книжного болгарского языка XIV — XV вв.: оно возникло под влиянием живых славянских говоров Валахии, которым это явление было хорошо известно.

¹ В своих переводах валашских грамот на румынский язык проф. Богдан этой особенности их языка не передает. Ср. — и на душе ми — și pe sufletul meu (СХХLVII 303), господство ви — domnia voastră (там же), до приятельство ви — la prietenia voastră (СХV, 143). Существенные различия славянского текста в румынском переводе нивелированы (ср. в грамоте ХХIII — за моѣ невола и господина ми краљъ переведено одинаково: *de nevoea mea и domnului meu craiului*).

Славянские говоры Молдавии его не знали. Встречается оно редко в грамотах Стефана Великого в штампе господство ми: и за здравие кнегины господства ми (9 июля 1466 г.), оже произволи господство ми (там же), и заплатих азъ господство ми (17 августа 1488 г.). Укажу еще пример из грамоты от 18 июля 1470 г. — прѣвъзлюбленаго ми сына Алезандра. Живые словосочетания этой особенности не знают. В одной из грамот Стефана Великого от 16 января 1491 г. находим — коли ему погорил дом. Этот очень редкий пример для молдавских грамот, может быть, отражает живые особенности каких-то славянских говоров Молдавии, тем более, что это явление известно восточнославянским языкам. Но он резко отличен от соответствующих форм валашских говоров, в которых будет представлена краткая форма местоимения (т. е. *му*, а не *ему*), которая в данном предложении обязательно будет следовать за подлежащим (т. е. за словом *дом*). Обычно же в молдавских грамотах найдем — и сынъ его пан Мирза (18 июля 1470 г.), кръвь его на них и на чадѣх их (10 апреля 1458 г.), его урадника (12 апреля 1458 г.), ему и женѣ его Чьрнѣ (8 августа 1461 г.), и сын его Петраш и жони их, дѣти их... и мати их (13 февраля 1458 г.), братиамя их и оунучатом их и праоунучатомъ их и въсему роду их (26 октября 1458 г.), и зат их Ивашко Витолтескоул (там же). Аналогичные примеры в валашских грамотах очень редки: кръв его на нас и на чедѣх их (формула клятвы В, ХСІ, 118), да дасте тѣзи добиток въ рѣдѣ его (В, L, 74).

Вопросительные местоимения

Вопросительное местоимение *кто* встречается главным образом в древнейших грамотах: из грамоты Мирчи — еще же кто са щет покусит (В, I, 4); из грамоты Дана II — кто що любит (В, XVIII, 38), и кто ест дльжен (В, XVII, 32). И в этих грамотах *кто* встречается редко. Думаю, что оно заимствовано из книжного языка. Значительно чаще в древнейших грамотах находим *хто*: из грамоты Михаила — хто да не смѣет ни слов(о)

реши (М, IX, 5); из грамоты Раду II—и хто носит шапки фрѣшскіѣ (В, V, 11); из грамоты Дана II—хто любит да купчува (В, XIV, 29); из грамоты Влада I—хто доидет (В, LVIII, 83). Ср. также в отрицательном местоимении *никто* (В, V, 11); из грамоты Басараба III—а от турци никто да се не боит (В, CVII, 134). Еще чаще в грамотах первой половины XV в. находим в этой функции *кой*, характеризующее современные болгарские говоры: из грамот Мирчи—от конѣ кои купит (В, II, 3), кои поминуѣт с рибѣ (там же), кои товарен бѣди (там же); из грамоты Дана II—и еще же кои си дават добитокѣ (В, XI, 22). Несомненно, что в народных говорах Валахии это были самые обычные формы вопросительного местоимения. Часто употреблялись они в функции относительных местоимений (ср. в грамоте Раду II—коник, кои минет мимо Турчѣ—В, V, 11). Известно грамотам „новоболгарское“ относительное местоимение *който*: из грамоты Дана II—и който ходат на купла (В, X, 19). С середины XV в. широкое распространение получает сербское местоимение *тко*: из грамоты Д. Манева—или буди тко (В, ССХІХ, 266). В косвенных падежах последовательно различаются формы винительного и дательного пп.: из грамоты Влада—ніе кого вадил (В, LVII, 82); из грамоты Мирчи—бѣди да ест кому либо милость дадена (В, I, 4); из грамоты Басараба III—а кому се щет учинит (В, СХХVI, 156); из грамот Раду IV—и кому буде он благоволил (М, IX, 27), кому си от них случит прежде смъртъ (М, IX, 24); из грамоты Синадина—нѣст имал господинѣ воевожа кому да говорит (В, ССХХХІІІ, 288). Другие формы косвенных падежей в живом языке отсутствовали; они выражались сочетанием предлогов с формой вин. пад. Формы твор. и других падежей часто употреблялись писцами ошибочно.

Неопределенные местоимения

Из грамот Дана II—и да се не боит нищо (В, XVІІІ, 38), от кожуси и крезнах нищо (В, XVІІІ, 36), от шапках и калцах нищо (В, XVІІ, 32).

Из грамоты Александра — да доидет без никоѡ грижлѡ (В, XXVI, 47); из грамоты Влада I — нѣкоя рѣч (В, XLVII, 69); из грамоты Басараба II — хтет имати некою работу или некою неволю (В, XCI, 118); из грамот Влада III — и намериши су некое жене сироте (В, CLVIII, 192), нѣки татие (В, CLIV, 187); из грамоты Раду IV — купити некои кокуси (В, CCIII, 242).

Прилагательные

Употребление в грамотах прилагательных на многочисленных примерах подтверждает, что в языке писцов и эта грамматическая категория не имела падежных форм. Прилагательные согласовывались с именем в числе и почти всегда в роде. Падежные же отношения выражались теми аналитическими средствами, о которых подробно говорилось в пятой главе. Писцы, однако, старались пользоваться падежными формами, так как стремились писать согласно нормам книжного языка. В данном случае это им еще меньше удавалось, нежели в передаче именных падежных флексий, так как умелое пользование местоименными флексиями в прилагательных требовало от писца еще большей выучки. Неуверенность писцов в передаче косвенных падежей прилагательных приводила к многочисленным противоречиям: ср. в грамоте Владислава — а въ бѣдѡщихъ вѣцѣ (М, IX, 7); в грамоте Басараба II — а въ бѣдѡщаго вѣцѣ душеѡ (В, XCI, 118); в грамоте Влада III — а въ бѣдѡщихъ вѣцѣ (М, IX, 17). Чаще всего склоняемые формы прилагательных находим в титульной части грамот: вѣсеи земли угровлахискон, господинѣ влашкой земли, вѣсеѡ землеѡ оугровлахийнскоѡ, облажаѡщу ми и господствуѡщу ми вѣсеи земли Угровлахи и т. д.; в цитатах из церковных книг — трудолюбоствовавшихъ и съпослуествовавшихъ; в трафаретных штампах — великаго предеда нашего ю Мирча воиводе, синѣ добрааго Влад воиводе, до великаго дворника, въ мѣсто вѣрнаго си слугѡ. Подобные примеры чаще всего находим в древнейших грамотах, когда еще сильны были книжные традиции среднеболгарской поры. Отражается влияние сербской орфографии и в прилага-

тельных: из грамот Александра — одъ воеводе влашкога (В, XXX, 49), да сѣт взели кони из моего двора (В, XXIV, 45); из грамоты Раду IV — послахмо нашего слуга Албу (В, CCIV, 243).

В свободных словосочетаниях в грамотах находим неизменяемую по падежам общую форму прилагательных. Нужно указать, что местоименное прилагательное находим в мужском роде при суффиксе *ски*: из грамоты Мирчи — да си постават чѣка да събират доход монастырскы (М, IX, 1); из грамоты Драгомира Удриште — ну ме посилате да ме судит прѣгармещер сибинскйи (В, CCXXXVI, 291). В женском роде местоименная форма встречается очень редко: из грамоты Дана Претендента — и до вы имамо великаа милость (В, LXXVIII, 100). В большинстве же случаев найдем для всех родов именную форму прилагательного, что вновь подтверждает тесную связь говоров валашских с собственно болгарскими говорами: из грамоты Мирчи — от монастырска блата (М, IX, 1); из грамоты Владислава Дана — может мѣ разлѣчит от вас велика неволѣ (В, LXIII, 86); из грамоты Басараба II — и послали ми сте книга кралева (В, С, 125); из грамот Басараба III — да ми купите две люлке, али да су голѣми и хубаве (В, CXXXVII, 170), без волѣ монастырска (М, IX, 10), една слуга господска (М, IX, 13); из грамот Влада III — да му чините сѣд прав (В, CLIV, 187), до велик день (В, CLXI, 196); из грамоты Раду IV — ми найдете един кон велик и хубав (В, CLXXVIII, 212); из грамоты Койка — въ голѣмѣ грижѣ ма унесосте (В, CCVI, 247) и мн. др. Иногда встречаем склоняемую именную форму прилагательного (чловѣка добра, по влашке земле). Несомненно, что эти единичные случаи не отражают живого произношения писцов.

Сравнительная степень

В новоболгарском языке, как известно, утрачена старая синтетическая форма сравнительной степени. Начиная с первых памятников новоболгарского языка, находим только аналитическую форму, распространенную ныне на всей территории

болгарских говоров. Аналитическая форма впервые отражается в Троянской притче, где, наряду со старыми формами, находим и новые: коя есть от вас лѣпшаа: коя есть от вас полѣпшаа — коа е наилѣпѣшиа, наилѣпшаа; — коа есть наилѣпа от васъ; коа е наилѣпа въ всѣхъ грѣѣхъ; да не бѣдетъ чѣкъ побогать от тебе... похрабер от тебе, поскоро.¹

Данные валашских грамот для изучения этого процесса представляют большую ценность. В этих грамотах последовательно представлена аналитическая форма. Примеры: из грамоты Михаила — помного (В, II, 7); из грамоты Раду II — помного да не бѣдет (В, VI, 13); из грамоты Дана II — да възмет вамъ повыше (В, X, 20), помного да им не възмете... от конѣ потоварена (В, XII, 27), да дасте кумеркъ долу послабо (В, XIII, 28); из грамоты Александра — да поскоро дениж и ноциж да спѣшите (В, XX, 41), и вам щет бити позлѣ (там же), елате поскоро (В, XXI, 42), поскоро да му го вратиш (В, XXIX, 49); из грамоты Влада II — а повыше ништо да им не смѣет дигнути вами (В, LXXIV, 96); из грамоты Дана Претендента — а ви чу бити и подобрь (В, LXXX, 103); из грамоты Басараба II — и да будет и вам подобре и польсно (В, XCIX, 125), по ефтино (там же); из грамоты Басараба III — да не ходет помежду вас по много (В, CXII, 139), ере су поголеми ваши вражмаши (В, CXXI, 149), подобро би било (В, CXXII, 151); из грамоты Влада III — поболе (В, CLVIII, 192); из грамоты Казана — како знате поскоро (В, CCXXXI, 286). Встречаем аналитическую превосходную степень: из грамоты Александра — що можешъ наискоре (В, XXX, 50); из грамоты Влада I — колко можете наинмого (В, XXXIX, 62).

Старые синтетические формы степеней сравнения в живом языке, несомненно, отсутствовали. Не употреблялись они и в языке грамот. (Могу указать лишь редкие примеры в грамоте Влада II — старѣшии брат (В, XXI, 93); в грамоте Койка — ваш менши брат (В, CCVI, 247).

¹ Младенов, Geschichte, S. 246.

Эти примеры важны не только для истории сравнительной, степени в болгарском языке. Ценность их состоит еще и в том что они убедительно свидетельствуют о принадлежности славянских говоров Валахии к болгарским говорам, а не к сербским. Свидетельствуют они также и о том, что родным языком валашских писцов был язык славянский. Из среднеболгарского письменного языка заимствовать аналитичные формы сравнительной степени писцы не могли, так как среднеболгарские памятники пользовались старой формой, которую мы найдем и в валашских церковных памятниках.

Одна из характерных особенностей новоболгарских аналитических степеней сравнения состоит в том, что приставки — *по*, *най* могут употребляться не только при прилагательных, но и при существительных и при глаголах (*по-юнак*, *по-обичам*, и т. д.).¹ Следы подобного образования находим уже в валашских грамотах: из грамоты Басараба III — наидворяинъ (Вен., 122); из грамоты Раду IV — наизло и страшно и горко (В, CLXXXIX, 227).

В славянских говорах Молдавии аналитической формы степеней сравнения не было. Редко встречающиеся примеры в молдавских грамотах очевидно валашского происхождения.

* * *

Аналитический строй именного и местоименного склонения современного болгарского языка уже давно привлекал к себе внимание исследователей. Многие лингвисты полагали, что переход от синтетического к аналитическому типу склонения вызван был фонетическими процессами во флексиях, которые привели к совпадению, а затем и смешению различных падежных окончаний. Другие отдавали предпочтение влиянию того этнического и языкового субстрата, на котором возникли современные балканские народы и их языки. Наконец, совсем недавно, в 1945 г., академик Н. С. Державин высказал мысль,

¹ Beaulieu x, Grammaire de la langue bulgare, p. 73—74.

что аналитический тип новоболгарского языка является архаической его чертой, а не представляет перехода от синтетизма к аналитизму: „В сравнении с русским языком современный болгарский язык отличается архаичностью своего лексического состава и грамматического строя. Он не знает, например, склонения, т. е. изменения слов по падежам, и для выражения падежных отношений пользуется различными предлогами“.¹ При современном состоянии науки о болгарском языке вопрос об его аналитизме не может быть решен окончательно. Необходимы разыскания и новые материалы. Однако можно смело утверждать, что фонетические процессы не сыграли той роли в истории склонения, какое им придавали Милетич, Цонев и другие, и что аналитический строй характеризовал болгарские говоры в глубокой древности. Еще в 1869 г. В. И. Ламанский указал, что древнеболгарские говоры должны были отличаться значительной дробностью. Солунский говор представлял лишь один из говоров этого языка, отличавшийся от говоров северо-восточной Болгарии: „Словом, невероятно, что наречие, которым чисто беседовали солуняне, в совершенстве владели св. Кирилл, Мефодий и их деятельный ученик и продолжатель св. Климент, было совершенно тождественно с наречием, господствовавшим при болгарском дворе Бориса и покровителя славянской письменности царя Симеона“.² Дальнейшие изучения все больше и больше подтверждают предпо-

¹ „История Болгарии“, I, 1945, стр. 222.

² Ж. М. Н. П., 1869, январь, стр. 125. Исходя из аналогичных предположений, проф. В. Н. Щепкин писал: „Болгарские филологи... часто исходили из априорного допущения, что старославянский язык есть прямой предок новоболгарского. Таким образом, для них то самое являлось бесспорным основанием их дедуктивных операций, что для славистов русских и западных было лишь возможным конечным выводом индуктивного исследования. Известно, что итог этого последнего звучит несколько иначе: старославянский язык не есть язык древнеболгарский (в смысле родоначальника современных болгарских наречий), а одно из наречий этого языка, уже в древности обладавшего поразительным диалектическим расчленением“ (Болонская псалтырь, СПб., 1906, стр. IV). Ср. аналогичное заявление в статье В. Облака „Няколко бележки върху старославенските паметници“ (СБНУ IX, прим. на стр. 3).

ложение русского слависта. Так, изучение чергедских молитв показало, что народные говоры северо-восточной Болгарии во второй половине XIII в. представляли важнейшие особенности „новоболгарского“ языка и в том числе его аналитизм. Исследование валашских грамот XIV—XV вв. то же самое подтверждает в отношении славянских говоров Валахии XIV—XV вв. Книжный язык в Болгарии был очень консервативен, но даже памятники средневековой письменности иногда свидетельствуют, что родной язык писца был очень далек от письменного языка, что выражается, между прочим, в ошибочном употреблении падежных флексий. Отдельные примеры подобных ошибочных написаний нами указаны в пятой главе.

О глубоких различиях в системе склонения в древнеболгарском языке говорят данные современной болгарской диалектологии. Так, в южных болгарских говорах наблюдается значительно больше элементов синтетического склонения, нежели в северо-восточных говорах. Уже давно, в самом начале своей ученой деятельности, проф. Милетич опубликовал работу „Старото склонение и днешните български наречия“, в которой поставил задачу изучения всех элементов синтетизма в современных говорах.¹ Эта работа была выполнена Милетичем неудовлетворительно, и проф. Цонев с полным основанием назвал ее „маленьким палеонтологическим музеем из старой болгарской морфологии“ („Български преглед“, III, стр. 84). Автор для каждой формы приводит примеры из всех говоров. Поэтому не было показано различия между говорами. Однако в своих более поздних работах по восточноболгарской диалектологии Милетич это различие показал вполне убедительно.

Идеи о внутреннем распаде синтетического склонения в связи с фонетическими изменениями флексий получили широкое распространение в трудах болгарских лингвистов. В „Старото склонение и днешните български наречия“ Л. Милетич, собрав значительное количество окаменелых падежных форм по говорам, стремился доказать, что падение синтетического строя не есть результат влияния иной языковой системы. Позже к этому вопросу проф. Милетич возвращался

¹ „Сборник за народни умотворения“, II, стр. 226.

постоянно как в специальных исследованиях, так и попутно в различных статьях и рецензиях. „Переход от среднеболгарского к новоболгарскому языку мы принуждены толковать как органическое (разрядка наша. — С. Б.) продолжение в развитии среднеболгарского языка, не обращая внимания на те теории, которые только предполагают, что фракоилирийский язык был причиной этой перемены“, — пишет Милетич.¹ Этой концепции Милетич остался верен до конца жизни.

Важнейшим фактором, который вызвал падение именного склонения в среднеболгарский период, по мнению Милетича, был процесс в области носовых гласных, т. е. так называемая среднеболгарская мена юсов. Не будем приводить всю аргументацию автора, она хорошо известна. Обращаем внимание лишь на то, что среднеболгарская мена юсов охватила только важнейшие случаи склонения слов женского рода основ на *a (ja)*, почти не отразившись на всех других склонениях. Но даже и в основах на *a (ja)* эта мена не привела к полному совпадению флексий. Милетич должен признать, что дательный и местный падежи мягких основ (*земи*) „могли противостоять аналогическому выравниванию с общим падежом“.² Проф. Цонев, последовательный сторонник органического падения синтетического строя в болгарском языке, так как „изменение форм зависит от двух причин: от изменения звуков и от действия аналогии“,³ не может в защиту своих воззрений представить более убедительную аргументацию. Так, в склонении слова *воля* в ед. ч. он вынужден признать наличие в среднеболгарском периоде трех различных флексий: им., р., в., зв. — *воле*; д., м. — *воли*; тв. — *волѣ*. В склонении *душа* — четыре флексии: и., р., в. — *душа*, д., м. — *души*, зв. — *душе*, тв. — *душѣа*. Вспомним, что в современном чешском синтетическом языке *vůle* и *duše* имеют лишь три падежных флексии. Л. А. Булаховский уже давно справедливо указал, что в чешском языке наблюдались не менее неблагоприятные

¹ „Сборник за народни умотворения“, IX, стр. 286.

² Там же, стр. 291.

³ Цит. соч., стр. 445.

условия для фонетического смешения падежей, однако, это не привело к падению синтетического строя в нем. „Я не решился бы, однако, признать за такого рода явлениями (фонетическое совпадение различных падежей и аналогии. — С. Б.) решающую роль, определяющую переход к аналитическому строю: например, не менее неблагоприятные для различения флексий, чем в болгарском языке, фонетические законы чешского ничего направленного к выработке аналитического склонения в нем не вызвали“.¹ Чешский язык, как известно, до сих пор сохраняет все семь падежей старого славянского склонения.

Старые идеи Милетича и Цонева живы в современной Болгарии. В своей „Истории болгарского языка“ проф. С. Младенов повторяет, что высказано было его учителями.² На той же позиции стоят многие молодые болгарские лингвисты. Так, Кирилл Мирчев пишет: „Распадение категории склонения действительно объясняется особым развитием староболгарских гласных, которое привело к их фонетическому выравниванию, а в результате этого к полному смешению падежных флексий, конечным результатом чего явилось появление общего падежа в именах“ („Към историята на инфинитивната форма в българския език“, „Годишник на Софийския университет“, кн. XXXIII, 12, 1937, стр. 4). Автор резко выступает против тех, кто пытается объяснить характерные новообразования в болгарском языке влиянием чужих языков (стр. 3).

Уже давно в науке было показано, что совпадение падежей никогда не может привести к утрате синтетического строя. Нам хорошо известно, что р. ед. и д. ед. *матери* в русском языке так же отчетливо дифференцируется, как р. ед. *отца* и д. ед. *отцу*. Свое грамматическое значение форма получает в предложении. Многие из падежей (например, родительный) в славянских языках имеют разнообразные функции (ср. — *воды* было достаточно, нет *воды*, принеси *воды*, вылез из *воды*). Общность формы, однако, никогда не мешает разграничению

¹ „Падение синтетического склонения в болгарском языке“, „Наука на Украине“, № 4, 1922, стр. 323.

² „Geschichte d. bulgar. Sprache“, S. 111, 112.

этих функций в живой речи, так как последняя располагает достаточным количеством средств для подобного разграничения. „Падеж в системе имен существительных, — пишет академик В. В. Виноградов, — это не только „форма словоизменения“, но и грамматико-семантический фокус, в котором пересекается и объединяется множество грамматических категорий“¹.

Концепция болгарских лингвистов игнорирует реальные исторические условия, в которых развивались и жили болгарский народ и болгарский язык. Академик Н. С. Державин справедливо спрашивает: „Куда же девалось огромное массовое дославянское его (Балканского полуострова. — С. Б.) население: фракийцы, македоно-эпироты и иллирийцы? Они не все же были истреблены римлянами и не все же были романизованы?“² В состав болгарского народа вошли разнообразные этнические элементы. Славяне поглотили автохтонное фракийское население Балканского полуострова. Позже в его состав влились племена различного происхождения. Все эти общеизвестные факты неопровержимо свидетельствуют, что славянский язык на Балканском полуострове не мог не испытать влияния со стороны языков неславянских. Это общее соображение подтверждается как нельзя лучше тем, что все важнейшие черты болгарского языка находят полное соответствие в тех языках, которые современные балкановеды включают в „балканский языковый союз“. С другой стороны, все эти новообразования изолируют болгарский язык от других славянских языков, придают ему облик, не свойственный этим последним. Вот почему идеи Милетича, Цонева и других не получили значительного распространения за пределами Болгарии. Большинство славянских и западноевропейских балкановедов (Вейганд, Сандфельд, Скок, Селищев, Державин, Гавранек и мн. др.) говорят об общем источнике всех важнейших новообразований в балканских языках и о необходимости их сравнительного изучения.

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, II, 1938, стр. 107.

² „Древние фракийцы и славяне“, ИАН, 1944, т. III, в. 2—3, стр. 61.

Итоги нашего исследования в самой общей форме могут быть сформулированы следующим образом.

1. Славянские говоры Валахии (Большой и Малой) принадлежали к той же группе славянских говоров, что и говоры Мизии, Фракии, Македонии, Греции, южной и центральной Албании. Близкая этническая связь дакийских славян с болгарскими племенами подтверждается анализом славянских элементов в современном румынском языке (точнее, в валашских говорах румынского языка).

2. Носители романской языковой традиции появляются в Валахии значительно позже славян. Современная наука ничего не знает о существовании романского населения в Валахии между III и XII вв. н. э. С появлением в Валахии старого валашского населения, этническая основа которого может быть была кельтской, начинается продолжительный процесс скрещивания местного славянского и пришлого романского элементов, который в главных чертах заканчивается к XVI в. До этого времени в различных местах Валахии сохранялись еще славянские говоры, носители которых в XIV—XV вв. были уже двуязычными.

Из местной славянской среды в это время вербуются писцы-логофеты для канцелярий господарей, монастырей и частных лиц.

3. Славянский церковный язык Валахии был заимствован из Болгарии вместе с церковным обрядом и церковной письменностью. Он характеризовал особый валашский извод среднеболгарской письменности. Для истории народного языка эта письменность дает очень мало.

4. Иначе шло формирование канцелярского языка. В этой функции, начиная со второй половины XIV столетия, употреблялись два языка: латинский и славянский. Латинская дипломатика Валахии была тесно связана с латинской дипломатикой Венгрии. С ней же была связана и славянская дипломатика Валахии. Связь эта выражалась как в стилистических особенностях грамот, так и в специальной терминологии. В то же время валашские славянские грамоты сильно отличались от болгарских

и восточносербских как в языковом, так и в стилистическом отношениях.

5. Древнейшие славянские грамоты Валахии на многочисленных примерах подтверждают, что писцы их плохо знали книжный славянский язык, т. е. валашский извод среднеболгарского языка. Они старались писать на нем, следовали некоторым орфографическим правилам, но делали это непоследовательно, часто ошибались, отражая черты своего родного славянского языка. Именно поэтому славянские грамоты Валахии XIV—XV вв. впервые отражают многие особенности живых говоров. Эти грамоты подтверждают, что в народных говорах в XIV—XV вв. был аналитический тип склонения, получили широкое развитие конструкции с союзом *да*, шел активный процесс утраты инфинитива, представлены были двойные формы приглагольного дополнения и многие другие черты, характеризующие современный болгарский язык.

6. С 20-х годов XV в. обнаруживается влияние сербского языка. В Валахии появляются сербские книжники. В книжном языке наблюдаем многочисленные следы влияния „ресавской“ школы. Особенно значительным сербское воздействие становится во второй половине XV в. Влияние это, однако, коснулось лишь книжного языка. Это особенно наглядно подтверждается анализом фонетических особенностей грамот (носовых гласных, редуцированных, *l* эпентетического, *t*, сочетаний *tj* и *dj* и др. черт) и анализом славянских элементов современного румынского языка. В полной мере подтверждает это и морфология грамот.

7. Изучение валашских грамот дает возможность исследовать особенности именного склонения славянских народных говоров Валахии XIV—XV вв. Это изучение подтверждает, что эти говоры характеризовались аналитическим типом склонения. Неизменяемая по падежам „общая форма“ лишь синтаксическими средствами выражала те отношения, которые в славянских языках выражаются падежными окончаниями. В основах на *a* общая форма ед. ч. чаще восходила к именительному падежу, во мн. ч. — к именительно-винительному. Множественное число оканчивалось на *и* как в твердых основах, так и в мягких. В мужском склонении получила широкое

распространение флексия мн. ч. *ове* в односложных словах. В многосложных словах, основа которых не оканчивалась на заднебный согласный, широко использовалась флексия *е*, которая, однако, в безударном положении смешивалась с *и*. Категория одушевленности в склонении была выражена лишь в словах личного значения, что находит поддержку в современных болгарских говорах. В словах неличных мужского рода эта категория уже не имела выражения. На смену ей пришла другая грамматическая категория — категория определенности и неопределенности. Слово *кон* в функции прямого объекта имело значение *un cheval, коня* — *le cheval*. Славянские говоры Валахии в XV в. имели постпозитивные членные формы. Принадлежность выражалась теми же средствами, что и косвенное дополнение, т. е. средствами дательного падежа.

В полном соответствии с данными современных болгарских говоров в валашских говорах употреблялись в некоторых случаях падежные флексии. Пользовались флексией дат. п. ед. ч. слова личные мужского рода. Окаменелая форма тв. ед. употреблялась в функции наречий. Некоторые предлоги (например, *за, от*) употреблялись в значениях, характерных для новоболгарского языка. Известны были говорам сложные предлоги (например, *отк*, ср. современное *откъм*). Что касается предлога *на*, то он употреблялся не только в старом аккумулятивном и локативном значениях. Встречаются в грамотах примеры употребления этого предлога в значении дательного падежа, что так характерно для современного болгарского языка. Случаи эти редки, но они могли появиться в грамотах только под влиянием живого народного языка. Предполагать в этом случае книжный источник невозможно. Генетическая связь славянских говоров Валахии с собственно болгарскими говорами подтверждается не только общим характером именного склонения, его аналитизмом, но и общими средствами и способами в выражении падежных отношений, общей направленностью самих процессов и их результатов.

8. В области местоимений последовательно различались три падежные формы: именительный, винительный и дательный

падежи. Форма винительного падежа в сочетании с различными предлогами выступала в функции общего падежа. Получила широкое развитие система кратких „конъюнктивных“ местоимений, которые употреблялись точно так же, как в новоболгарском языке. Они не употреблялись под логическим ударением, после предлогов; принадлежность обычно выражалась краткими формами местоимений в дательном падеже. Известно было славянским говорам Валахии двойное употребление полных и кратких форм местоимений. Прилагательные в полном согласии с общей системой именного склонения также не имели флексий косвенных падежей. Степени сравнения образовывались с помощью приставок *по* и *най*.

9. Славянские говоры Молдавии принадлежали к другой группе языков (восточнославянской). Язык молдавских грамот XV столетия (главным образом Стефана Великого) свидетельствует, что эти говоры знали полногласие и другие типичные фонетические признаки восточнославянской группы языков. Находим в грамотах некоторые характерные особенности украинского языка. Молдавские говоры, несомненно, имели синтетический тип именного и местоименного склонений, не знали простых форм прошедшего времени, полностью сохраняли инфинитив, резко отличались от валашских говоров употреблением местоимений, некоторых предлогов и союзов. Задача будущего исследователя состоит в установлении границы между валашскими (южнославянскими) и молдавскими (восточнославянскими) племенами (resp. говорами). Можно, однако, и теперь утверждать, что граница эта не совпадала с политической границей. Топонимия и славянские элементы в молдавских говорах подтверждают, что славянские племена южного происхождения обитали и к востоку от Серета.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Воеводы	Годы правления
1. Мирча I Старый (Mircea I cel Bătrân)	1386—31 января 1418
2. Михаил I (Mihail I, coregent al lui Mircea)	1415—31 января 1418
3. Раду II (Radu II Praznaglava)	1421; 1424—1427
4. Дан II (Dan II)	1420—1424; 1427—1431
5. Александр (Alexandru-Aldea)	1431—1433
6. Влад I Дракул (Vlad I Dracul)	1431—1433 (в борьбе с Александром); 1433—1416 (единолично)
7. Владислав II или Владислав Дан (Vladislav II sau Vladislav Dan)	Январь 1446 — май, июнь 1456
8. Влад II Цепеш (Vlad II Țepeș)	Май, июнь 1456—август 1462; октябрь 1476 — январь 1477
9. Дан Претендент (Dan Pretendentul)	1459—1460
10. Раду III Красивый (Radu III Frumos)	Август 1462 — начало 1474
11. Басараба II Старый или Лайота (Basaraba II cel Bătrân sau Laiotă)	Начало 1474 — октябрь 1476; январь — ноябрь 1477 (или начало 1478)
12. Басараба III Молодой или Цепелюш (Basaraba III cel Tânăr sau Țepeluș)	Ноябрь 1477 (или начало 1478) — апрель, июнь 1482
13. Мирча Претендент — незаконный сын Влада Дракула (Mircea Pretendentul, fiul natural al lui Vlad Dracul)	1481
14. Влад III Монах (Vlad III Călugărul)	1482—1496
15. Раду IV Великий (Radu IV cel Mare)	1496—1508

Бояре и частные лица

1. Койко, логофет Дана II (Coico, logofătul lui Dan II) 1431
2. Войко, ворник Влада I (Voico, vornicul lui Vlad I) 1431
3. Албул, ворник Александра (Albul, vornicul lui Alexandru) 1431—1433
4. Станчул и Костантин, бояре Влада I (Stanciul și Costantin, boerii lui Vlad I) 1433—1437
5. Г. Ласкар, камараш Влада I (G. Lascar, cămărașul lui Vlad I) 1437
6. Антоний, камараш Влада I (Antonie, cămărașul lui Vlad I Dracul) 1433—1443
7. Нанул и Стефан, бояре Влада I (Nanul și Ștefan, boerii lui Vlad I) 1442
8. Драгомир Манев, ворник Раду III, Басараба II, Басараба III и Влада III (Dragomir al lui Manea, vornic sub Radu cel Frumos, Basaraba Bătrânul, Băsaraba Tânărul și Vlad Călugărul) 1474—1482
9. Стан Кортотфлешт, посланник Цепелюша к Стефану Баторию (Stan Cortofleșt-trimesul lui Țepeluș la Ștefan Báthory) 1478
10. Няг, Влад и Казан — бояре Басараба III (Neagu, Vladul și Cazan — boerii lui Basaraba III) 1479—1480
11. Винтила, логофет Басараба III (Vintilă, logofătul lui Basaraba III cel Tânăr) 1480
12. Письмо турка 1481
13. Казан, великий ворник Басараба III (Cazan, marele vornic al lui Basaraba III cel Tânăr) 1480—1482
14. Синадин, боярин Влада III (Sinadin, boer al lui Vlad III) 1482—1483
15. Коя (Coie) 1484—1485
16. Драгомир Удриште, ворник Влада III (Dragomir Udriște, vornicul lui Vlad III) 1482—1492
17. Стайко, логофет Влада III и Раду IV (Staiico, logofătul lui Vlad III și al lui Radu IV) 1482—1507
18. Крстиан, ворник Раду IV (Cârștian, vornicul lui Radu IV) 1496—1507
19. Гержина, паркалаб Раду IV (Gherghina, pârcalabul lui Radu IV) 1496—1507

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение	7
Глава первая. История изучения славянских грамот Валахии	21
Глава вторая. Источники славянской письменности в Валахии	51
Глава третья. Славянский язык в Валахии	80
Глава четвертая. Сербские элементы в языке валахских грамот XIV—XV веков	128
Фонетические особенности	133
Носовые гласные	133
Редуцированные	144
ѣ	149
Гласный <i>ѣi</i>	154
Слоговые плавные	155
Неударные гласные	159
<i>L-epentheticum</i>	161
<i>tj (kt')</i>	163
<i>dj</i>	169
Предлог <i>въ</i>	173
Начальная группа <i>VS (< VbS)</i>	175
ЃRT	176
Глагол	178
Настоящее время. Личные окончания	178
Будущее время	203
Прошедшее время	207
Повелительное наклонение	214

Глава пятая. Именное склонение в славянских грамотах Валахии XIV—XV веков	225
1. Склонение основ женского рода на <i>a</i> (<i>ja</i>)	229
2. Склонение женского рода основ на <i>i</i> , на согласный	272
3. Склонение мужского рода	275
4. Склонение среднего рода	313
Глава шестая. Местоименное склонение в славянских грамотах Валахии XIV—XV веков	320
Личные местоимения	321
Указательные местоимения	325
Двойное прилагательное дополнение	344
Вопросительное местоимение	352
Неопределенное местоимение	353
Прилагательные	354
Сравнительная степень	355
Приложение	
Хронологическая таблица	367

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

РИСО АН СССР № 2987. А—00385.
Зак. № 1158. Под. к печ. 10/IV 1948 г. Формат
бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 23 ¹/₄. Уч.-изд. 20,6.
Тираж 3000.

1-я Типография АН СССР. Ленинград,
В. О., 9 линия, 12.

С. Б. БЕРНШТЕЙН • БОЛГАРСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ